

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

1754-1860

АЛЕКСАНДР БУГРОВ

КАЗЁННЫЕ БАНКИ В РОССИИ

1754–1860

2017
МОСКВА

Издание подготовлено Управлением
общественных коммуникаций
Департамента исследований
и прогнозирования Банка России

Руководитель проекта — А.О. Борисенкова
Координатор — Е.П. Григорьева
Оформление — ABCdesign
Корректор — Ю.Л. Котляр

ISBN 978-5-4330-0062-9

В книге рассмотрены этапы становления и развития в России казённых банков — первых государственных кредитных учреждений, работавших с 1754 по 1860 год, до основания Государственного банка. В отдельных главах рассказывается о кредитных операциях в Древней Руси и Московском государстве, частном кредите и становлении вексельного обращения в России.

Книга написана с привлечением многочисленных архивных источников; некоторые материалы публикуются впервые. В приложениях представлены перечень руководителей банков и их биографии, а также редкие исторические документы.

В качестве иллюстраций использованы материалы из собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России и ведущих музеев страны.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

© Центральный банк Российской Федерации, 2017

На титульном листе: «Аллегория
торговли и изобилия». Гравюра из
Отчета государственных кредитных
установлений за 1817 год (издан
в С.-Петербурге в 1818 году)

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ВВЕДЕНИЕ

Изучая банковскую историю России, задаешься вопросом: откуда идет начало кредита в нашей стране? Ведь к моменту основания в 1860 году Государственного банка кредит имел богатую историю, восходившую к глубокой древности, а в середине XVIII века получившую воплощение в создании первых казённых банков.

Поиск начала вызывал закономерный интерес к истории этих банков, которые, сменяя друг друга, продолжали работать до 1860 года (времени их ликвидации и создания Государственного банка). Сам термин *казённые банки*, отражавший тесную связь этих учреждений с правительством, заимствован из дореволюционной историографии, где имел более усложненные варианты написания: «*старые казённые кредитные учреждения*», «*казённые кредитные установления*». Удачно отражая отношение этих банков к казне, он использовался в советское время в трудах Саула Яковлевича Борового и Иосифа Фроловича Гиндина. Последний также употреблял термин «*дореформенные банки*»¹, понимая под ними государственные кредитные учреждения, действовавшие до буржуазных реформ царствования Александра II.

Интерес к казённым банкам возник не сразу — только в XIX веке, главным образом для создания некоего прикладного руководства к решению возникавших проблем в денежно-кредитной сфере. И хотя первые публикации по истории казённых банков появились уже в первой половине XIX века², они носили описательный характер. Его не избежали и изданные в 1854 году очерки Евгения Ивановича Ламанского о банках и денежном обращении с середины XVII века по середину

¹ Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 464.

² См.: Вирст Ф.Х. Об учреждении Ассигнационного и Заемного банков для споспешествования народному богатству. С присовокуплением статутуов Французского банка и ответа на критику рассуждений о некоторых предметах законодательства и управления по части финансов и торговли Российской империи. СПб., 1808; Банки и другие кредитные установления в России и в иностранных государствах. СПб., 1840; Толстой Д.М. История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848.

XIX века³. Основанные на материалах полного собрания законов Российской империи и архива директора Кредитной канцелярии Ивана Ивановича Ламанского (отца известного ученого и банковского деятеля), они впервые давали обоснованную периодизацию истории казённых банков и денежного обращения, в основу которой легла история бумажных денег в России. Автор различал три таких периода, рубежными границами которых были 1769 (основание Ассигнационного банка) и 1817 (учреждение Совета государственных кредитных установлений) годы. Отличительной чертой казённых банков был, по его мнению, их депозитный характер: вклады, а не эмиссионная операция, давали необходимые ресурсы для проведения кредитных операций⁴.

После выхода работ Е.И. Ламанского история казённых банков в основном описывалась вскользь, как второстепенная тема. Так, в книге забытого ныне исследователя Вильгельма Карловича Гольдмана «Русские бумажные деньги» (издана в С.-Петербурге в 1866 году) Ассигнационный банк неоднократно упоминается в разделе по истории бумажных денег.

Интересную оценку деятельности банков дал известный историк и экономист Илларион Игнатьевич Кауфман в статье «Государственные долги России» (напечатана в «Вестнике Европы» в 1885 году)⁵. Под влиянием либеральных идей он считал их орудием закрепощения капитала в пользу помещиков и казны (эта точка зрения получила распространение в советское время). Однако крылатая фраза И.И. Кауфмана *«закрепощен был в пользу казны не только труд, но и капитал»* появилась опять-таки в статье, специально не посвященной дореформенным кредитным

³ Ламанский Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 гг. // Сборник статистических сведений о России, изданный Императорским Русским географическим обществом. Кн. II. СПб., 1854. С. 61–157; Он же. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 года до настоящего времени. СПб., 1854.

⁴ Ламанский Е.И. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени. СПб., 1854. С. 146.

⁵ Кауфман И.И. Государственные долги России // Вестник Европы. 1885. Кн. II. С. 572–618.

учреждениям, а рассматривавшей их вскользь, сквозь призму российского государственного долга.

Исключением оставалась статья Дмитрия Дмитриевича Филимонова⁶ «Кредитные учреждения Московского воспитательного дома» (опубликована в «Русском архиве» в 1876 году)⁷. Этот небольшой по объему материал был подготовлен автором еще в 1844 году по поручению почетного опекуна и управляющего московской сохранный казной сенатора Матвея Петровича Штера и, соответственно, охватывал время их деятельности до указанного года. Его запоздалая публикация была вызвана, по всей видимости, отмечавшимся в 1872 году столетним юбилеем учреждений Московского воспитательного дома: Екатерининской больницы и Екатерининской богадельни.

К концу XIX века появляется ряд обзорных исследований по истории государственного кредита в России⁸. Среди них прежде всего назовем книгу Власия Тимофеевича Судейкина «Государственный банк: исследование его устава, экономического и финансового значения» (издана в Москве в 1891 году), в которой автор анализировал деятельность казённых банков и пришел к выводу о неизбежности их реформирования: *«С течением времени они стали принимать все более и более финансовый характер, уклоняясь от выполнения непосредственных своих задач по оказанию содействия торговле и промышленности. Первое место в ряду их операций стали занимать займы казны... Таким образом, вся прошлая история приводит к тому выводу, что при такой организации кредитные учреждения не могут явиться регуляторами денежного обращения,*

⁶ Филимонов Дмитрий Дмитриевич, в 1840-е годы — губернский секретарь, регистратор в Сохранной казне Московского Воспитательного дома.
⁷ Филимонов Д.Д. Кредитные учреждения Московского воспитательного дома // Русский архив. 1876. Кн. I. С. 266–276.

⁸ Ходский Л.В. Поземельный кредит в России и отношение его к крестьянскому землевладению. М., 1882; Судейкин В.Т. Государственный банк. Исследование его устава, экономического и финансового значения. М., 1891; Кауфман И.И. Кредитные билеты: их упадок и восстановление. СПб., 1888; Он же. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909; Никольский П.А. Бумажные деньги в России. Казань, 1892; Гурьев А.Н. Реформа денежного обращения в России: в 2-х частях. СПб., 1896; Кашкаров М.П. Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898; Мигулин П.П. Русский государственный кредит. Т. 1. Харьков, 1899.

а возвышается их финансовое значение в ущерб правильному развитию всей народно-экономической жизни»⁹.

В начале XX века вышло несколько книг обобщающего характера, в которых авторы ставили задачу проследить развитие государственной кредитной системы (П.П. Мигулин, Я.И. Печерин, А.Н. Гурьев, Н.Д. Чечулин, И.И. Левин)¹⁰. С легкой руки профессора Петра Петровича Мигулина казённые банки стали называть «одним из лучших изобретений русского экономического гения»¹¹. При этом многие исследователи не давали четкой периодизации их истории (главным образом это объяснялось сохранявшимся вспомогательным характером этой темы). Иногда авторы разделяли историю банков, исходя из обычной периодизации дореволюционной историографии — по правлениям царей (что, на наш взгляд, правомерно лишь отчасти). Лишь Яков Иванович Печерин предложил сгруппировать историю банков в разделы по экономическому принципу: за основу, как и в статистических изданиях того времени, была взята срочность кредитования.

Одной из первых работ советского времени, специально посвященных деятельности казённых ипотечных банков, стала изданная в 1929 году статья Елены Петровны Подъяпольской «К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII века»¹². В центре внимания автора была проблема кредитования дворян Поволжья. На основании документов экспедиций Московского дворянского банка (1775–1785), впервые введенных в научный оборот, она сделала вывод о широком развитии государственного кредитования дворян при Екатерине II¹³.

⁹ Судейкин В.Т. Государственный банк. Его экономическое и финансовое значение. М., 2012. С. 184–185.

¹⁰ Министерство финансов: 1802–1902 гг. Ч. 1. СПб., 1902; Гурьев А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904; Печерин Я.И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904; Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906; Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Т. 1. Пг., 1917.

¹¹ Мигулин П.П. Экономический рост русского государства за 300 лет (1613–1912). М., 2012. С. 100.

¹² Подъяпольская Е.П. К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII в. // Известия Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. Т. 3. Саратов, 1929.

¹³ Там же. С. 23.

После выхода этой статьи и последовавшего за ней спада интереса к истории казённых банков проблема дореформенной кредитной системы получила отражение в трудах профессора Саула Яковлевича Борового. Его статьи появлялись в сборниках научных трудов Одесского кредитно-экономического института. Отдельные изыскания были сведены им в монографию «Кредит и банки России: середина XVII в. — 1861 г.» (издана в Москве в 1958 году), которая до сих пор остается базовым изданием по этой теме.

Боровой, используя для написания книги архивные источники, опубликованные законодательные акты и научные труды, предложил периодизацию истории банков исходя из общепринятого в советской историографии деления, на основе ленинского учения. В этом смысле показательны «рубежи»: 1760-е годы в качестве границы между первым и вторым периодами (начало формирования капиталистического уклада), 1790-е годы — между вторым и третьим этапом (начало разложения крепостнической системы) и нижняя граница изложения — 1861 год (отмена крепостного права).

Книга Борового стала первой работой обобщающего характера о казённых банках. Она получила высокую оценку известного историка Иосифа Фроловича Гиндина¹⁴, который в 1961 году опубликовал на нее отзыв¹⁵. В нем Гиндин обозначил и свой интерес к этой теме, в особенности к проблемам, касавшимся роли банков в накоплении первоначального капитала, а также причин их затормаживающего влияния на развитие капиталистического кредита. В развитии казённых банков он, в отличие от Борового, не видел существенного отставания от европейских стран¹⁶. Процесс первоначального накопления капитала Гиндину представлялся более сложным, не связанным исключительно

¹⁴ Гиндин И.Ф. О кредите и банках докапиталистической России // Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 461.

¹⁵ Впервые опубликовано: Вопросы истории. 1961. № 7. С. 139–151. Последнее издание: Гиндин И.Ф. О кредите и банках докапиталистической России // Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 461–478.

¹⁶ Там же. С. 467.

с купечеством. По его мнению, он охватывал различные слои общества, включая чиновников, помещиков и духовенство¹⁷. А высокие вкладные проценты казённых банков создавали привлекательные условия для хранения денежных средств — вопреки их использованию в торгово-промышленной сфере¹⁸. Эти идеи получили развитие в работе И.Ф. Гиндина «Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение» (впервые опубликована в 1968 году)¹⁹.

После выхода трудов С.Я. Борового и И.Ф. Гиндина на историю казённых банков смотрели как на исчерпанную тему. Они только упоминались в исследованиях по истории торговли и купечества. Так, в книге Наталии Вадимовны Козловой «Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке» (издана в Москве в 1999 году) банковскому кредитованию посвящено не более трех страниц этого обширного труда. П.В. Лизунов, в 2000 году опубликовавший исследование по истории российских бирж²⁰, также подробно не затрагивает истории казённых банков. В статье Т.И. Ковалевой²¹, посвященной кредитованию промышленности и торговли во второй половине XVIII века, приводимые о казённых банках сведения также носят очерковый характер.

Но в последнее время вновь возник интерес к истории казённых банков²². Тема обрела полноценное звучание в работах петербургского историка Владимира Васильевича

¹⁷ Гиндин И.Ф. О кредите и банках докапиталистической России // Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 470.

¹⁸ Там же. С. 467–470.

¹⁹ Гиндин И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968; См. также: Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 479–510.

²⁰ См.: Лизунов П.В. Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII — начало XX в.). Архангельск, 2002.

²¹ Ковалева Т.И. Вопросы кредитования промышленности и торговли во второй половине XVIII в. // Проблемы совершенствования и развития банковской системы региона. Н. Новгород, 2000. С. 82–87.

²² Самой последней из них стала книга Н.А. Проскуряковой «Земельные банки Российской империи» (М., 2002), первые три главы которой посвящены развитию ипотечного кредита до 1860 года.

Морозана²³. Он справедливо писал о том, что банки носили характер «своеобразных экспериментов», относил их оформление в систему к началу XIX века²⁴. В период Крымской войны 1853–1856 годов она, на его взгляд, показала свою несостоятельность, а к началу буржуазных реформ и вовсе выглядела нежизнеспособной²⁵.

История казённых банков привлекала и зарубежных ученых. Так, немецкий исследователь Клаус Хеллер в работе, посвященной денежной и кредитной политике Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX века, рассматривает и деятельность дореформенных кредитных учреждений, опираясь, в том числе, на мало использовавшиеся до него архивные источники²⁶.

Обращение к казённым банкам — это исследование начал российского банковского кредита. Найти ответы на многие вопросы — задача нелегкая, связанная с многочисленными сравнениями и анализом явлений, соотношением российского и европейского, объективного и субъективного, поиском логики развития событий.

Говоря об истории первых казённых банков, нередко следует довольствоваться отрывочными сведениями. Достаточно полные данные по их деятельности появились лишь с публикациями отчетов государственных кредитных установлений (с 1818 года)²⁷. Что же касается более раннего периода, то необходимых сведений, скажем, по операциям Петербургского Дворянского банка, не удалось собрать уже в 1785 году специально созданной комиссии. Не удивительно, что зачастую мы располагаем

²³ См.: Петербург. История банков / Б.В. Ананьич и др. СПб., 2001. (Разделы по казённым банкам написаны В.В. Морозаном); Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2001. (второе издание — СПб., 2004).

²⁴ Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2001. С. 373.

²⁵ Там же. С. 373–375.

²⁶ Klaus Heller. Die Geld-und Kreditpolitik des Russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/1843). Wiesbaden 1983.

²⁷ Отчет государственных кредитных установлений за... [1817–1860]. СПб., 1818–1863.

лишь отрывочными цифрами, дополненными внутренними документами и законодательными актами.

Исключая содержательный фонд Коммерческого банка (ф. 586) в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, фонды по Заемному (ф. 585) и Ассигнационному (ф. 584) банкам того же архива содержат в большей мере документы по первой половине XIX века. Что же касается периода последней трети XVIII века, то разрозненные документы по кредитным учреждениям (как правило, не составляющие исчерпывающего массива информации) можно найти в других фондах и хранилищах, например в фондах 19 (Госархив) и 248 (Сенат) Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Так, о деятельности Московского Дворянского банка мы узнаем из этого фонда, небольшого фонда 327 РГАДА и фонда 619 Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы). По Ассигнационному банку в ЦГА Москвы отложилась интересная подборка документов (ф. 618). В том же архиве доступен один из наиболее полных по теме фондов — по истории Московской конторы Коммерческого банка (ф. 620).

Небольшой, но чрезвычайно содержательный массив документов по финансам и банкам XVIII–XIX веков отложился в фонде 484 (Собрание материалов по истории финансов в России) Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)²⁸. Отдельная группа источников — доклады министра финансов, в том числе по проблеме казённых банков, отложившиеся в фондах 560 и 583 РГИА. Они содержат как предложения по их созданию и развитию, так и обзоры банковских операций.

Среди опубликованных источников важное место принадлежит законодательным актам, сгруппированным в многотомное Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое. СПб., 1830.), уже упомянутым отчетам государственных кредитных установлений, а также документам по финансовой

²⁸

Среди них особое внимание обращают на себя собственноручно подписанные Екатериной II и Павлом I указы по казённым банкам.

истории России, собранным историком и государственным деятелем Анатолием Николаевичем Куломзиным²⁹. Упомянем также и немногочисленные публикации статистических данных по дореформенным банкам в первой половине XIX века: в работах Евгения Ивановича Ламанского и Иллариона Игнатьевича Кауфмана³⁰.

Работа над книгой велась с 1997 года. Публиковавшиеся в журналах («Банки и технологии», «Банковские услуги», «Деньги и кредит») статьи отражали накопление материала и его обработку. В 2003 году на их основе была издана монография «Очерки по истории казённых банков в России»³¹, сегодня ставшая библиографической редкостью. С течением времени были написаны новые очерки, а старый материал уточнялся и дополнялся. В итоге книга во многом была написана заново.

- ²⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 28: Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II / Ред. А.Н. Куломзин. СПб., 1880; То же. Т. 45: Финансовые документы царствования императора Александра I / Ред. А.Н. Куломзин. СПб., 1885.
- ³⁰ См.: Ламанский Е.И. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени. СПб., 1854; Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. I. СПб., 1872.
- ³¹ Бугров А.В. Очерки по истории казённых банков в России. М., 2003.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА I

Истоки отечественного кредита

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА I. ИСТОКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КРЕДИТА

КРЕДИТ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И В МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ.
КУПЕЧЕСКИЕ
И ТОРГОВЫЕ ССУДЫ

Кредит в Древней Руси и Московском государстве долгое время оставался неизученной темой. Знаток русского Средневековья Михаил Николаевич Тихомиров считал, что «если бы кто-либо занялся историей кредита... он, вероятно, столкнулся бы с очень интересными явлениями, в частности с большим распространением различного рода кредитных сделок. Вероятно, можно было бы установить существование в Древней Руси крупных денежных воротил и ростовщиков своего времени. Пока эта сторона нашей истории остается в полном забвении»³².

Эти слова, написанные в середине 1950-х годов, не потеряли значения и сегодня. Несмотря на то что кредитные операции затрагивались во многих работах, посвященных русскому Средневековью, на эту тему смотрели как на второстепенную; долгое время ее не выделяли в рамках самостоятельного исследования³³.

Между тем начальный этап истории кредита в нашей стране восходит к Древней Руси, а его истоки — к периоду образования Русского государства. Известные в Европе латинские термины *credittum* и *credit* заменяли другие понятия — «куны в рез», «давать в рост», «резюимство», — которыми обозначали займы и ростовщичество.

Впервые вопросы, связанные с займами, были урегулированы в краткой редакции Русской правды, составленной в Новгороде около 1016 года. Одна из ее статей была посвящена взысканию долгов: «Если кто будет искать на другом долга, а должник начнет запираяться, то идти ему на извод перед 12 человеками; если окажется, что должник злонамеренно не отдавал должных ему денег, то взыскивать за обиду 3 гривны»³⁴.

Русская правда создавалась на древнейшем праве русов. Им был «Закон русский», использовавшийся на территории Руси, по всей видимости, уже в IX веке. Это привнесенное право было скандинавского происхождения, о чем говорят многочисленные

³² Тихомиров М.Н. Средневековая Москва. М., 1997. С. 174.

³³ Исключением может служить книга М.М. Дадыкиной, в которой исследуются кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря (Дадыкина М.М. Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI — XVII в. М. — СПб., 2011.).

³⁴ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской правды. М., 1953. С. 78.

схожие фрагменты в статьях. Так, фраза о двенадцати поверенных или судьях в вышеприведенной статье имеет аналогии с древним скандинавским правом.

Пространная редакция Русской правды, созданная в 1070-е годы в Киеве, была в значительной степени дополнена. Проблемам должников и кредита, купли-продажи посвящено уже несколько статей. Одна из них во многом повторяет статью краткой редакции. В ней допускалось, что ссуда могла быть беспроцентной, а дававшиеся «за обиду» три гривны являлись штрафом за злостную неуплату денег. Эта норма распространялась на такой привилегированный слой, как представители княжеской дружины.

Отдельная статья пространной редакции посвящена купеческому кредиту. Она предусматривает возврат денег у должника по обязательству, а не по приговору послухов-свидетелей. Договор заключался и при хранении товаров. В случае если должник, не погасив ссуду, бежал за пределы Руси, он считался преступником и лишался доверия соотечественников.

В пространной редакции Русской правды подробно оговариваются условия выдачи ссуд и ростовщический процент. Ссуды в Киевской Руси давали на месяц, на треть года и на год. Наибольший процент — до 50% и более — взимался за месячную ссуду. Если сумма сделки была не более трех гривен, то она заключалась без свидетелей; если большую сумму, то наличие свидетелей было обязательным. Институт послухов, используемый для заключения договора, свидетельствовал, что он заключался в устной форме³⁵.

Столь высокий ссудный процент был характерен в это время и для стран Европы. Во Франции его нормы были ограничены лишь в правление Филиппа II Августа (1180–1223) 46%, но это ограничение всячески обходилось. Ростовщики взымали 60% и даже 100%. Произвол ростовщиков был характерным и для Англии — в конце XIII века король Эдуард I был вынужден

подчиниться общественному мнению и изгнать евреев, сделавших ростовщичество наследственным промыслом, из пределов государства³⁶.

Кредитные операции процветали главным образом в городах, где *резои́мцы* находили многочисленных клиентов. Произвол ростовщиков в Киеве вылился в городское восстание 1113 года. Посадские люди громили дворы ростовщиков и евреев. Киевская иудейская община, тесно связанная с торговлей и ростовщичеством, существовала по крайней мере с X века и поддерживала тесные связи с купеческими общинами от Средней Азии до Испании.

Недовольство 1113 года, повлекшее смену власти и приход на киевский стол князя Владимира Мономаха, привело к ликвидации прав евреев на территории Древней Руси и установлению процентных норм для остальных ростовщиков. По решению княжеского совета иудеи были выселены за пределы Руси со всем их имуществом без права возвращения назад. На совещании княжеской дружины в селе Берестове были законодательно закреплены процентные нормы — они составляли от 20 до 50% и были четко оговорены. Эта норма была закреплена в Уставе Владимира Мономаха: *«И установили до третьяго реза, оже емлет в треть куны; аже кто возмет два реза, то ему взяти исто; паки ли возмет три резы, то иста ему не взяти. Аже кто емлет по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати»*³⁷. Если ростовщик требовал двойную норму процента — «два реза», или 40%, то он имел право брать проценты и получить выданную сумму — *исто*³⁸ — обратно. Если же он требовал тройную норму процента — 60% — он терял право на получение выданной суммы.

Наряду с Киевом большое торговое значение среди городов Руси играл Новгород. В отличие от Киева, державшего

³⁶ Дживелегов А.К. Торговля на Западе в Средние века. СПб., 1904. С. 139.

³⁷ Юшков С.В. Русская правда. М., 1950. С. 213.

³⁸ Термин «исто» — долг — произошел от понятия «истый товар»; изначально под «исто» подразумевали взятый займа товар, каким могли быть меха или скот, выполнявшие в Древней Руси функцию денег.

в своих руках торговлю с Крымом, Балканами и Византией, Новгород очень рано был включен в систему североευропейской торговли. В ней выдающуюся роль стала играть конфедерация Ганза, в состав которой входило до 100 городов в Северной и Центральной Европе. Основной торговый путь Ганзы тянулся от Фландрии до Новгорода, откуда в Европу в обмен на серебро, сельдь и другие товары поступали меха, мед, воск и лес. Большое значение Новгорода во внешней торговле этими продуктами подчеркивалось и тем, что европейские купцы основали здесь свою постоянную контору *Petershof*³⁹. Большие обороты и, по-видимому, высокая норма прибыли породили у ганзейцев крылатую фразу: «В Новгороде легче всего и при небольшом капитале стать человеком»⁴⁰.

Развитая новгородская торговля стимулировала и развитие ростовщичества. Видимо, именно в Новгороде появляются письменно оформленные долговые обязательства — вследствие тесных контактов с европейской торговлей и заимствования ее опыта. Если в 1070-е годы сделки заключались, по всей видимости, еще в устной форме, то уже в XII веке они приобретают вид долговых расписок, зародыша векселя. Договоры займа представляли записки должников о том, кому нужно вернуть деньги.

По свидетельству новгородских берестяных грамот XII века, купцы, средние и высшие слои городской администрации, связанные с торговлей, нередко занимали серебряные гривны. Кроме того, ссужали зерно, в котором нуждались преимущественно крестьяне. Срок ссуды обычно составлял один или два года, а время возврата определялось каким-либо религиозным праздником.

Ростовщичество приобрело характер наследственного промысла: долговые обязательства передавались от отца к сыну и от деда к внуку. К этой деятельности нередко прибегали

³⁹ *Petershof*, нем. — досл. «подворье Св. Петра». Название этой ганзейской конторы произошло от находившейся на ее территории кирхи Св. Петра.
⁴⁰ Кулишер И.М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пг., 1918. С. 159.

новгородские «мужи». Известно, что посадник Щил выдавал ссуды для торговых операций⁴¹.

Ссудный процент оставался очень высоким, и это позволяло новгородскому ростовщику за два года удваивать свой капитал. Нередко деньги брались под 50%.

Такая процентная норма по отношению к европейской была уже сильно завышена. С развитием меняльного промысла и распространением ссудных операций ломбардцев последовали учреждения банков — в итальянских государствах и за их пределами. Несмотря на преобладание в Европе более краткосрочных ссуд (до 6 месяцев), плата за них составляла в среднем 20%. Эта такса была закреплена во Франции Филиппом IV Красивым⁴².

Таким образом, эта норма превышала русский *рез* в два с половиной раза. Это поощряло русских купцов занимать за границей, прежде всего в Риге, тесно связанной с Ганзейским союзом. Там в XIII — XIV вв. существовал ряд немецких торговых домов, предоставлявших русским кредиты. Среди них выделялись «Дом Брунова» из Кёльна и «Дом Гельмиция».

Широкое развитие ростовщичества в Новгороде не было исключением для русских городов. Долговые записи — *доски* — известны во Пскове. Видимо, оживленная торговля в Смоленске с немецкими и чешскими купцами, отраженная в проекте договора Смоленска с немцами XIII века, способствовала развитию ростовщичества и в этом городе. Владимирский епископ Серапион в XIII веке с горестью говорил о развращенности и пороках своей паствы: среди грехов, помимо разбоя, кражи, ненависти, разврата и т.д., владыка называет и *резоиство*: «Аще кто *резоимец* — *рез емля не перестанет* (если кто ростовщик — не перестанет проценты взимать. — А.Б.)»⁴³.

Осуждение церковью ростовщичества было характерным для Европы. Апеллируя к Евангелию от Луки (*Mutuum date, nihil inde*

⁴¹ Думный В.В. История предпринимательства в России. М., 1995. С. 64.

⁴² Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 146.

⁴³ Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981. С. 442–443.

Серебряная денга, отчеканенная в Москве в период правления московского великого князя Дмитрия Донского. 1380-е годы. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

sperantes — «в займы давайте, не надеясь получить от этого ничего»), настоятели объясняли взимание процентов как грех⁴⁴.

Но обличения епископа Серапиона выглядели несколько иронично на фоне церковников-ростовщиков, под благовидными предлогами паразитировавшими на своей пастве. Многочисленные литературные произведения XII века говорят о распространении ростовщичества в среде духовенства. Новгородский епископ Илья признавал, что проценты — *наим* — берут попы, «*еже священническому чину отнюдь отречено*»⁴⁵. В 1274 году Церковный собор, созванный во Владимире, вынес постановление о тщательной проверке поставляемых в сан священников и дьяконов — не грешны ли они блудом, убийством, насилием, а также ростовщичеством.

Несмотря на отрицательное отношение видных церковных деятелей к резоимству, некоторые из них, как митрополит

⁴⁴ Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 136–137.

⁴⁵ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 194.

Платежный слиток гривна
новгородского типа, XIII век.
Музейно-экспозиционный фонд
Банка России

Никифор или епископ Нифонт, выступали лишь за снижение ссудного процента. Кредит не только носил потребительский характер; он был необходим для успешного ведения торговых операций, и вообще для развития хозяйства страны.

В XIV–XV веках сохранялась система займа и ссудный процент, выработанные во времена Киевской Руси. По-прежнему существовал заем среди купцов, объединявшихся в купеческие корпорации и товарищества «на вере». Поперечные зарубки на серебряных слитках-гривнах, наполнявших кошель купцов, могли отражать расчеты по взиманию процентов. На таких деньгах могли также отмечать сроки погашения каких-либо обязательств⁴⁶. Насечки на серебряных гривнах и назывались *резами*. Эта традиция дожила до XVII века, когда на специальные деревянные палочки — *носы* — наносились долговые отметины,

46

Бауэр Н.П. История дневноерусских денежных систем IX в. — 1535 г. М., 2014. С. 267.

что породило дошедшую до наших дней поговорку «Заруби себе на носу».

В редких случаях купец не выплачивал проценты — если кредитор требовал возвращения ссуды до установленного срока. Проценты также не выплачивались при грабеже на дорогах или пожаре. В таких случаях осмотревший возы дьяк великого князя Московского давал купцу полетную грамоту⁴⁷ с печатью суверена и требованием «платить истцову истину без росту». Если товар пропадал преднамеренно, то должника выдавали истцу «в гибели... на продажу»⁴⁸. Эти нормы были закреплены Судебником 1497 года, составленным в правление московского великого князя Ивана III на основе более ранних законодательных актов.

Помимо посадников и купцов деньги займы давали князья. Но основными кредиторами сделались крупные монастыри, эти «банкиры древней Руси»⁴⁹. Церковная организация, менее всего пострадавшая от татарского нашествия и получившая от ханов различные льготы, оставалась наиболее богатым институтом в стране. Несмотря на осуждение христианской церковью ростовщичества⁵⁰, монахи давали натуральные и денежные ссуды крестьянам; они заключали сделки и с феодалами. Этот кредит не носил торгового характера и в большей степени носил потребительский характер.

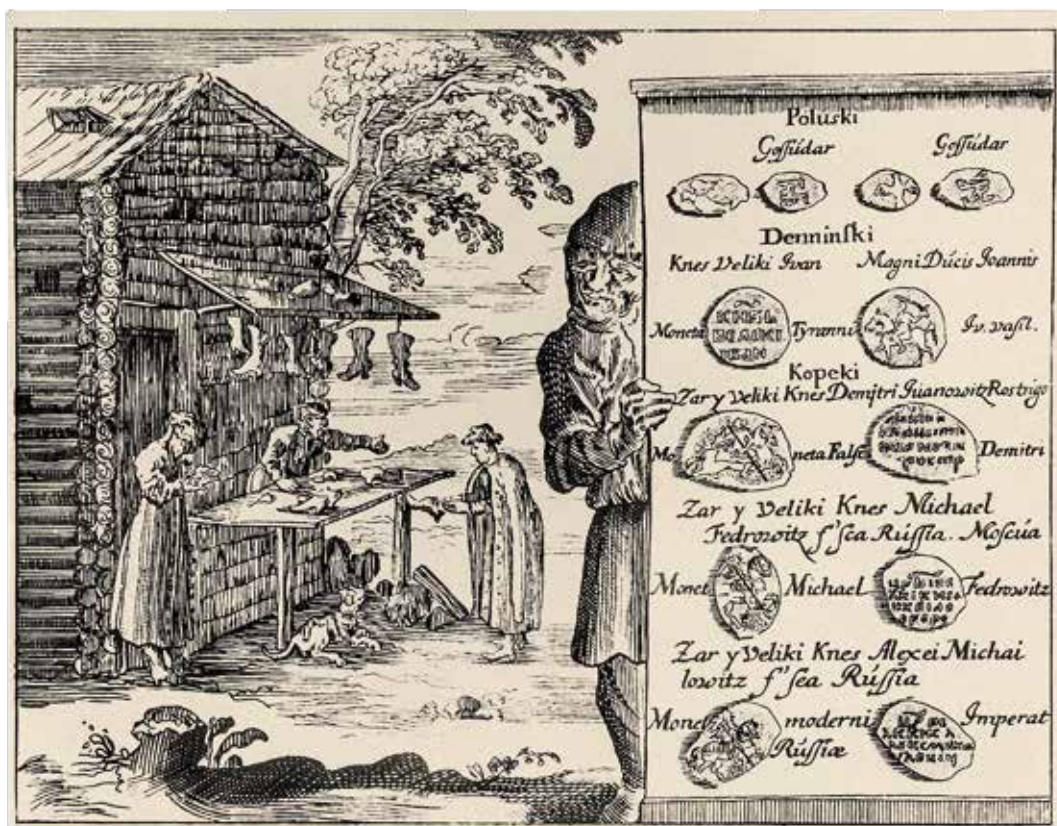
О тяжелом положении должников красноречиво пишет курляндец Якоб Рейтенфельс, побывавший в России в царствование Алексея Михайловича: *«Положение должников в Москве в высшей степени плачевно, так как они по старинному суровому закону расплачиваются своим телом за пустоту в кошельке. Одним,отягченными цепями и замурованным в темницах, через каждые два дня напминают имена тех, которым они не смогли заплатить, посредством...*

⁴⁷ Полетная грамота — грамота о выплате долга «по летам», т.е. в рассрочку. Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 61.

⁴⁸ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1900. С. 118.

⁴⁹ Как сказано в Правилах св. Апостолов (правило 44), «епископ или пресвитер, или диакон, лихвы требующий от должников или да перестанет, или да будет извержен» (Книга правил св. Апостолов, св. соборов вселенских и поместных и святых отец. Сергиев Посад, 1992. С. 19.).

[illegible]

Русские монеты XVI-XVII веков. Гравюра на меди из книги Адама Олеария 'Vermehrte Moscovitische und Persiatische Reisebeschreibung'. 1656 год

палки, бьющей по голням; другие, коим дана законная отсрочка, находятся на полной свободе и занимаются своими домашними делами, но являются сами в назначенные сроки к судье и расплачиваются тем же способом, т.е. терпеливо принимают побои. Это мучение продолжается либо до конца жизни должников, либо до окончания определенного судьей срока»⁵¹.

Несмотря на то что Уложение 1649 года запрещало выдачу ссуд под проценты⁵², эта норма соблюдалась формально. Запрет на рез различными способами обходился, и кредит продолжал оставаться дорогим. Заемные кабалы, как правило, предусматривали выплату процентов в случае просрочки платежа. Если за уплату в срок проценты не начислялись, то в случае просрочки они взимались по традиционной норме («как в людях ходит») — 20 %.

Среди кредиторов в XVII веке выделялись крупные купцы — *гости*, у которых занимала деньги даже придворная знать. Известно, что купеческая фамилия Строгановых ссужала деньги двору царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Эти безвозвратные кредиты во время двух русско-польских войн (1632–1634, 1654–1667 гг.), по подсчетам исследователей, составили громадную сумму — более 412 тысяч рублей⁵³.

Свободные капиталы у крупных купцов складывались прежде всего за счет внешнеторговых оборотов. Бартерные торговые сделки, распространенные в среде русского купечества XV–XVI веков, вытесняют сделки за наличный расчет и в кредит.

Современники отмечают в XVII веке распространение такой характерной формы кредитных отношений между русскими и европейскими купцами, как продажа иностранного товара с условием его оплаты через некоторое время. Немецкий путешественник Адам Олеарий поражался способностью московских купцов продавать товары, полученные в кредит, дешевле

⁵¹ История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. Т. 2: Утверждение династии. М., 1997. С. 326.

⁵² Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985. С. 135, 146.

⁵³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 458.

оговоренной стоимости. Механизм такой сделки был прост. Русский купец покупал у иностранцев товары с обязательством выплатить их сумму через определенное время. Для ускорения их реализации купчина продавал их дешевле. На полученные деньги покупался товар, который сравнительно дешево стоил в России и дорого — за границей. К нему относились прежде всего меха — *рухлядь*, по выражению документов того времени. Меха по завышенной цене русский купец перепродавал европейским негодциантам и, таким образом, получал деньги не только на оплату первой сделки, но еще и прибыль по всей операции.

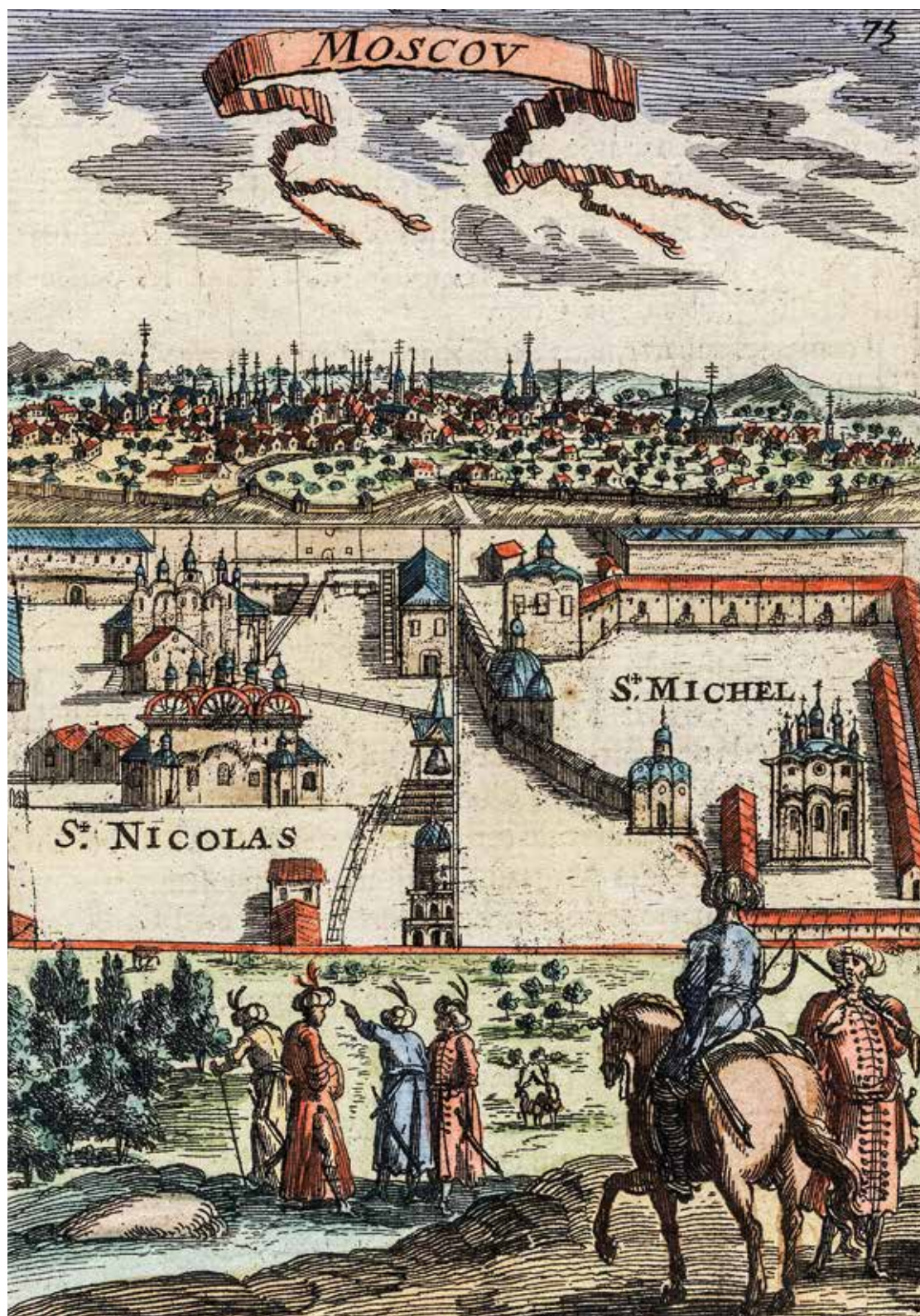
Продажа товаров в кредит считалась беспроцентной, и европейцы выигрывали прежде всего за счет непомерно завышенных цен. По признанию англичан, товары с их кораблей продавались почти втрое дороже, чем в Англии⁵⁴. Для русских купцов такие сделки предоставляли возможность, по сути, пользоваться заемными деньгами. По мнению известного историка экономического быта Иосифа Михайловича Кулишера, их стремились обогатить несколько раз⁵⁵.

Кредит был характерным явлением для европейских негодциантов — в том числе и тех, которые приезжали торговать в далекую Московию. Невысокие проценты и умелое распоряжение суммой займа влекли не только обращение русских купцов за помощью к иностранцам, но и зависть первых к последним. Когда верхушка русского купечества совместно с некоторыми приближенными царя инициировали появление протекционистского Новоторгового устава (1667), в его введении говорилось о желательности кредитного учреждения для купцов. «А домовные недостатки наполнять по достоинству из московской таможни и из городовых земских изб мирской подмогой»⁵⁶ — это означало возможность получить беспроцентный кредит. Однако в России, где

⁵⁴ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 216.

⁵⁵ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2012. С. 523.

⁵⁶ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 118.

бумага нередко расходилась с действительностью, такой «банк», по-видимому, так и не был создан.

Отношение к купцам и ростовщикам в народе оставалось, конечно же, отрицательным. Нередко о них говорили как о больших обманщиках. В «Повести о некоем купце-лихоимце», составленной на рубеже XVII–XVIII веков, говорилось о погребении ростовщика: *«Когда же погребли в землю гроб его, и была яма большая, даже до ада, и гроб его не виделся потому»*⁵⁷. В виршах известного придворного поэта Симеона Полоцкого, воспитателя царя Федора Алексеевича, говорится о богатстве, *«яко богатый тищится то множити несытно, а без греха то не может быти, ибо Господь убогим повеле даяти, а хотяй богат быти, хочет везде взяти»*⁵⁸. Симеон Полоцкий осуждал «златолюбцев», которые лишь о своей «потребе» пекутся.

В отличие от Европы, где в процессе накопления капитала и с развитием кредитных отношений ссудный процент неуклонно понижался, а в XVII веке был весьма умеренным, в России он оставался высоким, напоминая грабительские нормы Древней Руси. Известный французский историк Фернан Бродель, приводя факт заема между русскими купцами из 120% годовых, объяснял это не только «незрелостью городов», но и совершенно иной целью кредита в России. *«В московском государстве, — пишет он, — ростовничество было средством накопления по преимуществу. И выгода, предусматриваемая уговором, имела меньшее значение, чем захват залога, земельного участка, мастерской или гидравлического колеса. Это было дополнительной причиной того, что ставка процента была столь высокой, а сроки выплаты столь жесткими: все бралось в расчет ради того, чтобы уговор невозможно было соблюсти и в конце пути добыча оказалась бы захвачена безвозвратно»*⁵⁹.

Ростовщиков не любили, хотя продолжали занимать у них деньги. Однако в отличие от ростовничества Европы, в России к XVIII веку оно не выросло до уровня банкирских контор. В этом

⁵⁷ Сокровища древнерусской литературы. Русская бытовая повесть. М., 1991. С. 380.

⁵⁸ Симеон Полоцкий. Вирши. Минск, 1990. С. 333.

⁵⁹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 467.

смысле российский опыт напоминал турецкий: в Османской империи, несмотря на развитие ростовщичества, при запрете на взимание процентов банки появились очень поздно⁶⁰. В то время как в Европе кредитное дело легально все больше сосредотачивалось в руках менял и банкиров, в России банкирский промысел не был легализован. Нужда в деньгах приводила к процветанию этих «подпольных» сделок, даже несмотря на осуждение реза государством и Русской православной церковью.

Правительство, осознав бессмысленность запретительных мер, в конце концов было вынуждено отступить. 13 мая 1754 года в указе о создании первых казённых банков допустимая процентная норма по примеру Франции и Англии⁶¹ была определена в 6% за год. Это был так называемый *указной процент*, за нарушение которого кредитор лишался своего капитала и имений (если таковые были). В 1786 году его даже снизили до 5%. Впрочем, этой нормы придерживались лишь казённые банки. Ростовщикам было не в первой обходить указ — несмотря на угрозы и увещевания властей, «чтоб всяких чинов люди партикулярно при отдаче в заем денег более вышеписанного... брать отнюдь не дерзали»⁶².

В условиях определяющего значения государства в развитии страны правительство взяло инициативу создания банков в свои руки. Эта решимость диктовалась необходимостью поддержки правящего дворянского сословия и связанной с казной верхушкой купечества.

⁶⁰ В исламе взимание процента (*рибы*) считалось и считается грехом. Шариат рассматривал деньги сугубо как «технический инструмент, который не мог быть предметом купли-продажи (см.: Исаев В. Мударба. Опыт исламских банков // Родина. 2005. № 5. С. 50.)

⁶¹ Во Франции 6-процентная норма *роста* была законодательно закреплена в 1624 году, а в Англии — в 1652 году. Как и в России, эти процентные нормы нарушали различными способами.

⁶² Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание первое. Т. 14. № 10235. С. 93.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА I. ИСТОКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КРЕДИТА

КРЕДИТНЫЕ
ОПЕРАЦИИ РУССКИХ
МОНАСТЫРЕЙ

О большом развитии кредитных операций русских монастырей в XV–XVII веках было хорошо известно великому русскому историку Василию Осиповичу Ключевскому и его ученикам. Один из них, Павел Николаевич Милюков не безосновательно называл их «банкирами древней Руси»⁶³ — несмотря на то что кредиторами выступали не только они, а также купцы, зажиточные горожане и знать.

Но именно кредитные операции монастырей получили широкое распространение, о чем имеются многочисленные свидетельства. Заемные кабалы и памяти разбросаны по многим архивам страны⁶⁴. К сожалению, в силу значительных утрат времени исследователям не удастся выявить общие объемы монастырского кредитования в XV–XVII веках. Однако даже на имеющейся выборке представляется возможным проследить его развитие и особенности⁶⁵.

Уже в XVI веке, по свидетельству германского дипломата Сигизмунда Герберштейна, крупные монастыри ссужали из 10%⁶⁶. Эта была самая низкая ставка кредита в средневековой России, где норма процента колебалась от 20% до 50%. В долг давались как деньги, так и натуральные продукты — пшеница,

⁶³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1900. С. 118.
⁶⁴ Так, богатая подборка подобных документов содержится в фонде одного из крупных русских средневековых монастырей — Иосифо-Волоколамского, сохранившегося в Российском государственном архиве древних

актов (фонд 1192). Фонд грамот Коллегии экономии этого же архива (фонд 281) также содержит богатую подборку актов по деятельности русских монастырей, включая Иосифо-Волоколамский и Троице-Сергиев. По Троице-Сергиеву монастырю, крупнейшему вотчиннику средневековой России, документы разбросаны по разным архивохранилищам. Помимо Российского государственного архива древних актов следует прежде всего отметить фонд монастыря в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд 303).

⁶⁵ Благодаря уникальной подборке документов по кредитным операциям Иосифо-Волоколамского монастыря он стал для исследователей эталоном для изучения этой проблемы (А.А. Зимин, К.Н. Щепетов, Г.А. Победимова). См.: Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI в. М.–Л., 1948; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977; Щепетов К.Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. // Исторические записки. Т. 18. М., 1946. С. 92–147; Победимова Г.А. О некоторых формах кредитования крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря в I половине XVI в. // Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Вып. 9: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 91–97.

⁶⁶ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 129.

рожь, овес и т.д. В последнем случае проценты нередко взымались натуральной доплатой — *в насып*, если речь шла о зерне. В XV–XVI веках практиковались выплаты деньгами и доходами с имений, а также погашение долга службой у кредитора. Известно, что за «рост» нанимались служить и мелкие феодалы. Судебник 1550 года ограничил размер таких ссуд 15 рублями⁶⁷.

Ссуда давалась до года, часто на год, а ее возвращение приурочивалось к какому-либо религиозному празднику. Документами займа были заемная кабала или ее сокращенный вариант — заемная память. Помимо них эти функции носили также закладная и служилая кабала. В закладной говорилось о залоге земель, угодий, другой собственности на время погашения долга и процентов по нему, в служилой кабале — о форме отработки долга службой у кредитора. В отличие от них заемная кабала и заемная память фиксировали сделку по ссуде и оговаривали выплаты по ней и процентам — в деньгах или продуктах.

Форма составления кабалы была выработана не позднее XIV века. На это указывает опубликованная историком и архивистом Николаем Васильевичем Калачевым в 1864 году закладная кабала этого времени, написанная на пергамене. Согласно ей, Обросим и Лаврентий Васильевы взяли в долг у Федора Макарова *«десять сороков бел»*. В закладной уже содержится норма, известная по более поздним актам, — в случае неплатежеспособности заемщика на заложенное владение составлялась купчая⁶⁸. С XV века для краткости в заемной кабале делали оговорку о том, что при невыплате ссуды она становилась купчей на заложенные угодья (*«ся кабала и купчая грамота»*).

От XV века дошли закладные кабалы, написанные на имена монастырей (в том числе, Троице-Сергиева и Симонова)⁶⁹.

⁶⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 116.

⁶⁸ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1864. С. 3.

⁶⁹ См.: Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1864. С. 4–5; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. (далее — АСЭИ). Т. 2. М., 1958. С. 362.

Серебряная копейка,
1537–1547 годы. Музейно-
экспозиционный фонд Банка
России

В одной из них, датированной серединой XV века, некто Васюк Нога Есипов занял у старца Геронтия Троице-Сергиева монастыря 2 рубля «с четвертью» и отдал в залог принадлежавшую ему Лукинскую пустошь — «А за рост Геронтию ту пустошь Лукинскую косити»⁷⁰. Подобная практика, когда при получении ссуды закладывали землю и оговаривали выплату процентов эксплуатацией угодий, получила широкое распространение. Она, в частности, упомянута в закладной кабале 1462–1463 годов: вотчинник Андрей Иванов Логинов занял у келаря Симонова монастыря 5 рублей под залог деревни Михайловской в Дмитровском уезде — «а за рост посельский симоновский косит сено в той деревне»⁷¹.

В XVI–XVII веках получили распространение служилые кабалы, по которым заемщики для отработки долга нанимались работать у кредитора. Они были известны уже в первой половине XVI века — их упоминала статья Судебника 1550 года, посвященная кабальному холопству («кабалы за рост служить») ⁷².

⁷⁰ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1864. С. 5.; АСЭИ. Т. 1. М., 1952. С. 151.

⁷¹ АСЭИ. Т. 2. М., 1958. Л. 362.

⁷² Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 116.

Кабалы составлялись шаблонно. Ее оформлял писец по поручению заемщика с указанием имени, сословия и местожительства. Обязательно указывались срок возврата займа, проценты по нему. Могли оговариваться и другие условия — в частности оплата заемщиком судебных издержек в случае суда по кабале. Как сказано в одной из кабал (1641 г.), «под которым судом ни будут по сей кабале, да, сделав суд — давати, и за эти деньги заплатит рост, и судские все сполна»⁷³. На обороте столбца заемщик записью «руку приложил» удостоверял свое согласие с условиями кабалы. При заключении сделки обязательным было наличие свидетелей («послухов») — эта норма известна еще с Русской правды⁷⁴.

В качестве образца написания этого документа приводим кабалу 1600 года из архива Иосифо-Волоколамского монастыря⁷⁵.

Се из Евдоким Иванов сын Литвинова занял есми у Василья Васильевича Ржевского, у Григорья Ивашкина сына Шаблакина государей серебра три рубля денег московских ходячих августа от 25 числа до того ж дня на год. А за рост мне у государей и у Василья Васильевича служить на его дворе по все дни. А полягут деньги по сроку, и мне у государей, у Василья Васильевича, за рост по тому ж служить во дворе по все дни. А на то послух Безсон Иванов сын Козин.

Кабалу писал Васька Степанов сын июля в 20 день лета 7108⁷⁶ году.

Как видно из кабалы, заемщик отрабатывал проценты службой у кредитора, становясь холопом. Скорее всего, он был выкуплен монастырем, и кабала оказалась в его архиве. Документ составлен накануне «голодных лет». Известно, что во время страшного голода 1601–1603 годов владельцы изгоняли холопов,

⁷³ Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 440. Оп. 1. Д. 361. Л. 1.

⁷⁴ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской правды. М., 1953. С. 58, 97.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 1. Д. 2247. Л. 1. Пунктуация и орфография при воспроизведении текста осовременены.

⁷⁶ 7108 г. от сотворения мира = 1600 г. от Рождества Христова.

выдавая им отпускные грамоты — что было закреплено указом от 16 августа 1603 года⁷⁷.

Заемщиками у монастырей были разные категории населения — от знати до крестьян. Главным критерием служило их имущество, которое в случае неплатежа пополняло богатства обители. В зависимости от ситуации ростовщические операции могли преследовать разные цели: получить расположение того или иного князя, округлить свои владения или освоить их и, наконец, рационально использовать имеющиеся ресурсы, обеспечивая их прирост.

В этом контексте интересны различные средневековые значения понятия денег, или, как тогда говорили, «серебра». В актах этот термин употребляется в значениях «дельного» и «ростового», то есть ростовщического. С помощью «дельного серебра» в феодальные и монастырские хозяйства привлекались рабочие руки. Дельное серебро иногда еще называли «летним» — долг погашался по *летам* (годам), то есть в рассрочку.

В случае выплаты денег и процентов вовремя кабальная запись возвращалась заемщику. Однако на практике это происходило нечасто. Выражение «попасть в кабалу» стало в русском языке крылатым. Кабальное холопство усиленно развивалось в XV веке. Должники заносились в особые списки, с которых делали копии, хранившиеся в волостной администрации. В завещании митрополита Алексея, написанном около 1377 года, сказано о холопах-должниках, попавших в кабалу за «серебрецо». Глава русской церкви не исключает возможности дать им волю при условии возврата долга⁷⁸, но это оставалось большей частью призрачной мечтой. Перешедшие по завещанию кремлёвскому Чудову монастырю холопы-должники превращались в зависимых от обители крестьян.

По Иосифо-Волоколамскому монастырю дошел редкий документ — «долговая книга» 1532–1534 годов, в которой

77
78

Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 375.
АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 50–51.

фиксируются крестьянские долги и изменения их величины (она была опубликована А.А. Зиминим в 1948 году)⁷⁹. По-видимому, эта практика была распространена в крупных монастырях, которые с помощью кредита (выражавшегося как в денежной, так и в натуральной форме) привлекали в свои вотчины крестьян и удерживали их за собой.

Всего в Долговой книге перечислено 670 должников: крестьян из 24 сел, 3 селец, 18 починков и 157 деревень. Причем в записях о займе значится не только сам должник, но и вся его семья⁸⁰. Большинство выданных ссуд относилось к долгосрочным, рассчитанным на длительное сохранение зависимости крестьян от монастыря. Это так называемые «подможные» ссуды, которые возвращались лишь при уходе крестьян из вотчины. Их размеры доходили до 1,5 рублей⁸¹.

Подобные книги составлялись, по-видимому, на протяжении всего XVI века⁸² и в первой половине следующего столетия, когда монастырь для привлечения рабочих рук продолжал активно использовать кредит. Так, на основании ссудной (заемной) записи, составленной в 1642 году, «вольный человек» Евсений Юрьев по прозвищу Дружина с семьей за долг в 10 рублей стал жить в монастырской вотчине и работать на обитель наравне с другими крестьянами⁸³.

В отличие от крестьян, по отношению к знати кредит использовался в иных целях — для «округления» монастырских владений. Историк Александр Александрович Зимин, изучавший землевладение Иосифо-Волоколамского монастыря, подсчитал,

⁷⁹ Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI в. М.–Л., 1948.

⁸⁰ Победимова Г.А. О некоторых формах кредитования крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря в I половине XVI в. // Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Вып. 9: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 92.

⁸¹ Там же. С. 93.

⁸² О кредитных операциях Иосифо-Волоколамского монастыря в последней четверти XVI в. см.: Щепетов К.Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. // Исторические записки. Т. 18. М., 1946. С. 92–147.

⁸³ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 1. Д. 2249. Л. 1.

что со времени его основания до кончины Иосифа Волоцкого, то есть с 1479 года по 1515 год, он заключил 60 сделок: 27 вкладов, 10 обменов, 1 покупку; и лишь одна вотчина была приобретена за долги (способ приобретения одного владения неясен)⁸⁴. Это было село Бужировское с деревнями, полученные в 1512 году от княгини Ирины, жены князя Семена Романовича, за долг в 500 рублей и причитающиеся проценты⁸⁵.

Однако доля приобретаемых монастырями земель с помощью ростовщичества, скорее всего, была больше. Хотя по грамотам земли и угодья отдавались в дар (*«по душам родителей своих в наследие вечных благ»*), реальная причина расставания со своей собственностью заключалась в неплатежеспособности феодалов. Так, по дарственной 1425–1427 годов Кузьма Яковлевич Воронин положил в Троице-Сергиев монастырь свою вотчинную землю «на помин души». Там же содержится обязательство монастыря заплатить долг Воронина некоему Трепареву в 10 рублей⁸⁶. Таким образом, под видом дарственной была совершена купчая⁸⁷.

По другой дарственной, датированной 1474–1478 годами, Анна Кучецкая передавала Троице-Сергиеву монастырю ряд своих владений, за что он «снял» с нее долг мужа в размере пяти рублей⁸⁸. На похожих условиях Семен Васильев Шевяков в середине XVI века передал Иосифо-Волоколамскому монастырю четверть деревни Шевелево — игумен обязался заплатить «долгу нашего с той отчинки... по двум кабалам 5 рублей и 10 алтын с роста»⁸⁹.

При изучении Троице-Сергиева монастыря было выявлено, что его земельные владения особенно сильно выросли в период междоусобной войны 1425–1453 годов. На основании

⁸⁴ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977. С. 172.

⁸⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956. С. 54–55.

⁸⁶ Там же. С. 50.

⁸⁷ Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д., 1976. С. 321.

⁸⁸ АСЭИ. Т. 1. М., 1952. С. 329.

⁸⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956. С. 216; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977. С. 197.

опубликованных документов по истории монастыря было подсчитано, что из 50 сел, приобретенных за это время, 9 достались обителю «неизвестным путем». Также оставалась неясным судьба четырех из пяти сел и десяти из пятидесяти деревень, перешедших к монахам⁹⁰. Показательно, что монастырь, как правило, старался избавиться от сомнительно приобретенных владений, обменивая их на другие селения и угодья⁹¹. Одновременно монастырь начал раздавать деньги взаймы под заклад угодий⁹². Именно период междоусобной войны второй четверти XV века стал временем становления Троице-Сергиева монастыря как крупного вотчинника⁹³.

По мнению известного исследователя русского крестьянства Бориса Дмитриевича Грекова, по отношению к части знати ростовщический капитал сыграл роковую роль⁹⁴. Князь Иван Васильевич Волоцкий в течение пяти лет не мог заплатить проценты по одному из своих долгов и не смог погасить долг своей матери. Феодалы в качестве залога кредитору предлагали принадлежавшие им деревни, села и другие угодья, причем для выплаты процентов практиковался сбор с этих имений дохода — «за рост пахать, и крестьян ведать, и доходы с крестьян имать всякие, и луга косить, и лес сечь, и всякими угодьями владеть», — как сказано в одной из закладных XVI века⁹⁵.

Путем покупок, дарений и ростовщичества монастыри к XVI веку сосредоточили значительную земельную собственность. В конце правления Ивана III была даже осуществлена попытка секуляризовать монастырские и церковные земли. Она

⁹⁰ Круглик Г.М. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в период феодальной войны (1425–1453) // Аграрный строй в феодальной России XV — начала XVIII в. Сборник статей. М., 1986. С. 6.

⁹¹ Там же. С. 19.

⁹² Там же. С. 20.

⁹³ Там же. С. 23. С этой оценкой соглашается М.С. Черкасова: «К 1462 г. число вновь приобретенных сел и сел (наиболее важных земледельческих объектов) увеличилось в троицкой вотчине почти в 4,5 раза, достигнув 63» (Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 69.)

⁹⁴ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. Т. 2. М., 1954. С. 56.

⁹⁵ Памятники русской деловой письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978. С. 113.

была предпринята в 1503 году, однако не увенчалась успехом⁹⁶. Известно, в частности, что Иван III хотел затребовать в казну для проверки все земельные документы Троице-Сергиева монастыря⁹⁷.

При его преемнике Василии III, с 20-х годов XVI века, в монастырских архивах появляются новые акты — так называемые *отписи* (*очищальные*), грамоты, подтверждающие бескабальность проданных земель. Л.И. Ивина, изучавшая монастырское землевладение, встречала такие акты по Симонову и Иосифо-Волоколамскому монастырям⁹⁸. По ее мнению, они свидетельствовали о «*все возраставшей ценности земли*», стремлении закрепить ее в собственность, а также о распространении ее приобретения с помощью кредитных операций⁹⁹.

К середине XVI века монастырское стяжательство с помощью ростовщичества стало таким распространенным явлением, что привело к «оскудению» многих сел и деревень. Этому вопросу была посвящена одна из глав Стоглава 1551 года. Иван Грозный подобно многим своим современникам выступал за запрет церковного ростовщичества. Церковный собор вынужден был согласиться с решением правителя, которое в официальном документе мотивируется Божественным писанием. Стоглав, отвечая на вопрос царя, наставлял «*отныне по священным правилам святителям и всем монастырям деньги давать по своим селам своим крестьянам без росту и хлеб без насыпу для того, чтобы за ними христиане были, и села бы их были не пусты*»¹⁰⁰. Было указано составлять книги займов с указанием должников и хранить эти книги в монастырской или святительской казне. По приговору церковно-земского собора 1580 года митрополиту, епископам и монастырям запрещалось покупать земли или держать на

⁹⁶ Ивина Л.И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979. С. 128.

⁹⁷ Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 99–100.

⁹⁸ Ивина Л.И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979. С. 141.

⁹⁹ Там же. С. 132.

¹⁰⁰ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 354.

них закладные грамоты¹⁰¹. Ограничения произвола ростовщиков коснулись и мирского населения: указом от 15 октября 1557 года постановили, что в льготные годы ссудный процент либо не взыскивался, либо понижался вдвое против обычного (т.е. 10%).

Закон был главным обеспечением прав кредитора. Судебник 1550 года содержал статью о кабальном холопстве (ст. 78), что свидетельствовало о распространенности этого явления (в более раннем судебнике 1497 года она отсутствовала, хотя это явление бытовало на практике с конца XV века)¹⁰². В Соборном уложении 1649 года (глава 12, статьи 39 и 40) оговаривалась процедура отработки долга *«головой до искупа»*, когда при неуплате ссуды должник с семьей отдавались истцу на работу в счет погашения суммы. Такая отдача *«в зажив»* находила отклик еще в юридических нормах Киевской Руси, предусматривавших переход на службу кредитору за долги. Однако если норма отработки долга в Русской правде не оговаривалась, то Уложение 1649 года определяло ее как 5 рублей за год работы взрослого мужчины, 2,5 рубля за год работы женщины и 2 рубля за год работы ребенка¹⁰³.

Соборным уложением 1649 года выдача ссуд под проценты запрещалась¹⁰⁴. Однако проценты по прежней норме (20%) начислялись за просрочку платежа. Как сказано в одной из заемных кабал (1657 года), *«по сроку без роста, а полягут деньги по сроце (после срока. — А.Б.) и... те деньги давати... рост, как идет в людях, по расчету на пять шестой»*¹⁰⁵. Иначе бы монастырям не было смысла кредитовать — а монастыри продолжали ссужать деньги, о чем свидетельствуют сохранившиеся заемные кабалы и памяти.

Состав клиентуры по-прежнему включал представителей знати, вотчинников и помещиков. Так, согласно тексту сохранившейся заемной памяти 1681 года, князь П.Ф. Мещерский

¹⁰¹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985. С. 28.

¹⁰² Там же. Т. 2. С. 116, 161–163.

¹⁰³ Там же. Т. 3. М., 1985. С. 214.

¹⁰⁴ Там же. С. 135, 146.

¹⁰⁵ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археологической комиссией. Т. 2. СПб., 1864. С. 2.

занял у Иосифо-Волоколамского монастыря 280 рублей под залог разных драгоценностей — камней, золота и серебра¹⁰⁶.

Что касается другой крупной категории заемщиков — крестьян — то в XVII веке монастыри продолжали кредитовать их и деньгами, и, главным образом, сельскохозяйственными продуктами. При этом получаемые ими пшеница, рожь и овес могли использоваться как посевной фонд. В случае если крестьяне не могли заплатить зерном, в монастырских записях указывался и денежный эквивалент: *«А буде рожью не заплатят, и им платить за ту рожь деньгами по торговой цене»*¹⁰⁷. Причем эта практика применялась не только к «чужим» крестьянам, но и к своим, а также монастырским слугам. Но «своим», как показывают заемные памяти Иосифо-Волоколамского монастыря XVII века, могли ссужать и без процентов¹⁰⁸. В пору Смутного времени монастырь даже не ставил ограничений по возврату долга: ссудив в 1609 году (в период осады монастыря «тушинцами») «черного попа» Александра осьминоей ржи, он указал вернуть ее в монастырскую житницу *«как Бог даст минется»*¹⁰⁹.

В XVII веке монастыри, как и прежде, активно использовали кредит для привлечения в хозяйство монастыря рабочих рук. Согласно сохранившимся документам из архива Воскресенского (Новоиерусалимского) монастыря, оно происходило с помощью заключения «найма» или «займа». И в том, и в другом случае простолюдины работали на монастырь за ссуженные или выданные деньги. При этом в случае невыполнения договора монастырь требовал возвращения задаточных денег с уплатой неустойки. Помимо этого, наем был обставлен рядом кабальных условий, ограничивавших свободу работника. Были случаи, когда последние и вовсе лишались заложенного имущества, становясь батраками. Монастырь использовал их на перевозке дров, рубке леса и других работах¹¹⁰.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 1. Д. 2276. Л. 1.

¹⁰⁷ Там же. Д. 2556. Л. 2.

¹⁰⁸ См.: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 1. Д. 2526.

¹⁰⁹ Там же. Д. 2526. Л. 3.

¹¹⁰ Бакланова Н.А. Формы эксплуатации в хозяйстве Воскресенского монастыря во второй половине XVII в. // Аграрный строй в феодальной России XV — начала XVIII в. Сборник статей. М., 1986. С. 143–144.

На предыдущем развороте: Карта России, составленная царевичем Федором Годуновым. Выполнена в технике гравюры на меди и издана голландскими картографами Виллемом и Яном Блау из Амстердама, до 1665 года. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

В процессе изучения сохранившихся кабал XVI–XVII веков в российских архивах историки замечали, что лишь незначительное их количество было снабжено приписками о хотя бы частичной оплате долга. По версии Василия Осиповича Ключевского, именно крестьянская задолженность феодалам (в том числе, монастырям) вызвала к жизни оформление крепостной зависимости крестьян¹¹¹ — по тому же Соборному уложению 1649 года.

¹¹¹ Ключевский В.О. Собрание сочинений в 9 т. Т. 8. М., 1990. С. 120–193.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА I. ИСТОКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КРЕДИТА

ВЕКСЕЛЬНОЕ
ОБРАЩЕНИЕ
И ПОПЫТКИ
ОРГАНИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
КРЕДИТА В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Серебряная монета рубль,
отчеканенная на московском
Кадашевском монетном дворе.
1705 г. Музейно-экспозиционный
фонд Банка России

В эпоху преобразований в первой четверти XVIII века одной из главных задач правительство Петра I считало преодоление отставания России от развитых европейских стран. В период Северной войны (1700–1721) эта проблема была актуальна и в связи с необходимостью создания сильной армии. Так, в первой четверти XVIII века в России возникло не менее 200 мануфактур, многие из которых прямо или косвенно были связаны с военными заказами.

Мануфактуры возникали либо как государственные, либо под государственным покровительством. Широкий размах основания предприятий подпитывался различными льготами и субсидиями. Одной из них были относительно долгосрочные ссуды на их создание и развитие. Это, в свою очередь, ставило вопрос об организации государственного кредита.

Находясь в заграничном путешествии в 1697–1698 годах, Петр I знакомился с европейскими странами. Безусловно, он был наслышан о европейских банках и биржах. По крайней мере, с основанием С.-Петербурга в 1703 году он дал указание построить биржу недалеко от Петропавловской крепости.

Что касается кредитного учреждения, то к решению этого вопроса царь подошел иначе. Вместо создания банка можно было наблюдать ссудную деятельность казны, а затем — коллегий. Выдаваемые ими кредиты были целевыми, беззалоговыми и беспроцентными; они были одним из видов «помощи» заводчикам наряду с другими мерами протекционистского характера¹¹².

Историк С.Я. Боровой отметил самую раннюю выдачу в 1702 г.: в этом году промышленники Воронов и Петрушев получили из казны ссуду в 3 тыс. рублей для постройки близ Козельска железнорудного завода¹¹³. Подобно многим другим выдачам эти денежные вливания напоминали финансирование — к 1711 году промышленники не погасили и половины взятой суммы.

Выдача беспроцентных ссуд фабрикантам практиковалась в Мануфактур-коллегии и была закреплена в ее регламенте 1723 года. Такие кредиты выдавались вплоть до 1779 года¹¹⁴ из казённых средств. Только к маю 1722 г. было выдано в ссуды более 30 тысяч рублей крупным заводчикам, в том числе купцу Владимиру Петровичу Щеголину, владельцу суконной фабрики в Москве, а также барону Петру Павловичу Шафирову и Петру Андреевичу Толстому — для содержания шелковой мануфактуры. Видимо, такие кредиты не носили характера регулярно проводимой операции. Тем не менее с 1753 по 1779 год по решению Сената Мануфактур-коллегия выдала фабрикантам 63,5 тыс. рублей¹¹⁵.

Изданный в 1725 году регламент Коммерц-коллегии решил ей выдавать кредиты торговым компаниям. Известно, что она ссужала деньгами Компанию китовых и рыбных промыслов на Белом море (1731 г.), а также Астраханскую рыбную купеческую компанию (1743 г.)¹¹⁶.

¹¹² Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947. С. 74.

¹¹³ Боровой С.Я. Кредит и банки России: середина XVII в. — 1861 г. М., 1958. С. 27.

¹¹⁴ Бабурин Д.С. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939. С. 200.

¹¹⁵ Там же. С. 201, 212.

¹¹⁶ Боровой С.Я. Указ. соч. С. 32.

С 1720-х годов в высших слоях русского общества стала обсуждаться идея создания банка. Известно несколько проектов его организации, поданных в 1728, 1731–1732, 1738, 1744, 1747, 1748 годах, однако не получивших воплощения. В числе подававших проекты фигурируют мекленбургский посол в Лондоне И.Б. Гопшман (проект 1738 года), а также государственный деятель, историк и географ Василий Никитич Татищев (проекты 1744, 1747, 1748 годов).

23 ноября 1732 года тайный советник граф Гавриил Иванович Головкин (1660–1734) представил императрице Анне Иоанновне проект о выдаче из Монетной конторы (Монетной канцелярии) процентных ссуд «для государственной и всенародной

План Санкт-Петербурга, выполненный картографом Иоганном Баптистом Хоманом в Нюрнберге и исполненный в технике гравюры на меди в 1718 году. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

пользы»¹¹⁷. Царица приказала высшему правительственному органу — Кабинету Ее Императорского Величества — обсудить предложение Головкина и доложить свое решение. Результатом стал указ 8 января 1733 года «О правилах займа денег из Монетной конторы»¹¹⁸. Согласно ему контора получила право выдавать ссуды под залог золота и серебра (на сумму не выше 75% стоимости

¹¹⁷ Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913. С. 142.

¹¹⁸ ПНС. Собрание первое. Т. 9. № 6300. С. 6–7.

Большая карта Российской империи.
Издана в Амстердаме Захарием
Шателеном и его сыновьями около
1720 года. Музейно-экспозиционный фонд
Банка России

по указной цене) из расчета 8% годовых сроком на год с правом отсрочки выплаты до 3-х лет. По истечении этого срока отданные в залог изделия из драгоценных металлов шли на изготовление монеты. Контора погашала долг, а излишек передавала хозяину.

Открытие ссудной операции в Монетной конторе, ведавшей чеканкой монеты, клеймением серебра и ювелирных изделий, предоставило вельможам возможность прибегать к дешевому казённому кредиту, минуя столичных ростовщиков. Впрочем, суммы, которыми оперировала Монетная контора, были

Золотая монета два рубля,
отчеканенная на московском
Красном монетном дворе.
1721 г. Музейно-экспозиционный
фонд Банка России

ограниченными, и возможность пользоваться ее услугами имели только придворные. Известно, что одним из должников Монетной конторы был сам государственный канцлер граф Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767), задолжавший 20 тысяч рублей¹¹⁹.

Для широкого круга дворянства кредит Монетной конторы был недоступен уже потому, что в залог здесь брали исключительно драгоценные металлы, а не имущества. Указ 1733 года подчеркивал: *«Алмазных и прочих вещей, а также деревень и дворов под заклад и на выкуп не брать»*¹²⁰. Однако знатные заемщики получали ссуды и без залогов.

С учреждением в 1754 году первых казённых банков кредитные операции Монетной конторы прекратились. Ссуды из 8% годовых в середине XVIII века выдавали Адмиралтейская коллегия, Главный Кригс-комиссариат, а также канцелярия Главной артиллерии и фортификации.

¹¹⁹ Боровой С.Я. Банки в России в первые десятилетия их существования. Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института. Т. I. Одесса, 1940. С. 40.

¹²⁰ ПСЗ. Собрание первое. Т. 9. № 6300. С. 7.

Но в большинстве случаев испытывавший нужду в деньгах обращался к ростовщику, так как получить деньги из казённых учреждений могли лишь избранные. Среди них выделялись иностранцы из торговавших в С.-Петербурге купцов, которые кредитовали обычно из 10–12% годовых. Они выдавали денежные займы и продавали товар в кредит¹²¹. Эти сделки фиксировались в заемных и товарных книгах крепостных контор (самая ранняя из них сохранилась от 1701 года). Эти иностранцы, среди которых доминировали голландцы (по объему кредитования значительно опережавшие англичан и немцев¹²²), часто выступали кредиторами русских купцов как в С.-Петербурге, так и в Москве.

Для оформления кредитных операций они использовали привычный в Европе инструмент — вексель. Он был известен в России уже в XVII веке в связи с операциями иностранных купцов. Известно, например, что векселями обязывался основатель тульского железоделательного завода гамбуржец Петр Марселлис¹²³. В конце XVII века европейские негоданты пытались даже оплачивать российские таможенные пошлины векселями, но «государевы люди» не готовы были их принимать вместо денег¹²⁴. Также вексель использовался в сделках между купцами и казной, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы. «А за расходы в остатке в нынешнем 1703 году денег и чехов¹²⁵ 7334 рубли 27 алтын. Да вексель в 1000 рублей», — говорится в приходно-расходной книге Оружейной палаты 1701–1703 годов¹²⁶.

В царствование императора Петра II в России был принят первый Вексельный устав, утвержденный 16 мая 1729 года.

¹²¹ По указу от 10 ноября 1720 г. контракты на поставку товаров между российскими и иностранными купцами могли заключаться только в С.-Петербурге.

¹²² Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 175–217.

¹²³ Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 303, 305, 309–311, 313.

¹²⁴ Прием векселей в уплату российских таможенных пошлин был запрещен указами от 31 августа 1697 г. и 29 августа 1698 г.

¹²⁵ Чех — низкопробная билонная монета, чеканившаяся для обращения на украинских землях в 1686–1687 годах на монетном дворе г. Севска.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 267 об.

Он был написан под руководством Президента Коммерц-коллегии Андрея Ивановича Остермана (1687–1747), крупного сановника первой трети XVIII века. Есть также версия о том, что написание документа было поручено одному из профессоров Лейпцигского университета и представленный им проект был опубликован практически без изменений¹²⁷.

Устав был заимствован с немецкого вексельного права, распространенного на территории Швеции. Копирование вексельного законодательства лежало в общем русле «списывания» правовых норм и государственных институтов с европейских аналогов во времена Петра I. Вексельный устав разделяется на три главы: в первой говорится о *«настоящих купеческих векселях»*, во второй — *«о векселях на казённые деньги»*, а третья содержит формы составления векселей с комментариями.

По Вексельному уставу 1729 года, в России было узаконено обращение простых и переводных векселей. Переводные векселя использовались во внешней торговле (их также называли «ярмарочными», так как они получили распространение на европейских ярмарках еще до создания бирж) и для перевода денег в государственные учреждения (в коллегии, городские власти и воинские части). Однако наиболее употребительными в России не только в XVIII, но и в XIX веке были простые векселя. Их распространение в России и предпочтение переводному векселю во многом объяснялось традицией, восходившей к заемной кабале.

Участниками вексельной сделки¹²⁸ могли быть не только купцы и дворяне, хотя в большинстве случаев они заключались в этой среде. До 1761 года обязываться векселями, выписанными на казну, могли дворцовые и государственные крестьяне.

¹²⁷ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 5. М., 1987. С. 421.
¹²⁸ Вексельный устав 1729 года вводил форму вексельной записи, в которой обязательно указывались векселедатель, получатель денег по векселю, а также — если вексель переводной — плательщик и лицо, переводящее деньги для оплаты. К векселю прилагалось *адвизное письмо*, имевшее уведомительный характер. Помимо стандартных реквизитов вексель, обращающийся в России, должен был содержать указание рода денег, на которые заключался заем: серебро или медь. При утрате первого экземпляра векселя («прима-вексель») выписывался второй имевший юридическую силу экземпляр («секунда-вексель»).

В России векселя писались на гербовой (реже — простой) бумаге при обязательной уплате гербового сбора. Лишь по указу императора Павла I от 18 декабря 1797 года был введен особый вексельный бланк продолговатой прямоугольной формы с двумя черно-белыми штампами по краям с указанием стоимости бланка, т.е. вексельного сбора, и предела суммы векселя. Эти штампы, нанесенные типографским способом, были однотипны и представляли овальный картуш, в центре которого был двуглавый орел — государственный герб. Такая форма бланка держалась еще в 1820-е годы¹²⁹.

Векселя выписывались в присутствии маклеров, которые отмечали его в специальной книге с подробным обозначением всех реквизитов. При заключении вексельных займов маклер выполнял функции нотариуса и за посреднические услуги получал комиссию в 0,25% от суммы сделки¹³⁰. Через маклера разрешались и споры по векселю, причем нередко главным аргументом становилась запись в маклерской книге.

Распространение контор шло медленно, и одним из апрельских указов 1762 года предписывалось учреждать маклерские конторы в крупных российских городах и назначать маклеров из купцов¹³¹. Предполагалось, что центрами вексельного обращения в России станут столичные города (С.-Петербург и Москва) и внешнеторговые порты, прежде всего Архангельск. Такой выбор был обусловлен не только большим торговым значением этих городов, то также и налаженной между ними почтовой связью.

Из-за слабого развития вексельного обращения векселя в России не становились, как в Европе, суррогатами денег. Впрочем, с изданием указа от 13 февраля 1764 г. о передаточных бланковых надписях (индоссамента «на предъявителя») был сделан

¹²⁹ В дальнейшем рисунок штампов на вексельной бумаге несколько раз менялся, пока в 1902 г. не был введен цветной штамп, выполненный с использованием способа орловской печати.

¹³⁰ Размер комиссии был установлен указами от 14 октября 1764 г. и от 29 октября 1775 г.

¹³¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. 15. № 11504. С. 976–978.

шаг к более широкому использованию векселя. Однако этот закон не получил широкого практического применения.

Детали оформления вексельной сделки были знакомы далеко не всем, и это порождало мошенничество. Вексель заведомо оформлялся неправильно или наспех заключался в кабаке на очень невыгодных для заемщика условиях. Против этого были предусмотрены суровые меры. На протяжении первой половины XVIII века за такое преступление виновные наказывались битьем кнутом, отсечением руки и заключением на длительный срок в тюрьму¹³². С 1752 года эти суровые кары были заменены каторжными работами, а при Екатерине II — лишением всех чинов и званий и одним годом тюрьмы (с содержанием первые две недели на хлебе и воде). Виновного обычно выводили на городскую площадь и выставляли на полчаса с повешенной на груди надписью *«Преступник указов и сочинитель фальшивых векселей»*.

Эти санкции могли применять вне зависимости от происхождения нарушителей, включая дворян. Однако на практике виновники-дворяне наказывались лишь разжалованием в воинском звании. При этом судебное разбирательство могло длиться годами (известно, например, что дело о фальшивом векселе, составленном вице-вахмистром Федором Воейковым, решалось 12 лет).

В случае неуплаты денег по векселю дело решалось в таможенном или городском суде. Срок исковой давности в Уставе не устанавливался — лишь с 1775 года он стал определяться в 10 лет¹³³.

¹³² Такое наказание было определено 251 статьей 10 главы Уложения 1649 года.

¹³³ В случае неуплаты денег в срок помимо вексельного долга истцу выплачивалась неустойка, размер которой обычно колебался от 0,25% до 5% с суммы долга. Протестованных векселей скопилось так много, что их стали рассматривать как один из источников пополнения казны. В 1763 году Екатерина II повелела взыскивать 8% с суммы этих векселей в казну *«по ведомостям из тех мест, где оные протестованы бывают»*. Однако через 5 лет (в 1768 г.) такой высокий сбор был отменен вследствие того, что его уплата стала нереальной.

В России XVIII века нарушения правил вексельных сделок встречались часто¹³⁴. Причиной этому были обычаи и нравы дворян, составлявших значительную часть заемщиков. Тесно связанные с военной элитой — офицерством — они с некоторым пренебрежением относились к кредиторам-купцам и не считали обязательным выплачивать деньги в срок и на оговоренных условиях. Французский дипломат в России Мари-Даниель Корберон с возмущением пишет в своих записках (1776 г.) о нравах богатых вельмож:

«Один из Салтыковых был должен некоему купцу Демаресту известную сумму денег. По истечении всех сроков уплаты и всевозможных отлагательств Демарест отправляется лично к Салтыкову с убедительной просьбой об отдаче денег. Последний заявляет, что он ему решительно ничего не должен, и направляет его к своему опекуну. Демарест продолжает настаивать и, когда Салтыков стал грозить, что прикажет спустить его с лестницы, купец замечает: «Фи, господин граф! Прилично ли Салтыкову прибегать к такому способу расплаты с долгами?» На это Салтыков велит своим людям схватить его и избить до крови. До сих пор несчастный купец не может оправиться и принужден оставаться в постели, и полиция не вмешивается в это дело»¹³⁵.

Вексельный устав 1729 года предусматривал вексельную форму расчетов не только между частными лицами, но и с казной¹³⁶. Уже в начале XVIII века государство посредством векселя стало переводить деньги за границу через иностранных купцов, главным образом для содержания русской армии. Вскоре это было узаконено именным указом Петра I от 15 апреля 1716 г. «Понеже в здеших краях (Померании. — А.Б.) мелкие наши русские деньги с великим убытком ходят, — говорилось в указе, — и что далее будет, то хуже, а понеже войско наше может быть, что и заимует

¹³⁴ Формально в случае несостоятельности заемщика продавалось его имущество. Если оно не покрывало сумму долга, то согласно указу от 19 июля 1736 г. он должен был быть отдан в работу частному лицу с условием уплаты в казну 24 рублей в год. К заемщикам также могли применить закон от 15 января 1718 г., приговаривавший должника к каторжным работам с ежегодной уплатой в казну 12 рублей.

¹³⁵ Корберон М.-Д. Из записок // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 134.

¹³⁶ С 1728 года векселя могли выдавать губернаторы.

(т.е. встанет на зимние квартиры. — А.Б.) *около Копенгагена... — послать из Военного приказа довольную сумму мелких денег в Ригу к Илье Исаеву*¹³⁷. Последний должен был совершить хитроумную комбинацию: купить у знакомых купцов товары, предназначенные для продажи англичанам, голландцам и гамбургским купцам с тем, чтобы перепродать их последним в кредит, с пересылкой денег векселем в Гамбург, находившийся недалеко от театра военных действий¹³⁸.

Впрочем, в сути вексельной операции разбирались не многие государственные чиновники. Устав 1729 года был составлен более на перспективу, чем закреплял распространенные в России нормы сделок. Регулируя вексельное обращение в России в XVIII веке и в первой трети XIX века, он действовал вплоть до 1832 года, пока не был принят новый вексельный устав, составленный с учетом опыта французского и немецкого торгового права.

Что касается самого векселя, то он входил в оборот очень медленно. Даже в середине XIX века, когда в Москве чуть ли не при каждой сделке требовали вексель, торговцы российской провинции нередко продолжали обязываться простыми долговыми расписками. С другой стороны, многие чиновники по-прежнему слабо понимали, что такое вексель. Известно, что служивший в Министерстве финансов князь Петр Андреевич Вяземский, по его собственному признанию, не вникал в тонкости торговых операций, которые ему приходилось курировать. В своем дневнике он оставил запись о том, что однажды *«читал проекты положения маклерам. Если бы я мог со стороны увидеть себя в этой зале одного за столом, читающего чего не понимаю и понимать не хочу, ...показался бы себе смешным и жалким»*¹³⁹.

¹³⁷ Исаев Илья Иванович, купец, с 1712 г. обер-инспектор в Риге, президент магистрата и «первый надсмотрщик купецких дел».

¹³⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. 5. № 3012. С. 458–459.

¹³⁹ Вяземский П.А. Записные книжки / Сост. Д.П. Ивинский. М., 1992. С. 101.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА II

Первые казённые банки

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА II. ПЕРВЫЕ
КАЗЁННЫЕ
БАНКИ

«БАНКОВЫЕ
КОНТОРЫ
ДЛЯ ДВОРЯНСТВА»

Золотая монета два рубля,
отчеканенная на московском
Красном монетном дворе
в 1756 году. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

В первой половине XVIII века на российском кредитном рынке безраздельно господствовало ростовщичество, и ссудный процент держался на очень высоком уровне. В случае неуплаты денег в срок имения должников-дворян часто оказывались в руках ростовщика даже несмотря на то, что в империи недворяне не имели права владеть имениями: *«А ныне есть и такие бессовестные грабители, что по прошествии срока и малых дней положенного заклада — хотя б и деньги приносил — не отдают; а другие, вымышленно обнадеживая, ...по сроке заложенные деревни за собой записывают»*¹⁴⁰. Проблема разорявшихся помещиков приобрела государственное значение. Известно, что к началу 1760-х годов около 100 тысяч дворянских имений было заложено¹⁴¹.

В целях предотвращения отчуждения дворянских имений императрица Елизавета Петровна 1 мая 1753 г. дала Сенату указ обсудить возможность учреждения специального банка.

¹⁴⁰ ПСЗ. Собрание первое. Т. 14. № 10235. С. 87.

¹⁴¹ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 133.

Вышедший год спустя указ от 13 мая 1754 г. объявлял о создании в России Государственного банка для дворянства, точнее Петербургского и Московского Дворянских банков (официальное наименование — «банковые конторы для дворянства»), которые стали первыми ипотечными банками в России.

Их учреждение было одним из начинаний политики просвещенного абсолютизма второй половины царствования императрицы Елизаветы Петровны. Одновременно с ними был учрежден Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции; в то же самое время отменены стеснявшие торговлю внутренние таможи. По инициативе графа Петра Ивановича Шувалова проводятся также и начинания в области науки и культуры. При этом преобразования носили сильный отпечаток сословности. Показательно, что для купечества и дворянства были учреждены различные банки, построенные по иному принципу, нежели частные банкирские дома. Прибыльность операции в них уступила место удовлетворению интересов сословий.

Банки были новым начинанием в России, в силу чего в их устройстве и делопроизводстве активно заимствовался европейский опыт. Сама формулировка указа свидетельствовала о знакомстве с опытом работы Шведского банка (*Riksbanks*), в составе которого было два департамента. Первый — *Wexelbank* — был построен по принципу амстердамского биржевого банка и занимался главным образом приемом вкладов и переводом денег, а второй — *Laenebank* — действовал как «ростовщик, ссужающий деньги под залог»¹⁴². Учет опыта Европы виден и по названию специфических банковских терминов, вошедших в русский язык, главным образом из немецкого: *гроссбух*, *бухгалтер* и т.д.

Указ 1754 года предусматривал, что в каждом из дворянских банков должен быть бухгалтер с помощником из «знающих людей»: *«Ежели из русских сыскаться не может, то на первый случай*

Императрица Елизавета Петровна. Гравюра на меди Жозефа Мекку с оригинала Жана Анри Беннера. 1817 год. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

EXPLICATIO NUMERORUM.

[illegible][illegible]

План Санкт-Петербурга, выполненный немецким картографом и гравером Конрадом Тобиасом Лотгером в 1744 году. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

экспозиционный фонд Банка России

хотя и иностранных»¹⁴³. К ним на обучение приставляли по четыре человека юнкеров из российских дворян. «И содержать оные конторы во всем по примеру иностранных купеческих контор с журналами и книгами гроссбух»¹⁴⁴.

Однако первые российские банки так и не стали калькой их европейских собратьев. Иные исторические и экономические условия способствовали выработке собственной модели. В частности, образованному «Государственному банку», в отличие от Шведского банка, не было предоставлено права эмиссии бумажных денег — обязательств на сумму положенных вкладов. Существовавший за счет вливания казённых средств, он также не имел единого управления. Дворянские банки подчинялись Сенату, а Коммерческий при Санкт-Петербургском порте — Коммерц-коллегии.

Дворянским банкам, которые должны были открыть свои операции 15 июля 1754 года, из казны был предоставлен оборотный капитал в 750 тысяч рублей. Эта сумма была распределена между Петербургским и Московским банками. На оборотный капитал Московского Дворянского банка было выделено 500 тысяч рублей — вдвое больше, чем на оборотный капитал Петербургского банка. Это объяснялось тем, что в Москве выдавали кредиты помещикам практически всей Центральной России.

К 1786 году оборотный капитал дворянских банков был увеличен почти на 6 млн рублей. Деньги были отпущены из Главного Кригс-комиссариата¹⁴⁵ и главным образом из Камер-коллегии. Источником для формирования банковского капитала послужили доходы от винной монополии — одной из наиболее прибыльных статей дохода этого ведомства.

Целью Дворянских банков в Петербурге и Москве стала выдача ссуд дворянам из низкого «указного» процента — 6% в год.

¹⁴³ ПСЗ. Собрание первое. Т. 14. № 10235. С. 87.

¹⁴⁴ Там же. С. 87.

¹⁴⁵ Главный Кригс-комиссариат (иначе — Генерал-Кригс-комиссариат), интендантское ведомство, созданное в 1711 году при Сенате.

Залогом служили в основном имения с крепостными. В качестве справочного материала для определения платежеспособности клиента использовались копии с переписных книг дворянских имений.

Предельные размеры кредита под поместье были установлены от 500 рублей до 10 тысяч рублей из расчета минимального заклада 50 крепостных по цене 10 рублей каждый. При этом оценка ревизской души была сильно занижена по сравнению с ее рыночной стоимостью, в то время составлявшей примерно 30 рублей. Это было сделано для того, чтобы ограничить безудержное пользование государственным кредитом¹⁴⁶. Ведь ссуды брали не только на удовлетворение всевозможных помещичьих причуд, связанных главным образом с обустройством усадеб, но прежде всего — на выкуп заложенных у ростовщиков имений. При этом выданные из банка суммы почти не вкладывались в развитие сельского хозяйства.

По настоянию влиятельных вельмож указом 11 декабря 1766 г. стоимость крепостного была повышена вдвое — до 20 рублей¹⁴⁷.

Кредиты из Дворянских банков давались на срок до года, и их могли продлевать до трех лет. Однако дворяне не торопились расплачиваться с долгами, зная о крайне мягких санкциях к должникам. К тому же многие дворяне-офицеры, находясь в действующей армии, не могли даже съездить в имение, чтобы увидеть положение дел и изыскать способ для выплаты долга. Поэтому по предложению графа Петра Ивановича Шувалова в 1759 году срок уплаты процентов был продлен до 4 лет, а в 1761 году был издан указ о продлении срока погашения ссуд до 8 лет¹⁴⁸. По истечении этого времени торговали личными вещами должника, а если это не возмещало суммы, то заложенное имение

¹⁴⁶ Ковалева Т.И. Вопросы кредитования промышленности и торговли во второй половине XVIII в. // Проблемы совершенствования и развития банковской системы региона: Материалы II научно-практической конференции 23 декабря 1999 г. Н. Новгород, 2000. С. 84.

¹⁴⁷ ПСЗ. Собрание первое. Т. 17. № 12800. С. 1091–1092.

¹⁴⁸ Там же. Т. 15. № 11344. С. 801–802.

Мундир чиновника государственных банков. Гравюра на меди, раскрашенная от руки акварелью. Из альбома «Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров», изданного в С.-Петербурге в 1794 году

Мундир дворянина Московской губернии. Гравюра на меди, раскрашенная от руки акварелью. Из альбома «Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров», изданного в С.-Петербурге в 1794 году

могли продать на аукционе. Однако эта мера, по оценкам исследователей, никогда не применялась¹⁴⁹.

25 октября 1761 года был издан новый указ, по которому поместья неплательщиков передавались в ведомство Канцелярии конфискации. Она была обязана управлять такими имениями, отдавая одну десятую часть дохода помещикам. Остальной доход шел в погашение банковского долга.

Помимо поместий в Дворянских банках существовали и другие формы залога, которые, однако, не получили большого развития. Ими были драгоценные металлы, изделия с алмазами и жемчугом, а также (по указу от 26 июля 1754 г.) каменные дома. Известно, что ссуды под золото, серебро, алмазы и жемчуг выдавались из расчета 66% оценки изделий. Но ссуда могла быть выдана и без залога — под поручительство богатых и знатных людей.

Дела в Московском и Петербургском Дворянских банках решались на заседаниях под председательством управляющего (*главного присутствующего*) и его заместителя (*помощника*), а решения записывались в особый журнал. Как видно по сохранившимся журналам Московской конторы, на правлении зачитывались императорские и сенатские указы, обсуждались вопросы о должниках и о желавших взять ссуды¹⁵⁰.

До 1764 года, к сожалению, не представляется возможным составить перечень руководителей Дворянских банков. Только с указанного года начинают ежегодно издаваться адреса-календари с перечнем должностных лиц империи. По ним видно, что управляющими банками были исключительно дворяне, нередко — родственники титулованных и известных особ. Так, управляющий петербургским банком Петр Матвеевич Херасков приходился братом известному писателю М.М. Хераскову, а князь Иван Андреевич Вяземский — дальним родственником генерал-прокурору А.А. Вяземскому, видному государственному

¹⁴⁹ См., например: Пономарев Н.В. Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени. СПб., 1898. С. 254.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 327. Оп. 1. Д. 33–35.

деятелю Екатерининской эпохи. Но более всего известен управляющий московским банком граф Николай Петрович Шереметев, сын предводителя московского дворянства, богатейший помещик России, содержавший один из лучших крепостных театров.

Жалование чиновникам и служащим Дворянских банков первоначально выплачивалось из средств казны, и лишь с открытием операции приема вкладов частных лиц и учреждений их постановили выплачивать *«из остающегося в банке от частных капиталов шестого процента»*. Однако на практике из-за хронических убытков и малочисленности вкладчиков (долгое время им оставался лишь Воспитательный дом в Москве) это соблюдалось далеко не всегда, и на содержание банков деньги по-прежнему выделяла казна.

Производство банковских операций проходило в обычных домах, внешне напоминавших богатые особняки. Обязательным условием был лишь вместительный каменный подвал или кладовая, где хранилась денежная казна и вещные залоги, — она называлась Казённой палатой. Счет и выдача денег, бухгалтерские записи проводились в Кассирской, неподалеку от которой располагался зал заседаний высшего руководства дворянского банка. Высокий статус этих банков как государственных учреждений подчеркивался их расположением в центрах столиц. В Петербурге он в 1760–1770-е годы занимал подворье Великоустюжского монастыря на первой линии Васильевского острова¹⁵¹. А Московский Дворянский банк размещался в одном из кремлёвских зданий¹⁵².

Банки не смогли удовлетворить финансовые запросы дворянства и решить проблему его долгов, так как объемы ссудных операций оставались незначительными. При этом основная часть ссудного капитала разошлась среди небольшой группы

¹⁵¹ Подворье Великоустюжского монастыря принадлежало Коллегии экономики (РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 414. Л. 88).

¹⁵² Местоположение Московского Дворянского банка указано в путеводителе Москвы В.Г. Рубана (Рубан В.Г. Описание императорского столичного города Москвы. СПб., 1782. С. 4).

придворных — главным образом среди лиц, приближенных к П.И. Шувалову. В кассе постоянно не хватало денег — в условиях военного времени вливания из казны не были достаточными, тем более что часть их по указаниям Сената бралась на всевозможные «затеи». В частности, в 1758 году было велено выдать содержателю итальянской оперы Локателли 7 000 рублей. Директор Дворянского банка донес, что в кассе банка даже нет этих денег — осталось всего 3 000 рублей¹⁵³.

Из-за большого невозврата сумм банки по указу вошедшего на престол императора Петра III были закрыты. В указе о прекращении их деятельности от 26 июня 1762 г. говорилось, что *«следствие весьма мало соответствовало намерению и банковые деньги оставались по большей части в одних руках, в кои розданы с самого начала; сего ради повелеваем в розданных в заем деньгах отсрочек более не делать, но все оные неотложно собрать»*¹⁵⁴. Правительство делало ставку на учрежденный на бумаге днем раньше «знатный государственный банк».

В результате дворцового переворота 1762 года Петр III был убит, вследствие чего новый банк так и не был создан, а дворянские банки не были ликвидированы. Помещики, составлявшие окружение Екатерины II, нуждались в источнике дешевых кредитов. Банки в случае материальных затруднений, стихийных бедствий и беспорядков служили им «якорем спасения». Они выдавали льготные ссуды на восстановление помещичьих хозяйств — несмотря на проблемы, связанные с их долгосрочностью и возвратностью. Кроме того, право пользоваться ссудами из банков распространялось на новые территории. Если с 1754 года ссуды выдавались великорусским помещикам, то в 1766 году Дворянский банк получил разрешение принимать в залог прибалтийские имения. В 1776 году разрешили выдавать ссуды белорусским имениям на тех же условиях, что и ссуды великороссийским имениям. Дворянскому банку в Петербурге официально разъяснили,

¹⁵³ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 книгах. Кн. XII. М., 1993. С. 467.
¹⁵⁴ ПСЗ. Собрание первое. Т. 15. № 11581. С. 1050.

что присоединенные по первому и второму разделам Польши провинции составляют часть империи и на них распространяются все права по ссудам и залогу имений. С 1783 года ссуды могли получать смоленские и малороссийские помещики.

Из ведомостей, составлявшихся в Петербургском Дворянском банке, видно, что суммы дворянами занимались разные: от 100 рублей до 12 тысяч и даже более — в зависимости от положения, звания и титулов. Так супруга тайного советника и камергера князя М.М. Щербатова в феврале 1778 года заняла из банка 12 тысяч рублей, а секунд-майору М.Н. Яковлеву в январе 1776 года было выдано только 100 рублей¹⁵⁵.

Закрепившейся практикой в Дворянских банках стала выдача ссуд по указам императрицы. Это лишний раз способствовало тому, что казённые суммы распределялись среди круга приближенных ко двору лиц. Не удивительно, что среди таких заемщиков в Московском дворянском банке фигурируют известные фамилии: граф А.И. Мусин-Пушкин, князь А.А. Прозоровский, князь С.А. Меншиков, княгиня М.Н. Козловская¹⁵⁶.

Приближенные ко двору лица могли рассчитывать на милость императрицы в вопросе об уплате долгов. Так, за счет Кабинета императрицы были оплачены долги в 7 тысяч рублей А.С. Мусина-Пушкина и в 10 тысяч рублей — Н.Д. Дурново¹⁵⁷. Долг был «прощен» и лейб-гвардии капитану грузинскому князю Александру (16,6 тысяч рублей)¹⁵⁸. Однако на большинство служилого сословия такие милости не распространялись.

Сущность Дворянских банков в полной мере проявилась после Пугачевского восстания, когда они оказали всемерную финансовую помощь разоренным помещикам. Манифестом от 31 марта 1775 г. Московскому Дворянскому банку было дано указание раздать займы 1,5 млн рублей губерниям,

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 51. Д. 4295. Л. 100 — 100 об.

¹⁵⁶ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 417. Л. 1–8.

¹⁵⁷ Петербург: История банков. СПб., 2001. С. 41.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 414. Л. 110.

пострадавшим от бунта¹⁵⁹. Государственные ассигнации под воинским конвоем были доставлены в Оренбург, Казань и Нижний Новгород и были распределены поровну между ними. Так было положено начало трем банковым экспедициям, работавшим десять лет — с 1775 по 1785 гг. — под началом Московского дворянского банка. Они выдавали десятилетние ссуды под 3% годовых. Из них 1% уходил на содержание банковских экспедиций, а 2% предполагалось употребить на постройку каменных банковских зданий в этих городах или отсылать в правление банков¹⁶⁰.

Несмотря на то что отделения размещались всего в трех городах, они оказали существенную кредитную помощь в пределах всего Среднего и Нижнего Поволжья. Основной категорией заемщиков оставались помещики, хотя ссуды выдавались также и заводчикам. Кредиты обычно выдавались в 1 000 рублей, но встречались и ссуды в несколько тысяч. Так, 25 тысяч рублей

¹⁵⁹ ПСЗ. Собрание первое. Т. 20. № 14285. С. 96–99.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 51. Д. 4295. Л. 392; Оп. 47. Д. 4074. Л. 14 об.

из Казанской экспедиции получил крупный заводчик Александр Григорьевич Демидов, внук известного предпринимателя петровского времени.

Лимит в 1,5 млн рублей был израсходован экспедициями в первый же год их деятельности. Помещики для получения льготных ссуд не преминули пожаловаться о разорении имений. Взятые деньги не возвращались. Банк не получал даже свои «законные» 2%, которые должны были отсылаться в Москву. В 1790 году, когда экспедиции давно прекратили свою деятельность, слушалось дело об их должниках — 16 саратовских помещиках, которое окончилось только в 1800 году¹⁶¹.

Ко времени существования банковских экспедиций ссудная операция перестала быть единственной операцией в дворянских банках. К ней добавился перевод денежных сумм. Деньги переводились в разные районы империи за очень скромную комиссию в 0,5 копейки с рубля. По причине больших расстояний, бездорожья, форс-мажорных обстоятельств суммы подолгу задерживались в пути. 20 декабря 1781 года деньги было велено перечислять почтой в целях скорейшего их получения. Пересылке подлежала золотая и серебряная монета, а также государственные ассигнации.

Что касается вкладной операции, то она предусматривалась уже в 1766 году. Восьмого августа того года был опубликован проект «О новом по Дворянским банкам учреждении». В нем вкладная операция была расписана как в форме срочных вкладов, так и в форме вклада «до... предписанного... возраста своих детей или наследников»¹⁶². По-видимому, проект во многом остался памятником законодательного бумаготворчества и не имел большого практического значения.

В 1770 году Дворянские банки, остро нуждаясь в привлеченных средствах, вновь объявили о приеме вкладов¹⁶³ дворян

¹⁶¹ Подъяпольская Е.П. К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII в. // Известия Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. Т. 3. Саратов, 1929. С. 16.

¹⁶² ПСЗ. Собрание первое. Т. 17. № 12719. С. 924.

¹⁶³ См. указ от 14 июля 1770 г.: ПСЗ. Собрание первое. Т. 19. № 13481. С. 85.

и учреждений. По указу от 14 июля 1770 г. они принимали вечные вклады¹⁶⁴, обязуясь выплачивать по ним сравнительно высокий процент — 5% и 6%. Такие высокие процентные нормы сводили к нулю основную статью прибыли банка (основанную на разнице вкладного и ссудного процентов), и в условиях слабого возврата сумм по кредитам выплата официально заявленного процента становилась нереальной. Проценты по вкладам пришлось понизить и выплачивать нерегулярно. Это вызывало неудовольствие вельмож, державших в банке крупные суммы. В начале 1780-х годов они даже хотели забрать свои вклады в случае неуплаты процентов. Дело получило огласку и рассматривалось в Сенате. Однако Дворянские банки продолжали начислять повышенные проценты — 6% — лишь по некоторым вкладам, как, например, по вкладу Московского университета. Принцип «привилегированности» сохранялся и в первоочередном удовлетворении требований вкладчиков: сначала деньги отпускались Воспитательному дому, а потом — по чинам, рангам и званиям.

Несмотря на то что декларативно государство объявило о гарантии вкладов, вкладная операция в Дворянских банках получила по сравнению со ссудной небольшое развитие. Она не составила необходимого объема привлеченных средств. Государству, несмотря на хроническую нехватку денежных средств, приходилось производить все новые и новые вливания в банк. Они стали возможными в первую очередь благодаря массовому выпуску ассигнаций. А со временем средства казны стали основной статьей пассива, из которой черпались кредитные ресурсы и удовлетворялись претензии вкладчиков.

По указу от 13 ноября 1778 г. в случае истощения кассы и истребования вкладов в Дворянских банках Ассигнационный банк должен был подкреплять их кассы денежным вливанием до 200 тысяч рублей, которые должны были возвращаться при

164

Вечный вклад — вид вклада, владелец которого мог пользоваться лишь годовыми процентами, не имея возможности снять саму сумму вклада.

первой возможности¹⁶⁵. К 1780 году такие вливания в Петербургский Дворянский банк составили 1,2 млн рублей¹⁶⁶. Согласно ведомости этого банка 1779 года, из всех вкладов и «капиталов» на общую сумму 595 тысяч рублей 464,6 тысяч рублей, или 78%, принадлежали казне¹⁶⁷. Но это не спасло положения — спрос на кредиты был так велик, что он очень быстро поглотил полученные денежные средства.

Между тем дела в Петербургском дворянском банке шли плохо. Основная проблема — возврат ссуд — так и не была решена, несмотря на все старания его управляющего князя Ивана Андреевича Вяземского. По его мнению, корень зла заключался в слабом обеспечении выдаваемых ссуд, и кроме того, в нарушении правил их выдачи. Это приводило к тому, что значительные суммы выдавались под имения, где проживало всего несколько ревизских душ. В 1774 году И.А. Вяземский направил в Сенат донесение, в котором просил санкций на исправление создавшегося положения, в том числе разрешения продать с аукциона имения злостных должников.

Сенат, заслушав доклад И.А. Вяземского, отказал в применении столь суровых мер, сославшись на отсутствие законов, которые были способны разрешить ситуацию. Крупные помещики с явным недовольством отреагировали на возможность хотя бы малейшего притеснения своего сословия. По расплывчатой формулировке Сената, дело передавалось на личное рассмотрение самой императрицы.

Управляющий Петербургским дворянским банком так и не получил ответа на поставленный вопрос — вместо него последовал неожиданный указ Екатерины II об отпуске значительной суммы на содержание Московского воспитательного дома¹⁶⁸.

И.А. Вяземскому оставалось только разводить руками: активы и пассивы дворянских банков не были сбалансированы,

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 414. Л. 106.

¹⁶⁶ Там же. Л. 96 об.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 414. Л. 114.

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 47. Д. 4022. Л. 19.

и одна нерешенная проблема порождала другую. Из-за резкого истощения кассы вследствие раздутого кредитования, хронической задержки или невыплат сумм становилось невозможным своевременно и в полном объеме возвращать вклады.

В 1775 году Московский Дворянский банк послал донесение в Сенат, где говорилось о невозможности исполнить требование императрицы. Только один Опекунский совет Московского Воспитательного дома, за которым стоял видный сановник Иван Иванович Бецкой, требовал выдачи 22 484 рублей. Всего же к декабрю этого года Московский Дворянский банк был обязан выдать по вкладам 158 097 рублей¹⁶⁹.

Сенаторы приказали отдавать деньги «по старшинству»: сначала крупным вельможам или руководимым ими организациям. Показательно, что под этим решением, в том числе, была подпись Романа Илларионовича Воронцова, за взяточничество и стяжательство получившего у современников прозвище «Роман большой карман». Екатерина II смягчила формулировку решения Сената, приказав *«отдатчиков обнадежить всякою в их капиталах безопасностью»*.

Возведенная на российский трон дворянством, императрица ни в коей мере не хотела покушаться на их имущество и права. 30 июня 1775 года она объявила, что погасит долги Московского Дворянского банка из *«комнатной ее величества суммы»*. Царица решила распродать часть огромного и уже устаревшего личного гардероба, считая возможным, таким образом, погасить значительную сумму в 287 649 рублей. Ее прогнозы оправдались: желание надеть монархии одежды среди столичных модниц оказалось велико. Уже к сентябрю 1775 года требования вкладчиков уменьшились до 19 417 рублей.

Для погашения оставшегося долга императрица распорядилась отпустить суммы из Штатс-конторы¹⁷⁰. Подобные меры

¹⁶⁹ Там же. Л. 24.

¹⁷⁰ Штатс-контора — казначейское ведомство, подчинявшееся Сенату. Ведало составлением расходных статей бюджета и осуществлением этих расходов. Учреждено в 1717 году. Упразднено в 1780 году в связи с учреждением казначейств.

(продажа мехов) повторялись в 1777, 1780 и 1782 годах — для этих целей даже учредили специальную Экспедицию о продаже в Москве казённой мягкой рухляди¹⁷¹.

Однако это было искусственным решением проблемы, доказывающим, что «болезнь» дворянских банков давно перешла в хроническую фазу. И.А. Вяземский не имел сил справляться с упорным сопротивлением сенаторов.

После его кончины в 1779 году на место управляющего Петербургским Дворянским банком был назначен граф Яков Александрович Брюс, генерал-аншеф, ставший впоследствии «главноначальствующим» в Москве. Ему вменялось в обязанность навести должный порядок в банке.

Сохранилось несколько докладов Я.А. Брюса императрице Екатерине II, в которых предлагались меры к лучшему ходу дел в учреждении¹⁷². Он даже присмотрел для него новое здание поблизости от Ассигнационного банка на Большой Мещанской улице — вследствие того, что покои Великоустюжского подворья были тесны и не приспособлены под ведение операций¹⁷³. Я.А. Брюс вышел с предложением увеличить оклады служащих с тем, чтобы набрать высококвалифицированный банковский персонал, и добился утверждения новой штатной численности и повышенного жалованья сотрудникам. Он считал необходимым унифицировать условия выдачи ссуд разным заемщикам, которые определялись в большей степени «по пристрастию присутствующих членов», применять жесткие меры к должникам (вплоть до продажи их имений с аукциона)¹⁷⁴.

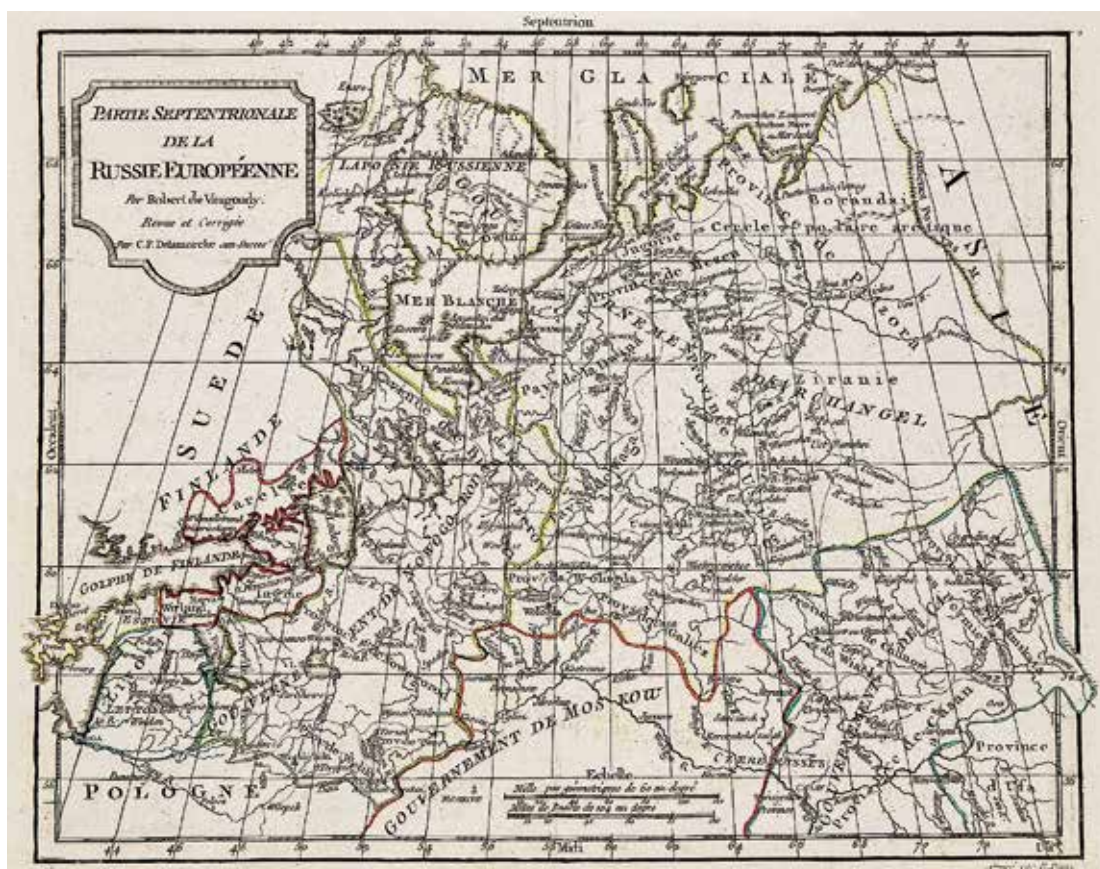
Однако наладить работу банка оказалось сложно. Из-за утраты бухгалтерских и кассирских книг было невозможно обновить списки многих должников. *«А взыскание... сделать ныне банку весьма трудно или почти невозможно, потому что о многих сведений нет... Суммы же всей сим образом растроченной 30 150 рублей, не полагая*

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 149 об., 207, 224.

¹⁷² РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 414. Л. 91–104.

¹⁷³ Там же. Л. 91 — 91 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 92–98.

Карта северной части Европейской России, составленная французским картографом Робером де Вагонди. Издание конца XVIII века. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

Серебряная монета 5 копеек,
1758 год. Отчеканена на Санкт-Петербургском монетном дворе. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

процентов, с которыми и будет больше, нежели вдвое», — докладывал Я.А. Брюс императрице (22 января 1781 г.)¹⁷⁵. Выявилась даже ссуда под подложное имение со 196 крепостными.

Потуги Я.А. Брюса не увенчались успехом. «Столь великие расхищенные суммы» собрать он не смог и в 1781 году покинул свой пост, получив новые высокие назначения.

Между тем состояние дел в банке не улучшалось. Годовые балансы составлялись нерегулярно. По свидетельству современника, «бухгалтерия в нем не действовала, а введен несвойственный сему месту приказный обряд»¹⁷⁶. Бухгалтерские книги правильно велись лишь первые годы его существования. На 1758 год их не обнаружилось, а с 1770-х годов бухгалтерский учет вести совсем перестали. Вместо него составлялись лишь списки вкладчиков и кредитующихся лиц. Все это приводило к утрате полных списков заемщиков, что способствовало расхищению казённых денег.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 100.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 51. Д. 4295. Л. 1 об.

В 1781 году преемник Я.А. Брюса в должности управляющего Петербургским Дворянским банком тайный советник сенатор Петр Васильевич Завадовский, один из многочисленных фаворитов императрицы, послал донесение в Сенат, в котором предлагались меры к ликвидации злоупотреблений. В отличие от И.А. Вяземского, П.В. Завадовский оценивал их с чисто формальной стороны, не вникая в глубинные причины происходящего. Прежде всего, по его мнению, нужно было завести книги «по бухгалтерским правилам всему банковому обращению» — «сколько банк капитала процентов и на оные роста должен платить посторонним вкладчикам и иметь таковых на заемщиках надежных, сомнительных и безнадежных»¹⁷⁷. Последних автор донесения предлагал исключить из списка кредитующихся лиц.

Завадовский предлагал организовать «особую при банковской конторе экспедицию», которая бы финансировалась из средств самого банка в сумме 3 500 рублей в год. Эти деньги предполагалось выделить из сумм шестого процента недворянских вкладов в банке. Сенатор предложил свои услуги в качестве руководителя всего мероприятия. Приобретая, таким образом, неограниченную власть в банке, П.В. Завадовский обещал через два года привести банк «в совершенный касательно внутренности его порядок»¹⁷⁸.

Донесение было написано 9 декабря 1781 года, а заслушано в Сенате уже 14 декабря. Сенат постановил представить по этому вопросу доклад Екатерине II. Однако в докладе, составленном по основным пунктам Донесения, кандидатура П.В. Завадовского как возможного руководителя Экспедиции не упоминалась; ее должна была определить императрица. 31 декабря 1781 года Екатерина II начертала «быть по сему», и экспедиция начала действовать.

В ходе работы выяснилось, что помещики задолжали казне большие суммы, которые не в состоянии были выплатить. Экспедиции пришлось принимать жесткие меры вплоть до продажи

¹⁷⁷ Там же. Л. 1 — 1 об.

¹⁷⁸ Там же. Л. 3 об. — 4.

личного имущества и имений. В связи с этим указом 27 января 1781 г. губернаторам и всем присутственным местам повелевалось незамедлительно по требованию дворянских банков предоставлять сведения об имениях должников¹⁷⁹. В случае неуплаты денег заемщиками они взыскивались с поручителей. Если имение должника покупалось за цену больше объявленного долга, то остаток покупной цены возвращался заемщику.

Более того, ревизия Московского Дворянского банка выявила многочисленные упущения и крупную недостачу денежных сумм. Дело свалили на кассира Крюкова и его «сообщников», в то время как высшее руководство конторы не понесло никакого наказания¹⁸⁰.

Дворянские банки на протяжении всего своего существования оставались кассой для кредитования дворянства. Однако в условиях многочисленных военных кампаний и нехватки денежных средств в царствование Екатерины II становилось все более затруднительным проводить это кредитование. Выход был найден в преобразовании дворянских банков в Заемный банк и учреждении Ассигнационного банка с правом эмиссии необеспеченных металлическим фондом бумажных денег. Манифест о реорганизации был обнародован 28 июня 1786 г. и означал ликвидацию прежних дворянских банков. Их «главные присутствующие» сложили свои полномочия и получили новые должности. Завадовский стал управляющим Заемным банком, а Н.П. Шереметев значится «присутствующим» в пятом департаменте Сената¹⁸¹. Оставленная «для счета похищенных денег» Московская контора Дворянского банка просуществовала до 1800 года¹⁸².

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 51. Д. 4295. Л. 95.

¹⁸⁰ Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2001. С. 41.

¹⁸¹ Русский биографический словарь. Т. 23. СПб., 1911. С. 185–186.

¹⁸² Еще в 1804 году оставалось долгов Московского Дворянского банка на сумму более 628 тыс. рублей, которые, по мнению министра финансов, были безнадежными. Только долги Корф и Локателли составляли сумму более 300 тысяч рублей. Для их погашения даже предлагали создать особый комитет (Архив Государственного Совета. Т. 3. Ч. 2. СПб., 1878. С. 684–686.).

Только в течение 10 лет после прекращения деятельности Московского Дворянского банка она смогла вернуть в казну 1,1 млн рублей, которые были возвращены помещиками. Но еще в 1797 году на заемщиках оставалось долгов с процентами 221 тысяча рублей. Даже в 1804 году за упраздненным банком числилось шесть безнадежных должников. Что касается похищенных сумм, то удалось вернуть лишь жалкие крохи — порядка двух тысяч рублей. Остальная потерянная сумма — 26,6 тысяч рублей — была выдана по подложным залогам на имена 34 персон¹⁸³.

Дворянские банки были первыми ипотечными кредитными учреждениями в России, созданными в условиях дворянского государства. Всеми имевшимися в их распоряжении средствами они поддерживали благородное сословие. Разбросанные по всей России остатки богатых имений «золотого века русского дворянства» — зримое свидетельство этой мощной казённой финансовой опеки. Она позволяла им жить на уровне европейских требований, поддерживая проводившуюся в XVIII веке «вестернизацию» дворянства. А избирательный метод раздачи этих «субсидий» позволял правительству контролировать и распределять их¹⁸⁴.

¹⁸³ Морозан В.В. Указ. соч. С. 41–43.

¹⁸⁴ См.: A. Kahan. The Cost of Westernization in Russia: the Gentry and the Economy in XVIIIth Century Russia // *Slavic review*. 1966. Vol. XXV. № 1. P. 65; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 757.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА II. ПЕРВЫЕ
КАЗЁННЫЕ
БАНКИ

КОММЕРЧЕСКИЕ ПОРТОВЫЕ БАНКИ

Коммерческие портовые банки, учрежденные в крупнейших внешнеторговых портах России XVIII века С.-Петербурге и Астрахани, стали первыми российскими государственными банками для кредитования купечества и одновременно одними из первых банков в стране.

Еще 23 февраля 1754 года глава русского правительства при императрице Елизавете Петровне граф Петр Иванович Шувалов¹⁸⁵ предлагал Сенату обсудить возможность создания банка для купцов, торгующих в петербургском порту. Его доводы были убедительны: при высоком вексельном курсе¹⁸⁶ и дефиците денег столичные купцы испытывали затруднения. Это приводило к упадку торговли и, следовательно, к слабому сбору налогов. Между тем, по словам графа, *«на монетных дворах капитал состоит в немалой сумме без всякого плода; того ради для одного купечества банк до полмиллиона и на первый случай хотя до 200 000 рублей определить и отдавать торгующим в С.-Петербурге купцам из процентов не менее месяца и не более полугода»*¹⁸⁷. Сенату лишь оставалось законодательно закрепить эту плодотворную идею.

Согласно императорскому указу от 13 мая 1754 года, одновременно с учреждением Дворянского банка при Коммерц-коллегии был учрежден Коммерческий банк *«для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества»* и *«пресечения непомерного роста»*¹⁸⁸. Он должен был открыть операции уже 15 июля того года (за ним закрепилось название Купеческого банка).

Его задачей было обеспечение крупных российских купцов, связанных с внешней торговлей, дешевым кредитом. Банк выдавал ссуды из низкого процента — 6% годовых — купцам под залог товаров из расчета 80% его стоимости. Деньги выдавались

¹⁸⁵ Шувалов Петр Иванович (1710–1762), граф, государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Фактический руководитель правительства при императрице Елизавете Петровне. Подал в Сенат свыше двадцати проектов, касавшихся различных аспектов государственного управления. В числе реализованных предложений П.И. Шувалова — отмена внутренних таможен, межевание земель, создание первых банков в России и увеличение объемов чеканки медных денег.

¹⁸⁶ Имеется в виду курс иностранных валют по отношению к рублю.

¹⁸⁷ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. XII. М., 1993. С. 190.

¹⁸⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. 14. № 10235. С. 87.

по освидетельствовании товара Коммерц-коллегией. На сумму займа на гербовой бумаге купцом выписывался вексель, хранившийся в банке¹⁸⁹. В залог принимались также золото, серебро, свидетельства, или аттестаты, магистратов. Ссуды должны были выдаваться на срок от одного до шести месяцев.

Учреждение Купеческого банка было предпринято под покровительством П.И. Шувалова и, очевидно, при идейном вхождении президента Коммерц-коллегии Якова Матвеевича Евреинова. Создание этого кредитного учреждения носит на себе явный отпечаток увлечения меркантилизмом. Сторонники этого течения экономической мысли считали, что для процветания экономики необходимо активизировать торговый баланс страны. На практике это означало поощрение экспорта при повышенных таможенных тарифах на импорт. Не случайно почти одновременно с учреждением Коммерческого банка в России были отменены внутренние таможи, служившие преградами к внутренней торговле.

Идеи меркантилизма разделял уже упомянутый Я.М. Евреинов, которому П.И. Шувалов доверил создание и управление Коммерческим банком. Яков Матвеевич Евреинов (1700–1772), сын московского купца-еврея, был удостоен дворянства и вошел в элиту российского купечества. В 15-летнем возрасте он был отправлен Петром I в Европу для обучения иностранным языкам и коммерции. В числе стран, куда его отправили на обучение, была Голландия, в то время буквально пронизанная идеями меркантилизма — ее богатство и благосостояние могли показаться юноше из России сказочным Эдемом. В 1742 году бывший генеральный консул России в Испании Я.М. Евреинов был назначен советником Мануфактур-коллегии, в 1745 году стал вице-президентом, а в 1753 году — президентом Коммерц-коллегии. В этой должности он возглавил Коммерческий банк.

Штат банка состоял из 20 человек: бухгалтера, кассира, их помощников, счетчиков, вахмистра, юнкеров и солдат охраны.

¹⁸⁹ Здесь вексель служил лишь документом о выдаче кредита.

Неизвестный художник первой
четверти XVIII века. Портрет Якова
Матвеевича Евреинова. 1723 год.
Холст, масло. 69,4 × 55 см (овал).
Государственная Третьяковская галерея

К своему солидному жалованию президента Коммерц-коллегии Я.М. Евреинов добавил и годовое содержание директора банка — 441 рубль 90 копеек¹⁹⁰.

С самого начала деятельности нового кредитного учреждения Я.М. Евреинов столкнулся со специфическими проблемами, связанными главным образом с торговлей С.-Петербурга. Основу купечества Северной столицы составляли европейские купцы, часто имевшие российское подданство. Известно, что в 1787 г. из 76 купцов, торговавших в петербургском порту, только трое были русскими. По данным того же года, на долю русских купцов приходилось всего 0,5% петербургского экспорта и 1,2% импорта¹⁹¹. Этим европейским купцам был доступен вексельный кредит у себя на родине — основание же российского государственного банка для купечества вызывало недоверие, так как в стране

¹⁹⁰ Впоследствии штат был сокращен до 16 человек, равно как и расходы по банку.

¹⁹¹ Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб., 1998. С. 109.

Вид на биржу в Санкт-Петербурге. Английская гравюра середины XVIII века, раскрашенная от руки акварелью. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

отсутствовала традиция европейского банковского дела. Кроме того, политика России нередко испытывала существенные колебания с приходом нового императора.

Поэтому с момента издания указа от 13 мая 1754 года вплоть до августа месяца никто из купцов в банк не явился. Тогда президент Коммерц-коллегии вызвал нескольких купцов и расспросил их о причине нежелания брать ссуды под льготный процент. Те отвечали, что товарный залог вызывает у зарубежных партнеров недоверие к российским торговым людям и что шестимесячный срок ссуды нереален. Это небольшой срок для торгового оборота в условиях России. Купцы просили давать деньги не под товар, а под векселя, и на более длительный срок. Я.М. Евреинов представил эти предложения Сенату, указом которого (от 23 августа 1754 г.) срок ссуды был увеличен до года¹⁹². По указу от 7 марта 1762 г. допускалась и более длительная пролонгация — если товар или денежные суммы

¹⁹² См. указ от 23 августа 1754 г.: ПСЗ. Собрание первое. Т. 14. № 10280. С. 199.

Здание Двенадцати коллегий и Гостиный двор в С.-Петербурге. Гравюра на меди, раскрашенная от руки акварелью (с оригинала М.И. Махаева). Западная Европа, третья четверть XVIII века. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

задерживались в пути, а также если должник не мог выплатить суммы в назначенный срок¹⁹³.

Возможно, купцы могли испытывать сложности и с тем, что Коммерческий банк, как уточняют документы, выдавал ссуды «казёнными медными деньгами»¹⁹⁴, а не серебряной монетой. Это могло затруднять торговые сделки с иностранными купцами, принимавшими в платежи серебро (медная монета обращалась внутри Российской империи).

В конце 1754 года от петербургского Коммерческого портового банка последовало заявление, что вместо определенного ему капитала в 500 тысяч рублей с Монетного двора было отпущено только 200 тысяч рублей, из которых было роздано в ссуды 193 тысячи рублей¹⁹⁵. Многие купцы не погашали кредиты в срок, и многочисленные отсрочки привели к тому, что Коммерческий банк с трудом возвращал свои капиталы. Я.М. Евреинов даже приказал взять под караул 13 купцов как злостных неплательщиков.

Проблема осложнилась пожаром петербургского порта 29 июня 1761 года, когда были уничтожены амбары с пенькой и льном. В огне погибли товары 94 купцов, предназначенные для заграничной продажи. Из них у 14 купцов, претерпевших убытки, долг Коммерческому банку оценивался в 86 тысяч рублей¹⁹⁶. Среди крупных должников числились петербургские купцы Л. Горбылев (42 тыс. руб.) и И. Дьяконов (13 тыс. руб.), серпуховской купец Т. Остапов (12 тыс. руб.), а также директора банка И. Щукин (43,2 тыс. руб.) и С. Роговиков (40 тысяч руб.)¹⁹⁷. В числе заемщиков банка числилась Темерниковская компания по торговле с Турцией, занявшая порядка 14 тысяч рублей.

При Петре III выход из сложившейся ситуации видели в закрытии банка, о чем 26 июня 1762 г. последовал

¹⁹³ ПСЗ. Собрание первое. Т. 15. № 11462. С. 935–936.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 412. Л. 1 об.

¹⁹⁵ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. XII. М., 1993. С. 196.

¹⁹⁶ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. М., 1999. С. 224.

¹⁹⁷ См. Список должников Коммерческого банка, 1764 г.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 415. Л. 4 — 6 об.; Там же. Д. 412. Л. 1 об.

Я.И. Аргунов. Портрет Якова Матвеевича Евреинова. Бумага коричневая, тушь, кисть, перо. Рисунок начала XIX века. 28,2 × 19,2 см. Государственная Третьяковская галерея

соответствующий указ¹⁹⁸. Однако вследствие убийства императора он так и не был исполнен. Взошедшая на престол Екатерина II повелела сохранить банк. Несмотря на трудное начинание, правительство понимало необходимость этого учреждения для развития внешней торговли. Коммерческий банк было решено не выделять в отдельную организацию, а слить его с Коммерц-коллегией, что произошло 4 марта 1764 года. Согласно указу от 21 июня того же года размер ссуды в одни руки был ограничен до 10 тысяч рублей. Векселя, «кредитивные письма»¹⁹⁹ от магистратов и ратуш было рекомендовано не принимать. Любые отсрочки по платежам отменялись.

В том же году руководитель Темерниковской компании Василий Макаров (Хасхатов) обратился к Екатерине II с просьбой списать сумму долга или отсрочить его погашение на 12 лет. Учитывая заслуги купца в развитии черноморской торговли, Коммерц-коллегия пошла ему навстречу и растянула срок погашения кредита до 8 лет. Императрица утвердила это решение²⁰⁰.

Сумма просроченных ссуд оказалась настолько большой, что поступлений не хватало даже на выплату жалования банковским служащим. Общая сумма долгов составляла 408 тысяч руб. Вину за невозврат сумм свалили на Я.М. Евреинова, который был отстранен от должности. Дела Коммерческого портового банка поручили вести камергеру двора графу Николаю Александровичу Головину, которому велели *«выбрать к себе в помощь из штабных чинов человека надежного и знающего купцов наших состояние, дабы по сведению каждого купца промыслов и доброго их поведения мог... дела производить со всякою верностью и осторожностью»*²⁰¹.

Головину предстояло вместе с Евреиновым в течение двух лет вернуть просроченные ссуды с процентами казне таким

¹⁹⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. 15. № 11581. С. 1050.

¹⁹⁹ В XIX веке кредитивные письма считали векселями (См.: Вавилов И.С. Беседы русского купца о торговле. СПб., 1845. С. 124).

²⁰⁰ Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е гг. XVIII в.). М., 1994. С. 146.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 45. Д. 3949. Л. 161 об.

образом, «чтоб купцам надежным разорения не учинить»²⁰². Розданный в ссуды капитал вместе с набежавшими процентами был оценен в 831,5 тысячи рублей²⁰³. Несмотря на то что часть сумм была должниками погашена (305,9 тысяч руб.), в 1766 году предстояло вернуть 255,6 тысячи рублей. Из них 121,3 тысячи рублей, или порядка половины, числилось на безнадежных должниках. Они были взяты под караул, но эти меры не принесли ожидаемого результата. Так, петербургский купец С. Рубцов заявлял, что «имеет на разных людях в долгах по счетам и записям более 4 000 рублей, но оного нигде получить не может»²⁰⁴.

Несмотря на право в случае невыплаты ссуд продавать товары купцов с публичного торга, эта мера не выправила положения. В 1766 году Н.А. Головин, недовольный, на его взгляд, малым вознаграждением за «труды», подал в отставку. Однако ему пришлось находиться на этой должности до 1769 года, пока дела банка не были переданы ассессору Андрею Ивановичу Поливанову. Но уже через год, в 1770 году, банк переподчинили надворному советнику Христиану Николаевичу Ферберу, который одновременно входил в руководство Камер-коллегией. Главной задачей нового выдвиженца был сбор денег по ссудам (Камер-коллегия ведала государственными доходами).

В 1770 году Коммерческий портовый банк в С.-Петербурге перестал выдавать кредиты. Тогда же была составлена ведомость должникам банка, которых оставалось 30 человек. Это были купцы из разных городов, некоторые из которых были напрямую связаны с откупам Шувалова. Так, Лев Кобяков был участником известной Персидской компании, а Михаил Евреинов обладал монополией на продажу за границу льняного семени (с 1757 года на 6 лет). Леонтий Горбылев монополизировал торговлю табаком; с табачным откупом П.И. Шувалова были связаны также петербургские купцы Иван и Александр Гуляевы²⁰⁵.

²⁰² Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. XIII. М., 1994. С. 315.

²⁰³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 412. Л. 22, 23 об.

²⁰⁴ Там же. Д. 415. Л. 4.

²⁰⁵ Там же. Д. 412. Л. 69, 103–106.

Должники Коммерческого банка по данным ведомости 1770 года²⁰⁶

Ф.И.О.	СОСЛОВИЕ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ	КОГДА ЗАНЯЛ, ГОД	СУММА ДОЛГА, ТЫС. РУБ.	ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРЕДИТА (В СКОБКАХ — КОЛИЧЕСТВО ЛИЦ, ДАВШИХ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА)	ОТМЕТКА КОМИССИИ О КОММЕРЦИИ О ВОЗВРАТЕ ДОЛГА
Безсонов Петр	Петербургский купец	1759	1	Поручительства купцов (2)	Безнадежный долг
Белянин Петр	Петербургский купец, быв- ший директор Персидской компании	с 1755	21,6	Нет сведений	Безнадежный долг
Бок Иоганн	Петербургский купец	1760	3	Поручительства от купцов (3)	Долг подлежит погашению
Бумажнов Ефим	Масальский купец	1764	26	Аттестат Масальской ратуши	Безнадежный долг
Волков Иван, Коростин Ефим	Брянские купцы	1762	2	Аттестат брянского магистрата	Долг подлежит погашению
Горбылев Леон- тий, Горбунцов Михаил	Петербургский купец; ростов- ский купец	1761	27 + 15	Залог недвижимости (городского двора, фабрики с крепостными и материалами); поручительства от купцов (в том числе, самого Горбылева)	Долг, близкий к безнадежному
Губкин Савва	Трубчевский купец	1759	3	Поручительства от купцов (2)	Безнадежный долг
Гуляевы Иван и Александр	Петербургские купцы	1758; 1763	9,3 (на двоих) + + 4	Поручительство купцов	Безнадежный долг
Дьяконов Иван	Петербургский купец	1761	13	«По разным вексе- лям»; заложены двор и три лавки с това- ром в С.-Петербурге	Долг, близкий к безнадежному

Должники Коммерческого банка по данным ведомости 1770 года (продолжение)

Ф.И.О.	СОСЛОВИЕ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ	КОГДА ЗАЯВЛ. ГОД	СУММА ДОЛГА, ТЫС. РУБ.	ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРЕДИТА (В СКОБКАХ — КОЛИЧЕСТВО ЛИЦ, ДАВШИХ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА)	ОТМЕТКА КОМИССИИ О КОММЕРЦИИ О ВОЗВРАТЕ ДОЛГА
Евреинов Михаил	Московский купец	1762	9	Поручительство купца (1)	Долг погашался, в том числе, зачетами с откупщика Н. Шемякина и Главной над таможенными сборами канцелярии
Кобяков Лев	Астраханский купец	1763	12	Поручители из чи- новников (3)	Долг частично погашен зачетами по казённым поставкам
Коншин Иван	Калужский купец	1759	1,5	Поручительства от купцов (3)	Долг взыскивал- ся с поручителя обер-инспектора Никиты Шемякина
Ланин Обросим	Калужский купец	1763		Поручительство от купца (1)	Долг взыскивал- ся с поручителя обер-инспектора Никиты Шемякина
Макурин Петр	Гжатский купец	1763	7	Поручители из купцов (4)	Подлежит погашению
Мартынов Иван	Московский купец	1762	7	Поручительства от купцов (2)	Долг погашался, в том числе, зачетами с откупщика Н. Шемякина и Главной над таможенными сборами канцелярии
Немилов Иван	Ржевский купец	1757	2	Поручительство ржевских купцов (2)	Безнадежный долг
Неустроев Семен	Трубчевский купец	1762	2	Поручительство трубчевского маги- страта (аттестат)	Долг погашен (но без процентов)

Должники Коммерческого банка по данным ведомости 1770 года (окончание)

Ф.И.О.	СОСЛОВИЕ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ	КОГДА ЗАНЯЛ, ГОД	СУММА ДОЛГА, ТЫС. РУБ.	ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРЕДИТА (В СКОБКАХ — КОЛИЧЕСТВО ЛИЦ, ДАВШИХ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА)	ОТМЕТКА КОМИССИИ О КОММЕРЦИИ О ВОЗВРАТЕ ДОЛГА
Никулин Илья	Брянский купец и желез- ных заводов содержатель	1762	6	Аттестат Болховского магистрата и пору- чительство купца (1)	Безнадежный долг
Овчинников Сергей	Петербургский купец	1759	2	Поручительства от купцов (2)	Долг, подлежащий погашению
Окулов Перфил	Калужский купец	1763	4 (на двоих)	Поручительство от купца (1)	Долг взыскивал- ся с поручителя обер-инспектора Никиты Шемякина
Орлов Дмитрий	Ржевский купец	1759	3	Поручительство ржевских купцов (2)	Безнадежный долг
Остапов Тимофей	Серпуховской купец	1760	12	Аттестат Серпухов- ского магистрата и поручительства	Долг подлежит погашению
Рубцов Самуил	Петербургский купец	1759	2	Поручительства от купцов (2)	Долг, подлежащий погашению
Седельников Илья	Верейский купец	1760	1	Поручительство куп- ца (1) и крестьян (2)	Безнадежный долг
Симонов Михаил	Трубчевский купец	1763	4	Поручительство трубчевского магистрата	Безнадежный долг
Симонов Яким	Трубчевский купец	1763	7	Поручительство трубчевского магистрата	Безнадежный долг
Суслов Никита	Карачевский купец	1762	0,5	Поручительства (2)	Долг подлежит погашению

Из почти 207 тысяч рублей долга порядка половины (97,9 тысячи рублей, или 47%) числилось на 10 петербургских купцах. Двум московским купцам удалось занять 16 тысяч рублей, что составляло меньше 8% общей суммы. Показательно, что такой же долг значился на 4 трубчевских купцах, а долг вдвое меньший (8 тысяч рублей) — на двух торговцах из Брянска. Среди заемщиков значатся также купцы из Гжатска, Вереи, Серпухова и других городов. По-видимому, «география» заемщиков мало отражала торговое развитие этих мест и в большей мере свидетельствовала об их тесных связях с окружением П.И. Шувалова.

Судя по ведомости о должниках 1770 года, должники занимали деньги с 1755 по 1764 год. Назначение кредитов оговаривалось редко — лишь в одном случае он давался «на размножение коммерции» (Е. Бумажнову)²⁰⁷. По-видимому, во многих других случаях действовало правило «доверия» высокого лица к тому или иному купцу.

Показательно также, что из 30 случаев лишь 26 кредитов были выданы под поручительства, без залогов. В большинстве случаев это были поручительства купцов (15 случаев), которые они могли давать, в том числе, друг на друга (если оба купца являлись должниками банка). От магистратов отмечено лишь 4 поручительства (аттестата). Это свидетельствует о том, что очень скоро (по-видимому, около 1755 года) правила выдачи ссуд были изменены. Как уже говорилось, купечество уже при основании банка просило выдавать кредиты не под залог, а под поручительства. Эта просьба была удовлетворена.

Официально Коммерческий банк был ликвидирован в октябре 1782 года, когда его капиталы были переданы Дворянскому банку. Однако к 1785 году долги еще не были взысканы, и казна применяла крайние меры для возвращения взятых у государства сумм. Имущество должников продавалось с аукциона. В списке должников оказался и президент Коммерц-коллегии Я.М. Евреинов, выписывавший большие суммы на свое имя

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 412. Л. 91 об.

(его долг в 1764 г. оценивался в 121,5 тыс. руб.²⁰⁸). К тому времени его давно уже не было в живых, и казна описала имение его наследников.

Точку в вопросе о долгах петербургскому Коммерческому банку неожиданно поставил Павел I. Императорским указом от 5 января 1797 года долг умершего Евреинова было приказано не взыскивать, а описанное имение передать наследникам²⁰⁹. Девятого апреля 1797 года Павел I подписал новый указ, согласно которому *«по рассмотрении дела о должниках Коммерческому банку, уважая продолжение чрез многое время сего дела, наипаче же из особой нашей монаршей милости всех их прощаем»*²¹⁰. Таким образом, было списано долгов на 208 тысяч рублей.

Однако по сравнению с громадной дворянской задолженностью эта сумма не выглядит большой. Кроме того, банковские ссуды купцам никак не соответствовали ни обороту столичного порта, ни нужде купцов в кредите. Деятельность Коммерческого банка при петербургском порте скорее была красивой вывеской о попечении государством торговли, чем кредитным учреждением, приносящим реальные плоды для ее развития.

* * *

Наряду с С.-Петербургом, сосредоточенным на европейской торговле, другим крупным внешнеторговым портом России в середине XVIII века оставалась Астрахань, куда стекались восточные товары и купцы. Еще в начале XVII века голландский купец и путешественник Исаак Масса писал, что Астрахань *«всегда была большим и людным торговым городом, куда стекалось для торговли множество купцов из Персии, Аравии, Индии, Армении, Шемахи и Турции»*²¹¹. Город удерживал свои позиции и столетие спустя, играя важную роль в развитии торговли с Персией, государствами Средней Азии,

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 412. Л. 30 об.

²⁰⁹ Там же. Ф. 248. Оп. 56. Д. 6708. Л. 311.

²¹⁰ Там же. Л. 325.

²¹¹ Масса И. Краткое известие о Московии. М., 1937. С. 23.

а через Темерниковскую компанию — и с Турцией²¹². В это время, как писал современник, «купечества жителей астраханских русских обретаются невеликое число, только приезжих из прочих российских городов; также армян, индейцев²¹³, персиян, бухарцев и нагайцев, живущих при Астрахани, многое число. ...Товары больше в провоз через Астрахань идут, то есть немецкие сукна и другие — из России, мягкая рухлядь (меха — А.Б.), и юфть, и полотна — в Персию; из Персии ж шелки и шелковые парчи, выбойки и иные в Россию — особливо за море шелков множество; также прежде хаживали караваны в Бухарию и Хиву... Также де в Астрахани лошадей и скота довольно в торгу бывает»²¹⁴.

²¹² См.: Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII в.). М., 1994.

²¹³ Имеются в виду индусы.

²¹⁴ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 230.

Рыбаки на Волге и калужский купец.
Гравюра на меди (фрагмент), 1770-е годы

Развитию и благоустройству Астрахани в XVIII веке немало способствовала деятельность губернатора Никиты Афанасьевича Бекетова (1729–1794), управлявшего городом в 1763–1773 годах. Помимо заведения обширных садов и благоустройства, он способствовал открытию в этом крупном торговом центре империи банка. Его учреждение диктовалось теми же причинами, что и в С.-Петербурге (активизация внешней торговли), но в отличие от него развитие Астраханского коммерческого банка пошло иначе. Если петербургский банк функционировал на правах учреждения Коммерц-коллегии, то в указе об открытии астраханского банка от 23 июля 1764 г. было оговорено, что он поручается Главному управлению астраханского губернатора²¹⁵.

Губернатор становился фактическим распорядителем банка — он выбирал из надежных офицеров достойного директора²¹⁶, а директор производил раздачу и перевод денег с ведением губернатора. Такие условия в 1770-е годы поставили банк в зависимость от преемников Н.А. Бекетова по должности — прежде всего астраханского генерал-губернатора, царского фаворита Григория Александровича Потемкина (1739–1791). Последний фактически распоряжался и астраханской конторой Ассигнационного банка. Сама постановка вопроса, отдававшая кредитное учреждение в фактическое распоряжение одного человека, была порочной, так как превращала его в «карманный» банк для группы приближенных к губернатору лиц.

Астраханский портовый банк выдавал ссуды и переводил суммы в Москву через Дворянский банк, с которым постоянно поддерживал связь, выделив для отдельного учета сумму в 20 тысяч рублей. Указом об основании банка предписывалось выдавать ссуды под залог товаров из 6% годовых от 100 руб. до 10 тыс. руб. одному заемщику из числа торговавших при порте купцов. Допускалась выдача кредитов по «кредитивным письмам»

²¹⁵ ПСЗ. Собрание первое. Т. 16. № 12213. С. 847.

²¹⁶ Первым директором Астраханского коммерческого банка был полковник Михаил Лебедев, назначенный Н.А. Бекетовым.

Карта побережья Каспийского моря.
Гравюра из книги Жана-Мари Шопена
'Russie', изданной в Париже в 1838 году

магистратов. Вексельное кредитование было новым и рискованным делом, однако оно имело место в Астраханском банке, о чем говорят сохранившиеся документы²¹⁷.

На оборотный капитал астраханского банка было выделено 175 тысяч рублей медной монетой из 200 тысяч рублей хранившихся в Астрахани средств Штатс-конторы и Камер-коллегии. Эти средства стали единственным источником формирования кредитных ресурсов банка — ведение вкладной операции, как и в банке при петербургском порте, не предусматривалось.

Уже в 1764 году банк, разместившийся в кельях Троицкого монастыря, роздал в ссуды более 16 тысяч рублей и 20 тысяч рублей отчислил для перевода в Москву. Показательно, что за первый операционный год в документах банка значился единственный «приход» — купец Лаврентий Иванов, владелец шелковой фабрики и трех морских торговых судов, заплатил проценты по ссуде²¹⁸. Ее он получил в форме векселя по аттестату (рекомендации) местных властей.

Согласно архивным документам, банковские ссуды получали купцы, торговавшие в астраханском порту. В основном это были иногородние торговцы, которые могли и не приезжать за деньгами в Астрахань. Сделки оформляли их агенты-приказчики, действовавшие по доверенности. Они оформляли товары в залог и получали суммы за векселя²¹⁹. При этом платеж по ссуде допускался не только в самой Астрахани, но и в Москве, в Дворянском банке.

Выдача ссуды оформлялась через вексель, дисконт с которого сразу вычитался банком при выдаче наличных денег. Из этих процентных денег выплачивалось жалование служащим и охране банке (эти расходы в 1765 году составили 551 рубль)²²⁰.

После большого пожара в Астрахани в 1767 году банк был вынужден изменить характер своих операций. Они все более

²¹⁷ См.: ЦГА Москвы. Ф. 619. Оп. 1. Д. 458.

²¹⁸ Волков Ю.Л. Банковские учреждения в Астрахани: историко-экономические очерки. Ч. 2. Астрахань, 2008. С. 22.

²¹⁹ Там же. С. 23.

²²⁰ Там же. С. 29.

отдалялись от характера коммерческого кредита, приближаясь к целевому. Для восстановления города и постройки в нем «каменного строения по правилам архитектуры» из казны через банк в 1768 году было выделено 170 тысяч рублей²²¹.

По свидетельству современника, «корона взяла на себя [обязательство] стараться о строении, и готовые дома отдавать жителям по такой цене, какой они самой ей стоили; также и дан срок немущим и охотникам для заплаты денег на 10 лет»²²². Ссуды выдавались погорельцам под залог недвижимости без процентов, что было закреплено указом от 20 мая 1768 года. В последующее время, с 1778 по 1797 год на эти цели было выделено 120,8 тысячи рублей²²³. Одним из первых заемщиков и здесь оказался Лаврентий Иванов, которому в 1768 году выдали ссуду в 4 000 рублей «на вспоможение» в восстановлении сгоревшей фабрики. С этого времени ссуды богатым погорельцам стали приоритетной задачей банка.

По-видимому, его клиентура была довольно узкой, а основная часть жителей Астрахани прибегала к услугам этого учреждения лишь в крайнем случае, очевидно не желая связываться с городскими властями. Межкупеческий кредит по-прежнему оставался главным источником займа денег для торговцев. Не случайно посетивший Астрахань в 1770 году академик Самуил-Готлиб Гмелин (1744–1774) отметил, что банк мало содействовал развитию астраханской торговли²²⁴.

В связи с этим предпринимались попытки создания при банке дочерних кредитных учреждений, кредитовавших купеческие общины. Наиболее богатой и многочисленной среди них была армянская, занявшая прочные позиции в торговле. По протекции П.И. Шувалова армянские купцы взяли в аренду астраханский торг, а в 1758 году основали компанию по торговле с Персией.

²²¹ Гмелин С.-Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. СПб., 1777. С. 137.

²²² Там же.

²²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 56. Д. 6708. Л. 405.

²²⁴ Гмелин С.-Г. Указ. соч. С. 164.

15 марта 1779 года в Астрахани был учрежден отдельный Ссудный банк для армян, претерпевших разорение от калмыков в 1771 году. Он был соединен с Коммерческим банком и подчинен его директору. Ассигнационному банку было велено отпустить без замедления в новый банк 50 тыс. рублей для кредитования купечества²²⁵.

В первый год существования Ссудного банка ссуд было выдано на 16,9 тысячи рублей. Это были долгосрочные ссуды на 10 лет. Деньги должны были вернуться в Москву, однако в 1789 году стало ясно, что возратить данные займы деньги она не сможет²²⁶.

Тем временем почти каждый год выдачи астраханским купцам были значительными. За вторую половину 1783 года из банка было выдано кредитов на 48,5 тысячи рублей, а за вторую половину 1785 года — на 36,8 тысячи рублей²²⁷. Среди этих выдач были и очень крупные, в основном относившиеся к купцам армянской общины Астрахани. Так, купец Миней Дилянчеев в 1787 году занял 15 тысяч рублей. Эти деньги он тратил на возведение пяти каменных домов и церкви в центре города.

К тому времени ссуды уже стали выдавать не только под вексель, но и под ломбардные ценности: золото, серебро и драгоценные камни. Это новшество было введено по инициативе Г.А. Потемкина²²⁸. Поручило распространение кредитование купцов через векселя без залогов, что противоречило изначальным правилам банка. Однако лимит выдачи в одни руки остался прежним (10 тысяч рублей). Всего же в ссуды купечеству банк раздавал более трети своих ресурсов (в среднем в 1780–1790-е годы они составляли от 290 тысяч до 450 тысяч рублей²²⁹).

Среди заемщиков банка изредка встречались и дворяне. Известно, что полководец Александр Васильевич Суворов

²²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 47. Д. 4022. Л. 223.

²²⁶ Там же. Оп. 54. Д. 4544. Л. 155 — 155 об.

²²⁷ Там же. Л. 485, 490.

²²⁸ Волков Ю.Л. Указ. соч. С. 44.

²²⁹ Там же. С. 47, 61–62.

занимал в банке деньги на покупку имений в Центральной России, причем долги он выплачивал вовремя.

В конце XVIII века среди выдач банка в Астрахани отмечены кредиты на устройство заводов (5 тысяч рублей в 1789 году) и губернской типографии (в 1792 году). При сохранении подчиненности губернатору не удивительно, что банк активно привлекался к финансированию обустройства Астрахани и другим операциям, связанным с городом. Он выделял деньги на достройку и очистку городского канала, постройку казённого хлебного запасного магазина; вел учет денег, которые обыватели вносили на содержание городской полиции.

В условиях падения значения астраханской торговли в начале XIX века возврат ссуд превратился в главную проблему банка. Они погашались с трудом и с многолетним опозданием. Из-за этого в 1804 году банк прекратил выдавать ссуды частным лицам на строительство каменных домов. С организацией Государственного Коммерческого банка по предложению министра финансов Дмитрия Александровича Гурьева 11 июля 1821 года Астраханский коммерческий банк был упразднен, и *«для доставления местному купечеству пособия для торговых оборотов»* вместо него была учреждена Астраханская контора Коммерческого банка.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА II. ПЕРВЫЕ
КАЗЁННЫЕ
БАНКИ

МЕДНЫЙ БАНК

Максимизация эффективности денежно-кредитного обращения, насыщение внутреннего рынка деньгами, посредством чего государственная казна будет «приращаться», — эти идеи известного французского финансиста Джона Лоу находили отклик в России еще в царствование Петра I. Известно, что он распорядился напечатать на русском языке одно из сочинений Лоу²³⁰, а его самого приглашал в Россию, обещая большое жалованье. Интерес к идеям этого экономиста позднее, видимо, проявляли «государственные мужи» при дворе дочери Петра I — императрицы Елизаветы Петровны.

Петру Ивановичу Шувалову, фактически руководившему страной в 1750-е годы, выпала нелегкая ноша: надо было насытить казну, активизировать внешнеторговый баланс страны, развить внутреннюю и внешнюю торговлю, обеспечить подданным процветание. Естественно, П.И. Шувалов в традиции «универсального чиновника», столь характерного для XVIII века, занимается финансовыми проектами — прежде всего для наполнения казны.

Несмотря на введение Петром I медной монеты, в казне не хватало серебра. В России в то время разработка серебряных месторождений была крайне недостаточна с запросами денежного хозяйства. А серебряные деньги по-прежнему, как во времена Античности, оставались «мировыми деньгами», средством международных расчетов.

Опыт пограничных государств, прежде всего Швеции, показывал, что в качестве источника получения новых денежных ресурсов можно использовать не только выпуск банковских нот, но и наводнение внутреннего рынка медной монетой с номинальной стоимостью.

Как и Россия в XVIII веке, Швеция столетием раньше стремилась удерживать видную роль в большой европейской

²³⁰ Перевод сочинения Лоу «*Considerations sur le numeraire et le commerce*» был сделан князем И.А. Щербатовым, в 1719–1721 годах проходившим обучение в Англии. Оно было издано в России под заглавием: «Деньги и купечество, рассуждено с предложениями к присовокуплению в народе денег, через господина Ивана Ляуса, ныне управителя королевского банку в Париже».

политике, не имея мощных сырьевых ресурсов колоний (как Англия) и сильной экономики, способствовавшей приливу в страну денег (как Франция). Обладая лишь запасами меди, дальновидные шведские короли использовали их для оснащения армии, что впоследствии сыграло свою роль в Тридцатилетней войне (1618–1648)²³¹, по итогам которой страна выдвинулась в число первых европейских держав.

В 1625 году в Швеции была установлена биметаллическая денежная система. Наряду с серебряным далером циркулировал и медный, весом в килограмм чистой меди. Выпускались также и десятидалеровые медные платы. Медная монета господствовала на внутреннем рынке, а серебро вымывалось из обращения.

Петр I с пристальным вниманием относился к опыту этой великой державы на Балтике. В числе заимствований была попытка наладить производство (в короткое правление его вдовы Екатерины I) собственных рублевых плат, правда, не имевшая успеха. Более удачно с 1700 года прошло внедрение мелкой монеты из меди, первое время сосуществовавшей с серебряными «чешуйками» архаичного проволочного чекана.

Эксплуатация чеканки медной монеты рассматривалась как одно из наиболее проверенных средств для наполнения казны и в правительстве Елизаветы Петровны.

Кто же входил в окружение П.И. Шувалова и мог консультировать его по экономическим вопросам? Известно, что сам Петр Иванович за границей не был, однако пользовался услугами видных французских купцов, которые были его дипломатическими агентами. Мы также знаем, что доверием П.И. Шувалова пользовался Яков Матвеевич Евреинов, дипломат, один из петровских пенсионеров, знавший и разделявший идеи меркантилизма.

Компаньонские отношения, — а может быть и отношения консультационные, — связывали П.И. Шувалова с английским коммерсантом Вильямом Гоммом. В окружение Шуваловых входил

²³¹ A History of European Banking. Ed. by H. van der Wee, G. Kurgan — van Hentenryk. Antwerpen, 2000. P. 227.

много путешествовавший по Европе граф Иван Григорьевич Чернышев (1717 (1726?) — 1797), который знал господствовавшие в Европе идеи.

Известно также, что путешествовавший по Европе канцлер Михаил Илларионович Воронцов, один из приближенных к Шувалову людей, при императоре Петре III подавал небезынтересные финансовые проекты, разработанные, скорее всего, еще советниками П.И. Шувалова. М.И. Воронцов, как и Я.М. Евреинов, был сторонником меркантилизма, хотя «общая государственная польза» ему представлялась в узком преломлении в основном дворянских интересов.

Судя по хронике реформ П.И. Шувалова, сам вельможа разделял идеи меркантилизма. По его инициативе были увеличены ввозные пошлины на многие импортные товары, что создало дополнительный источник казённых поступлений. В 1754 году учреждаются первые российские банки: Петербургский и Московский Дворянские, а также «Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции».

С 1756 года граф П.И. Шувалов стал подавать проекты, посвященные монетным делам. Они касались в основном «облегчения» веса медной монеты²³² и распространения вексельного обращения. Часть предполагаемых мер легла в основу указа от 6 ноября 1757 г. «О мерах вексельного производства»²³³. «Меры» предусматривали ведение переводной операции между Санкт-Петербургом и пятьюдесятью наиболее важными городами империи и имели цель облегчить трудоемкую перевозку денег, заменив ее безналичными расчетами через вексель.

Шувалову потребовалось реанимировать вексель, чтобы закрепленные в 1729 году европейские традиции вексельных

²³² С 1755 года медная монета чеканилась по 8-рублевой стопе, а с 1757 года — по 16-рублевой стопе. Таким образом, из пуда (16,38 кг) меди чеканилось монеты на 16 рублей, притом что казна покупала медь по 5 рублей за пуд. С 1762 года монеты стали чеканиться по 32-рублевой стопе, однако по указу от 27 января 1762 г. императрица Екатерина II ограничила срок хождения такой монеты одним годом. Впоследствии эта монета была выменена у населения и перечеканена по 16-рублевой стопе. Оставшиеся образцы медных монет образца 1762 года представляют большую нумизматическую редкость.

²³³ ПСЗ. Собрание первое. Т. 14. № 10777. С. 807–816.

делок распространились в России, в ее внутреннем обороте. При этом он, скептически относясь к частной инициативе, всецело отдал ее в руки государства. Иными словами, государство, по мысли П.И. Шувалова, должно было «насадить» вексель, чтобы облегчить денежное обращение и способствовать развитию кредита. По сути, это был первый шаг к введению банкнотного обращения, исторически восходившего к вексялям, выписанным платежом на банк. Показательно, что первые известные бумажные деньги Банка Англии (в конце XVII века) полностью писались от руки, как и простые векселя. На них вплоть до XIX века указывался и конкретный получатель суммы в звонкой монете.

«Меры вексельного производства» очерчивали круг лиц, имевших право перевода векселей. Ими были дворяне, промышленники и главным образом купцы, *«имеющие торговые дела в Санкт-Петербурге»* — то есть наиболее крупные коммерсанты, связанные с внешней торговлей. Для них и был учрежден Коммерческий портовый банк, не рассчитанный на широкое кредитование купечества по всей России.

Переводы денег по «Мерам вексельного производства» должны были осуществляться переводным векселем-траттой из Петербурга в один из пятидесяти наиболее важных городов империи²³⁴. Выдача монеты по тратте производилась по желанию переводчика серебряной или медной монетой. Под страхом наказания государственным чиновникам запрещалось задерживать переводы и чинить купцам убытки.

Для выдачи кредитов в магистраты этих городов доставляли возы медной монеты нового чекана, отчеканенной по облегченной 16-рублевой стопе. Всего «к развозу» было определено 2 млн

²³⁴ Список этих городов был указан в специальном реестре, приложенном к указу от 6 ноября 1757 года. Ими были: Алатырь, Арзамас, Архангельск, Астрахань, Белгород, Белёв, Болхов, Брянск, Великие Луки, Владимир, Вологда, Воронеж, Вязники, Вязьма, Вятка, Галич, Елец, Казань, Калуга, Каргополь, Кашин, Киев, Коломна, Кострома, Курск, Муром, Мценск, Нижний Новгород, Оренбург, Орёл, Пенза, Переславль-Рязанский (ныне — Рязань), Псков, Ревель (ныне Таллин), Ростов, Саратов, Севск, Серпухов, Симбирск, Смоленск, Суздаль, Тамбов, Тверь, Торжок, Торопец, Тула, Чебоксары, Шацк, Юрьев-Польской, Ярославль.

рублей такой монеты, основную часть которой составляли медные пятикопеечники (они чеканились по 16-рублевой стопе с 1758 года). Эта сумма была выделена от доходов по перечекалке денег, начавшейся в том году.

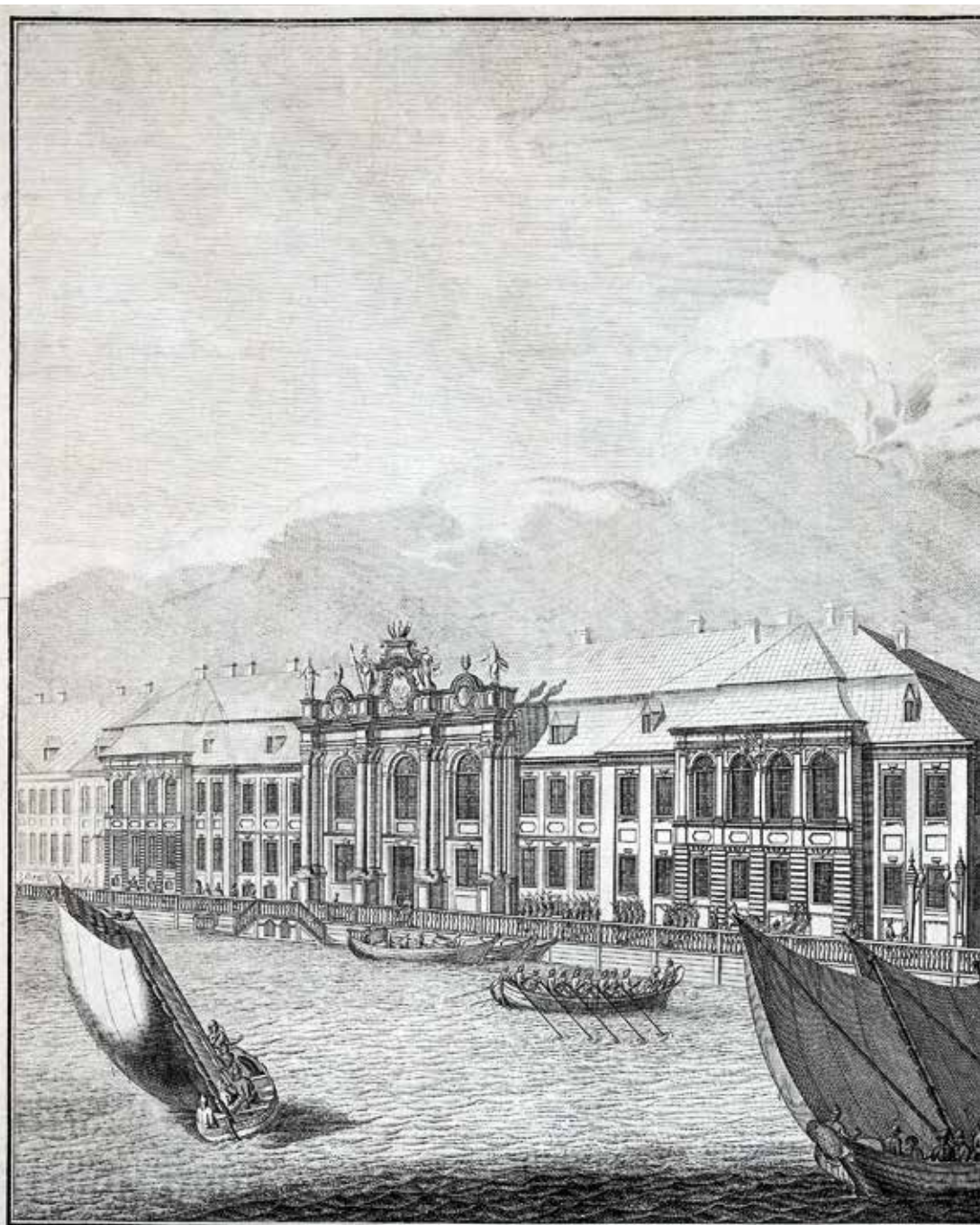
«Меры вексельного производства» находились в тесной связи с «монетными проектами» П.И. Шувалова. Можно сказать более: они обеспечивали эти проекты. Их основа выглядела весьма просто. Путем замещения обращающихся серебряных денег медными предполагалось увеличивать поступления в бюджет, концентрируя в нем серебро. Медные деньги оставались лишь во внутреннем обращении.

Векселя учитывались в магистратах до восьми месяцев под 0,5% в месяц, а выдачи денег осуществлялись в основном медными деньгами. Векселя выдавались как соло-векселя (если заемщик считался надежным) или «с подтвердительными подписками» — поручительствами надежных лиц. При этом платежи по векселям производились только в Петербурге, в Соляной конторе, находившейся под контролем П.И. Шувалова.

В течение последующего за указом от 6 ноября 1757 года времени вексельные обороты в России еще не были «пущены на полный ход». Но мера, очевидно, уже принесла первые плоды. О том, что вексельные переводы в России начали осуществляться в середине XVIII века, говорит сохранившийся в собрании Государственного Исторического музея экземпляр векселя 1759 года. Отпечатанный на белой бумаге бланк был заполнен от руки канцеляристом. Судя по тексту документа, деньги в сумме 9,5 тысячи рублей «серебряной монетой» переводились из Петербурга в Москву. Вексель был выдан Соляной конторой (через которую осуществлялись денежные переводы) на имя *«Лотерейной конторы бухгалтера»* Федора Фишера. Показательно, что документ был записан в Соляной конторе под номером «399», означавшим, что по меньшей мере уже около четырех сотен подобных векселей обращалось в России²³⁵.

²³⁵ Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С. Деньги России: 1000 лет. М., 2000. С. 94. Экземпляры подобных векселей имеются по крайней мере и в одной частной коллекции.

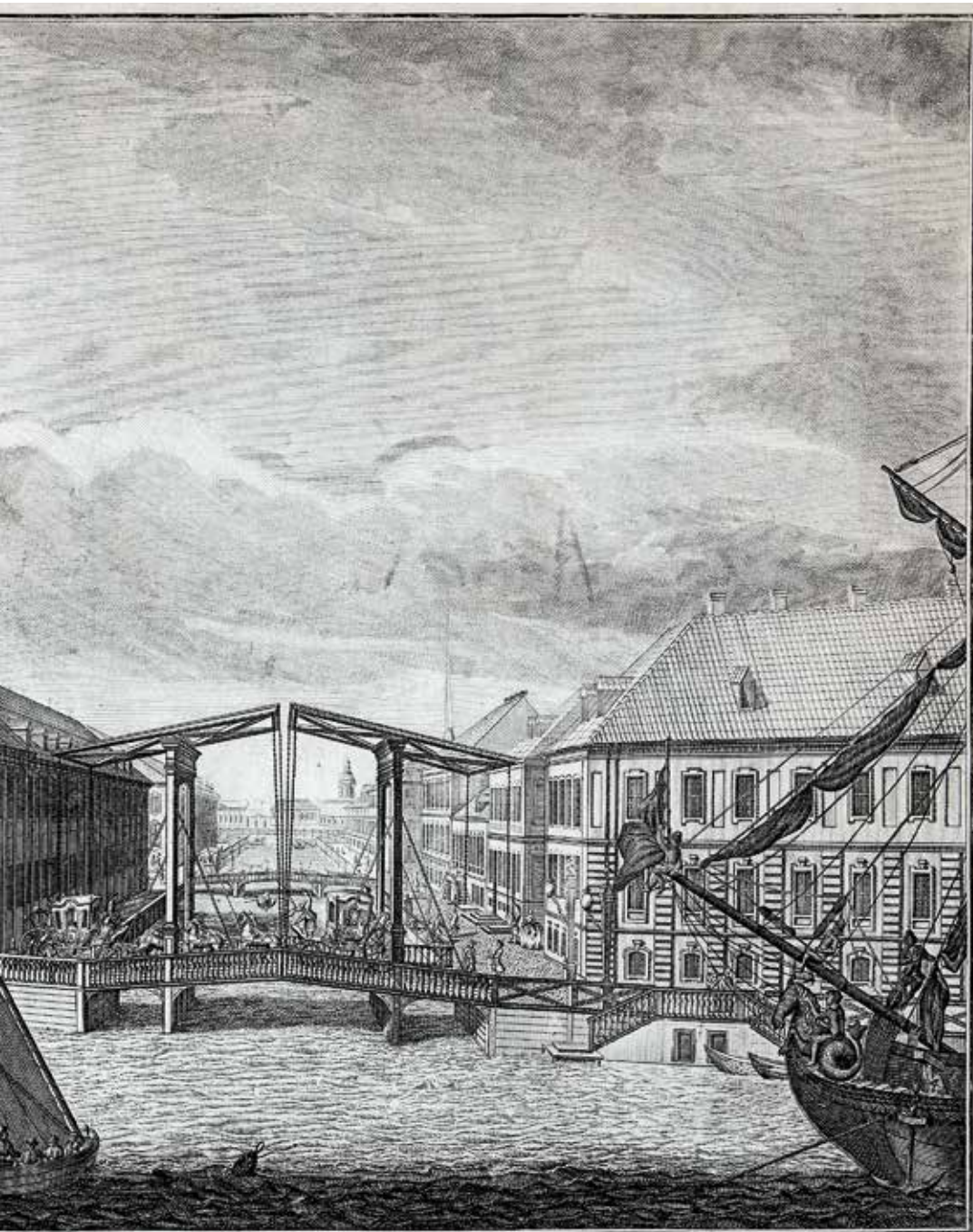
На следующем развороте: Вид старого Зимнего дворца и Зимней канавки со стороны Невы. Гравюра на меди М.И. Махаева, 1753 год. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

Полковникъ Г. В. Кавалеръ, Сентъ-Петербургъ, 1804 г., Москва

Проспектъ стараго зимняго дворца
съ каналомъ соединяющимъ Мойку съ Неполою

Видъ на старый Зимній Палайсъ отъ Градскаго Канала.

*Vue de l'ancien Palais d'hiver de Sa Majesté
Imperiale et du Canal qui joint la Mouka avec la Néva.*

Заведующим «производством о раздаче на векселя и о развозке медных денег» был назначен управляющий Петербургским монетным двором Иван Андреевич Шлаттер²³⁶, известный ученый и организатор монетного дела в России. Автор множества изобретений и проектов, он возражал против большого количества медных монет в денежном обращении страны. Шлаттер предлагал хранить их в специально созданных банках, а в обращение выпускать банковые билеты, прообразом которых и были векселя.

Идея создания банка для медной монеты понравилась Шувалову. Указом от 21 июля 1758 г.²³⁷ переводная операция получила окончательное оформление в виде создания специализированного банка подобно жиро-банкам в Европе. В Петербурге и Москве были созданы «Банковые конторы для обращения внутри России медных денег», более известные как Медный банк.

Примечательно, что подобно «Мерам вексельного производства» П.И. Шувалов проводит новый указ, касавшийся государственной кредитной политики, через подпись императрицы, минуя Сенат. Это говорит о том, что проекты встречали стойкую оппозицию сенаторов, недовольных курсом П.И. Шувалова — как «облегчением монеты», так повышенными налогами на соль и процветавшей системой откупов²³⁸.

Проект Медного банка был разработан в окружении П.И. Шувалова, который и стал куратором нового кредитного учреждения. Два миллиона рублей медной монеты, определенные к развозу в города империи, объявлялись оборотным капиталом банка. Он как бы в продолжение «Мер вексельного производства» совмещал функции учетного и переводного банков. Банк выполнял также функции ипотечного банка, так как

²³⁶ Шлаттер Иван Андреевич (*Schlatter Johann Wilhelm von*, 1708–1768), российский ученый в области горнорудного и монетного дела, управляющий Петербургским монетным двором в 1754–1767 годах, президент Берг-коллегии в 1760–1767 годах.

²³⁷ ПСЗ. Собрание первое. Т. 15. № 10863. С. 244–246.

²³⁸ Главным оппонентом Петра Ивановича Шувалова по вопросу о медных деньгах был генерал-прокурор Яков Петрович Шаховской.

Портрет тайного советника Ивана Андреевича Шлаттера. Литография, 1844 год

выдавал ссуды под ревизские души — на тех же основаниях, что и Дворянский банк.

Среди главных задач Медного банка было привлечение в казну серебряной монеты, правда, еще архаичными «дедовскими» способами времен царя Алексея Михайловича. Выдавая ссуды медными деньгами из 6% годовых, банк требовал их погашения уже серебряной и медной монетой. Это объективно должно было привести к укреплению рыночных курсов медной и серебряной монеты в России с тенденцией к возвышению курса серебряных денег. Серебро, которого в денежном обращении циркулировало все меньше и которым надо было частично погашать ссуды, стало очень быстро вымываться из обращения и оседать в кладках. Императрица Екатерина II, в 1780-е годы говорившая о том, что раньше народ прятал серебро, а теперь прячут и медь, несомненно, имела в виду времена П.И. Шувалова.

Медный банк выдавал ссуды известным при дворе помещикам, крупным купцам и промышленникам, связанным главным образом с казёнными подрядами. Кредиты выдавались в рассрочку на 18 лет довольно крупными суммами. П.И. Шувалов полагал, что льготный государственный кредит избавит купечество и дворян от засилья ростовщиков и будет способствовать поступательному развитию российской экономики. Источник для кредитования П.И. Шувалов находил в эксплуатации монетной регалии, хотя для получения привлеченных средств была предусмотрена и вкладная операция.

Вкладная операция в России была впервые опробована в качестве банковской операции именно в Медном банке. Купцы и заводчики отдавали в банк для надежной сохранности и приращения процентами в основном медные деньги. В качестве свидетельства о приеме вкладов они получали расписки. При выдаче требуемых сумм вместо прежней расписки выдавалась новая, на остаток вклада²³⁹. Если купец отказывался получить вклад медными деньгами, то ему давали «ассигнации на те казённые

²³⁹ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 книгах. Книга XII. М., 1993. С. 467.

места... которые банковской конторе должны»²⁴⁰, то есть переводной вексель. Это позволяло государству ставить купца перед выбором: получать вклад либо медными деньгами, либо отсрочивать его получение, что фактически было искусственным навязыванием медных денег.

При долгой процедуре возврата вклада — вкладчик получал деньги только через год после подачи заявления — хранить деньги в банке становилось невыгодно. К созданию лишних обязательств не стремился и сам банк в условиях долгосрочного актива, так как при ссудах на такой длительный срок вклады объективно не могли быть столь же долгосрочными.

«Партикулярные» лица неохотно шли в банк, и операция вкладов частных лиц не получила развития. Вложить деньги в банк могла лишь узкая группа лиц — заводчики и придворные. Купцы же боялись связываться с банком, предпочитая хранить деньги у себя. Это подтверждает один из указов 1764 года, в котором вступившая на престол императрица Екатерина II пыталась реанимировать ситуацию и развеять все страхи и сомнения купцов о надежности вложения денег в банк. Для этого повелели не мешать принятые по вкладам деньги со средствами казны и исправно выплачивать проценты, не используя их ни на какие другие цели. По истечении срока вклада или по востребованию указывалось незамедлительно выдавать сумму вклада²⁴¹.

Маржа на разнице учетного и вкладного процента была установлена очень низкой и составляла 1%. Фактически банк в условиях военного времени не получал и этих средств, находясь на содержании казны.

Медный банк обязан был постоянно поддерживать связь с государственными учреждениями в Санкт-Петербурге и Москве, куда он отправлял сведения о количестве денег, которые должны были поступить из других городов, и сроках их получения. Только после сбора этих сведений шла речь о выдаче денег. Бухгалтерские

²⁴⁰ ПСЗ. Собрание первое. Т. 15. № 10863. С. 245–246.

²⁴¹ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 книгах. Книга XIII. М., 1994. С. 314.

книги банка велись по европейскому образцу и включали записи по «Приходу» и «Расходу».

В первые годы своего существования деятельность Медного банка оказалась убыточной. Раздав в ссуды 3,2 млн рублей, он был не в состоянии их вернуть²⁴². Одной из главных причин этого были затянувшаяся Семилетняя война с Пруссией и взгляд на Медный банк как на кассу для обеспечения деятельности крупных откупщиков. Понимая возникшие сложности, в начале 1761 года канцлер М.И. Воронцов предложил П.И. Шувалову сократить срок выдаваемых ссуд до 10 лет, обязать должников ежегодно выплачивать проценты банку, а сам процент понизить с 6 до 4% годовых. Эти меры, по мнению М.И. Воронцова, могли выправить как критическое положение банка, так и довольно сложное состояние заемщиков²⁴³.

План М.И. Воронцова был принят П.И. Шуваловым в том же году и был утвержден указом от 17 января 1762 года²⁴⁴. Этот указ, в частности, предусматривал получение дворянами из Медного банка ссуд на том же основании, что и в Дворянском банке, — то есть под заклад имений из расчета 20 рублей за ревизскую душу. Такие облегчения для дворян, связанные с возможностью занимать еще в одном банке, были вынужденными в условиях военного времени, обострившего проблему дворянской задолженности. Ссуды стали выдаваться также под более широкий список обеспечений: заклад заводов, каменных домов, движимого и недвижимого имущества. Для расширения этих операций в ведение Медного банка планировалось передать 5 млн рублей. Но в недолгое правление императора Петра III канцлер добился передачи банку в капитал даже 6 млн рублей. Это означало, что российское правительство возлагало на Медный банк большие надежды и планировало сделать его по значимости первым в России среди учреждений государственного

²⁴² А.И. Юхт считает указанную сумму заниженной (См. Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 136).

²⁴³ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С.133–134.

²⁴⁴ ПСЗ. Собрание первое. Т. 15. № 11407. С. 888.

кредита. В условиях слабой ликвидности казённых банков именно операции Медного банка решено было расширить.

Поскольку деятельность Медного банка была фактически подконтрольна одному вельможе, пользовавшемуся неограниченным доверием монарха, неудивительно, что крупные суммы, которые выдавал банк, оседали почти исключительно в карманах приближенных к П.И. Шувалову лиц. К их числу относились «надежные заводчики» — владельцы екатеринбургских заводов, тесно связанные с казной. Среди них выделялись титулованные дворяне, бравшие на откуп целые предприятия и производства.

Если при Петре I в аренду сдавались отдельные предприятия, то во времена П.И. Шувалова откупа достигли большого размаха. Подобно Франции, на откупа сдавались целые отрасли. Даже таможи были сданы Сенатом на откуп за 2 миллиона рублей²⁴⁵. П.И. Шувалов сам взял на откупа табачный промысел, сальный, китоловный, тюлений промыслы, рыбные ловли на Белом море, а вместе с купцом В. Гоммом — и продажу олонечского леса. Ему принадлежали также два железных завода в Оренбургском районе и два винокуренных завода в Верхотурской губернии. Он присвоил себе право распоряжаться одними из лучших в России того времени Гороблагодатскими заводами (с 1754 г.), которые вернулись в казну только после его смерти, так же как и предприятия приближенных к П.И. Шувалову лиц²⁴⁶.

Среди них мы встречаем брата Петра Ивановича Шувалова Александра, а также М.И. и Р.И. Воронцовых, И.Г. Чернышева, С.П. Ягужинского и других. Заручившись дружбой с любовником императрицы Елизаветы Петровны, Иван Григорьевич Чернышев, слышавший при дворе *«не столь разумным, сколь быстрым, увертливым и проворным»*²⁴⁷, взял на откуп значительно ниже реальной цены уральские медные заводы и с алчностью временщика жестко

²⁴⁵ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 471.

²⁴⁶ Возврат в казну казённых предприятий, взятых на откуп П.И. Шуваловым, произошел в 1762 году.

²⁴⁷ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1985. С. 105.

эксплуатировал их. Другой приближенный, граф Сергей Павлович Ягужинский владел двумя железными заводами на Урале, медным заводом в районе Оренбурга, канатным заводом в Брянске и шелково-чулочной фабрикой в Санкт-Петербурге. Князю Петру Ивановичу Репнину в 1750 году досталась бумажная мельница в Ростовском уезде, а в 1755 году — казённые липецкие заводы²⁴⁸.

Указанные лица получили из Медного банка наиболее крупные суммы. Канцлеру М.И. Воронцову было ссужено не менее 200 тысяч рублей. Обер-егермейстеру С.К. Нарышкину и камергеру С.П. Ягужинскому удалось взять из банка по 150 тысяч рублей; камергеру П.И. Репнину и барону С.Г. Строганову — по 100 тысяч рублей; графу И.Г. Чернышеву и генерал-майору О.-Г.-А. фон Ливену — 50 тысяч рублей. После смерти организатора банка П.И. Шувалова в 1762 году выяснилось, что самую крупную сумму граф выдал на свое имя — 473 тысячи рублей²⁴⁹.

Значительные суммы из Медного банка получали и люди без титулов — откупщики, доверенные лица П.И. Шувалова. Среди них — директора Персидской компании, откупщик таможенных сборов Никита Тимофеевич Шемякин и прежде всего — английский купец Вильям Гомм (*William Gomm*), удачливый коммерсант и искатель счастья. Его деятельность приводила к вырубке лесов Русского Севера и к продаже его в Европу по низким ценам. Имевший нужные связи при дворе, В. Гомм за 300 тысяч рублей получил право распоряжаться лесными промыслами целых тридцать лет. Эту сумму он получил из банка медной монетой в рассрочку на 16 лет — главным образом для того, чтобы оплатить стоимость аренды²⁵⁰.

В действительности Гомм получил намного меньше — из 300 тысяч рублей 120 тысяч П.И. Шувалов присвоил себе. Однако князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) утверждал, что

²⁴⁸ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. Л., 1947. С. 256.

²⁴⁹ Троцкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 73, 78–79, 86–87.

²⁵⁰ Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 277.

Гомм получил из банка целый миллион, который отдал своему покровителю. Щербатов по прошествии времени, когда Шувалова уже давно не было в живых, осуждал его за многие злоупотребления. *«Кто сим банком воспользовался? — писал князь. — Он сам, взяв миллион; Гомм, взявший у него на откуп олонецкие леса и взятые деньги отдавший ему; армяне, взявшие в монополию астраханский торг и большую часть взятых денег отдавшие ему; князь Б.С. Голицын, который так мало взятием своим воспользовался, что уверяют, якобы в единое время из двадцати тысяч, им взятых, токмо четыре тысячи в пользу себе употребил»*²⁵¹.

Выданные из Медного банка ссуды не были возвращены долго после смерти П.И. Шувалова. По оценке Екатерины II, «щедрость Сената тогда доходила до того, что Медного банка трехмиллионный капитал почти весь роздал заводчикам, кои, умножая заводских крестьян работы, платили им либо беспорядочно, либо вовсе не платили, проматывая взятые из казны деньги в столице»²⁵².

Вступившая на престол императрица Екатерина II в 1763 году приняла решение о ликвидации убыточного для казны Медного банка. Когда основателя банка уже не было в живых, это делалось без ажиотажа и даже без специального указа. Само собой разумелось, что после смерти «хозяина» (П.И. Шувалова) его банк должен был быть закрыт. Ставившаяся в вину банку убыточность могла быть отнесена и к другим банкам — Дворянским и Коммерческому портовому, которые не были закрыты. К тому же Медный банк, по мысли П.И. Шувалова, выполнял свою задачу: в стране было положено начало вексельному обращению, откупщики, наполнявшие казну деньгами, имели средства на развитие предприятий и создание новых заводов и фабрик. Известно, что в середине XVIII века ими было создано несколько крупных предприятий в России, а внешне-торговый баланс страны имел неизменное положительное сальдо.

Причина ликвидации Медного банка лежала в самой типичной личности П.И. Шувалова, к которому вступившая

²⁵¹ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1985. С. 109.

²⁵² Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 476.

на престол Екатерина II относилась как к протезе покойной императрицы по-холодному сдержанно. Говоря о деятельности П.И. Шувалова, она едко заметила, что он вводил реформы, *«хотя и не весьма для общества полезные, но достаточно прибыльные для него самого»*.

Когда гроб П.И. Шувалова везли по улицам Петербурга, его осыпали бранью и проклятиями. Боявшийся П.И. Шувалова князь М.М. Щербатов, гневно осудит его много лет спустя и назовет чудовищем²⁵³. Новая императрица не стремилась обелять правление предшественницы, и вклад П.И. Шувалова, так много сделавшего для России, будет по настоящему оценен только в XIX веке.

А в 1763 году под руководством сенатора графа Петра Ивановича Панина была проведена ревизия дел банка. «Перекосы» в его деятельности были тщательно описаны. 5 апреля императрица утвердила доклад комиссии о долгах этому банку, которые стали погашаться в пользу казны. Если кто не возвращал деньги в течение полугода, то его имение отписывалось к дворцовым владениям. Несмотря на суровые меры, в 1784 году долги еще не были погашены полностью — в дворцовом ведомстве числилась тарусская усадьба полковника Николая Ивановича Маслова (за долг около 20 тыс. рублей). Его сын Алексей, поручик Преображенского полка, был приятелем поэту Г.Р. Державину, который в 1776 г. пытался заступиться за их родовое имение, но получил резкий отказ графа П.В. Завадовского. Последний *«не токмо не вошел в существо просьбы, не помог ему; но при самой подаче письма, наговорив множество грубостей, выслал его от себя»*²⁵⁴.

Однако компаньоны П.И. Шувалова — крупные заемщики банка — оказались полезны. Екатерина II употребила присущую ей мудрость и использовала «нужных» людей. Так, В. Гомм по-прежнему распоряжался Олонецкими промыслами, правда, под наблюдением специально назначенных надзирателей. Его долг казне был определен в 618,1 тысячи рублей. Несмотря на огромную задолженность,

²⁵³ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1985. С. 66.

²⁵⁴ Державин Г.Р. Записки: 1743–1812. М., 2000. С. 76.

купцу удалось расширить деловые контакты с казной и получить новые ссуды. В 1763 году он взялся поставлять на монетный двор золото и серебро. В С.-Петербурге он основал сахарный завод, а в Красном Селе — ситцевую фабрику. Часть денег была потрачена на аренду лесопильной мельницы в Олонце. В 1765 году он даже стал придворным банкиром²⁵⁵.

Екатерина II, обвинявшая П.И. Шувалова в корысти, в отличие от него, не позволила свободный обмен медных денег на серебряные. В отличие от П.И. Шувалова, который при сложнейшем положении экономики страны в военное время не прибегал к внешним займам, Екатерина II установила ставшую устойчивой российскую традицию — она стала занимать у европейских банкиров. В 1769 году был заключен первый такой заем, и с тех пор внешний долг России изменялся в сторону его увеличения.

Более того, императрица Екатерина II использовала даже идеи, рождавшиеся в окружении П.И. Шувалова. Так, мысль о создании Ассигнационного банка реанимировала идею М.И. Воронцова о государственном эмиссионном банке, которая получила одобрение в короткое царствование Петра III. Не случайно идею этого банка вновь предложил граф Яков Ефимович Сиверс, прежде входивший в окружение П.И. Шувалова.

²⁵⁵ Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 279.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА III

Ассигнационный банк

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА III.
АССИГНАЦИОННЫЙ
БАНК

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ценившееся на европейском рынке серебро казна использовала в большей части на военные расходы, многочисленные кампании, сотрясавшие Российскую империю на протяжении всего XVIII века. Уже в правление императрицы Елизаветы Петровны на обсуждение Сената была вынесена идея печатать бумажные деньги. Но она была отвергнута по причине новизны и печального опыта соседних стран (прежде всего Швеции): *«Билеты в России не только необыкновенное дело, но и весьма вредительное и весьма хуже нынешних пятикопеечников, ибо медные пятикопеечники имеют цену по 8 рублей в пуде, а билеты никакой внутренней цены иметь не будут, и потому, если их умножить, то придется их обменивать несравненно с большим разорением»*²⁵⁶.

В свое короткое правление преемник Елизаветы император Петр III стремился отвоевать при помощи стоявшей в Пруссии русской армии свои наследные владения в Дании и с этой целью отдал указание немедленно изыскать необходимые ресурсы²⁵⁷. Генерал-прокурор Александр Иванович Глебов пообещал Сенату, что *«у него на войну 4 миллиона чрезвычайных денег готово будет»*²⁵⁸, однако эти заявления оказались голословными. Правительство, испытывая острую нехватку денежных средств, нашло единственно возможный выход в учреждении императорским указом от 25 мая 1762 г. Государственного банка, который по примеру Банка Англии и Шведского банка имел право выпуска банковских билетов. *«Хождение медных денег облегчить и в самой коммерции»*²⁵⁹ *удобным и полезным сделать»,* — так говорилось в указе, и эта формулировка скрывала другую, более весомую причину. Усиленные выпуски по инициативе фаворита императрицы Елизаветы Петровны П.И. Шувалова медных денег не смогли удовлетворить большие запросы государства и не насытили казну

²⁵⁶ Ламанский Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 гг. // Сборник статистических сведений о России, изданный Императорским Русским географическим обществом. Кн. II. СПб., 1854. С. 127.

²⁵⁷ Боголепов М.И. Государственный долг. СПб., 1910. С. 296–297.

²⁵⁸ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Око государево. Российские прокуроры: XVIII в. М., 1994. С. 94.

²⁵⁹ Коммерция, уст. — торговля.

серебром. Генерал-прокурор Яков Петрович Шаховской предложил правительству вариант, связанный с хождением бумажных денег, — *цидул*. Сама этимология слова свидетельствовала о прототипе. *Цидулы* были искажением от шведского *Zedel* — названия циркулировавших в Швеции бумажных денег²⁶⁰.

Указом было велено отпечатать бумажных денег на 5 миллионов рублей, которые должны были свободно размениваться на монету, что в действительности при остром ее дефиците становилось невозможным. Это знали в правительстве, в результате чего в качестве разменного фонда банка из полагававшихся 5 млн рублей смогли выделить сразу только 2 млн серебряной и медной монетой поровну. Остальную сумму намеревались внести в течение трех последующих лет.

Указ о создании Государственного банка представляет план широких замыслов кабинета Петра III, направленных на постепенную унификацию кредитной системы страны с европейскими монопольными эмиссионными банками. Необходимый для решения сиюминутных задач, он в то же время планировался как начало в будущем акционерного учреждения, которому предстоит развиваться для государственной пользы: *«А существенная оного польза только тогда усмотрена и почувствована будет, когда подобный банк в полную свою силу и течение пришел бы. То мы, оставляя времени великую от банка всему государству пользу дать чувствовать и прихотить, чтоб партикулярные своими капиталами в оном участвовали»*²⁶¹.

В результате очередного дворцового переворота к власти пришла императрица Екатерина II, и решение об открытии банка было отложено. Но разгоравшаяся русско-турецкая война и хроническая нехватка монеты в казне вновь пробудили интерес к идее выпуска бумажных денег.

Ее активным сторонником был генерал-прокурор Александр Алексеевич Вяземский (1727–1793), который курировал

²⁶⁰ Шведский банк выпускал *Zedel* и с 1661 г.

²⁶¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. 15. № 11550. С. 1021–1022.

Портрет великой княгини Екатерины
Алексеевны. Гравюра на меди Е.Г. Вино-
градова с оригинала П. Ротари. 1761 год.
Музейно-экспозиционный фонд Банка России

К.Л. Христинек. Портрет князя
А.А. Вяземского. 1768 год. Холст,
масло. 88,2 × 68 см. Государственная
Третьяковская галерея

казённые банки и вопросы, связанные с прокуратурой и казначейством. Представитель знатного, но одно время захудалого дворянского рода, он был протее Екатерины II. Царица заметила в нем дарования незаурядного администратора и в 1767 году поручила возглавить контроль за работой комиссии по составлению нового Уложения. Из генерал-квартирмейстера он назначается сразу в генерал-прокуроры, на что один из приближенных к императрице вельмож не без иронии заметил: *«Ваше Величество делаете чудеса: из обыкновенного квартирмейстера у Вас вышел государственный человек»*.

Назначая А.А. Вяземского на должность генерал-прокурора, Екатерина II писала ему: *«Я весьма люблю правду. Вы можете ее говорить, не боясь ничего и спорить против меня без всякого опасения, лишь бы только то благо произвело в деле. Я слышу, что Вас все почитают за честного человека. Я же надеюсь Вам опытами показать, что у двора люди с сими качествами живут благополучно. Еще к тому прибавлю, что я ласкательства от Вас не требую, но единственно чистосердечного обхождения и твердости в делах»*²⁶².

С назначением А.А. Вяземского проводится ряд мероприятий в сфере финансов и налогов. Будучи сенатором и членом Совета при Высочайшем дворе²⁶³, он сосредоточил в своих руках большую власть. Вельможа фактически руководил канцелярией Сената, денежным обращением в стране, торговлей солью и вином, курировал казённые банки, осуществлял надзор за порядком ведения судебных дел, а также ведал вопросами тайного политического сыска и контрразведки. Среди поручений, дававшихся ему императрицей, были самые разные: контролировать финансовую отчетность по Синоду, возглавлять Канцелярию опекунов над иностранными подданными, осушать болота под

²⁶² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 28.: Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II / Ред. А.Н. Куломзин. СПб., 1880. С. XVIII.

²⁶³ В 1768 году Екатерина II по случаю объявления русско-турецкой войны учредила при Высочайшем дворе Совет для обсуждения вопросов, связанных с войной. Однако с начала 1769 года Совет стал постоянным учреждением по обсуждению вопросов внутренней и внешней политики.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Въ столь обширной Имперіи, какова есть Россія, не можно казаться довольно подать способовъ къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависитъ благоденствіе народа и дѣлающееся состояніе торговли. Правда, что одно пространство земель Имперіи НАШЕЙ есть иже съ неписаніемъ совершенству того обращенія: однако каждое благоразумное правленіе въ такомъ случаѣ обязано продолжать, слѣпо возможно, естественныя затрудненія, и поцѣиса о себѣ для блага общаго предметъ. Мы утверждаемъ на такомъ основаніи, и имѣя себѣ въ долгу усовершенствованіе все къ пользѣ врученной отъ бога НАМЪ державы, спарались входить во всѣ подробности сего дѣла, и помышляли о поправленіи оного, примѣняя при томъ и къ состоянию государства.

Во первыхъ удостовѣрились Мы, что пятисотъ рублевой монеты, одобряющая ея собственную цѣну, охватываетъ ея и обращеніе. Во вторыхъ, что дальній переносъ всякой монеты многими неудобностями подтвержденъ. И наконецъ притѣ, увидѣли Мы, что великій есть недостатокъ въ томъ, что и въ еще въ Россіи, по примѣру разныхъ Европейскихъ областей, такихъ учрежденныхъ мѣстъ, которыхъ бы чинили надлежащее денегъ обороты, и переводили бы всюду частныя людей капиталы безъ малѣйшаго замедленія и согласно съ пользою каждого.

Ежедневный опытъ являетъ, какіе собирали плоды многія государственна отъ такихъ учрежденій по большому числу банками именуемыхъ. Ибо сверхъ сказанныхъ уже выгодъ приносятъ они еще и полезность, что выдаваемые въ публику изъ тѣхъ мѣстъ на разныхъ суммы печатныя съ подписаніемъ обязательствъ разныхъ именованій, средствами ихъ кредита, добровольно между народа употребляются такъ какъ наличная монета, не имѣя однакожъ сопряженныхъ съ нею тягостей въ переносѣхъ и трудностей въбереженія ихъ, знатно облегчаютъ самымъ дѣломъ обращеніе денегъ. Соображая всѣ сіи акрѣпѣ изъясненныя обстоятельства съ пространствомъ Россіи, и чувствуя, сколь потребно облегчать въ ней обороты денегъ, Мы съ удовольствіемъ приспупаемъ къ учрежденію въ Имперіи НАШЕЙ провинциальныхъ банковъ, и надѣемся, что оказываемъ чрезъ нѣ новыя знаки Магистерскаго ко въсѣмъ НАШИМЪ вѣроподданнымъ поощренія.

И такъ съ 1 го Генваря будущаго 1769 года устанавливаются въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ въдѣ покровительствомъ НАШИМЪ два банка для вымѣна государственныхъ ассигнацій, которыхъ выдано будетъ въ разныхъ провинціальныхъ и казенныхъ мѣстъ отъ НАСЪ въ тому означенныхъ сполно, а не болѣе какъ въ вышеказанныхъ банкахъ капиталъ наличнаго будеще состояща. Сими государственнымъ ассигнаціямъ имѣтъ

имѣть обращеніе во всей Имперіи НАШЕЙ на равнѣ съ ходячею монетою; чего для всѣхъ привилегійна и казенныя мѣста должны приниматьъ пѣ ассигнаціи во всѣхъ государственныхъ сборахъ за наличныя деньги безъ малѣйшаго затрудненія.

Сверхъ того повелѣваемъ, чтобъ всѣ частныя люди, которые будутъ впредъ чинить денежные платежи въ казенные сборы, какі въ Санктпетербургѣ, такъ и въ Москвѣ вносили бы неотпѣнно въ число каждаго пяти копѣ рублей государственную ассигнацію на двѣдцать пять рублей.

Каждый изъ частныхъ людей можетъ всегда, когда пожелаетъ, обратиться въ свои ассигнаціи въ наличныя деньги, представя изъ оныхъ Московскую въ Московскомъ банкѣ, а Санктпетербургскую въ Санктпетербургскомъ. Сими банками МЫ предписали такія правила, по которымъ они платежи производить должны безъ малѣйшаго замедленія и поспѣянія времени.

МЫ ИМПЕРАТОРСКИМЪ НАШИМЪ словомъ торжественно объявляемъ за НАСѢ и Преемниковъ Престола НАШЕГО, что по пѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣуенъ выдача денегъ пребующимъ оную изъ банковъ. Должноствъ и обращеніе пѣхъ банковъ въ особливомъ при семъ приложенномъ учрежденіи пространно изобрѣтены; но вообще оныя состоятъ въ томъ, іе. чтобъ отпускатъ во всѣхъ привилегійна, сколько оныя потребуютъ государственныхъ ассигнацій, принимая за то отъ нихъ наличныя деньги, іе. чтобъ являющимся людямъ съ пѣми ассигнаціями выдавать за оныя деньги сколько надлежитъ немедленно, и іе. чтобъ пакы пѣхъ вымѣненныя ассигнаціи изъ банковъ отсыланы въ привилегійна. Въ заключеніи оспасаея сказать, что изъ приложеннаго учрежденія усмотрѣть еще можно то, что МЫ сіи банки для вымѣна государственныхъ ассигнацій снабдили надлежностями преимущественными для соопѣдѣствованія народнои въ нимъ довѣренности. Давъ въ Санктпетербургѣ отъ Рождества Христова 1768 года Декабря 29 дня, въ седьмое лѣто НАШЕГО государствованія.

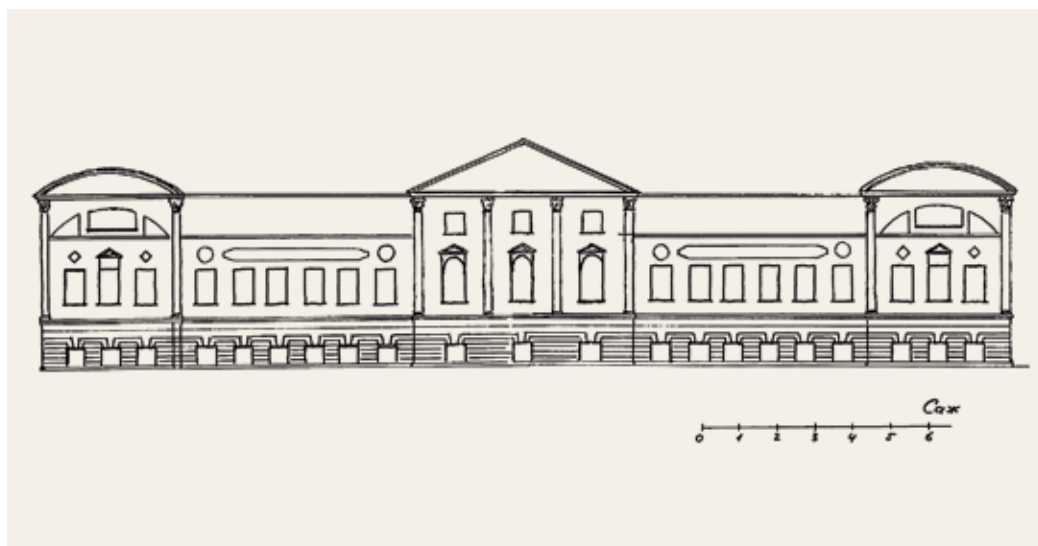
Подлинный подписанъ собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ. Февраля 1 дня 1769 года.

Печатная копия манифеста об учреждении Ассигнационных банков
в С.-Петербурге и Москве, 1769 год

Петербургом, руководить возведением Екатерининского канала и т.д. Он лично являлся докладчиком у императрицы, оглашал высочайшие объявления и резолюции на сенатские доклады.

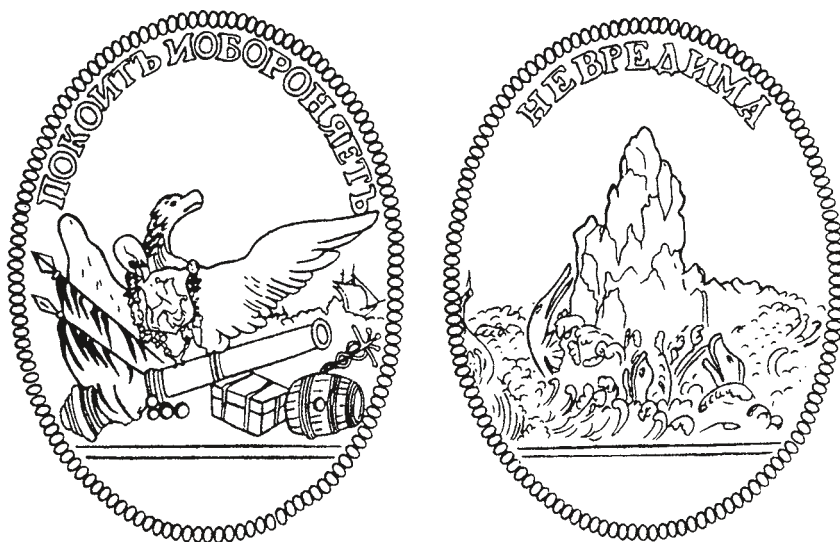
В начале русско-турецкой войны императрица на заседании Совета при Высочайшем дворе 17 ноября 1768 года призвала к изысканию новых средств в казну. Известно, что тогда же А.А. Вяземский читал проект о выпуске в обращение бумажных денег на 3 млн рублей. Ему же было поручено «сочинение плана» этой операции²⁶⁴.

Императрице через А.А. Вяземского была подана анонимная записка, обосновывавшая выгоды хождения бумажных денег. Автором ее был, как считают, граф Яков Ефимович Сиверс — участник Семилетней войны²⁶⁵. При П.И. Шувалове он был

²⁶⁴ Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование Екатерины II. Ч. 2. СПб., 1869. С. 513.

²⁶⁵ Сиверс Яков Ефимович (Якоб Иоахим, 1731–1808), граф (с 1798 г.), сенатор, генерал-лейтенант и действительный тайный советник. Получил блестящее образование в Петербурге и за границей. После возвращения из Англии служил в действующей армии. Новгородский (в 1764 г.), Псковский и Тверской (с 1776 г.) генерал-губернатор, российский посол в Польше (в середине 1770-х гг.). О нем см.: Лосев С.А. Российские Сиверсы. Материалы к родословной // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 153–162.

Фасад главного здания Московского
отделения Ассигнационного банка
на Мясницкой улице («Дом Шувалова»)

полного покрытия. Они должны были свободно обмениваться на звонкую монету и приниматься как законное платежное средство.

Императрице понравилась эта идея, и к середине декабря 1768 года проект создания эмиссионного банка был готов; 22 и 23 декабря он был обсужден в присутствии высших государственных чиновников²⁶⁶. Но эти заседания имели чисто рекомендательный характер, так как в скорой реализации проекта уже никто не сомневался.

Манифест о создании Ассигнационного банка был подготовлен довольно скоро, и 29 декабря 1768 года он был уже обнародован²⁶⁷. Согласно ему в Петербурге и Москве создавались подчиненные единому правлению Ассигнационные банки, которые должны были открыться 1 января 1769 года. Они действовали на основании специальных правил, или «Учреждения»

²⁶⁶ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 322.

²⁶⁷ ПСЗ. Собрание первое. Т. 18. № 13219. С. 787–792.

(утверждено в 1769 г.). На них возлагалась задачи обмена бумажных денег на монету и их отпуск в основном в казённые учреждения²⁶⁸. При этом первое время ассигнации разменивались только в том банке, от имени которого они были выпущены (в петербургском или московском).

Банковский переулок, затерявшийся в нашем городе в районе Мясницкой улицы, до сих пор сохраняет память о банке даже тогда, когда само его здание давно не существует. А Банковский мост в Петербурге, украшенный крылатыми львами, равно как и сам красивый сохранившийся банковский особняк, — напоминание о деятельности банка в Северной столице.

Термин *ассигнация*, появившийся в России в петровское время, изначально обозначал государственный денежный документ и упоминался в регламенте Штатс-контор-коллегии 1719 года²⁶⁹. С Манифеста 1768 года он прочно, почти на 80 лет, закрепился за бумажными деньгами Российской империи.

Витиеватые фразы Манифеста, как было принято, говорили о благоденствии народа, о котором радеет правительство. Главной причиной введения ассигнаций объявлялась *«тягость медной монеты»*, затруднявшая ее обращение. Это было лицемерное заявление. Подлинную причину введения государственных ассигнаций обосновал А.А. Вяземский. Они, по его мнению, должны были покрыть военные расходы. Генерал-прокурор называл бумажные деньги беспроцентным и бессрочным государственным долгом, *«с которого казна ни процентов не платит, ни времени ему точного к возврату не определено, а может оный заключен быть во всякое время, когда только случай и обстоятельства к тому откроются»*. Известно, что в период Русско-турецкой войны 1768–1774 годов ассигнации частично решили проблему ее финансирования — выдачи бумажных денег разным казённым местам в совокупности составили 12,7 млн рублей²⁷⁰.

²⁶⁸ Там же. С. 792–793.

²⁶⁹ См.: Маршак М.Б. Государственные ассигнации // Все о деньгах России. М., 1998. С. 44.

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 2-я. Л. 271 об.

Золотая монета 10 рублей, 1767 год.
Санкт-Петербургский монетный двор.
Музейно-экспозиционный фонд Банка России

В манифесте говорилось, что ассигнации имеют хождение наравне с монетой. Именным указом Сенату, подписанным одновременно с Манифестом (29 декабря 1768 г.), было установлено, что выпуск бумажных денег не должен превышать наличной суммы звонкой монеты, находящейся в банке. Начальный капитал был положен в 1 млн рублей медных денег — по 500 тысяч рублей Петербургскому и Московскому банку, — которые велено было взять из сумм упраздненного Медного банка. Этот металлический фонд полностью обеспечивал эмиссию бумажных денег, которая была определена в 1 млн рублей²⁷¹.

Первоначально эта сумма бумажными деньгами была отпущена в различные казённые ведомства, откуда они поступали в частные руки по разным платежам.

²⁷¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. 18. № 13220. С. 792–793.

Отпуск сумм из Ассигнационных банков в 1769 году²⁷²

АДРЕСАТ ИЛИ НАЗНАЧЕНИЕ ВЫДАЧИ	СУММА, ТЫС. РУБ.
Камер-коллегия	200
Главный Кригс-комиссариат	100
Провиантская канцелярия	150
Соляная контора	150
Штатс-контора	100
Адмиралтейств-коллегия	100
На разные строения и пр.	200
Всего	1000

Управление Ассигнационными банками было построено по иной схеме, чем Дворянских банков. Разница заключалась в том, что Ассигнационными банками в Петербурге и Москве руководило общее для них Правление²⁷³, в то время как Московский и Петербургский Дворянские банки на равных правах были подотчетны Сенату. По существу, с самого начала деятельности Московский и Петербургский Ассигнационные банки были конторами единого банка, Правление которого размещалось в Петербурге.

И в Петербурге, и в Москве Ассигнационными банками заведовали директора и их заместители. Ими были исключительно дворяне, так же как и высококвалифицированный персонал. Служащий Ассигнационного банка давал «Клятвенное обещание» верно и честно служить императрице, «служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови»²⁷⁴. Это «Клятвенное обещание» практически без изменений просуществовало

²⁷² Ламанский Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 гг. // Сборник статистических сведений о России, изданный Императорским Русским географическим обществом. Кн. II. СПб., 1854. С. 128.

²⁷³ Правление Ассигнационного банка было подчинено генерал-прокурору и Сенату.

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп.47. Д. 4075. Л. 276.

более столетия; его давали еще служащие Государственного банка, учрежденного в 1860 году.

Во главе Ассигнационных банков стояли, конечно, не специалисты, а чиновники широкого профиля. Так, директор Московского банка Петр Федорович Жуков учился на дипломата и был участником Уложенной комиссии 1767 года. В 1769 году он был назначен на службу в банк, а шесть лет спустя уволен отсюда. Отставка мотивировалась плохим здоровьем²⁷⁵. Показательно, что по этой же причине написал прошение об увольнении и другой директор — Ушаков, у которого также было расстроено здоровье по причине ревностного исполнения службы, «а особливо

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1-я. Л. 38, 301; Часть 3-я. Л. 46 — 46 об.

Вид здания Ассигнационного банка в С.-Петербурге. Гравюра Джона Кларка и Метью Дюбурга по рисунку Морнея. Из альбома 'A picture of St.Petersbourgh', изданного в Лондоне в 1815 году. Иллюстрация предоставлена ООО «ЗНАКЪ»

в кассирской при пересчитывании принимаемых ныне ежедневно от казённых мест немалых медной монетой денежных сумм»²⁷⁶. Впрочем, вакансия заполнилась довольно быстро. На место Ушакова был определен подполковник Иван Иванович Крюков, который, по отзыву А.П. Шувалова, «человек весьма известный, служил порядочно и находился генерал-адъютантом при графе Петре Семеновиче Салтыкове, а ныне, будучи в отставке, желает иметь директорское место при банке»²⁷⁷.

В 1771 году Екатериной II был утвержден штат банкам «для вымена государственных ассигнаций». Благодаря этому мы имеем возможность установить численный состав Правления, а также Петербургского и Московского банков²⁷⁸.

**Штатная численность Правления Ассигнационного банка
(по штату 1771 года)**

должность	количество человек	годовое жалованье, руб.
Главный директор (III или IV класса) ²⁷⁹	1	2 250
Советники (V класса)	4	по 1 500
Экзекутор ²⁸⁰ (штаб- или обер-офицерского ранга)	1	375
Секретари	2	по 450
Регистратор	1	225
Канцеляристы	2	по 200
Подканцеляристы	2	по 150
Сторож	1	40

²⁷⁶ Там же. Часть 1-я. Л. 314.
²⁷⁷ Там же. Л. 307.
²⁷⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп.47. Д. 4074. Л. 315 — 315 об.
²⁷⁹ Здесь имеется в виду класс статской службы по Табели о рангах.
²⁸⁰ Экзекутор, устар. — чиновник по хозяйственным вопросам.

**Штатная численность Петербургского Ассигнационного банка
(по штату 1771 года)**

должность	количество человек	годовое жалованье, руб.
Директор (VI класса)	1	1 000
Директора (VII класса)	2	по 800
Бухгалтер	1	800
Кассир	1	600
Регистратор	1	225
Бухгалтерский помощник	1	300
Кассирский помощник	1	250
Писцы при бухгалтере	2	по 150
Писец при кассире	1	150
Привратник с ливреей	1	200
Счетчики при кассире	8	100
Мешконосцы	6	по 40
Сторожа	2	по 40

**Штатная численность Московского Ассигнационного банка
(по штату 1771 года)**

должность	количество человек	годовое жалованье, руб.
Директор (IV или V класса)	1	1 500
Директор (VI класса)	1	800
Директор (VII класса)	1	600
Бухгалтер	1	700
Кассир	1	500
Экзекутор (штаб- или обер-офицерского ранга)	1	300
Регистратор	1	200
Бухгалтерский помощник	1	250

**Штатная численность Московского Ассигнационного банка
(по штату 1771 года) (окончание)**

ДОЛЖНОСТЬ	КОЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК	ГОДОВОЕ ЖАЛОВАНИЕ, РУБ.
Кассирский помощник	1	225
Писцы при бухгалтере	2	по 120
Писец при кассире	1	120
Привратник с ливреей	1	180
Счетчики при кассире	8	по 90
Мешконосцы	6	по 35
Сторожа	2	по 35

Правление по штату состояло из 14 человек, Петербургский банк — из 28 человек, а Московский — из 29. Показательно, что оклады служащих Ассигнационного банка до 1779 г. были наибольшими в казённых банках. На содержание Правления, включая канцелярские расходы, казна ежегодно выделяла 10 690 рублей, а на банки в Москве и Петербурге суммы гораздо меньшие: 7 215 и 7 145 рублей соответственно. Они были небольшими затратами для казны, учитывая то, что Ассигнационный банк имел в России исключительное право эмиссии бумажных денег.

Сохранившиеся «Дневные записки» Московского Ассигнационного банка дают бесценный материал по его деятельности. Заседания правления, состоявшего из трех человек — управляющего (в звании директора) и двух его заместителей (также в звании директоров), — проходили каждый день, кроме воскресенья, и обычно длились от трех до пяти часов. Они редко начинались ранее 11 часов утра. К наиболее часто обсуждаемым проблемам относились: хранение денег в банке, жалование чиновников, указания главного директора Правления Ассигнационного банка графа Андрея Петровича Шувалова и их исполнение, получение и расход денег, отпуск ассигнаций в различные государственные учреждения и частным лицам — в обмен на монету.

Монета хранилась в подвале шуваловского особняка на Мясницкой улице, занятого под банк, а ассигнации — в металлических сундуках. Плохие условия хранения приводили к гниению мешков с монетой и «постоянной россыпи», из-за чего требовались новые ревизии и пересчет. Иногда встречались и ошибки в подсчетах, возмещавшиеся из карманов виновных служащих. Для осуществления операций деньги доставляли в кассирский чулан, где их пересчитывал счетчик, а принимал и выдавал суммы, вел по ним соответствующие записи кассир.

Первое время ассигнации, которые были в диковинку, не принимали даже государственные учреждения. Эти известия дошли до самой Екатерины II, которая писала в одной из своих записок (1 апреля 1769 г.): «С крайнейшим удивлением слышу, что государственные ассигнации Дворцовая канцелярия отказывается принимать от частных людей. Один мужик принес бумагу, а ему сказали: «Принеси денег». Разве мои установления не действительны?..»²⁸¹ Секретарю императрицы Ивану Перфильевичу Елагину было поручено разобраться и наказать виновных.

Другой подобный случай обсуждался на заседании Правления в Москве 12 мая 1769 года: Соляная контора не приняла в уплату от купцов ассигнации. Управляющий Московским Ассигнационным банком граф Василий Иванович Толстой доложил об этом самому А.П. Шувалову, который своим влиянием и связями благополучно разрешил это дело²⁸².

В отличие от столичных городов, ассигнации на окраинах страны внедрялись медленно. Так, на землях Войска Донского они стали употребляться в платежи с 1775 года²⁸³, а в Азовской губернии — с 1777 года²⁸⁴. На бывших территориях Речи Посполитой, вошедших в империю по результатам трех разделов Польши, русские бумажные деньги стали широко обращаться только с конца XVIII века (когда ими

²⁸¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 10. СПб., 1872. С. 334; Брикнер А.Г. История Екатерины II. СПб., 1885. С. 632.

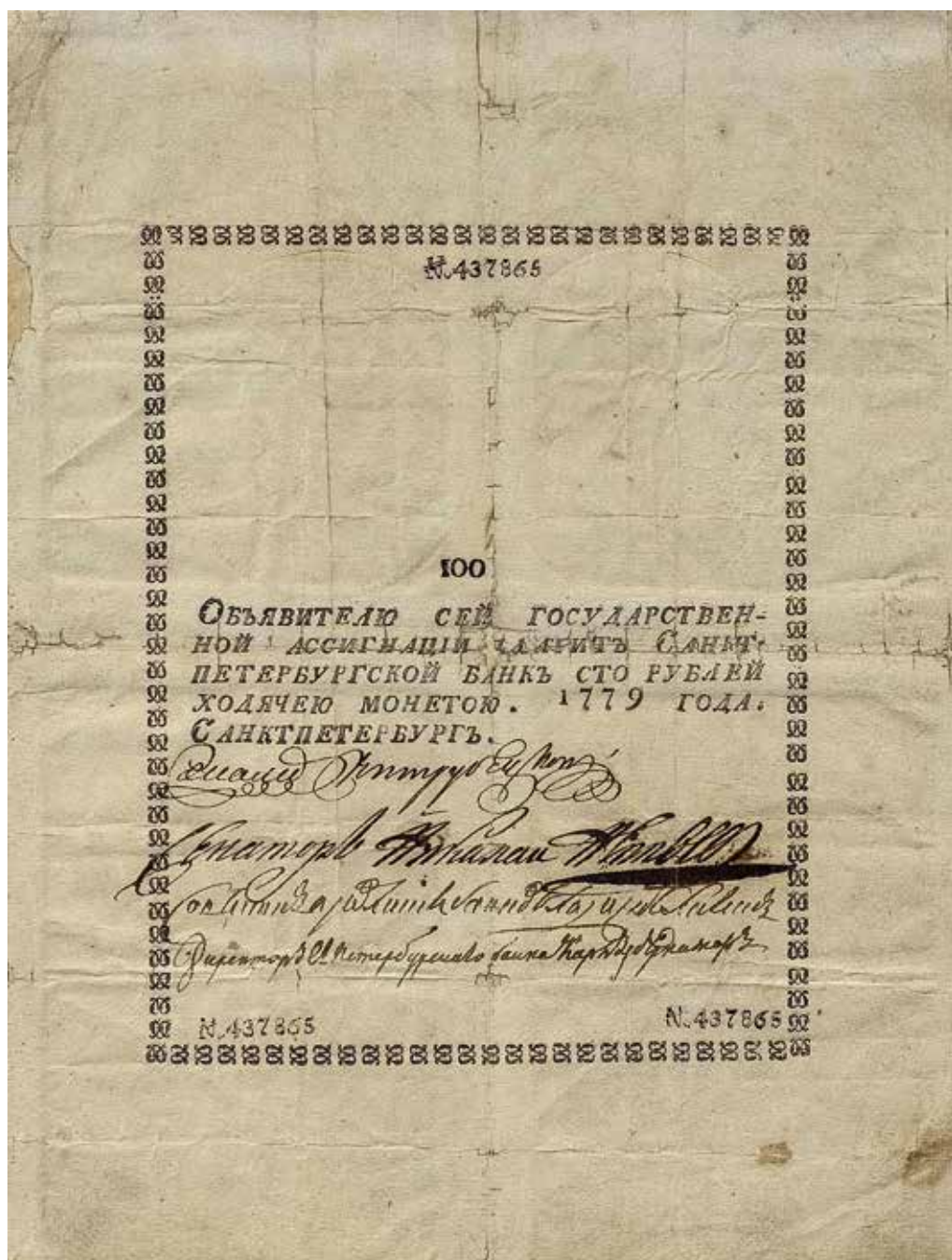
²⁸² ЦГА Москвы. Ф. 618. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

²⁸³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 33.

²⁸⁴ Петербург: История банков. СПб., 2001. С. 37.

Ассигнация Московского Ассигнационного банка 25 рублей,
1769 год. Собрание Гознака

Ассигнация Санкт-Петербургского
Ассигнационного банка 100 рублей,
1779 год. Собрание Гознака

разрешили уплачивать государственные подати)²⁸⁵. В Сибири они также не получили широкого распространения. Даже ходившая там медная монета в XVIII веке не смогла вытеснить традиционный для этой местности эквивалент стоимости: шкурки белки и песка.

Исследователь ассигнаций Мария Борисовна Маршак считает, что по оформлению первые российские бумажные деньги были похожи на шведские *Zedel*'и²⁸⁶. Эту точку зрения разделяет и Александр Евгеньевич Денисов, подчеркивая «подражательность» ассигнаций по отношению к шведским денежным знакам²⁸⁷. Однако сюжеты сухих штемпелей русских «бумажных рублей» отличны. В частности, один из них (с изображением орла, военной и торговой символики) напоминает реверсы прусских рейхсталеров эпохи Фридриха Великого, которые по весу и пробе серебра приближались к рублям екатерининского времени²⁸⁸. Однако, в отличие от первых, на сухих штемпелях присутствует не только военная, но и торговая символика.

Схожесть со шведскими *Zedel*'ями была и в том, что они, как и российские ассигнации, были на предъявителя и представляли собой сертификаты на монету. В отличие от них бумажные деньги Банка Англии вплоть до середины XIX века были именными и выпускались как векселя, выписанные платежом на банк.

Вместо пяти номиналов, которые были предусмотрены указом Петра III от 25 мая 1762 года о выпуске ассигнаций, Екатерина II оставила только четыре: в 25, 50, 75 и 100 рублей. Вскоре их осталось три «из-за непреодолимого соблазна для грамотеев переправлять на совершенно одинаковых белых бумажках двойку на семерку»²⁸⁹. Ввиду обнаружившихся в 1771 году подделок Казне пришлось выкупить все 75-рублевые ассигнации и отменить их.

²⁸⁵ См.: Шишанов В.А. К вопросу об обращении русских ассигнаций в губерниях, «от Польши присоединенных», на рубеже XVIII–XIX вв. // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVI. М., 2003. С. 281–288.

²⁸⁶ Маршак М.Б. Государственные ассигнации // Все о деньгах России. М., 1998. С. 44.

²⁸⁷ Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 гг. Ч. 1. М., 2002. С. 55.

²⁸⁸ С 1762 года российские рубли чеканились весом 24 г в 750 пробе серебра. Прусские рейхсталеры в середине — второй половине XVIII века также чеканились из 750 пробы серебра, но весом в 22,27 г.

²⁸⁹ Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987. С. 148.

Среди ассигнаций стали попадаться и откровенные подделки. Поиск преступников вывел на дворянских отпрысков, и началось ставшее скандальным «Дело Пушкиных» (1772 г.). По странному стечению обстоятельств главными обвиняемыми стали двоюродные деды великого поэта: чиновник Мануфактур-коллегии Михаил Пушкин и его брат Сергей, отставной капитан. Оба слыли картежниками и были склонны к разного рода авантюрам. Поддавшись уговорам француза Луи Барро Бротара, подвизавшегося учить дворянских детей, Пушкины встали на преступный путь легкого обогащения. Сергею удалось вывезти из-за границы не только поддельные матрицы-штемпеля, но и бумагу, похожую на ассигнационную. Говорили, что они были спрятаны в тайниках футляров для музыкальных инструментов. Но главную роль в сбыте фальшивок должен был играть Михаил, реализовывавший подделки при оплате разных сделок.

Когда «воров» поймали, императрица направила московскому главнокомандующему князю М.Н. Волконскому подробную инструкцию их казни. Над Сергеем Пушкиным, который *«более других заботился о произведении сего вредного государственному кредиту дела»*, переломили шпагу, что означало лишение дворянства, должны были поставить на лбу букву «В» («вор», т.е. преступник) и отправить на пожизненное заключение в крепость. Его сообщники также были лишены дворянства и сосланы *«в дальние сибирские места»* и Оренбургскую губернию, а их имения переданы под управление наследников.

Однако фальшивые ассигнации продолжали ходить среди населения. Их вынуждены были разменивать из специального фонда, а по каждой подделке учинялось следствие. Всего за 1776–1781 годы в Петербургском и Московском Ассигнационных банках было изъято 276 фальшивых банкнот; из них за 243 было заплачено 14 775 рублей, а 33 не были обменены²⁹⁰.

²⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 52. Д. 4335. Л. 389–392; Перышкин М.Ю. Денежные реформы Екатерины II в документах РГАДА // Денежные реформы в России: история и современность. Сборник статей. М., 2004. С. 47.

ВСЕПРЕСВЯТЫЙШЕЙ, ДЕРЖАВНЬЕЙШЕЙ, =
 ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЬ, ИМПЕРАТРИЦЬ И-
 САМОДЕРЖИЦЬ ВСЕРОССИЙСКОЙ,

Съ Прасленія Банноу для вытѣна государтвенныхъ ассигнацій,

Всеподданнѣйшій Репортъ.

Въ Москоушномъ Баннѣ отъ 1го по 13^е =
 денегъ прибыло 124525^{коп.} а въ Санктпетер-
 бургскомъ отъ 1го по 6^е числа сего денбля
 убыло 2875^{коп.} И за тѣмъ денегъ прибыло,
 121650^{коп.} рублей; а въ наличности всего де-
 нежного капиталла въ обоихъ тѣхъ банкахъ и
 и съдрожными и ибъ пазенными мѣстами и-
 нинѣ состоятъ, 20361,825^{коп.} рублей. Мо-
 сполно 9го дня нынѣшняго мѣсяца, ото-
 слано въ Москоушную Баннѣ 25^{коп.} рублейхъ о
 ассигнацій; таюжде сполно въ Санктпе-
 тербургскомъ Баннѣ отъ 29го минувшаго
 Ноября по 6^е а въ Москоушномъ отъ 6го по
 13^е число сего денбля, Денежной пазны и
 ассигнацій въ приходѣ и расходѣ находится
 о томъ Вашею Императорскому Вели-
 честву всеподданнѣйше подносится при семъ
 въдрожности.

Осемь Вашею Императорскому
 ВЕЛИЧЕСТВУ Прасленіе банноу всеподдан-
 нѣйше доноситъ. *Иванъ Юрьевъ*

Владимиръ Александровичъ

Денбля, 28го дня,
 1775го года.

Секретарь Иванъ Сухотинскій

Содержаніе въ Санктпетербургскихъ Банкахъ денежной казны и ассигнацій въ
 Приходъ. Касса 1775

Въ наличности состояло:			
Санктпетербургскихъ ассигнацій, на	98300		
Московскихъ, на	14375		
	112675		
да не состоящихъ Санктпетербургскихъ ассигнацій, на	53750		
Московскихъ, на	20825	74275	186950
Принято отъ частныхъ людей ассигнацій, на	3750		
на	1275		
на	7075		
на	4225		
на	2600		

Сумма 202575 1775

поступления и расходты находится отъ 29го Минувшаго Мѣсяца по Счисло сего Дня.

РАСХОДЪ

на платежъ Служащихъ и Офицеровъ ассигнованныхъ на службу.

1	Оплачено частнымъ лицамъ ассигнацй, на	3075	375
2	на	1100	175
3	на	3825	250
4	на	2800	1725
5	на	1950	650

Въ наличности состоятъ:

Ассигнацй:

Санктпетербургскихъ, на	62095
Московскихъ, на	5375
	67400

да неспособныхъ Санктпетербургскихъ, на	88675
Московскихъ, на	33750
	122425

въ число сихъ неспособныхъ въ прошедшемъ Мѣсяцѣ истреблено въ банкѣ гвардейныхъ ассигнацй обонхъ баннъ, на	48150

Денежной казна:

въ банкѣ:

Золотую монетою,	82350
Серебряною	335000
Платиною и медною,	1407382
Медною	392375
Золота въ дѣлѣ, на	196.35
Серебра въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ, на	346.60

Итого въ банкѣ. 2218650

да въ разныхъ наденныхъ истребленъ, на оговоренъ сего значить, по дѣламъ и отъ тѣмъ состоятъ за отпущенная ассигнацй и серебряною монетою денегъ,	12039925

Всего денежной казна.

С У М М А

Итакъ въ семь теперѣшнихъ перебранныхъ, изъ напечатаннаго количества денегъ убыло.

Александръ Губовъ

Мѣсяцъ

В начале 1780-х годов их находили в белорусских местечках и в особенности в Шклове. Инициированное Григорием Александровичем Потемкиным следствие выявило главных виновных — графов Зановичей, которые не только привозили из-за границы фальшивые ассигнации, но и производили их на территории империи.

Подытоживая подобные разоблачения, современник писал: *«Уже многие искусники старались подделывать сии ассигнации, но они, по большей части, в скором времени найдены и о невозможности подделывания оных наияснейшим образом убеждены были»*²⁹¹. За подделку ассигнаций полагалась смертная казнь, которая иногда заменялась вечной каторгой.

* * *

Уже в 1776 году для предупреждения возможных подделок Правление Ассигнационного банка предложило Екатерине II снабжать каждую ассигнацию припечаткой, что *«подделатель будет казнен смертию, а доносчик получит ... денежное вознаграждение»*²⁹². Прежде так делалось в Шведском банке. Однако сердобольная императрица не утвердила проект, и запись о наказании за подделку бумажных денег впервые появилась только со времени реформы Е.Ф. Канкрин, в 1843 году.

Тем временем выпуск ассигнаций превращался в прибыльное дело для самого государства. Себестоимость их была мизерной по сравнению с серебряной и медной монетой. Тем более автор проекта их введения Я.Е. Сиверс не остался в накладе. Ассигнационная бумага изготавливалась на принадлежавшей его дяде Карлу красносельской бумажной фабрике²⁹³. С 1 марта по 8 декабря 1772 года на ней было изготовлено 93,6 тысячи ассигнационных листов, а в 1775 году — 48 тысяч ассигнационных листов. За эту бумагу, на которой печатным станом прокатывались крупные номиналы,

²⁹¹ Георги И.-Г. Указ. соч. Часть I. С. 271.

²⁹² РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 353 об.

²⁹³ Ассигнационная бумага делалась на красносельской фабрике К. Сиверса с 1769 по 1785 годы.

На предыдущем развороте:
Приход и расход денежной наличности
в С.-Петербургском Ассигнационном
банке за декабрь 1775 года. Российский
государственный архив древних актов

Сенат платил по две копейки за лист²⁹⁴. Подлинность бумажных денег удостоверялась ставившимися на купюрах подписями двух сенаторов, советника Правления и директора одного из банков, и лишь с 1787 года их заменили подписи чиновников банка: советника правления, директора и кассира.

С 1769 по 1773 год Петербургский Ассигнационный банк получил бумажных денег на 10,7 млн рублей — вся эта сумма была запущена в хождение²⁹⁵. Новые деньги, обменивавшиеся на медную монету (что было узаконено указом от 22 января 1770 г.), были навязаны в обращение. Уже в 1769 году А.П. Шувалов рекомендовал принимать денежные сборы в казну так, чтобы в каждых 500 рублей налога вместе с монетой давали хотя бы одну ассигнацию в 25 рублей²⁹⁶.

Но даже здесь проявлялось сословное начало. По словам Екатерины II, *«ассигнации для того и сделаны крупные, чтобы не доходили до крестьян»*²⁹⁷. Выпуск бумажных денежных знаков неуклонно рос, усиливая монетный дефицит.

В 1776 году Екатерина II вновь приказала снабдить Ассигнационный банк медной монетой на 1 млн рублей. Эту сумму было указано взять из капитала контор Дворянских банков. Однако раздобыть мелкой монеты на такую сумму было непросто, и в 1776 году велели отпустить только 500 тысяч рублей, а вторую половину суммы — в следующем году²⁹⁸.

Сохранившиеся балансы Ассигнационных банков в Петербурге и Москве показывают, что в действительности они имели достаточные запасы медной, серебряной и золотой монеты, которые придерживались в интересах казны. Серебряную и золотую монету государство использовало главным образом для оплаты внешних расходов и займов. Так, в конце 1775 года в Петербургском банке находилось на 202,6 тысячи рублей ассигнациями

²⁹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 47. Д. 4075. Л. 84.

²⁹⁵ Там же. Оп. 46. Д. 3982. Л. 13.

²⁹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 618. Оп. 1. Д. 4. Л. 14 об.

²⁹⁷ Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1990. С. 48.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 47. Д. 4075. Л. 40.

Серебряный рубль, отчеканенный на Санкт-Петербургском монетном дворе в 1780 году. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

и на 2,2 млн рублей монетой (медная монета составляла 81% разменного фонда). В Московском банке в это же время состояло на 598,3 тысячи рублей ассигнациями и 1,8 млн рублей монетой (медная монета составляла 99%)²⁹⁹.

Пассив («приход») банков состоял из сумм, полученных от Правления банков, а также из вкладов частных лиц. Прием вкладов был разрешен указом от 18 ноября 1771 года. Петербургскому Ассигнационному банку на основании положений о приеме вкладов Дворянских банков с уплатой по ним 5% годовых³⁰⁰. Лишь в 1786 году, как писал М.М. Сперанский, «все вклады наличных денег от него уже устранены и присвоены одному банку Заемному»³⁰¹.

Актив («расход») состоял из следующих статей: уничтожение ветхих ассигнаций, отпуск ассигнаций в променные конторы и разные казённые места: Кабинету Ее Императорского Величества, Главному Кругс-комиссариату, Соляной конторе, коллегиям и т.д.

²⁹⁹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 283–286.

³⁰⁰ ПСЗ. Собрание первое. Т. 19. № 13701. С. 381.

³⁰¹ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 533.

(исключительно государственным учреждениям). Петербургский банк отпускал ассигнации квартировавшим в столице гвардейским полкам.

Кроме того, практиковался и обмен медной монеты на серебряную и золотую в государственных учреждениях. Последняя изымалась из банка по специальным указам на нужды Кабинета ее императорского величества. Так, по указу от 16 июля 1786 г. из Московского отделения Ассигнационного банка было взято 100 тысяч рублей золотой и серебряной монетой, а взамен прислана медная монета на ту же сумму³⁰². При этом медная монета была сугубо внутренней; золотая и серебряная вполне могла обмениваться по курсу на иностранную. Тем не менее в правление Екатерины II медь, как золото и серебро, считалась «стратегическим» металлом; ее старались не вывозить из страны. Известно, что в 1775 году Сенат отклонил предложение о продаже меди за границу, так как в этом случае «остановится денежный передел и недостаток в монете последует»³⁰³.

Ассигнации могли отпускаться и в рамках целевого финансирования по специальным указам, в частности на снабжение хлебом губерний и городов. Так, в ноябре 1786 года было отпущено 60 тысяч рублей «на заведение в Москве запасного хлебного магазина» в распоряжение московского «главнокомандующего» Петра Дмитриевича Еропкина, «да на закупку хлеба для продовольствия жителей Выборгской губернии» — 40 тысяч рублей. В 1787 году в банке была определена сумма для отдачи казначейству «на случай надобности» в 2,5 млн рублей³⁰⁴. В этом же году было выдано 500 тысяч рублей «на делание дорог»³⁰⁵.

³⁰² РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 2. Л. 58.

³⁰³ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 110. Л. 96.

³⁰⁴ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 2. Л. 240.

³⁰⁵ Там же. Д. 421. Часть 4. Л. 341.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА III.
АССИГНАЦИОННЫЙ
БАНК

ПРОМЕННЫЕ КОНТОРЫ

В отличие от небольших государств Европы, на обширных пространствах Российской империи было затруднительно размещать деньги только в столичном центре. Однако в условиях трудностей, связанных с перевозкой денег, нехватки денежных знаков в провинции, сосредоточения богатства страны преимущественно в Петербурге и Москве бумажные деньги и монета концентрировались главным образом в этих городах.

Созданный дефицит подстегивал развитие меняльного промысла: разменять монету на ассигнации, а также медную монету на серебряную нередко (особенно в провинции) становилось возможным только за проценты. Менялы процветали даже в Москве, где от имени государства деньги разменивал Московский Ассигнационный банк. Имеются сведения, что обмен крупных ассигнаций на мелкие они вели из расчета по 2 копейки с рубля; за промен бумажных денег на медь брали уже 5 копеек с рубля, а ассигнаций на серебряные рубли — по 10 копеек. Размен медной монеты на «целковые» (серебряные рубли) шел из расчета 8 копеек с рубля³⁰⁶.

На такую спекуляцию внимание правительства было обращено уже в 1772 году. Граф Никита Иванович Панин в одном из докладов императрице писал, что *«сие затруднение, чувствуемое всеми во всех частях государства, составляет уже дело общее»*³⁰⁷. Для решения этого вопроса главный директор Правления Ассигнационных банков граф Андрей Петрович Шувалов в том же году предлагал выпустить мелкие ассигнации в 5 и 10 рублей, более «легкие» к размену³⁰⁸. Но этот план не был принят императрицей, считавшей, что бумажные деньги не предназначены для «подлых» сословий, а мелкие номиналы ассигнаций были бы им наиболее доступны.

Тогда А.П. Шувалов представил альтернативный проект открытия променных контор как *«отдаленных частей самих банков»*. Заранее оговаривалось, что размен будет осуществляться только на медную монету. Это объяснялось дефицитом в стране золота

³⁰⁶ Пыляев М.И. Старая Москва. М., 1990. С. 61.

³⁰⁷ Архив Государственного Совета. Т. 1. Часть 2. СПб., 1869. С. 529.

³⁰⁸ Там же. С. 526.

и серебра, которые принимались во внешние платежи и ценились населением. На местах монеты из драгоценных металлов, как правило, мало участвовали в обращении, по большей части оседая в сбережениях икладах.

Золотая и серебряная монета концентрировалась в Петербурге, где находился двор. В провинции же обращалась преимущественно медь, включая еще и ту, которая была бита при императрице Елизавете Петровне по 16-рублевой стопе и (в отличие от золота и серебра) имела принудительный курс. Известно, что в это время стоимость металла в медной монете была меньше ее номинала в два раза³⁰⁹.

Манифест об учреждении променных контор был подписан 22 июня 1772 г.³¹⁰ и предусматривал ведение в них только обменной операции: «промена» (как тогда говорили) ассигнаций на медные деньги. Как следовало из текста документа, конторы должны открываться *«во всех тех местах, где нужда более настоять будет»*³¹¹. Это означало их появление прежде всего в крупных торговых и административных центрах, где предполагалось значительное предъявление ассигнаций к размену со стороны дворянства и купечества.

Неудивительно, что первая променная контора была открыта (не позднее 20 августа 1772 г.) в Ярославле, известном губернском торговом городе на Волге. Для нее под воинским конвоем доставили на 300 тысяч руб. медной монеты из Екатеринбурга. Одновременно создавались еще три подобных учреждения — в Смоленске, Устюге и Вышнем Волочке³¹². Они открылись год спустя, в 1773 году, одновременно с конторами в Астрахани и Нижнем Новгороде. Все эти города были оживленными торговыми центрами, где более всего ощущалась потребность в размене. Так, Нижний Новгород слыл крупным торговым центром на средней Волге,

³⁰⁹ По подсчетам А.И. Юхта, в 1760–1770-е гг. стоимость пуда меди составляла 6–7 рублей. Из него чеканили медной монеты на 16 рублей; при этом расходы на чеканку составляли примерно один рубль (Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 186.).

³¹⁰ ПСЗ. Собрание первое. Т. 19. № 13833. С. 540–542.

³¹¹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 3. Л. 20.

³¹² ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 49.

Императрица Екатерина II. Гравюра
на меди Жозефа Мекку с оригинала
Жана Анри Беннера. 1817 год. Музейно-
экспозиционный фонд Банка России

Вышний Волочек — на «хлебном пути» в Петербург, а Смоленск — на западном, «польском» направлении. Астрахань входила в число трех крупнейших внешнеторговых портов России и оставалась единственным крупным портом империи, через который шла торговля с Персией, Закавказьем и Средней Азией. Во второй половине 1770-х годов были открыты две единственные променные конторы в Сибири: в Тобольске (в 1776 г.) и в Иркутске (1779 г.).

С начала 1780-х годов программа открытия контор уже не была привязана к большому торговому значению городов. В 1781 году конторы открылись в десяти (во Пскове, Новгороде, Твери, Нежине, Киеве, Курске, Харькове, Тамбове, Орле и Туле), а в 1782 г. — в пяти (в Казани, Архангельске, Херсоне, Риге и Ревеле) губернских городах и административных центрах.

Таким образом, к 1783 году в ведении банка насчитывалось 23 променные конторы — наибольшее количество за всю их историю. Они состояли в ведении Правления Ассигнационных банков, но находились под смотрением губернаторов, ответственных за ежемесячный осмотр денежных кладовых. В губернских городах под конторы были отведены или специально построены «пристойные дома»³¹³. Ими были каменные здания с подвалом, приспособленным под кладовую.

Для каждой конторы в 1772 году был определен штат в 12 человек³¹⁴, сравнительно большой для банковских отделений XVIII века. Директору с чином восьмого класса статской службы или обер-офицерского звания подчинялись товарищ, камерир (бухгалтер), комиссар (кассир), канцелярист, 2 писца, 4 счетчика и сторож. Годовое содержание каждой конторы (включая жалованья служащим) было определено в 1 674 рубля³¹⁵.

³¹³ По указу от 5 мая 1783 г. на постройку 19 домов для Ассигнационного банка и его променных контор было выделено 190 тыс. рублей. Руководству променных контор разрешалось даже покупать готовые каменные дома. В 1786 году было решено строить каменные дома для контор в Нижнем Новгороде, Курске, Харькове, Орле, Туле, Казани, Архангельске, Ревеле и Тамбове; готовые дома предполагалось купить в Новгороде, Пскове, Твери, Киеве, Риге, Нежине и Иркутске (См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 4. Л. 33 — 33 об.).

³¹⁴ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 29.

³¹⁵ Там же. Л. 29.

Поскольку банковское дело в России не получило еще широкого развития, сугубо банковские специалисты — бухгалтеры и кассиры — ценились высоко. Известно, например, что не только во времена Екатерины II, но даже в начале XIX века в казённых банках в Москве такими специалистами нередко были иностранцы или выходцы из прибалтийских провинций.

Поэтому основной «кузницей кадров» для променных контор, как и для других государственных учреждений, стали военные. В XVIII веке, как и в более раннее время, армию воспринимали как «универсальную» организацию и кузницу чиновничьих кадров. Опыт армии был тем более ценен, что в многочисленных армейских частях были собственные бухгалтеры — *камериры*. Показательно, что это название перешло и на бухгалтеров променных контор. Кроме того, офицеры, которых нередко ставили во главе этих учреждений (часто в звании секунд-майоров), имели необходимый образовательный ценз, без которого было невозможно контролировать счетоводство и деятельность филиалов Ассигнационного банка.

Если в первое время военные чины занимали в основном должности товарищей (заместителей), то с начала 1780-х гг. они доминируют в руководстве этих учреждений. Достаточно сказать, что из десяти руководителей открытых в 1781 году контор только трое имели статские чины (два — коллежского асессора и один — надворного советника). Армейские офицеры определялись на службу в банковские филиалы исключительно по положительным аттестатам и рекомендациям, в том числе от самых влиятельных лиц. Известно, например, что определенный в Нежин капитан и кабинет-курьер Федор Рубанов *«одобрен к просимому месту как в способности, так и в поведении от господина генерал-майора Безбородки»*³¹⁶.

Величина променного капитала контор изначально определялась возможной потребностью в размене, которую оценивали очень примерно. В большинстве случаев капиталы не превышали 200 тысяч рублей. Наибольший — 1 млн рублей — был выделен Тобольской конторе, обслуживавшей до половины Сибирского

³¹⁶ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 3. Л. 76.

УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ,
 Изъ Правительствующаго Сенаша
 Объявляющся всенародно.

Въ именномъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, данномъ Сенату въ 10 день Апрѣля сего года указъ написано: ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО учредивъ ассигнаціонныя Банки въ пользу Имперіи основанные на порядкѣ и всемъ нужномъ къ тому довѣріи, не оставили ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО по временамъ разпространяющіе сѣе установление заведеніемъ банковыхъ конторъ и въ прочихъ Россійской Имперіи городахъ для удовольствія частныхъ людей мѣдною монетою за предшазваемые ими ассигнаціи, кошторы пакъ вешупаюти отъ нихъ въ тамошнія казенныя мѣста за принимаемыя деньги, а напоследокъ и значная часть Сибирскаго края тѣмъ же самымъ воспользовалася; но дабы и отдаленнѣйшая того края часть, то есть: Иркутская губернія приняла равное участіе, и для тамошнихъ жителей открыты были способы къ удобнѣйшимъ обращеніямъ и обмѣнамъ ассигнацій, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО повелѣвъ соизволила на основаніи именнаго указа отъ 22 Іюня 1772 года учредить въ городѣ Иркутскѣ Банковую контору. О чемъ симъ для извѣстія и публикуется.

Подлинный за подписаніемъ
 Правительствующаго Сенаша.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Апрѣля 30
 дня 1779 года.

Ас 2

Печатная копия указа Екатерины II
 об учреждении в городе Иркутске
 променной конторы Ассигнационного
 банка, 1779 год. Музейно-экспозиционный
 фонд Банка России

региона, где торговали «мягким золотом» — мехами. Наименьшие средства — по 100 тыс. рублей — получили Великий Устюг и Ревель (последний имел главным образом административное и военное значение).

Капиталы променных контор (по состоянию на июль 1786 г.),
в тыс. руб.³¹⁷

ПРОМЕННАЯ КОНТОРА	КАПИТАЛ	ПРОМЕННАЯ КОНТОРА	КАПИТАЛ
Архангельская	200	Псковская	200
Астраханская	200	Ревельская	100
Великоустюжская	100	Рижская	200
Вышневолоцкая	200	Смоленская	250
Иркутская	395,2	Тамбовская	200
Казанская	200	Тверская	200
Киевская	199,925	Тобольская	1000
Курская	200	Тульская	200
Нежинская	200	Харьковская	200
Нижегородская	200	Херсонская	299,95
Новгородская	200	Ярославская	300
Орловская	200		

Но, как показывают балансы, общая сумма капитала променных контор к началу 1786 года (5,7 млн рублей) была соизмерима лишь с капиталом Московского Ассигнационного банка (5,1 млн рублей) и была в 7 раз меньше такового в Ассигнационном банке в Петербурге (40,9 млн рублей)³¹⁸. Это лишний раз подчеркивало исключительное положение столиц в неравномерной концентрации богатств и денег в империи.

³¹⁷ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 2. Л. 19 об.
³¹⁸ Там же. Л. 19 об., 60 об., 62 об.

Несмотря на то что Екатерина II повелела отсылать в конторы столько медной монеты, сколько в них находилось ассигнаций, это не изменило установившегося соотношения между столицами и провинцией. Средства пересылались главным образом из Петербургского Ассигнационного банка. Также их могли брать из поступавшей в казну подушной подати, в правление Екатерины II приносившей порядка 30% государственного дохода³¹⁹.

О том, что на практике снабжение монетой выполнялось плохо, свидетельствует жалоба Астраханского губернатора князя Г.А. Потемкина о нехватке в здешней конторе медной монеты (1774 г.). Ассигнаций было отпущено сполна, а медной монеты только на 80 тыс. руб., «а к тому еще не доставлено 120 тысяч рублей, и что без оных равновесия в банковых балансах быть не может»³²⁰.

«Обращается ныне более ассигнаций в народе, нежели состоит монеты в наличности для обмена их», — говорилось в именном указе от 9 марта 1777 г. о посылке в контору недостающей медной монеты на 120 тысяч рублей. Исполнение просьбы, как видно, затянулось — но отказать генерал-аншефу и любимцу императрицы было нельзя.

Хотя в функции променных контор не входили кредитование и финансирование, с течением времени ассигнации стали отпускаться на различные нужды (на основании особых указов). В основном это касалось закупок хлеба для губерний. Известно, что в 1786 году в распоряжение архангельского и олонекского генерал-губернатора Тимофея Ивановича Тутолмина было отпущено из Ассигнационного банка 67,5 тысяч рублей «на составление в Архангельской губернии запасных хлебных магазинов». В том же году «заимообразно» Иркутская променная контора отпустила в местную казённую палату 69 тысяч рублей «на покупку хлеба для нерчинских заводов»³²¹.

При этом основная операция — размен денег — в конторах развивалась слабо. На местах год от года росли злоупотребления. Так, проведенная в 1781 году проверка наличности Великоустюжской

³¹⁹ Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 758–762.

³²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 47. Д. 4075. Л. 415.

³²¹ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 2. Л. 92, 138, 177.

конторы выявила недостачу в 18,5 тысяч рублей. Директор успел скрыться, а в его доме вместо денег обнаружили многочисленные долговые документы. Их даже было больше недостающей суммы, что могло свидетельствовать о том, что на частные займы обращались не только казённые деньги, но и прибыль по более ранним вексельным сделкам.

Судя по реестру изъятых долговых документов, список кредитовавшихся лиц был довольно «демократичен»: помимо собственной жены, занявшей 7 тысяч рублей, в нем указан также князь И.А. Янгальчев (300 руб.), семь великоустюжских купцов (9 900 руб.), разные мещане и даже один экономический крестьянин (50 руб.)³²².

В Тобольской конторе подобные «сомнительные» операции вскрылись уже на третий год после ее открытия. В 1779 году в Петербург поступил донос о том, что руководство конторы незаконно роздало под проценты 16 тысяч рублей вверенной им казённой суммы. Правление Ассигнационного банка сообщило об этом местному губернатору, который явно не спешил расследовать это дело³²³. Только через год он приступил к проверке наличности, когда большинство должников уже вернули деньги. Только осенью 1780 года от тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина в Правление банка поступило письмо, в котором тот обнадежил петербургских чиновников. В кассе, по его словам, недоставало всего 2 936 рублей 76 копеек; все деньги «с людей разного звания *строжайше взыскиваются*»³²⁴.

Возможно, это высокое лицо было связано с незаконными ростовщическими операциями. По крайней мере, нашлись покровители проворовавшихся чиновников, не дававшие ходу просьбе Правления Ассигнационного банка об их увольнении. Такие просьбы посылались в 1780 году дважды на имя императрицы. В одном из докладов даже писалось, что «Правление... *ни при капитале, ни при конторе поверенного человека теперь не имеет*»³²⁵.

³²² РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 3. Л. 54.

³²³ Там же. Л. 38.

³²⁴ Там же. Л. 39 об.

³²⁵ Там же.

Правление Ассигнационных банков решило пойти по уже испытанному пути. На директорскую должность для заведования Тобольской конторой 5 мая 1782 года назначили «честного чиновника» (секунд-майора Ф.Б. Буксгевдена)³²⁶. А 14 марта 1782 года был даже издан особый императорский указ, чтобы в променные конторы «определить по рассмотрению своему из людей чиновных состояния добropядочного»³²⁷.

Однако надежда на честность оказалась призрачной. Уже в 1785 году недостача обнаружилась в Ярославской конторе (около 450 рублей). Тогда же Ассигнационный банк потряс и новый скандал: из 200 тысяч рублей разменного капитала Нижегородской променной конторы украли 145,5 тысячи рублей, или порядка 73% всей суммы³²⁸.

Проведенные на местах проверки выявили, что в провинции деньгами Ассигнационного банка фактически распоряжались местные власти. Такой порядок вещей сенатор Гаврила Романович Державин застал в Тамбове, где учет сумм велся из рук вон плохо: «Суммы более 150 000 рублей валялись вовсе без записки, из коих, носился слух, раздаваны вице-губернатором займы казённые деньги без процентов и без залогов — кому хотел»³²⁹.

Понятно, что в условиях многочисленных злоупотреблений высоких вельмож чины поменьше, вроде руководителей променных контор, тоже не стеснялись воровать. Раскрытые случаи мошенничества, связанные, как правило, с незаконным ростовщичеством, были удачей ревизоров, но, скорее всего, не фиксировали многих других подобных случаев.

Однако эта проблема имела и другую сторону. Частое использование в провинции казённых денег в рост говорило о потребности в кредите, которую государство было не в силах удовлетворить. Прежде всего это касалось купеческого кредитования, в XVIII веке проводившегося государством эпизодически

³²⁶ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 129.

³²⁷ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 7. Л. 25.

³²⁸ Там же. Часть 8. Л. 70 — 72 об.

³²⁹ Державин Г.Р. Записки: 1743–1812. М., 2000. С. 114.

и абсолютно не отвечавшего потребностям возросших торговых оборотов. В провинции по-прежнему не хватало денег.

К середине 1780-х годов государство стало нести по содержанию променных контор серьезные убытки, в то время как размен во многих из них шел крайне слабо. Как правило, он не превышал 20 тысяч рублей в год, а в некоторых конторах был меньше этой суммы.

Увеличивавшиеся правительственные расходы (связанные прежде всего с огромными затратами на содержание армии) ставили вопрос об экономии казённых средств. Закономерно поэтому, что при проведении преобразований в Ассигнационном банке

Портрет Г.Р. Державина (с гравюры
Ф.П. Бореля). Почтовая открытка,
начало XX века

(1785–1786 гг.) стала обсуждаться целесообразность содержания большого количества контор.

На заседании Совета 15 июня 1786 года А.П. Шувалов предлагал вернуться к старой идее — выпуску ассигнаций мелких номиналов, которые бы смогли решить проблему размена. По-видимому, в это время позиция Екатерины II в отношении ассигнаций смягчилась: она допускала их обращение среди крестьян. Как писал Шувалов императрице, *«и тогда не будет такой надобности в ассигнационных конторах банковых, из коих многие и теперь имеют и самое малое обращение»*³³⁰.

По этому вопросу А.П. Шувалов 10 февраля 1788 года представил императрице отдельный доклад³³¹. Его общее содержание можно понять по дальнейшим шагам, предпринятым в ходе реформирования банка. После замены «старых» ассигнаций на новые (проходила в 1786–1787 гг.; к выполнению этой задачи было привлечено 14 променных контор³³²) по указу от 16 февраля 1788 г. было закрыто 15 контор из прежде существовавших 23³³³. Их капиталы были переданы главным образом местным казённым палатам. Деньги из Астраханской конторы были отпущены также *«по надобности... Кавказского корпуса»* русской армии, а Иркутской — *«по Кабинету нашему для Нерчинских заводов»*³³⁴. Суммы Новгородской, Рижской и Ревельской контор передали Московскому отделению банка³³⁵. Каменные дома контор было велено продать с аукциона, а вырученные средства доставить в Ассигнационный банк³³⁶.

Государственные заведения по размену денег остались лишь в восьми городах, где ежеквартальный размен превышал 10 тысяч рублей: в Ярославле, Смоленске, Нижнем Новгороде, Казани, Орле, Херсоне, Вышнем Волочке и Архангельске³³⁷. Однако,

³³⁰ Архив Государственного Совета. Т. 1. Часть 2. СПб., 1869. С. 553–554.

³³¹ Там же. С. 564.

³³² ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 194 — 194 об.

³³³ Там же. Л. 283 — 283 об.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Архив Государственного Совета. Т. 1. Часть 2. СПб., 1869. С. 563.

³³⁶ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 284.

³³⁷ Ламанский Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 гг. // Сборник статистических сведений о России, изданный Императорским Русским географическим обществом. Кн. II. СПб., 1854. С. 131.

несмотря на расположение в известных торговых центрах, променные конторы оставались убыточными как из-за расходов на содержание, так и по другим причинам. Например, во время пожара в Архангельске, случившегося в 1793 году, местная контора выгорела вся, и от ее здания остались только «каменные стены и железо»³³⁸.

По указу Павла I от 19 декабря 1796 г. было закрыто еще 5 контор, за исключением Архангельской, Рыбинской (переведена из Ярославля) и Вышневолоцкой³³⁹. Остаточные суммы упраздненных учреждений передали в казначейства, истребив «публичным сожжением» ассигнации, а их каменные здания велено было «обратить в казармы для войск, а если на сие надобны не будут, то употребить для больниц»³⁴⁰.

Таким образом, вплоть до начала XIX века лишь в трех провинциальных городах империи бумажные деньги разменивали на монету без комиссии. Только в 1804 году была учреждена контора в Одессе, а в 1807 году — еще в двух южных портовых городах: Таганроге и Феодосии³⁴¹.

В первой половине XIX века операция размена денег переместилась в основном в казначейства, которые были в каждом губернском и уездном центре. С течением времени променные конторы стали ненужным придатком в финансово-банковской системе страны, поэтому к 1824 году были уничтожены все остававшиеся к тому времени провинциальные учреждения Ассигнационного банка. Во исполнение доклада министра финансов Егора Францевича Канкрин (1774–1845), внесенного на утверждение Государственного Совета 17 сентября 1823 года, было велено «состоящие в Московском отделении Ассигнационного банка и в променных конторах Архангельской и Одесской капиталы, в ассигнациях заключающиеся, равно и имеющиеся у них дела передать в тамошние конторы Коммерческого банка»³⁴².

³³⁸ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 397.

³³⁹ Там же. Л. 457.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Морозан В.В. История банковского дела в России. СПб., 2001. С. 66.

³⁴² РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1641. Л. 28.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА III.
АССИГНАЦИОННЫЙ
БАНК

ПРОЕКТ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
И ЕГО СУДЬБА

Еще в пору существования променных контор стали предлагаться альтернативные проекты снабжения провинции деньгами. По-видимому, к тому времени уже находились смельчаки, которые вкладывали ассигнации в письма³⁴³. Однако почта не могла гарантировать сохранность таких «переводов». Поэтому в 1777 году директор петербургского почтамта Матвей Матвеевич фон Экк (1726–1789) предложил узаконить почтовую пересылку денег и ввести переводные билеты. В качестве примера он писал: *«Купец здешний 5 тысяч рублей имеет платить в Москве или Ярославле тамошнему купцу, то взяв из здешнего банка переводной билет на оную сумму, отправить может к своему корреспонденту для получения по оному платежа из банка того места, за которую выгода, способность и безопасность никто не отречется по полупроценту платить»*³⁴⁴.

Донесение Экка рассматривалось в Сенате, результатом чего явился указ 1 декабря 1777 г. о введении переводных билетов. Но он был отменен уже 13 февраля 1778 года. Эта идея не воплотилась в России с ее малой сетью банковских филиалов, большими расстояниями и по иным причинам. 4 октября 1787 г. Сенат издал новый указ, согласно которому денежные суммы должны были пересылаться векселями. Однако на практике он выполнялся плохо.

Тем временем эмиссия ассигнаций наряду с налоговыми поступлениями становилась мощным ресурсом для наполнения казны³⁴⁵. Так, из 125 млн рублей дохода в 1768–1771 годах доход от ассигнаций составил 10,7 млн рублей, что составляло почти 11% от суммы собираемых в стране податей и налогов. Внешние займы, поступления от которых составили в то время 3,6 млн руб. (около 3% всего дохода), конечно же, оставались дополнительным,

³⁴³ О том, что ассигнации вкладывались в письма, известно из записки Екатерины II к А.А. Безбородко (1788 г.), в которой указывалось *«обоим стольичным и пограничным почтамтам пакеты из чужих краев приходящие, в коих по подозрениям могут содержаться банковые ассигнации... открывать»* (РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 166. Л. 1.).

³⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 47. Д. 4075. Л. 633 об. — 634.

³⁴⁵ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 272.

но никак не основным ресурсом. В связи с этим странно выглядит поддержанная известным историком Фернаном Броделем точка зрения, что *«именно с помощью голландских денег Россия смогла отвоевать у Турции огромную территорию до самых берегов Черного моря»*³⁴⁶.

По указу Екатерины II от 10 января 1774 года количество ассигнаций в обращении не должно было превышать 20 млн рублей³⁴⁷. Новые бумажные денежные знаки должны были печататься исключительно для обмена ветхих. Однако все возрас-тавшие государственные расходы, связанные главным образом с военными кампаниями, требовали изыскания новых способов наполнения казны.

К 1785 году Ассигнационные банки (в Петербурге и Москве) окончательно сложились как учреждения, приносявшие государству доход через бумажную денежную эмиссию. Другими словами, в том числе и за счет этих банков покрывались возросшие затраты казны. По словам их главного директора графа А.П. Шувалова, они *«в течение преславной войны с турками... обращены были... к знатному подкреплению финансов»*³⁴⁸.

Несмотря на декларируемое указами равенство между монетой и бумажными рублями и использование новых выпусков ассигнаций исключительно для обмена ветхих, государство постепенно отходило от изначального паритета, допуская выпуск излишних ассигнаций. Если в 1769 году лимит всех бумажных денег определялся суммой в 1 млн руб., то в 1774 году он составил уже 20 млн рублей. Эта сумма все еще покрывалась запасами медной монеты в пропорции 1:1. Но с 1781 года эмиссия усилилась, и за пять лет российских банкнот было выпущено на 21,6 млн рублей при общей сумме обращавшихся в 1786 году ассигнаций в 46,2 млн рублей³⁴⁹.

³⁴⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 542.

³⁴⁷ ПСЗ. Собрание первое. Т. 19. № 14096. С. 889.

³⁴⁸ Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование Екатерины II. Часть 2. СПб., 1869. С. 537.

³⁴⁹ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 260.

В середине 1780-х годов шло активное заселение Новороссии, требовавшее больших материальных вложений. В 1783 году Россия присоединила Крым, который по условиям Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.) должен был оставаться независимым государством. Фактически это означало разрыв дипломатических отношений с Османской империей и начало новой русско-турецкой войны.

В этих условиях возникала та же проблема, как и в конце 1760-х годов, — стране не хватало денег для покрытия военных расходов. Амбиции молодой империи превосходили ее финансовые ресурсы, что вынуждало ее делать внешние заимствования и прибегать к разным ухищрениям в области денежного обращения. В отличие от 1768 года, когда план создания Ассигнационных банков был выработан спешно в условиях начала войны, на этот раз «финансовый вопрос» прорабатывался заранее.

Не позднее конца марта — начала апреля 1786 года А.П. Шувалов представил Екатерине II проект преобразования Ассигнационного банка. Хотя его текст, видимо, не сохранился, основные идеи документа видны по отзыву на проект генерал-прокурора А.А. Вяземского и дальнейшим указам по банку.

10 апреля 1786 года Екатерина для обсуждения плана А.П. Шувалова собрала Совет, состоявший из влиятельных вельмож: Р.И. Воронцова, А.А. Безбородко и П.В. Завадовского³⁵⁰. Они должны были *«вступить в подробное сего дела рассмотрение, составить по содержанию означенной записки надлежащие планы и проекты, и оные нам представить»*³⁵¹.

В это же время генерал-прокурор князь А.А. Вяземский работал над проблемой изыскания средств для покрытия возросших расходов казны и считал возможным собрать недостающую сумму (5,28 млн рублей) повышением налогов.

Не исключено, что для А.А. Вяземского «план Шувалова» стал неожиданностью, так как ранее он подавал все важные

³⁵⁰ Шестого мая 1786 года в состав этой комиссии был включен и генерал-майор Александр Петрович Ермолов (1754–1835).

³⁵¹ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 163 — 163 об.

бумаги по банку именно через него. На этот раз главный директор банка нарушил субординацию, заручившись поддержкой бывшего фаворита П.В. Завадовского.

По-видимому, на заседании 10 апреля 1786 года императрица попросила А.А. Вяземского составить «мнение» по проекту преобразований в Ассигнационном банке, который сохранился в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки³⁵².

Судя по документу, основные идеи реформы сводились к следующему. Ассигнационный банк увеличивал эмиссию бумажных денег более чем на 50 млн рублей и доводил их количество до 100 млн рублей. Из этой суммы треть отдавалась на кредитование дворянства (17,5 млн рублей) и городов (11 млн рублей), которые по изданным в 1785 году «жалованным грамотам» получали различные привилегии. Кроме того, 15 млн рублей ассигнациями нового выпуска откладывались в резерв «для внезапной войны».

Эти положения вызвали резкую критику А.А. Вяземского. Он считал, что эмиссия ассигнаций без увеличения металлического покрытия приведет к инфляции и вызовет недоверие к бумажным деньгам. Генерал-прокурор недоумевал, откуда взялась пресловутая сумма в 100 млн рублей³⁵³. Он выступил и против выделения 17,5 млн руб. «через Дворянский банк на заклад деревень сроком на 20 лет»³⁵⁴. Эта мера, считал князь, еще больше обременит дворян, которые поступят обычным для них способом: переложат долги на крестьян, увеличив оброки. По подсчету Вяземского, долг помещиков Дворянским банкам с 1754 по 1775 год вырос в 5 раз (с 1,59 до 8,43 млн рублей), причем эти деньги в основном были потрачены на роскошь³⁵⁵.

Также генерал-прокурор предостерегал против «щедрого» кредитования городов — он предлагал вспомнить печальный

³⁵² ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 47. Л. 4–17.

³⁵³ Там же. Л. 8 об.

³⁵⁴ Там же. Л. 9 об.

³⁵⁵ Там же. Л. 11–12.

Ж.-Б. Грез. Портрет графа А.П. Шувалова.
1776–1781 гг. Холст, масло.
60 × 50,5 см (овал).
Государственный музей изобразительных
искусств имени А.С. Пушкина

опыт Коммерческого банка³⁵⁶. В качестве решения вопроса Вяземский, как и прежде, предлагал «необременительно» повысить налоги, чтобы покрыть образовавшийся бюджетный дефицит.

Свой доклад, направленный против проекта реформы банка, князь окончил в конце мая 1786 года и 29 мая подал императрице. Однако идеи Вяземского не нашли поддержки Екатерины II. Ей импонировал взгляд Шувалова — главным образом в силу того, что он не предусматривал повышения налогов и основывался на проверенном европейском опыте. Память о «язве», как тогда говорили в Петербурге — Крестьянской войне 1773–1775 годов — была жива. В то же время царица придерживалась идей просвещенного абсолютизма и гуманного отношения к подданным.

Шувалов считал, что увеличение эмиссии, как и в Европе, будет способствовать насыщению денежного рынка и развитию торговли. На примере ведущих европейских стран — Голландии, Франции и Англии — он убеждал членов комиссии в том, что «новые» бумажные деньги не вызовут роста цен. По его словам, в Англии *«выпускаемо каждый год от 60 до 100 млн рублей бумагами в народе, и притом налагаемы были подати для платежа процентов; но все сие никакой дороговизны не произвело»*³⁵⁷. А главное, по подсчетам комиссии, его план должен был принести правительству 18,3 млн рублей прибыли.

15 июня 1786 года на заседании Совета победа графа над князем была решена. Члены Совета поддержали мнение главного директора Ассигнационных банков. Шуваловский проект получил одобрение императрицы. Результатом был известный Манифест от 28 июня 1786 года и устав Ассигнационного банка. Екатерина II писала: *«Граф Андрей Петрович! Прочитав заготовленный проект устава Ассигнационному банку, позволяем оный привести в исполнение и сообразно тому в отправлении дел банковых поступать»*³⁵⁸.

³⁵⁶

ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 47. Л. 15.

³⁵⁷

Архив Государственного Совета. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1869. С. 548.

³⁵⁸

РГАДА. Ф. 248. Оп. 54. Д. 4508. Л. 1.

Новый устав был утвержден императрицей 23 декабря 1786 года. Он представлял собой памятник грандиозных планов А.П. Шувалова по реформированию банка. Показательно, что главный документ его деятельности был оформлен уставом — на европейский манер, а не указом, как прежде практиковалось в России.

Согласно уставу, Петербургский и Московский Ассигнационные банки были преобразованы в единый Государственный Ассигнационный банк с наделением его большими правами³⁵⁹. По Манифесту от 28 июня 1786 г., он мог эмитировать ассигнации на сумму до 100 млн рублей, но с учетом уже обращающихся бумажных денег. Из этой суммы 22 млн рублей было определено на раздачу дворянам в 20-летние ссуды, а 11 млн рублей — на нужды городов. Отличие нового Ассигнационного банка заключалось в том, что, помимо эмиссии бумажных денег, он, согласно уставу, мог осуществлять и другие операции: учитывать векселя из 0,5 % в месяц, заниматься куплей-продажей меди (в том числе, и продавать ее за границу), а также покупкой золота и серебра³⁶⁰, чеканить на монетном дворе в Петербурге золотую и серебряную монету³⁶¹.

В банк вошли две экспедиции: «для приема и ревизии ассигнаций» и «по горным банковым заводам». Последняя в конце XVIII века состояла из трех контор по управлению заводами в Верхотурье. Ими были два медеплавильных — Богословский и Петропавловский (купленные у заводчиков братьев Н. и Г. Походяшиных в 1791 г. с рассрочкой платежа на 10 лет³⁶²) — и один железнотопильный (Николо-Павдинский).

«Начальным местом» оставалось Правление в Петербурге, состав которого был расширен. Оно состояло из 10 человек — главного директора и девяти его советников. Каждый

³⁵⁹ Идея о соединении всех государственных банков под одно правление высказывалась членом Совета Никитой Ивановичем Паниным еще в 1770 году (См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 418. Л. 1 об. — 2).

³⁶⁰ ПСЗ. Собрание первое. Т. 22. № 16407. С. 624.

³⁶¹ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 264.

³⁶² ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 320.

из советников отвечал за определенную операцию: по подряду и закупке меди, по деятельности Учетной («Экстной») конторы и др. Один из советников был по должности выше остальных. Он был заместителем главного директора, отвечал за *«исправность и скорое исполнение в делах Правления»*. Ему поручалось заведование операциями банка за границей³⁶³.

Правлению подчинялись отделение в Москве (преобразовано из Московского Ассигнационного банка) и променные конторы в провинции.

По новому уставу, к деятельности Ассигнационного банка допускались купцы. Так, в Ассигнационный банк в Петербурге назначалось 5 директоров от правительства и 3 — от купечества, а в его отделение в Москве — 4 директора от правительства и 2 — от купечества³⁶⁴. По-видимому, это было связано с решимостью учредить при банке контору по учету векселей, для чего требовались консультанты из купцов. Впервые они зафиксированы в списках по банку и Московскому отделению с 1790 года: ими были первой гильдии купцы Андреян Семенович Полозов, Иван Юдич Денисов, Иван Максимович Вонифатьев (в С.-Петербурге), Федор Петрович Турчанинов и Николай Ильич Журавлев (в Москве)³⁶⁵. Но эти лица, несмотря на относительно высокое положение, не обладали полномочиями, в отличие от чиновных директоров, оставаясь советниками.

Остальные же директора Ассигнационного банка и его Московского отделения *«имели дежурство»* над производимыми операциями. Вместе с советником Правления и кассиром директора банка подписывали ассигнации (с 1786 года)³⁶⁶.

И предоставление эмиссионной операции, и право вести учет векселей — все это выделяло Ассигнационный банк над другими государственными банками царствования Екатерины II.

³⁶³ ПСЗ. Собрание первое. Т. 22. № 16479. С. 740–743.

³⁶⁴ Там же. С. 743.

³⁶⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1790. СПб., 1790. С. 98–99.

³⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 54. Д. 4508. Л. 2–35.

По сути, Ассигнационный банк становился «универсальным» банком — наподобие европейских эмиссионных банков.

В Российском государственном архиве древних актов сохранились записи на иностранных языках об устройстве банков в европейских странах³⁶⁷, которые доставлялись послами и торговыми агентами. Они были составлены в конце XVIII — начале XIX века и, несомненно, продолжали традицию сбора информации по крупнейшим европейским банкам. Судя по сохранившимся записям, видных российских чиновников интересовали монопольные эмиссионные банки в Амстердаме, Копенгагене, Вене и, конечно, Банк Англии — один из наиболее крупных и известных кредитных институтов того времени. И хотя между ним и Ассигнационным банком были глубокие отличия (например, Банк Англии был акционерным, а Ассигнационный — государственным), его опыт, несомненно, учитывался при разработке реформы Ассигнационного банка.

По-видимому, А.П. Шувалов считал возможным реформировать Ассигнационный банк по типу Банка Англии. Как и в последнем,

³⁶⁷ См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 428.

Мясницкая улица в Москве. Литография А.Ш. Мюллера с оригинала С.Ф. Дитца, 1840-е годы (за почтамтом, в глубине улицы — здание Московского Ассигнационного банка)

в Ассигнационном банке должны были сочетаться деятельность в области денежного обращения, предоставление займов казне и активная кредитная политика по отношению к крупному купечеству.

Применение английского опыта имело свое объяснение. В конце XVIII века французскую ориентацию при дворе сменила мода на Англию, включая английский архитектурный стиль («палладианство» Чарльза Камерона), пейзажные парки и даже образ жизни лордов Туманного Альбиона. И это не случайно, учитывая то, что Российская империя времен Екатерины II имела амбиции на роль в «большой политике» и становилась реальным соперником Британии. Как бы в России ни изучался опыт Амстердамского и Копенгагенского банков, он вряд ли мог иметь большое практическое значение. Ни Голландия, ни Дания по размерам территории и ресурсам не были сопоставимы с этими двумя мировыми империями. Напомним, что к исходу второй трети XVIII века границы России простирались от Балтики до Тихого океана, а Англия к этому времени закрепилась в Северной Америке, Индии, на Гибралтаре и в других землях. При этом Банк Англии был одним из основных источников финансирования политики колониальных захватов³⁶⁸. Одновременно и Ассигнационный банк с момента своего учреждения покрывал военные расходы правительства.

Для А.П. Шувалова «мода на Англию» имела и личный аспект. Известно, что в 1786 году он вторично вступил в масонство — в ложу Молчаливости, работавшую в Петербурге по английской системе³⁶⁹. Впрочем, и первый его приход к вольным каменщикам (в 1771 году) стал знакомством с «аглицкой ложей», как Н.И. Новиков называл ложу Совершенного союза в Петербурге³⁷⁰. Показательно, что ту же ложу посещал и граф Яков Ефимович Сиверс, которого считают автором проекта введения ассигнаций.

³⁶⁸ Владимиров К. Банк Англии. М., 1959. С. 15.

³⁶⁹ Серков А.И. Русское масонство: 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 967.

³⁷⁰ Там же. С. 971.

Интересно, что выпущенные в 1786–1787 годах номиналы ассигнаций напоминали английские фунты: в них также был «зачернен» номинал и господствовало простое, лаконичное решение. В особенности это касалось мелких номиналов в 5 и 10 рублей, идея выпуска которых обсуждалась еще в 1772 году. Тогда она была оставлена: для эффективного размена денег было решено создать променные конторы. Но к 1786 году стало ясно, что они не оправдали ожиданий, и к необходимости выпуска мелких купюр вернулись вновь. В своем докладе (от 15 июня 1786 г.) А.П. Шувалов сетовал, что *«в нынешней же монете между 5 копеек и 25 рублей нет посредствующей — к отвращению таковой трудности весьма нужно иметь мелкие ассигнации»*³⁷¹. Они предназначались для хождения в широких слоях населения. Это шло в разрез с прежними сословными рамками: считалось, что бумажные деньги должны обращаться только среди дворян и купечества, «не доходя» до крестьян.

Первоначально 5- и 10-рублевые ассигнации планировалось выпускать в пропорции 10% от суммы новых эмиссий. Они были введены по указу от 23 марта 1787 г., а указом от 20 декабря того года их допечатали еще на 10 млн рублей (с уничтожением на такую же сумму 100-рублевых ассигнаций)³⁷². По предложению Шувалова, в отличие от купюр крупных номиналов (печатавшихся на белой бумаге), пятирублевые прокатывались на синей бумаге, а десятирублевые — на красной. Отныне эти цвета стали олицетворять бумажные деньги этих достоинств. Еще в конце XX века пятирублевые российские банковские ноты имели синий фон, а десятирублевые — красный.

В 1786 году был воплощен один из проектов, вышедший из недр Правления Ассигнационного банка и поданный императрице за десять лет до его реформирования. Он заключался в придании ассигнациям дополнительной защиты от «приписываний» через разные размеры бумаги для каждого номинала³⁷³.

³⁷¹ Архив Государственного Совета. Т. 1. Часть 1. СПб., 1869. С. 553–554.

³⁷² Там же. С. 553–554, 562.

³⁷³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 353а.

Новые ассигнации (достоинством в 100, 50, 25, 10 и 5 рублей) печатались на бумаге улучшенного качества, так называемой «полушелковой». Отныне она стала изготавливаться не на частном предприятии (как прежде — на фабрике Сиверса), а на казённой Царскосельской бумажной мельнице. Видимо, таким образом пытались положить конец обогащению за счет казны отдельных лиц и вельмож.

30 января 1785 года мельница в Царском Селе была передана в заведование А.А. Вяземского. Ее управляющий получил подробные инструкции о ведении производства и его контроле; был усилен караул предприятия и приняты иные меры к охране секретного производства. От него, в частности, требовалось, чтобы «доброта сей бумаги сколько возможно более сходствовала с делавшей для английских банковых билетов», отличительными чертами которой были прочность и тонкость³⁷⁴. Для этого в Европе были

³⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 45. Л. 3 об.

закуплены специальные механизмы и выписан мастер с подмастерьями, работавшие по контракту.

Срок обмена ассигнаций старого образца на новый, который начался в банке и его променных конторах 1 сентября 1786 года, длился не менее полугода³⁷⁵. Ветхие ассигнации старого образца публично сжигались во дворе здания Ассигнационного банка³⁷⁶.

Насколько позволяют судить документы, уже в феврале — марте 1786 года было отпечатано на 50 миллионов бумажных рублей, и указом от 16 марта того же года они были переданы в распоряжение А.П. Шувалова³⁷⁷. Это случилось на три месяца раньше публикации известного манифеста (от 28 июня 1786 г.), что говорит о формальном, чисто совещательном характере Совета. По-видимому, собственная позиция Екатерины II по вопросу об эмиссии ассигнаций к тому времени была уже определена.

Для их размена усиленно чеканилась медная и серебряная монета, ежегодный отпуск которой в банк в конце 1780-х гг. составлял по 150 тыс. рублей³⁷⁸. Ассигнационный банк стал сам закупать медь у заводчиков «за сходную цену»³⁷⁹. Однако его попытка уравновесить медную монету серебряной не увенчалась успехом: в связи с возрождением меди население сберегало даже медные пятаки, не говоря уже о серебре³⁸⁰.

По иронии судьбы из всех грандиозных шуваловских преобразований было воплощено лишь положение об увеличении бумажной эмиссии. Применение новым деньгам нашлось быстро: часть их была потрачена на строительство дороги между

³⁷⁵ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 2. Л. 222, 223.

³⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 175 об.

³⁷⁷ Там же. Л. 155.

³⁷⁸ Там же. Л. 172 об.

³⁷⁹ Там же. Л. 173 об., 175 об.

³⁸⁰ По свидетельству статс-секретаря Екатерины II Адриана Моисеевича Грибовского, в конце XVIII века рыночная стоимость меди повысилась с 24 до 30 рублей за пуд, в то время как медная монета продолжала чеканиться из расчета 16 рублей за пуд меди. Это приводило к тому, что медная российская монета переплавлялась в металл и даже уходила за границу (Грибовский А.М. Записки о императрице Екатерине Великой: Репринтное воспроизведение издания 1864 г. М., 1989. С. 65).

Петербургом и Москвой, столь печально воспетой А.Н. Радищевым, освоение Новороссии и Крыма, сооружение Вытьегорского канала, «*нужного для торговли российской*», и создание Черноморского флота³⁸¹. Наконец, огромные средства поглощала Русско-турецкая война 1787–1791 годов. Полученных средств не хватало, и, вопреки первоначальным планам императрицы, «подлые условия» были обложены новыми податями³⁸².

Последствия необеспеченных эмиссий были печальны: преобразованный Ассигнационный банк стал банком инфляционных бумажных денег. С этого времени в России эмиссия ассигнаций велась без соответствующего увеличения металлического покрытия. Если до 1786 года биржевой курс ассигнаций был ниже их нарицательной стоимости на 1–3 копейки, а ассигнации свободно разменивались на монету, то во второй половине 1780-х годов ситуация изменилась в сторону резкого понижения курса бумажных денег. К 1775 году сумма выпущенных ассигнаций достигла 20 млн рублей, к 1787 году в обороте их имелось уже на 46 млн рублей, а к 1795 году — на 145,5 млн рублей. Курс ассигнационного рубля на Петербургской бирже в последний год правления Екатерины II (1796 г.) в среднем составлял 60,5 «серебряных» копеек³⁸³.

В последние годы правления Екатерина II уже не проводила новых реформ: страна «устала» от них, и до них попросту не доходили руки. Бесконечные военные кампании (Русско-турецкая война 1787–1791 годов, Русско-шведская война 1788–1790 годов, разделы Польши 1793 и 1795 годов) оттягивали значительные денежные средства на покрытие военных расходов. Но главное обстоятельство, затормозившее ход реформы, заключалось в борьбе фаворитов, которая имела для А.П. Шувалова роковые последствия. Понятно, что судьба преобразований во многом зависела от него.

³⁸¹ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 175.

³⁸² Там же. Л. 294.

³⁸³ H. Storch. Supplementband zum V, VI und VII Theil des historisch-statistisches Gemäldes des Russischen Reiches. Leipzig 1803. S. 9.

В 1786 году императрица сохранила прежний порядок взаимоотношений в финансовой сфере: главным директором Ассигнационного банка оставался Андрей Петрович Шувалов, но общее заведование над казёнными банками было за Александром Андреевичем Вяземским. Обиженный генерал-прокурор, несомненно, напоминал о себе главному директору Ассигнационного банка. Тем более что в это время усилились репрессии на масонов, что не могло не отразиться на членстве А.П. Шувалова в известной петербургской ложе (он покинул ее в 1787 году).

В соперничестве за банки ярко обрисовались претензии и другого конкурента — Петра Васильевича Завадовского,

Ассигнация 5 рублей, 1794 год.
Музейно-экспозиционный фонд Банка России

прежнего союзника главного директора Ассигнационных банков, развившего энергичную деятельность по объединению Заемного и Ассигнационного банков под свое единое управление. Екатерина II первоначально считала полезным объединить эти банки, однако, видимо, столкнулась с протестом А.П. Шувалова и не стала торопить события. Последний ни за что не хотел складывать свои полномочия, поэтому формальное соединение обоих банков не состоялось. Уже 27 марта 1788 года статс-секретарь императрицы А.В. Храповицкий записал в дневнике: *«Не хотят соединить с Заемным банком Ассигнационного под одно начальство Завадовского: «Надобен особый человек»*³⁸⁴.

Понятно, что преобразования в Ассигнационном банке хотел возглавить сам А.П. Шувалов, однако интриги подточили его здоровье, а обострившаяся болезнь (психическое расстройство)³⁸⁵ и скорая смерть 24 апреля 1789 года не позволили развить грандиозные планы.

Тем временем главная дирекция Ассигнационного банка 4 мая 1789 года была поручена А.А. Вяземскому, считавшемуся сторонником «умеренных» эмиссий. Шуваловские преобразования ему не импонировали и, соответственно, он не прилагал никаких усилий к их осуществлению. Но спустя 3 года, в 1792 году, болезнь сломила и его — А.А. Вяземский был прикован к постели и практически уже не мог работать (императрица приняла его отставку 17 сентября 1792 г.³⁸⁶). Он умер 8 января 1793 года. А 6 ноября 1796 года умерла и сама императрица, с ней окончилась прежняя, Екатерининская, и началась новая, Павловская эпоха в жизни страны.

К этому периоду реформа Ассигнационного банка остановилась. Большинство ее положений — о создании банковского монетного двора, Экстной и Страховой контор — будут реализованы только в новое царствование.

³⁸⁴ Храповицкий А.П. Памятные записки. М., 1990. С. 54.

³⁸⁵ Там же. С. 51, 54, 61.

³⁸⁶ Там же. С. 275.

* * *

В короткий период правления Павла I были реанимированы грандиозные планы реформирования Ассигнационного банка. Стараниями просвещенного генерал-прокурора Алексея Борисовича Куракина были созданы банковский монетный двор, учетная контора в Петербурге; в Северной столице заработала и страховая контора, которая предполагалась еще в уставе банка 1786 года.

Одной из главных забот финансовой политики нового императора стало упорядочение денежного обращения и постепенное возвышение курса ассигнаций для оживления отечественной торговли.

Павел I был недоволен падением курса ассигнаций в стране. В последний год царствования его матери Екатерины II средний биржевой курс «условного» бумажного рубля (купюрой самого низкого номинала были тогда 5-рублевые ассигнации) составлял 79 «серебряных» копеек³⁸⁷. Это положение не соответствовало государственному престижу и амбициям императора; *«носилась молва, что он в разговорах о сей материи торжественно сказал, что он согласится до тех пор сам есть на олове, покуда не восстановит нашим деньгам надлежащий курс и не доведет до того, чтобы рубли наши ходили рублями»*³⁸⁸.

Павел I демонстративно приказал сжечь на площади перед дворцом ассигнаций на 5 млн 316 тыс. 665 рублей³⁸⁹. Остальные же «неполноценные» деньги решено было сделать настоящими деньгами. С этой целью велась интенсивная чеканка полновесной золотой и серебряной монеты, которая начинает обмениваться публично по известному паритету. За основу был

³⁸⁷ См.: Кашкаров М.П. Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898. С. 24–26.

³⁸⁸ Болотов А.Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах // Записки очевидца. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1989. С. 215–216.

³⁸⁹ Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 171.

принят петербургский биржевой курс, в 1797 г. в среднем составлявший 75,5 серебряных копеек за бумажный рубль³⁹⁰.

Обмен монеты на ассигнации начался в Петербурге 1 января 1798 года, а в Москве — 1 мая того же года. Для этой цели предполагалось отчеканить золотой и серебряной монеты на 2,4 млн рублей. Поскольку собственной добычи драгоценных металлов не доставало, то для их покупки при Ассигнационном банке была учреждена особая контора (*«Контора о покупке металлов»*), занимавшаяся, в частности, закупкой голландских червонцев для их последующей перечеканки.

За неделю до начала размена в крупнейших столичных газетах были помещены соответствующие объявления. Курсы размена писались на специальной доске, а количество «отпускаемой» в одни руки монеты было строго ограничено: не более 10 рублей золотом и 40 рублей серебром³⁹¹. Медные деньги по-прежнему меняли без ограничений.

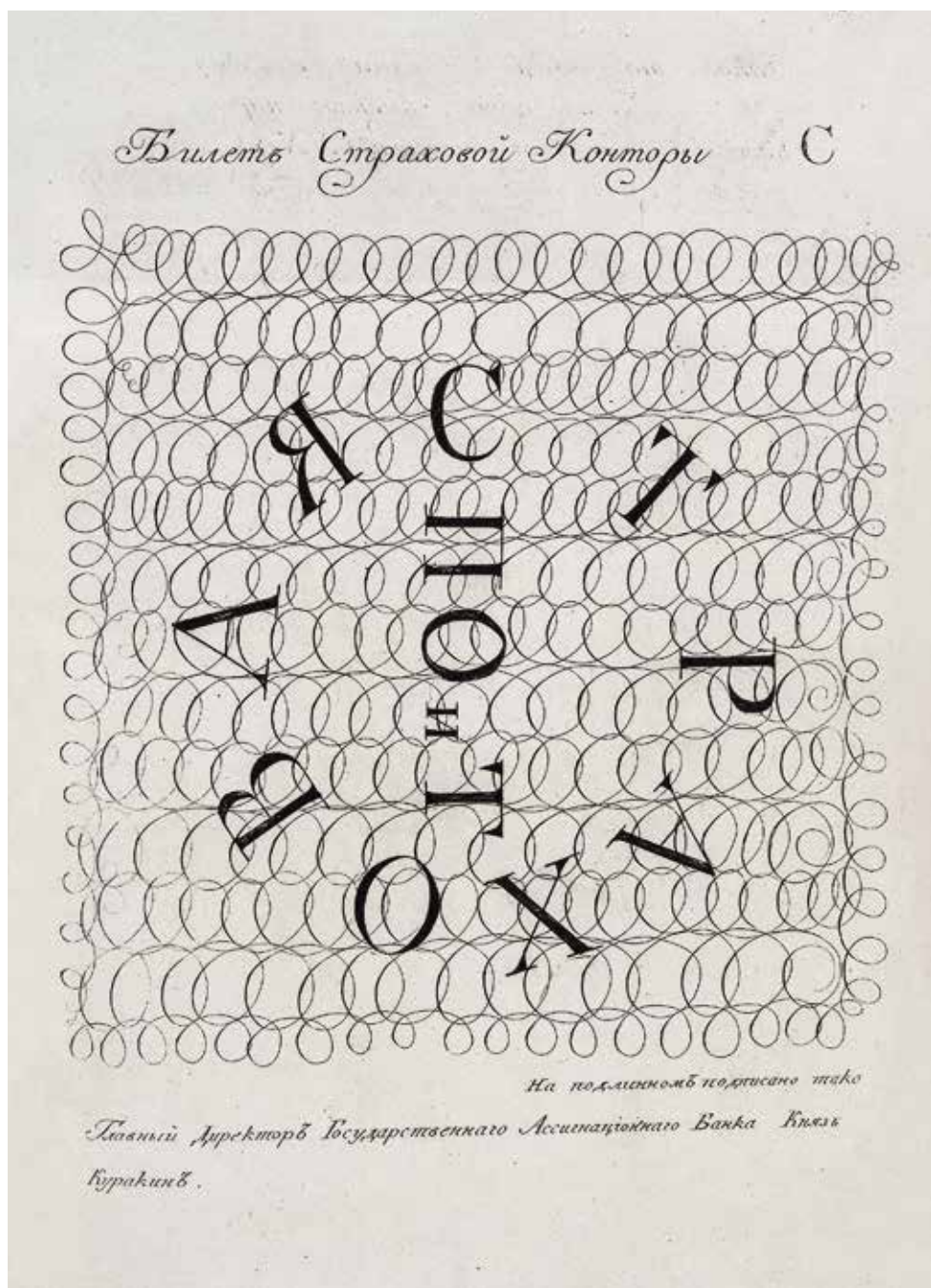
Грандиозной операцией руководил сам А.Б. Куракин, который отчитывался за нее лично перед Павлом I. Монету меняли в «разменных палатах» Ассигнационного банка и его московского отделения ежедневно, кроме воскресений.

Возможность обменять «бумагу» за «золото» стала для публики чрезвычайно привлекательной. По выражению современника, ассигнаций предъявлялось *«на великие суммы»*³⁹². За них выдавали золотые пятирублевики, серебряные рубли, полтины, полуполтинники и гривенники, которые либо оседали в сбережениях, либо «пускались» в спекулятивный оборот. Как правило, установленный в «разменных палатах» лаж не превышал 30 копеек и к концу 1797 года стал ниже биржевого. О спекуляциях стало известно А.Б. Куракину, который предложил возвысить лаж до 40 копеек. Павел I утвердил новый курс указом от 21 июля 1798

³⁹⁰ H. Storch Supplementband zum V, VI und VII Theil des historisch-statistisches Gemäldes des Russischen Reiches. Leipzig 1803. S. 9.

³⁹¹ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 487 об.

³⁹² Вирст Ф.Г. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи. СПб., 1807. С. 242.

Билет Страховой конторы Ассигна-
ционного банка, 1797 год. Образец.
Российский государственный архив древних
актов

Золотая монета 5 рублей, 1799 год.
Санкт-Петербургский Банковский
монетный двор. Музейно-
экспозиционный фонд Банка России

года³⁹³, но это не спасло положения. 12 октября 1798 года генерал-прокурор представил императору доклад, в котором, в частности, писал:

«Государственный Ассигнационный банк... выпускал сперва по 10 тысяч рублей, а теперь выдает по 8 тысяч рублей ежедневно золотой и серебряной монетой... Но опыт 10-месячный удостоверяет, что сей мелочный промен никакого влияния не имеет... а приходит единственно в корыстные руки мелких торгашей. И потому, находя издержку бесплодной, а для казны довольно важной, ибо по самому уменьшенному расчету промен ежедневный составляет в год 2 400 000 рублей золотой и серебряной монетой, осмеливаюсь донести, что было бы гораздо полезнее остановить мелочный повседневный промен, а удерживать оную в банке»³⁹⁴.

В середине октября 1798 года обмен был остановлен, а жизнь в Ассигнационном банке вернулась к своему прежнему течению.

По-видимому, его прекращение в правительстве воспринимали как временное явление. Так, 22 декабря 1800 года

³⁹³ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 568 — 568 об.

³⁹⁴ Там же. Л. 579.

Павел I утвердил план выпуска ассигнаций нового типа, на которые через три с половиной года планировали обменять старые ассигнации³⁹⁵. Эта идея стала обсуждаться еще летом этого года. Об этом говорит секретное письмо от 12 июня 1800 года генерал-прокурора П.Х. Оболянинова управляющему Ассигнационным банком П.С. Свистуну с просьбой рассмотреть вопрос «о перемене настоящей формы ассигнаций»³⁹⁶. К этому побудили как многочисленные подделки бумажных денег³⁹⁷, так и желание выделять их «прочнее». Возможно, что в такой решимости скрывалось и суеверие императора: старые бумажные деньги прочно ассоциировались с бедами российского денежного обращения. Новые ассигнации было решено сделать разными по оформлению («фигурами и буквами»), печатать их только на белой бумаге, «самой прочной известной в России и мире»³⁹⁸.

В связи с дворцовым переворотом 1801 года производство новых денежных знаков было приостановлено и возобновлено лишь несколько месяцев спустя. К 1803 году таких «новых» бумажных рублей было изготовлено на 71 млн рублей, что составляло треть от первоначально намеченной суммы. Однако в дальнейшем их выпуск был приостановлен. Государственный казначей Алексей Иванович Васильев (1742–1807) в докладе Александру I назвал эту меру преждевременной, а выгоды от обмена «временными». К тому же ожидали, что публика с недоверием отнесется к новым ассигнациям³⁹⁹. В итоге они так и не появились в обращении: весь заготовленный тираж был уничтожен⁴⁰⁰.

395 Об ассигнациях этого типа см.: Маршак М.Б. Редкая русская ассигнация // Сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 52. Л., 1987. С. 49–51; Шишанов В.А. Влияние особенностей производства на подготовку выпуска русских ассигнаций образца 1802–1803 гг. // Труды ГИМ. Вып. 125: Нумизматика на рубеже веков. М., 2001. С. 401–408.

396 Орлов А.П. Бумажные денежные знаки в Беларуси. Минск, 2008. С. 8.

397 К 1800 г. затраты на выкуп фальшивых ассигнаций составили 200 тысяч рублей (РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2494. Л. 7 об.; Шишанов В.А. Указ. соч. С. 403).

398 ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 — 1 об.

399 Там же. Л. 2 — 2 об.

400 Исследователь В.А. Шишанов считает, что осуществить предполагаемый обмен ассигнаций помешали слабые технические мощности, использовавшиеся для их изготовления. При ежегодном наращивании инфляционной бумажной денежной массы производство «новых» денежных знаков превращалось «в гонку за эмиссией» (Шишанов В.А. Указ. соч. С. 408).

Ассигнация 100 рублей, 1803 год.
Собрание Гознака

Помимо попытки закрепить курс ассигнаций, правительство Павла I прилагало усилия к довершению преобразований в Ассигнационном банке, начатых еще в 1786 году. 18 сентября 1797 г. при нем была учреждена экспедиция по хозяйственным оборотам, просуществовавшая до 1 июля 1804 года. Ее цель заключалась в наведении порядка в бухгалтерии банка, или, как тогда говорили, в «*установлении канцелярского порядка*». Это коснулось прежде всего составления и ведения бухгалтерских и главных книг Страховой и только что созданной «Эсконтной», или учетной, контор. Заведование этой экспедицией возложили на правителя Канцелярии Правления банка Евграфа Гавриловича Рогожина (1769–1840), который справился с новыми обязанностями «с совершенным успехом и пользой на службу»⁴⁰¹.

В конце XVIII века были также реанимированы положения устава Ассигнационного банка от 1786 года о создании банковского монетного двора и учетных контор. 2 декабря 1796 года Павел I подписал указ о создании этого двора, который предполагалось оборудовать в кладовых здания Ассигнационного банка⁴⁰². Известно, что в 1796 году некоторые российские монеты уже помечены знаком «БМ» — банковская монета. Штемпеля для них были изготовлены на Петербургском монетном дворе. Но в 1796 году монетный двор в здании Ассигнационного банка еще не был оборудован. Считается, что он стал действовать только с 1799 года. Этого мнения придерживались известные историки денежного обращения России Александр Исаевич Юхт и Василий Васильевич Уздеников⁴⁰³. Действительно, в делах по Ассигнационному банку сохранился доклад управляющего монетным двором Алексея Николаевича Оленина о перерасходе сумм на заведение двора, датированный августом 1799 года. По его

⁴⁰¹ ЦГА Москвы. Ф. 620. Оп. 2. Д. 243. Л. 15 об. — 16.

⁴⁰² ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 451, 463. О монетном дворе Ассигнационного банка см.: Дмитриев А.Л., Амосова В.Д. История здания Государственного банка в С.-Петербурге // История Банка России. 1860–2010. Т. I. М., 2010. С. 556–559.

⁴⁰³ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 226; Уздеников В.В. Объем чеканки российских монет: 1700–1917 гг. М., 1995. С. 133–135.

подсчетам, он составил сумму более 23 тыс. рублей⁴⁰⁴. Однако сохранился доклад генерал-прокурора А.Б. Куракина Павлу I, датированный концом 1797 года, где говорится, что монетный двор к этому времени был уже «устроен»⁴⁰⁵. На семи станках чеканили золотую и серебряную монету для размена на ассигнации⁴⁰⁶. Причины такого расхождения в дате завершения работ банковского монетного двора не выяснены. Однако не исключено, что доклад царю о перерасходе сумм был подан после завершения всех работ, когда двор уже работал.

Но очень скоро от его использования как самостоятельного места чеканки отказались — он использовался как временный двор в период реконструкции такового в Петропавловской крепости. Показательно, что выпускаемые монеты двор Ассигнационного банка, существовавший до 1805 года, метил штампами Петербургского монетного двора (СМ, СП, СПб)⁴⁰⁷.

Что касается Экстной конторы, то положения Устава 1786 года о ее создании оставались на бумаге в течение десяти лет. В условиях острой нехватки государственных кредитных учреждений для кредитования купечества правительство 18 декабря 1797 года *«к вспомоществованию ремесел и торговли преимущественно российским купцам, заводчикам и фабрикантам, имеющим в деньгах нужды на срочное время для полезных их оборотов»*, учредило Учетные конторы при Ассигнационном банке, издав для них особый устав. Одновременно при том же банке заработала и Страховая контора, где страховалось заложенное в банк имущество на случай пожара или покражи. Правда, итоги ее деятельности по сравнению с учетными конторами были очень скромными: за два года своего существования она получила в качестве комиссии с застрахованных товаров только 1 219 рублей⁴⁰⁸ (для сравнения: учетная контора по векселям с 1798 по 1800 годы заработала комиссионных

⁴⁰⁴ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 588 — 588 об.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 506 об.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 463.

⁴⁰⁷ Уздеников В.В. Монеты России: 1700–1917 гг. М., 1992. С. 616.; *Он же*. Объем чеканки российских монет: 1700–1917 гг. М., 1995. С. 133–135.

⁴⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 597.

Дж. Доу. Портрет А.Н. Оленина.
Конец 1820-х годов. Холст, масло.
69,3 × 64,2 см. Государственная
Третьяковская галерея

883,5 тыс. рублей, а учетная контора по товарам — 31,6 тыс. рублей). Это говорит о том, что купцы мало прибегали к ее услугам: в России того времени страховать имущество не было принято.

Инициатором создания учетной и страховой контор выступил Алексей Борисович Куракин, являвшийся в это время управляющим Ассигнационным банком. Впрочем, идея о создании таких контор прозвучала уже в проекте генерал-майора Степана Федоровича Стрекалова⁴⁰⁹, поданном Екатерине II в 1770-е годы.

Стрекалов предлагал использовать празднoleжащий капитал Ассигнационных банков на выдачу ссуд дворянству и купечеству. Однако давать займы купцам он предлагал только в Петербурге. Со временем *«не безнужно придать тогда заемной купецкой экспедиции и эсконтирование купецких векселей, что также немалой помощью российским торговцам служить может»*⁴¹⁰. Эта помощь должна была выражаться в уменьшении ростовщического процента.

Не случайно в указе об учреждении контор по векселям и товарам (1797 г.) давалась устаревшая формулировка, восходившая еще к идеям меркантилистов. «Утверждаясь на неоспоримых истинах, что торговля есть источник всеобщего изобилия», излагались принципы действий учетных контор на векселя, на товары и на драгоценные металлы. В новых условиях была реанимирована идея кабинета П.И. Шувалова середины XVIII века о создании «Государственного банка» в виде отдельных банков для дворян и купечества: в 1797 году одновременно с конторами был учрежден Вспомогательный банк для дворянства.

Учреждение контор (как и в случае с основанием в 1754 году Коммерческого портового банка) преследовало целью предоставить дешевый кредит крупным российским купцам. Это должно было способствовать поощрению экспорта

⁴⁰⁹ Стрекалов Степан Федорович (1728–1805), статс-секретарь императрицы Екатерины II, управляющий Кабинетом ее императорского величества в 1768–1789 годах. В 1787–1789 гг. — член Совета при императрице по решению наиболее важных государственных вопросов.

⁴¹⁰ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 416. Л. 3.

и активизации внешнеторгового баланса, а следовательно — укреплению вексельного курса. С прекращением в 1770 году деятельности Коммерческого портового банка в С.-Петербурге в России не было ни одного крупного государственного органа, кредитовавшего торговлю, за исключением Астраханского коммерческого банка. Однако деятельность последнего ограничивалась преимущественно кредитованием астраханских купцов.

Первоначально была учреждена лишь учетная контора в С.-Петербурге, которая должна была начать свои операции с 1 марта 1798 года⁴¹¹. Она учитывала векселя, выдавала ссуды под залог товаров отечественного производства, а также золота и серебра. *«Кредит каждого купца... — лучшая его подпора и цель»*, — декларировал Устав контор.

Новшеством стала организация учетной операции. Несмотря на то что она эпизодически проводилась в казённых банках, в качестве отдельной, самостоятельной операции дисконт оформился именно в конторах. Его небольшие объемы были связаны с рисками по беззалоговым кредитам, выдававшимся под поручительство; таким кредитам даже в Европе тогда не отдавали безусловного предпочтения. Еще в 1786 году в записке, поданной на имя президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова, купец М. Пастухов предостерегал, что многие обращающиеся при петербургской бирже векселя *«мало удобны к дисконту»*⁴¹².

Векселя учитывались в конторах из 0,5% в месяц до 9 месяцев при уплате комиссии в 1 рубль с каждой тысячи валюты векселя. Они представлялись не самими купцами, а для надежности — биржевыми маклерами, дававшими специальную присягу (такой порядок был впоследствии перенесен в Коммерческий банк). На них налагалась ответственность представлять к учету только «хорошие» векселя, притом только российских подданных.

⁴¹¹ Ее первым директором был Алексей Николаевич Оленин (1763–1843), в будущем член Государственного Совета и президент Академии художеств.

⁴¹² Цитата дана по изданию: Лизунов П.В. Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII — начало XX в.). Архангельск, 2002. С. 47.

Сведения о купцах давали специально избранные «члены от купечества», которые состояли консультантами при начальстве учетных контор.

В случае допущения векселей до протеста арестовывалась собственность участников вексельной сделки: векселедателя, акцептанта и надписателя. Для погашения долга она продавалась с публичного торга.

При выдаче подтоварных ссуд российским купцам четко оговаривались номенклатура принимаемых в залог отечественных товаров, которые должны были быть обязательно застрахованы, срок кредита и максимальный размер ссуды.

Список залогов состоял из 24 товаров, относительно «ликвидных» (так как многие из них были товарами российского экспорта) и подверженных малой порче. В основном это были полуфабрикаты: железо, пенька, лен, кожи, медь, воск, масло, сало и др. Залог должен был быть обязательно застрахован в Страховой конторе при Ассигнационном банке, которая выдавала особые свидетельства — билеты. Размер кредита определялся суммой оценки товаров и их видом; во многом он зависел от записок, подаваемых в контору по этому вопросу двумя маклерами, состоявшими в штате Учетной конторы. Они были законными посредниками при заключении сделок: представляли к учету векселя, прикладывали к амбарам залогов печати, «свидетельствовали» товар.

Ссуда выдавалась на срок от 2 до 6 месяцев в зависимости от рода товара. Наименьший срок имели кредиты под поташ, наибольшие — под железо, медь, сукно, парусину. Сумма кредита составляла от 40% (под поташ) до 75% (железо) оценки залога.

Кредит под золото и серебро выдавался на 6 месяцев после отсылки залога «для получения пробы» на Монетный двор. Поскольку такая форма кредита считалась в то время «надежной», то по ней устанавливались льготные условия погашения. В частности, допускалась пролонгация на полгода — фактически открытие нового кредита, так как во время пролонгации продолжали начисляться

такие же проценты, как и по сроку ссуды (из расчета 5% годовых).

При выдаче кредита контора выдавала расписки о приеме залога, которые могли обращаться по передаточным надписям, приобретая характер ценных бумаг.

При учреждении учетной конторы ей был выделен капитал в 7,8 млн руб., который к 1810 году увеличили вдвое, до 16 млн рублей⁴¹³. Причина этого лежала в расширении операций этих учреждений и открытии новых контор в крупных торговых центрах страны. В 1806 году учетные конторы были открыты в Москве и крупных портовых городах: Астрахани, Одессе, Таганроге и Феодосии. Из ведомости должникам Учетной конторы Московского отделения Ассигнационного банка видно, что суммы купцами занимались разные — от 4 до 80 тысяч рублей, но в среднем — порядка 10 тысяч рублей. В залог принимались в основном кожа, парусное полотно и железо⁴¹⁴. Деятельность Учетной конторы в Москве распространялась на значительную часть Европейской России.

Главной и самой болезненной проблемой оставался возврат ссуд. Она заметно осложнилась разграблением в 1812 году складов московских купцов, многие из которых, таким образом, оказались на грани банкротства. Когда по вступлении русской армии в Москву была проведена ревизия оставшейся в городе части имущества Ассигнационного банка, оказалось, что из 1,6 млн рублей залогов 1,4 млн значилось расхищенным или сгоревшим. То немногое, что нашли, продавали с аукциона, чтобы восполнить колоссальный убыток Учетной конторы в Москве. Однако большая часть залогов исчезла бесследно. Купцы-заемщики ссылались на свою несостоятельность и просили льгот по долгам. В силу создавшегося безнадежного положения, по представлению министра финансов Д.А. Гурьева, Государственный Совет в 1816 году принял решение о списании сумм сгоревших

⁴¹³ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 9. Л. 75 об.

⁴¹⁴ Государственный банк: К столетию Отечественной войны. СПб., 1912. С. 36–41.

и пропавших залогов, о чем вскоре последовало высочайшее повеление⁴¹⁵.

К 1817 году в России продолжало работать шесть учетных контор (в Петербурге, Москве, Одессе, Феодосии, Таганроге и Архангельске), общий капитал которых оставался на уровне 1810 года, составляя 16 млн рублей. Эта сумма была распределена крайне неравномерно. В Москве, центре внутренней торговли, находилось чуть более 1 млн руб., или около 7%, а в четырех провинциальных конторах, вместе взятых, — 1,6 млн рублей. Основная же часть капитала оставалась в Петербурге — 13,3 млн руб., или 83%. Причем, как писал министр финансов Д.А. Гурьев М.М. Сперанскому (в 1817 г.), даже при таком положении столичные конторы *«не могут доставлять значительное вспомоществование купечеству»*⁴¹⁶. Оборот капитала в них происходил медленно, а их величина была явно недостаточной.

В провинциальных конторах, главным образом в Феодосийской, Одесской и Таганрогской, *«деньги захватываются в несколько рук, и теми, коими первым удалось занять оные, пускаются в обращение с сугубой лихвой»*⁴¹⁷. К 1817 году просроченных долгов по этим конторам считалось до 130 тыс. рублей, не говоря уже об убытках по Московской конторе.

В умах высшего российского чиновничества главная причина невозврата ссуд понималась как субъективная, связанная со злоупотреблениями отдельных лиц. Поэтому считалось, что в случае реорганизации кредитного учреждения, подбора честных чиновников и порядочных клиентов-купцов возможно избежать повторения злостных нарушений.

В результате было признано необходимым создать новый банк для кредитования торговли и купечества, устав которого был составлен с учетом статуты европейских банков. В 1818 году

⁴¹⁵ Государственный банк: К столетию Отечественной войны. СПб., 1912. С. 151–152; Отчет государственных кредитных установлений за 1817 год. СПб., 1818. С. 36.

⁴¹⁶ РГА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 9. Л. 76 об., 78 — 78 об.

⁴¹⁷ Там же. Л. 77.

учетные конторы были слиты с созданным в ходе преобразований казённых кредитных установлений Коммерческим банком. Ассигнационный банк фактически сделался лишь распространителем ассигнаций.

Реформа 1786 года так и не смогла преобразовать Ассигнационный банк в «универсальный», по типу Банка Англии. И тому были разные причины: от нехватки в стране денежных ресурсов до борьбы фаворитов. С другой стороны, реформа 1786 года намного опередила время. Европейский образец пытались переложить на русскую почву с ее совершенно отличными условиями, развитием торговли и товарно-денежных отношений.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА III.
АССИГНАЦИОННЫЙ
БАНК

ПЛАН

М.М. СПЕРАНСКОГО

Еще в начале XIX века среди высоких чиновников велась дискуссия по поводу ассигнаций: считать ли их казёнными векселями и, следовательно, государственным долгом, или видом денег. Государственный казначей Алексей Иванович Васильев вопрошал: *«И в самом деле, что такое значит сам по себе бумажный лоскут, ассигнацией или векселем называемый? Однако сим то лоскутом, как бы каким талисманом, владычество торговли распространилось по всему лицу земного шара»*⁴¹⁸. Васильев был склонен считать ассигнации видом денег, признавая в них «меновое» достоинство. *«Да и что значит вексельный учет, если не средство превращать векселя в деньги? — продолжал он. — А векселя составляют часть денег»*⁴¹⁹.

К тому времени в стране закрепились система двойного денежного счета: на серебро и на ассигнации. При этом носитель денег нередко «окрашивался» в сословное начало. Золотая монета, которой в XVIII веке чеканилось очень немного, в основном оседала в сундуках крупных вельмож. Серебряная монета уже проникала в среду купечества и зажиточных крестьян. Ассигнации к концу XVIII века также стали доступны всем сословиям, хотя большая их часть, конечно, была в руках дворян. Наконец, медь оседала в основном в низших слоях населения, став действительно монетой для внутреннего обращения.

Излюбленным средством накопления оставалось серебро. Как показывает анализ московских кладов, зарытых накануне занятия Белокаменной французами в 1812 году, было обычным, что вместе с рублями чекана времени Александра I обращалась и монета, битая еще при Елизавете Петровне⁴²⁰. Таким образом, в обращении находились деньги середины XVIII века, отчеканенные 70 и даже более лет назад.

Золото, почти исключительно оседавшее в сбережениях, оценивалось на серебро — общепризнанный в большинстве европейских стран торговый монетный эквивалент.

⁴¹⁸ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

⁴¹⁹ Там же. Л. 1 об. — 2.

⁴²⁰ См.: Векслер А.Г., Мельникова А.С. Московские клады. М., 1988. С. 226–228.

Медные клады, в основном крупных пятикопеечных монет, на которые в основном и разменивались ассигнации, больше характерны для сельской местности. Их часто зарывали в конце XVIII века, когда из-за инфляции рыночная стоимость меди поднялась выше монетных номиналов. Медь сберегалась, таким образом, как металл-товар, а не как деньги.

Несмотря на то что размен ассигнаций изначально был узаконен на всю монету российского чекана, с 1770 года их разменивали именно на медь — и только в Петербурге высокие чиновники, главным образом в силу своего положения, имели возможность требовать размена своего «бумажного» жалованья на серебро⁴²¹. Таким образом, русские бумажные деньги того времени представляли собой «сертификаты на медные деньги», в отличие, скажем, от банкнот Банка Англии, которые выросли из векселей и разменивались на любую монету.

Следует оговориться, что падение бумажных денег в конце XVIII и в начале XIX века не было особенностью только русского денежного обращения. Общеизвестно падение курсов французских ассигнатов, английских фунтов стерлингов и австрийских гульденов в то время. Они происходили главным образом из-за увеличения государственных расходов крупных держав — в то время как внутренние ресурсы не могли их полностью покрыть. И эту роль выполняли бумажные денежные суррогаты.

Падение ассигнатов достигло кульминации в начале 1790-х годов, когда правительство революционной Франции в экстренном порядке вынуждено было изыскивать средства к существованию в условиях международной изоляции. Обеспечивавшиеся «*национальным имуществом*» (составленным, том числе, из реквизированного в пользу республики имущества дворян-эмигрантов и духовенства), они в конце концов превратились в бумажки условных номиналов, сильно подверженные инфляции.

⁴²¹ Известно, что таким образом поступал управляющий Заемным банком П.В. Завадовский.

ALEXANDRE

PREMIER,

*Empereur et Autocrateur
de toutes les Russies.*

В связи с началом войны с революционной Францией британское правительство было вынуждено обратиться в Банк Англии за займами, и к 1795 году кредитование его банком уже стало сказываться на обменных курсах банкнот. Банк Англии сократил обслуживание частных клиентов и обратился к премьер-министру Уильяму Питту с просьбой прекратить столь большие заимствования. Но британское правительство, напротив, требовало на войну все больше и больше средств. В итоге в 1797 году Банк Англии прекратил размен бумажных фунтов на монету (он был восстановлен только в 1820 году)⁴²².

В Австрии (до 1806 года — Священная Римская империя), втянутой в Наполеоновские войны, бумажный гульден настолько обесценился, что в 1811 году правительство решилось на девальвацию своей валюты в пять раз. Но это не спасло положения: новая бумажная так называемая «венская валюта» (*Wiener Währung*) в течение всего нескольких лет упала в цене на 50%.

⁴²² Смит В. Происхождение центральных банков. М., 1996. С. 41–42.

Прорисовка памятной настольной бронзовой медали, выпущенной к 100-летию со дня рождения М.М. Сперанского в 1872 году. Гравюра, 1901 год

В России в условиях товарного характера Петербургской и основанной в 1796 году Одесской бирж падение бумажных денег почти не сказывалось на состоянии биржевых ценностей. Ими оставались лес, пенька, кожи, поташ, лен и аналогичные им продукты сырья и натурального производства. Общепризнанной биржевой валютой оставались «торговые деньги»: крупные серебряные европейские талеры (как правило, высокой пробы) и «лобанчики» — нидерландские золотые дукаты. В том же 1799 году возникла и первая акционерная торговая компания — Русско-американская, но до сложения в России собственного рынка ценных бумаг оставалось еще не менее 60–70 лет.

Петербургский порт, к началу XIX века превратившийся в гавань в основном английских корабельных флагов⁴²³, почти полностью находился в руках европейцев. Особенности русского денежного обращения не смущали многих коммерсантов, отрывавшихся от своей родины и приезжавших делать деньги в Россию. Но вряд ли стоит думать, что они везли сюда крупные капиталы. Это был главным образом лишь «человеческий капитал». Немало этих выходцев из Германии, Богемии, Англии и других стран сделали здесь состояния, в основном как торговцы. В этом отношении показательна фраза московского генерал-губернатора Арсения Андреевича Закревского, брошенная в адрес одного из таких купцов, что *«он явился в Россию без штанов, а здесь нажил деньги»*⁴²⁴.

Тем временем многочисленные военные кампании заставляли правительство увеличивать экстраординарные расходы, что снова и снова приводило к падению курса бумажного рубля. Год от года количество ассигнаций увеличивалось — правительство пыталось покрыть их дополнительными необеспеченными металлическим фондом выпусками бюджетный

⁴²³ Товарооборот английских купцов в 1799 году достиг почти 64% товарооборота Петербурга, а по экспортным операциям он составлял 76%. (Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII в. М., 2005. С. 96–97).

⁴²⁴ Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007. С. 104.

Імне пудас

времянае пудзі
своё арыманскае

Отуфені пудас
карыка абшчэ

IV. Падобі' неможна
вскаго разстроісва а
арыманскае ілі ксаразвур
камы разкодава в пудас
зашы. Но сця пудас и
сакве ^{неабходна} ~~пудас~~ гудаска
аб востановленіа пудас
сця востановленіа ²
саразвурка сця. Бод сця —

І Саразвурка востановленіа
пудаска зык сця
сця: дасця саразвурка
востановленіа в пудаска сця
сця: дасця сця.

І в Саразвурка востановленіа
пудаска сця основна

+
ке сця цыягунак ил и
времянае ил дасця пудас
сця арыманскае. ~~косток~~

~~пудас~~ ^{пудас} ~~сця~~

І в отуфені сця пудас сця
пудаска сця пудаска сця
пудаска сця пудаска сця

пудас сця пудас сця
сця. Но сця пудас пудас
сця, сця в пудаска сця
сця сця сця сця сця
сця сця сця сця сця
сця сця сця сця сця

дефицит. Однако эти меры не принесли ощутимого результата. В государственном бюджете на 1810 год превышение расходов над доходами составило 105 млн рублей, а государственный долг составил 577 млн рублей⁴²⁵. Государственный секретарь Михаил Михайлович Сперанский⁴²⁶, автор «Плана финансов» по оздоровлению финансовой системы страны (1809 г.), в качестве одной из мер преобразований предлагал изъять из обращения ассигнации. Предлагалось организовать специальный фонд для их погашения, составленный из средств, полученных за счет распродажи части государственного имущества в частную собственность. Двумя важными элементами реформы М.М. Сперанский называл сокращение государственных издержек и повышение налогов⁴²⁷. Он однозначно считал ассигнации государственным долгом: «Ассигнации суть бумаги, основанные на предположениях. Не имея никакой собственной достоверности, они суть не что иное, как сокрытые долги»⁴²⁸.

Похожей точки зрения придерживался и граф Николай Петрович Румянцев, предлагавший «приступить к продаже части казённого имения, обнародовав, что вырученные деньги точно предназначены на выкуп и истребление ассигнаций»⁴²⁹. На эти суммы, по его мнению, следовало закупать монету за границей, делая это осторожно, чтобы не взвинтить цены на золото.

⁴²⁵ Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1989. С. 93; См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 45: Финансовые документы царствования императора Александра I / Ред. А.Н. Куломзин. СПб., 1885. С. 192–201.

⁴²⁶ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), граф, известный государственный деятель. С 1808 г. ближайший советник императора Александра I. Инициатор создания Государственного Совета (1810), автор проекта либеральных реформ. В 1819–1821 годах был генерал-губернатором Сибири. С 1826 года руководил кодификацией законов Российской империи и подготовкой «Полного собрания законов».

⁴²⁷ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 577.

⁴²⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 45: Финансовые документы царствования императора Александра I / Ред. А.Н. Куломзин. СПб., 1885. С. 38.

⁴²⁹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 64. Л. 17; Комиссаренко А.И. К вопросу о состоянии финансовой системы России в конце XVIII — начале XIX в. // Денежные реформы в России: история и современность. Сборник статей. М., 2004. С. 52.

Идеи М.М. Сперанского поддержал министр финансов Дмитрий Александрович Гурьев, который начал практически осуществлять задуманные реформы. Манифестом от 20 июня 1810 г. серебряный рубль был объявлен денежной единицей страны⁴³⁰. В том же году (1810 г.) была учреждена Государственная комиссия погашения долгов, первой целью которой было уменьшение количества обращавшихся ассигнаций. Для образования особого фонда в ведение комиссии была передана часть государственных имуществ, включавшая поселения, леса, различные угодья, налоги (оброк с государственных крестьян). В рамках мероприятий реформы правительство в 1810 г. предприняло первый внутренний заем на 100 млн ассигнационных рублей. Первоначально подписка на них увеличивалась пропорционально убыванию вкладов из Заемного банка и казен воспитательных домов. Однако этот первый в истории России внутренний заем был реализован всего лишь на 3,2 млн руб., что фактически означало его провал⁴³¹.

Несмотря на значительный лаг между серебряным и бумажным рублем деньги оставались дефицитом. Правительство воочию убедилось в ограниченности капиталов у населения, перетекавших из одного внутреннего долга в другой. Итогом прерванных Отечественной войной 1812 года усилий Д.А. Гурьева стало изъятие из обращения 5 млн руб. ассигнациями⁴³², что было весьма скромным результатом (к концу 1811 года в обращении циркулировало 581,4 млн рублей ассигнациями).

Удаление М.М. Сперанского в нижегородскую ссылку (1812 г.), а затем начало Отечественной войны означало по крайней мере приостановку реформы. Ее возобновление связано уже всецело с именем Д.А. Гурьева. Оно достойно упоминания уже потому, что предлагало для России «компенсационный» вариант реформы, то есть восстановить разменность бумажного

⁴³⁰ ПСЗ. Собрание первое. Т. 31. № 24264. С. 216.

⁴³¹ Таранков В.И. Ценные бумаги Государства Российского. М. — Тольятти, 1992. С. 34.

⁴³² Гольдман В.К. Русские бумажные деньги. СПб., 1866. С. 45.

Я. Ромбауэр. Портрет Д.А. Гурьева.
1818 год. Холст, масло. 121,5 × 95,1 см.
Государственная Третьяковская галерея

рубля, не затрагивая накоплений подданных. Однако его усилия по осуществлению денежной реформы в России за счет фонда, сформированного из внешнего займа⁴³³, не увенчались успехом. В 1822 г. из-за напряженного состояния бюджета размен был приостановлен.

Тем не менее, именно в период гурьевских реформ был положен конец необеспеченным выпускам ассигнаций (с 1817 года они могли выпускаться лишь для обмена ветхих на новые), а российская провинция стала постепенно насыщаться серебряной монетой. Население стало видеть полноценные деньги, в то время как они, концентрируясь в основном в столице, были редкостью для подавляющего населения страны.

С 1818 года в Ассигнационном банке сосредоточились лишь вопросы, связанные с обращением ассигнаций. На заседании Совета государственных кредитных установлений, открывшемся 22 февраля 1818 года, подчеркивалось, что денежные ресурсы Ассигнационного банка подразделяются на «променную сумму» и «запасную сумму». Променная сумма, или «капитал», предназначалась для размена ветхих ассигнаций и была определена в 6 млн рублей. Она была распределена частями между Ассигнационным банком в Санкт-Петербурге, его Московским отделением, а также променными конторами. Из запасной суммы пополнялась променная сумма. Кроме того, денежные средства из запасной суммы отсылались в государственные учреждения взамен получаемых от них ветхих ассигнаций.

С учреждением в 1810 году Экспедиции по заготовлению ассигнационных листов, более известной по позднему названию как Экспедиция заготовления государственных бумаг, в ней сосредоточился выпуск ассигнаций, после чего они поступали в Экспедицию приема и ревизии, а затем — в Экспедицию подписания ассигнаций (находились в составе Ассигнационного банка). Только после этой долгой процедуры они попадали в Ассигнационный банк, откуда распространялись

⁴³³ Имеется в виду первый 5%-ный заем 1820 г., осуществленный при посредничестве банкирских домов «Беринг и К^о.» и «Гоппе и К^о.».

№289799

25

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕ-
ННОЙ АССИГНАЦИИ ПЛАТИТЬ АССИ-
ГНАЦИОННЫЙ БАНКЪ ДВАДЦАТЬ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ ХОЛЯЧЕЮ МОНЕТОЮ

1811 ГОДА.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

др. 6.

№289799

№289799

Поддельная ассигнация 25 рублей
1811 года, изготовленная по указанию
французского императора Наполеона I.
Музейно-экспозиционный фонд Банка России

по разным государственным учреждениям и частным лицам, а также обменивались на ветхие⁴³⁴. Таким образом, Ассигнационный банк выступал в большей мере как распространитель бумажных денег.

Поскольку Министерство финансов располагало только приблизительными данными о сумме обращающихся среди населения ассигнаций, следовало уточнить их количество. С другой стороны, было необходимо защитить бумажные денежные знаки от многочисленных подделок, в том числе высокого качества, которые наводнили Россию в 1812 году и известны под названием наполеоновских. Они отличались от подлинных лишь мало заметной орфографической ошибкой (вместо «ходячею» монетой и «государственной» ассигнации иногда было отпечатано «холячею» монетой и «госуларственной» ассигнации) и типографскими факсимиле подписей, в то время как на настоящих подписи были чернильными и написанными от руки.

Распространено мнение, что поддельные ассигнации печатались в занятой Наполеоном Москве — по крайней мере один из печатных станков был установлен французами на Преображенском старообрядческом кладбище у Москвы⁴³⁵. Впрочем, печатать поддельные ассигнации начали еще в 1810 году — сначала в предместье Парижа Монруже, затем — в Дрездене и Варшаве. Наиболее часто подделываемым номиналом был 25-рублевый билет.

Бытующие в нумизматической литературе сведения о 45 млн рублей фальшивками, видимо, преувеличены. Ведь поддельные ассигнации предназначались прежде всего для расплаты за фураж и продовольствие, товары и услуги на оккупированных областях. Подобную тактику Наполеон I использовал в Австрии еще в 1800-е годы⁴³⁶. Во всяком случае, подобные

⁴³⁴ Отчет государственных кредитных установлений за 1817 г. СПб., 1818. С. 32–33.

⁴³⁵ Пыляев М.И. Старая Москва. М., 1990. С. 63.

⁴³⁶ Во время оккупации Вены в 1806 году Наполеон приказал изготовить копии с печатных клише венских банкоцеттелей, а также найти оригинальные австрийские бумажные деньги. Фабричная подделка австрийской валюты была налажена в Париже и в Италии (W. Kranister. The Moneymakers international. Cambridge 1989. P. 62).

расходы вряд ли составили такую громадную сумму. Достоверно известно, что в 1813–1819 годах наполеоновских подделок было изъято на сумму 5,6 млн рублей. Таким образом, общий объем таких «фальшивок» составлял менее одного процента всех циркулировавших в то время бумажных денег, поэтому он не мог значительно подстегнуть инфляцию и расстроить денежное хозяйство огромной империи.

Главная причина инфляции, конечно, заключалась в покрытии военных расходов. В условиях, когда кредитные рынки Европы были закрыты для России, выпуск банкнот оставался для министра финансов чуть ли не основным средством финансирования войны⁴³⁷.

⁴³⁷ По оценке фельдмаршала М.Б. Барклая-де-Толли, представленной в докладе императору Александру I (в 1815 г.), общий итог расходов на войны 1812–1814 годов составил 157,45 млн рублей. Эту цифру, включавшую лишь непосредственно связанные с войной расходы, многие исследователи считали заниженной. Так, по мнению К.В. Сивкова, расходы выражались в сумме более чем вдвое большей (ок. 350 млн руб. ассигнациями) (Сивков К.В. Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество. Т. 7. М., 1912. С. 124–137).

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА III.
АССИГНАЦИОННЫЙ
БАНК

РУССКАЯ АРМИЯ И АССИГНАЦИИ

«Деньги суть артерия войны»⁴³⁸, — говорил Петр I, и таковыми они оставались на протяжении всей последующей истории. Наряду с формированием военного бюджета это включало и вопросы его освоения, в том числе снабжение армии во время заграничных походов. В период военных действий в Померании (1710-е годы) армия снабжалась европейской монетой, получаемой через торговлю. В 1759–1762 годах для Пруссии, оккупированной русскими войсками, на монетных дворах Кёнигсберга и Москвы по талерной стопе выпускалась особая монета, с профилем русской императрицы Елизаветы Петровны⁴³⁹. Десять лет спустя, в 1771–1774 годах, из трофейных турецких пушек по распоряжению генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева и под руководством барона Петера Николауса фон Гартенберга в Содогуре (Буковина) был налажен выпуск медных монет с двойным турецко-русским номиналом, которыми оплачивали местные расходы⁴⁴⁰. Французский император Наполеон снабжал армию поддельными бумажными деньгами Австрии и России. Когда же русская армия перешла р. Неман (28 декабря 1812 г.), оказавшись уже на территории Пруссии и Герцогства Варшавского, перед правительством возникла задача снабдить 90-тысячное войско деньгами, которые могли приниматься местным населением.

Эта задача осложнялась тем, что русская монета там прямую не принималась в платежи. Что же касалось ассигнаций (которые к тому времени в самой России не вполне считались деньгами — скорее векселями на монету), то отношение к ним даже на западе самой Российской империи было очень осторожным⁴⁴¹. В связи с этим правительство могло воспользоваться уже

⁴³⁸ Цитата приведена по изданию: Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Часть 4. М., 1989. С. 116.

⁴³⁹ Уздеников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах: 1700–1917 гг. М., 1995. С. 12, 22, 138–139.

⁴⁴⁰ Ihor Czechowskyj, Serhij Pywowarow. Содогурский монетный двор возле Черняка во время Русско-турецкой войны (1771–1774) // Pieniądz I wojna. Materiały z VI Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa 2004. S. 179–184.

⁴⁴¹ См.: Шишанов В. А. К вопросу об обращении русских ассигнаций в губерниях, «от Польши присоединенных», на рубеже XVIII–XIX вв. // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVI. М., 2003. С. 281–288.

опробованным методом — покупкой иностранной валюты, или трассировкой заграничных векселей. Но в условиях бюджетного напряжения того времени (в 1812 г. государственные расходы превышали доходы на 10 млн рублей⁴⁴²) и дефицита звонкой монеты в казне⁴⁴³ министр финансов Дмитрий Александрович Гурьев принял решение о снабжении русской армии за границей ассигнациями.

В отличие от наполеоновских войск, где практиковалась расплата фальшивками, русскую армию решено было снабдить российскими бумажными деньгами, которые до этого времени имели хождение сугубо внутри Российской империи. По мнению современного исследователя, это был «единственный случай, когда был разрешен вывоз русских ассигнаций за рубеж»⁴⁴⁴. При этом это осуществлялось в период инфляционного бумажно-денежного обращения (которое не могло создать дополнительных трудностей), а также наводнивших денежное обращение многочисленных подделок⁴⁴⁵.

К сожалению, имеющиеся в исследованиях немногочисленные упоминания о хождении российских ассигнаций в период заграничной кампании русской армии 1813–1814 годов носят характер краткой констатации факта или изложения отдельного,

⁴⁴² Министерство финансов: 1802–1902 гг. Часть первая. СПб., 1902. С. 617, 621.

⁴⁴³ Известно, что на конец января 1813 г. в Государственном и С.-Петербургском казначействах хранилось золотой и серебряной монеты лишь на 3,1 млн рублей, включая золотые голландские червонцы (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 27). Одновременно сумма всех ассигнаций в обращении превышала 645 млн рублей.

⁴⁴⁴ Маршак М.Б. Государственные финансы в первой половине XIX в. // История денежного обращения в России. Т. 1. М., 2011. С. 173.

⁴⁴⁵ См.: Маршак М.Б. Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 26. Нумизматика. № 6. Л., 1986. С. 50–64; Квицкаявичус Л. Обращение и распространение наполеоновских и других подделок русских ассигнаций в Виленской губернии в 1–2 десятилетиях XIX в. // Pieniądz — Kapitał — Praca — Wspólne dziedzictwo Europy. Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa 2006. S. 188–192; Грималаускайте Д. Локализация места производства фальшивых ассигнаций И. Цейзика (1779–1860) и некоторые аспекты их распространения // Pieniądz — Kapitał — Praca — Wspólne dziedzictwo Europy. Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa 2006. S. 198–207.

во многом случайно найденного документа⁴⁴⁶. Между тем опыт обращения русских бумажных денег в Европе интересен своей уникальностью. Для этого была создана сеть так называемых «променных контор» Ассигнационного банка, благодаря которой была налажена конвертация бумажных билетов в серебряные талеры.

446

См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 г. Часть 1-я. СПб., 1840. С. 55–56; Орлов А.П. Бумажные денежные знаки в Беларуси. Минск, 2008. С. 9; Марней Л.П. Д.А. Гурьев и финансовая политика в России в начале XIX в. М., 2009. С. 197–199; Маршак М.Б. Государственные финансы в первой половине XIX в. // История денежного обращения в России. Т. 1. М., 2011. С. 173.

Мундир чиновника государственных
банков образца 1804 года. Акварель
начала XIX века. Российский
государственный исторический архив

К тому времени ассигнации оставались не просто бумажными денежными знаками. В условиях, когда кредитные рынки Европы были закрыты для России, выпуск банкнот стал чуть ли не основным средством финансирования войны. С конца 1812 по конец 1815 года их количество в обращении увеличилось почти на треть (28%, с 645,9 млн рублей до 825,8 млн рублей), а биржевой курс упал с 25,2 до 20 копеек серебром за условный бумажный рубль (самым низким номиналом ассигнаций в то время был пятирублевый денежный билет)⁴⁴⁷. Манифестом от 9 апреля 1812 г. все платежи внутри России должны были производиться ассигнациями⁴⁴⁸.

⁴⁴⁷ Кашкаров М.П. Денежное обращение в России Т. 1. СПб., 1898. С. 25.
⁴⁴⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25080. С. 280–282.

Именно ассигнациям как основной массе обращавшихся российских денежных знаков в правительстве придавали большое значение в деле снабжения заграничной армии — несмотря на исторически устойчивое предпочтение монете. Для их размена было первоначально решено организовать две променные конторы Ассигнационного банка: при штабе главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова и при армии адмирала П.В. Чичагова. Указ об их создании был дан лично императором Александром I 13 января 1813 года⁴⁴⁹. Преамбула документа в духе ушедшего XVIII века составлена как личное обращение царя вельможе: *«Князь Михайло Ларионович! По вступлении армий наших в соседственные владения необходимо нужно, чтобы все монеты наши, не исключая и государственных ассигнаций, имели в оных свободное обращение»*⁴⁵⁰.

Променные конторы первоначально учреждались для обмена ассигнаций *«в том краю, где войска находятся»*, *«для доставления способов чинам армии обменять ассигнации высшего достоинства на мелкие»*⁴⁵¹. Автоматически это означало внедрение ассигнаций в местные платежи.

Альтернативой этому в то время могли стать только реквизиции необходимых товаров на нужды армии. Одновременно с изданием указа М.И. Кутузов обсуждал с бывшим прусским министром Генрихом Штейном (1757–1831) способы снабжения русской армии. Штейн писал, что *«бесплатные реквизиции, истощая средства жителей, лишают их возможности вносить в казну подати, и потому должно прибегать к этому способу с большой умеренностью. Гораздо удобнее установить поставку запасов войскам за наличные деньги по определенным ценам»*⁴⁵².

Царский указ закрепил эту точку зрения. В приложенном к нему объявлении (которое следовало перевести и опубликовать

⁴⁴⁹ Там же. № 25315. С. 505–506.

⁴⁵⁰ Там же. С. 505.

⁴⁵¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8; ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25315. С. 505.

⁴⁵² Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 148.

на трех языках: русском, немецком и польском) говорилось о приеме «на законном основании» всех российских денежных знаков, включая монету. На них предполагалось закупать продовольствие для армии, для чего предполагалось закрепить цены на важнейшие продукты (как было сказано в документе, *«обнародовать таксы всем жизненным припасам, как то хлебу, мясу, пиву и проч.»*) и установить твердый курс местных валют к рублю. Этот список с фиксированными ценами называли «кутузовским тарифом»⁴⁵³.

По соглашению с прусским правительством за продовольствие, фураж и иные услуги, оказываемые русским войскам местными жителями, положено было уплачивать 20% суммы наличными деньгами, а остальное — квитанциями конторы. В Пруссии были учреждены специальные магазины: как между р. Неманом и р. Вислой, так и на самой Висле (в Ландсберге, Бреслау, Лигнице и Бунцлау⁴⁵⁴). Провиант в них поступал как из Пруссии, так и с территории Герцогства Варшавского⁴⁵⁵. Кроме того, временные магазины были в Кёнигсберге, Инстербурге, Ангербурге (работали по 10 дней), Эльбинге, Мариенбурге, Мариенвердере, Браунсберге и Морунгене (работали по 5 дней)⁴⁵⁶.

За основу соотношения между ассигнациями и серебряным рублем было взят паритет 4:1, отражавший средний курс бумажного рубля на С.-Петербургской бирже за 1812 год. Прусский талер (рейхсталер) исходя из серебряного содержания (16,7 г.) был приравнен к 93 серебряным копейкам. Исходя из этого рубль серебром оценивался в один рейхсталер 6 грошенов

⁴⁵³ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 142.

⁴⁵⁴ Ландсберг (или Ландсберг-на-Варте, ныне Гожув Велькопольский, Польша), Бреслау (Вроцлав, Польша), Лигниц (Легница, Польша), Бунцлау (Болеславец, Польша).

⁴⁵⁵ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 36–37.

⁴⁵⁶ Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 149. Кёнигсберг (Калининград, Россия), Инстербург (Черняховск, Россия), Ангербург (Венгожево, Польша), Эльбинг (Эльблонг, Польша), Мариенбург (Мальборк, Польша), Мариенвердер (Квидзын, Польша), Браунсберг (Бранево, Польша), Морунген (Моронг, Польша).

и 16 7/8 дихтена⁴⁵⁷. Соответственно, пятирублевая ассигнация оценивалась в один рейхсталер 31 грошен и 3 3/32 дихтена⁴⁵⁸.

Предполагалось выпустить в обращение ассигнации только трех достоинств: пятирублевые, десятирублевые и двадцатипятирублевые — *«потому что они по разности цветов представляют лучшее между собой различие: 25-рублевые ассигнации суть белые, 10-рублевые — красные, а 5-рублевые — синие»*⁴⁵⁹.

В правительстве понимали, что одной из главных опасностей нового мероприятия могут стать многочисленные подделки русских ассигнаций. Поэтому в «Объявлении» предупреждалось о смертной казни за подделку денежных билетов — *«по законам той земли, где войска российские находиться будут»*⁴⁶⁰.

Действительно, фальшивые ассигнации на заставили себя долго ждать. В начале 1813 года они обнаружили на Волыни. В Бродах, за австрийской границей, в руки купца Пирхи попала 25-рублевая фальшивка⁴⁶¹, а затем похожие стали находить на российской стороне. Как удалось установить, *«французы выпустили в Варшаве через посредство дюка де Бассано⁴⁶² и какого-то банкира Френкеля до 20 млн рублей ассигнациями, разослав их в разные места»*⁴⁶³. По поручению волынского губернатора Михаила Ивановича Комбурля Пирха доставил образцы фальшивых ассигнаций — это были подделки денежных билетов в 5 руб., 25 руб., 50 руб. и 100 рублей — и за услуги осведомителя по ходатайству министра финансов был награжден золотой медалью на голубой ленте⁴⁶⁴.

Гурьев распорядился усилить контроль на австрийской границе и предложил обратиться в Вену за помощью в этом

⁴⁵⁷ Прусский талер (рейхсталер) приравнивался к 24 грошам. Дихтен, или дюттхен (нем. *Düttchen, Duttgen, Dittchen*) — монета, курс которой к рейхсталеру сначала составлял 30/1, а к 1813 г. — 52,5/1.

⁴⁵⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25315. С. 506.

⁴⁵⁹ Там же. С. 505.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 4.

⁴⁶² Юг-Маре, герцог де Бассано (*Hugues-Bernard Maret*; 1763–1839), французский дипломат, политик и государственный деятель, министр иностранных дел Франции в 1811–1813 гг.

⁴⁶³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 4.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 4 об. — 6.

вопросе, полагая, что К. фон Меттерних сделает все возможное. Но реальность брала верх, и, по мнению министра финансов, «самый бдительный надзор таможен останется иногда безуспешным по удобствам скрывать их (то есть ассигнации. — А.Б.) в одежде и экипажах, особливо когда по причине пребывания войск за границами переезды людей и транспортов происходят, так сказать, непрерывно»⁴⁶⁵.

Министр финансов признавал, что еще не нашел действенного средства против подделок и в качестве возможной меры предлагал «переменить форматы ассигнаций»⁴⁶⁶. «Но таковая операция требует времени, — писал Д.А. Гурьев графу А.А. Аракчеву, — с какой бы деятельностью ее ни произвести. Нельзя полагать прежде года привести ее в действие — тогда, когда вред в полной мере будет исполнен»⁴⁶⁷.

Между тем перед государем следовало быстро отчитаться за устройство контор. Поэтому спешно, уже 29 января 1813 года, была составлена инструкция по их деятельности и определен первоначальный капитал. Эту сумму в 2 млн руб. должен был выделить Ассигнационный банк⁴⁶⁸. Спустя два дня, первого февраля, были назначены директора контор⁴⁶⁹, что можно было считать началом их деятельности.

Ассигнации были главной заботой новых учреждений. В конторах должны были разменивать все пять номиналов обращавшихся ассигнаций; при этом крупные купюры в 50 и 100 руб. подлежали размену, в то время как билеты в 5, 10 и 25 руб. обменивали на новые только в случае их ветхости⁴⁷⁰. Поступившие ассигнации не должны были вновь попадать в обращение.

⁴⁶⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 18.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 13 об.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Штат конторы предполагался из шести человек (включая директора), а ее устройство копировало променные конторы, существовавшие внутри империи (на 1813 г. в Российской империи существовало пять променных контор Ассигнационного банка: в Архангельске, Вышнем Волочке, Одессе, Рыбинске и Таганроге). Денежная наличность хранилась в опечатанных закрытых сундуках, а само здание охранялось воинским караулом.

⁴⁶⁹ Директором променной конторы в Калише был назначен надворный советник Александр Иванович Бороздин (1780–1859), а при армии П.В. Чичагова — барон Карл-Фабиан (Карл Иванович) Унгерн-Штернберг (1762–?).

⁴⁷⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8.

Ветхие, как это делалось по правилам Ассигнационного банка, перечеркивались (исключение было сделано для крупных денежных билетов в 50 и 100 рублей); одновременно составлялся их реестр. Эти денежные знаки отвозились в Ассигнационный банк и поступали на обработку в Экспедицию для приема и ревизии ассигнаций.

Во избежание недоразумений конторам сразу запретили давать деньги взаймы — за исключением, если на то было представлено письменное разрешение главнокомандующего армиями. Именно перед ним, а не перед банком, она отчитывалась в своей деятельности. Заподозрив что-то неладное, он мог в любое время назначить ревизию сумм⁴⁷¹.

Министра финансов беспокоил достаточно произвольно назначенный, по его мнению, курс ассигнаций. В условиях продолжавшегося падения бумажного рубля это фактически означало курсовые потери. Тем более что до Д.А. Гурьева дошли слухи, будто один банкир в Бреслау (Вроцлав) работал с российской валютой не по установленному паритету, а по «рыночному» курсу⁴⁷². Гурьев хотел и вовсе запретить вывоз ассигнаций, но в правительстве признавали, что «вывоза на военные нужды невозможно избежать, пока банковые ассигнации не заменены будут другой монетой, и особенно звонкой»⁴⁷³. Министр даже предлагал выпустить что-то вроде оккупационных денег (*по сему предмету ведутся теперь переговоры с Англией*) и учредить бумажные деньги на прусскую монету⁴⁷⁴. Их можно было выкупить,

⁴⁷¹ Там же. Л. 11.

⁴⁷² Там же. Л. 15.

⁴⁷³ Там же. Л. 15 об.

⁴⁷⁴ Для этой цели Д.А. Гурьев предлагал ввести денежные билеты в 100, 200, 500 и 1000 талеров, приносившие их держателям по 5% в год, и каждые полгода выкупать 1/12 часть их общей суммы звонкой монетой. Для выкупа всех оставшихся в Европе ассигнаций (их сумма оценивалась в 50 млн руб.) в 1814 г. Д.А. Гурьев предполагал потратить 13 млн прусских талеров — что, по его мнению, сэкономило для русской казны 20 млн рублей. Для проведения этой операции наряду с уже существовавшими (к тому времени) променными конторами предполагалось учредить конторы Ассигнационного банка в Лейпциге и Франкфурте-на-Майне (Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 142; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1-я. Т. 7. М., 1970. С. 579–581).

заклучив специальный заем, или на звонкую монету, «отдаляя сию операцию до окончания войны», с выгодой для казны⁴⁷⁵. Причем, как считал Гурьев, к этому выкупу должны были быть привлечены все союзные державы.

Однако Александр I не поддержал эту идею, и Гурьеву ничего не оставалось, как произвести эксперимент с ассигнациями на землях Польши и Пруссии. Барон Штейн предупреждал Гурьева, что заграничная война уронит курс рубля и лучше, чтобы армия рассчитывалась местными деньгами⁴⁷⁶. Не отрицая этих очевидных истин, Гурьев раздраженно писал А.А. Аракчееву: «Я должен откровенно признаться Вашему сиятельству, что все теоретические прения и споры столь много меня утомили, что я их всегда желаю избегать — особливо, когда опыт и практическое отправление дел научают довольно и очевидно»⁴⁷⁷. Министр предвидел сложность уже на первом этапе, начиная от русскоязычных надписей на российских банковских билетах и дробного соотношения сумм при обмене. Министр полагал, что пруссаки и поляки попросту будут питать «отвращение» к ассигнациям и при первом же случае будут предъявлять их к размену. А это, в свою очередь, еще больше понизит их биржевой курс⁴⁷⁸.

Наконец, все в больших количествах стали попадаться подделки, причем в самой Российской империи. Гурьев полагал, что большинство их происходит из сопредельных стран. Так, в присланном в Ригу денежном пакете, отправленном из Кёнигсберга компанией Гигера, из 50 тысяч руб. 10 тысяч рублей оказались фальшивыми⁴⁷⁹. Фальшивки встречались даже при выдаче жалования российским офицерам и военным чиновникам.

Министр финансов справедливо опасался роста убытков по этой операции, о чем писал графу А.А. Аракчееву в С.-Петербург (4 февраля 1813 г.): «В нынешнем положении нашем при введении в действие сей операции встречается... умножение ассигнаций наших великим

⁴⁷⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 23.

⁴⁷⁶ Там же. Ч. 2. Л. 6 об., 9 об.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 8.

⁴⁷⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 19–22.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 36 об. — 37.

числом фальшивых, которое неприятель разлил не только в государстве нашем, но и в сопредельных землях. Средства же к защищению от сего зла весьма трудны во всех случаях... Признаюсь Вам, что сие до крайности меня озабочивает и что я еще не открыл ничего к тому удовлетворительного»⁴⁸⁰.

В итоге Гурьев остановился на мысли создать целую сеть променных контор в Европе, которые могли бы стать фильтрами бумажной денежной наличности. Именно из-за участвовавших случаев обнаружения фальшивок министр финансов просил А.А. Аракчеева походатайствовать перед императором о скорейшем открытии таких учреждений, чтобы ассигнации из Пруссии и Польши напрямую не попадали в Россию⁴⁸¹.

8 марта 1813 года, находясь в Калише (где тогда размещался штаб М.И. Кутузова)⁴⁸², император Александр I подписал порядок деятельности променных контор, основанный на идеях Гурьева. Они в скором времени были учреждены в трех городах — Берлине, Кёнигсберге и Варшаве, причем в Кёнигсберге была переведена бывшая контора при армии П.В. Чичагова⁴⁸³. Вместе с уже существовавшей конторой в Калише (при штабе главнокомандующего) они обеспечивали циркуляцию в Пруссии и Польше русских бумажных денег. Две недели спустя, 26 марта (7 апреля по новому стилю) 1813 г. между Пруссией и Россией была заключена конвенция, согласно которой 25% от суммы поставок оплачивалось банковскими ассигнациями по курсу петербургской биржи, 37,5% — зерновым хлебом и столько же — квитанциями

⁴⁸⁰ Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I / Сост. Н.Ф. Дубровин. М., 2006. С. 78.

⁴⁸¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 36 — 38 об.

⁴⁸² В Калише штаб М.И. Кутузова и главная квартира императора Александра I размещались с 12 (24) февраля до 27 марта (8 апреля) 1813 года (Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 68).

⁴⁸³ Директорами променных контор были чиновники Ассигнационного банка: Варшавской — коллежский советник Лев Петрович фон Клейст, Берлинской — барон Павел Иванович фон Дольст (1787–1831). Штат Варшавской конторы состоял из четырех человек: директора, кассира, письмоводителя и писца. Известно также, что в Берлинской променной конторе работал Иван Иванович Ламанский (1794–1879), в будущем сенатор и директор Особенной канцелярии по кредитной части, отец известного экономиста и банкира Е.И. Ламанского (Ламанский Е.И. Избранные сочинения / Сост. А.В. Бугров. М., 2005. С. 8).

променных контор, «по коим платеж должен был последовать по заключении мира»⁴⁸⁴. По королевскому эдикту, ассигнации должны были приниматься в правительственных кассах и населением наравне с прусскими деньгами⁴⁸⁵.

В отличие от Пруссии, в Герцогстве Варшавском практиковались реквизиции, так как Польша управлялась как завоеванная страна, прежний союзник Франции⁴⁸⁶. В прочих сопредельных государствах русским полковым командирам было приказано выдавать за получаемые товары квитанции (по фиксированным ценам «кутузовского тарифа»), однако на практике это не всегда выполнялось⁴⁸⁷. М.Б. Барклай де Толли говорил о своих командирах: «Никто не хочет ожидать, пока дойдет до него очередь; многие стараются получить запасы силой»⁴⁸⁸.

Тем не менее объемы закупок оставались значительными. Для обмундирования армии в Пруссии было закуплено 740 тысяч аршин сукна различных цветов по ценам от 3 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп. за аршин⁴⁸⁹. А после взятия Лейпцига (19 октября (по новому стилю) 1813 г.) там было приобретено для армии 100 тысяч пар сапожного товара⁴⁹⁰.

О том, как работали конторы, наглядно показывают сохранившиеся архивные материалы по деятельности таковой в Варшаве⁴⁹¹. На внесенную для перевода сумму, которая обязательно отражалась в книге конторы, на гербовой бумаге выписывалась квитанция (ей присваивался индивидуальный номер). О ней уведомляли одну из казённых палат, где по требованию вносителя деньги получал оговоренный бенефициар или его представитель. Эти платежи могли производиться в С.-Петербурге,

⁴⁸⁴ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. Приложения С. 5.

⁴⁸⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 2. Л. 53.

⁴⁸⁶ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 572.

⁴⁸⁷ Там же. С. 142.

⁴⁸⁸ Там же. С. 142–143.

⁴⁸⁹ Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 140–141.

⁴⁹⁰ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 142.

⁴⁹¹ См.: РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 623. С. 31–190 и др.

№ 677
 24 июня 1813
 1046
 5

Милостивый Государь мой Граф
 А.А. Аракчеев.

Ваше письмо от 14го прошлое. Мне
 Ваше Сидельство сообщено из Высочай-
 шего Его Императорского Величества
 повеления о учреждении в Варшаве Про-
 менной Конторы по примеру находящейся
 при Главной Заграничной армии. По сло-
 жению сего повеления в оную Директорский
 Коллежский Советник Ксентий и курья-
 чинский чиновник из Государственного
 Ассигнационного Банка, и назначены оную
 надзирающий Инспектор, поручник а
 Контору сам в непосредственном зависи-
 мости с Генерал-Губернатором Варшав-
 ского Императорского Майорского Совета
 Алексея Николаевича начал вводить
 его в Варшаву.

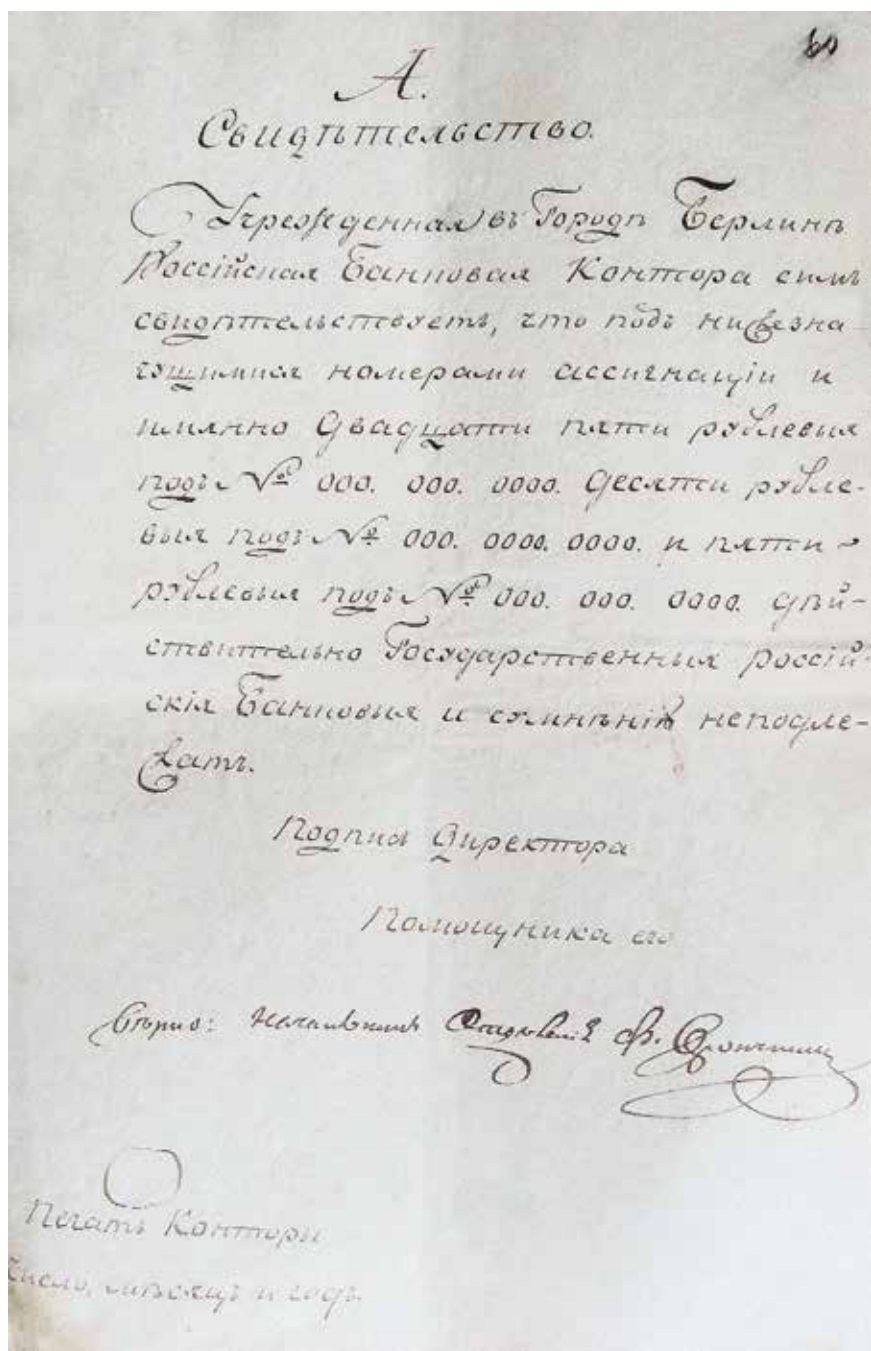
Уведомляя Ваше Сидельство о таком
 исполнении Высочайшего воли, прошу сего
 быть с совершенным потоплением и предан-
 ности

Вашего Сидельства
 покорнейший слуга
 Д.А. Гурьев

10. Июня 1813.
 Его Сидельства А.А. Аракчееву

Дано знать. Вручено 26. июня 1813.

Письмо министра финансов Д.А. Гурьева
 графу А.А. Аракчееву об открытии
 променной конторы Ассигнационного
 банка в Варшаве, 1813 год. Российский
 государственный исторический архив

Образцовый текст «свидѣтельства»
променной конторы Ассигнаціоннаго
банка в Берлине о подлинности предъ-
явленныхъ ассигнацій. Россійскій
государственный историческій архив

Гродно, Вильно или Риге, причем вноситель мог выбрать только один из этих городов. Непосредственный же ввоз в Россию ассигнаций был запрещен во избежание подделок (за их нелегальный провоз виновные привлекались к военному суду)⁴⁹².

Судя по сохранившимся материалам по Варшавской променной конторе, ее клиентами были как местные коммерсанты, так и российские офицеры, причем первые — в большей степени. При этом практически все они требовали перевода на петербургскую казённую палату. Так, польский купец Карл Ган 11 июля 1813 года представил к переводу 10 тысяч рублей ассигнациями и получил квитанцию (под номером 104139) о выдаче этой суммы в северной столице; деньги по ней получил артельщик купцов Мейера и Бриксенера из сумм Ассигнационного банка⁴⁹³.

Особенно часто переводил деньги в Петербург варшавский банкир Самуил Френкель, связанный партнерскими отношениями с предпринимателем Людвигом Ивановичем Штиглицем (1778–1843), впоследствии придворным банкиром. За раз Френкель мог переводить по несколько десятков тысяч и даже суммы более ста тысяч рублей⁴⁹⁴. Гораздо скромнее были переводы других коммерсантов: «векселяров» (банкиров) Вольфа-Михеля Кона, Исаака-Симона Розена, варшавских купцов Мартина Якоби, Морица Самельзона, Габриэля Берксона, Герша Якоба и др. Видимо, большинство этих лиц были связаны со снабжением русской армии.

Если в контору приносилась фальшивка, то о ней составлялся доклад главнокомандующему. Квитанции за нее не полагалось, а сам денежный знак изымался у предъявителя⁴⁹⁵. Платеж по ней мог быть произведен только с разрешения главнокомандующего, «когда усмотрено будет, что фальшивая ассигнация принята незаведомо и не с намерением и что лишение оной было бы тяготнительно по состоянию предъявителя» (в отличие от такого

⁴⁹² РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 10–11.

⁴⁹³ Там же. Ф. 557. Оп. 1. Д. 623. Л. 31–35.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 74, 75, 89, 124, 132, 142, 149, 158, 171, 191, 238, 240, 245.

⁴⁹⁵ Фальшивки перечеркивали крестообразно и отправляли в Правление Ассигнационного банка.

порядка, в самой Российской империи поддельные ассигнации оплачивались банком)⁴⁹⁶.

О том, настолько большие суммы отпускались в армию, могут говорить расходы по Военному департаменту, которые в первом квартале 1813 года составили 12,3 млн рублей⁴⁹⁷. Всего, как признавал Д.А. Гурьев, за 1813 год за границу на нужды армии было выпущено до 70 млн рублей, из которых 20 млн рублей было переведено конторами обратно в Россию⁴⁹⁸. *«Сии деньги, — по признанию министра, — в каждый почтовый день появлялись на биржах наших, иногда по 500 тыс. и 700 тыс., для покупки векселей⁴⁹⁹, которых, таким образом, никогда не доставало для обыкновенных коммерческих оборотов»⁵⁰⁰*. Из-за нехватки ассигнаций командующему армией М.Б. Барклаю-де-Толли он выслал даже казначейские облигации (на 6 млн руб.), однако *«почти все сии облигации остались без употребления»* и были возвращены назад, в Министерство финансов⁵⁰¹. В конце концов Гурьев нашел возможность снабдить армию, продвигавшуюся по Саксонии и в другие германские земли, хотя бы частично местной монетой — с помощью *«кредитива»* (тратты) на 200 тыс. рублей⁵⁰².

После битвы при Лейпциге (16–19 октября 1813 г.) и отступления Наполеона I за Рейн снабжением русской армии ведала особая комиссия под председательством К. фон Меттерниха. На променные конторы были возложены *«прием и хранение сумм на содержание действующей армии потребные, равно и отпуск оных»⁵⁰³*. Квитанции на получение денег (жалованье и т.п.) могли теперь обналичивать сами конторы (без их пересылки в Российскую империю), если на то

⁴⁹⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 11 — 11 об.

⁴⁹⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 88–89.

⁴⁹⁸ Там же. Ч. 3. Л. 58 об.; Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 141; Сивков К.В. Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество. Т. 7. М., 1912. С. 132.

⁴⁹⁹ Имеются в виду переводные векселя — тратты, служившие для покупки иностранной валюты.

⁵⁰⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1-я. Т. 7. М., 1970. С. 578–579.

⁵⁰¹ РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 52.

⁵⁰² Там же. Ч. 2. Л. 8 — 8 об.

⁵⁰³ Там же. Ч. 3. Л. 19 об.

имелось распоряжение царя или главнокомандующего⁵⁰⁴. Земли созданного Наполеоном Рейнского союза были обложены контрибуцией в 17 млн гульденов (около 10 млн рублей серебром); под залог этой суммы были выпущены 6%-ные облигации (из которых Россия, Австрия и Пруссия получили по 5/16 всей номинальной суммы облигациями, а Швеция — 1/16)⁵⁰⁵. Этими бумагами оплачивались поставки для армии. Продовольствие закупалось исходя из потребностей, закрепленных в ежедневном рационе. Так, нижние чины русской армии ежедневно получали два фунта⁵⁰⁶ ржаного или белого хлеба, ¼ фунта крупы (или фунт картофеля и других сырых овощей), полфунта говядины, порцию водки (или пива) и на месяц один фунт соли; офицеры — два фунта белого хлеба, четверть фунта крупы, два фунта говядины и порцию водки, пива или вина⁵⁰⁷.

Впрочем, военные не всегда расплачивались даже такими суррогатами. Известно, что граф Михаил Семенович Воронцов (в будущем кавказский наместник, более известный по едкой эпиграмме А.С. Пушкина) заплатил более 1,5 млн рублей ассигнациями за офицеров оккупационного корпуса, которым он командовал в Мобеже⁵⁰⁸. По признанию современника, это несколько расстроило его большое состояние, которое он вскоре приумножил благодаря выгодной женитьбе⁵⁰⁹.

Вообще иностранцы крайне неохотно соглашались получать платежи бумагой. По воспоминанию участника заграничной компании Александра Ивановича Михайловского–Данилевского (1789–1848), «одни говорили о совершенной невозможности продовольствовать русских, а другие утверждали, что собственные их войска

⁵⁰⁴ Так было, например, в случае с Берлинской променной конторой, квitanции на которую были выписаны в Калише по распоряжению главнокомандующего М.Б. Баркля-де-Толли (см.: РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 638. Л. 1–3).

⁵⁰⁵ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 323.

⁵⁰⁶ Русский фунт — 409,5 г.

⁵⁰⁷ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 323.

⁵⁰⁸ Соллогуб В.А. Воспоминания. М., 1998. С. 184.

⁵⁰⁹ Его женой стала Елисавета Ксаверьевна Браницкая (1792–1880), племянница князя Г.А. Потемкина.

Здание Ассигнационного банка
со стороны Садовой улицы
в С.-Петербурге. Гравюра на меди
Беньямина Патерсена (фрагмент).
1807 год.

*будут скоро претерпевать голод... Прибыл в Вену нарочный генерал из Штутгарта объявить решительно об отказе своего правительства продовольствовать русских. Баварцы делали всех более затруднений; один из министров их писал: «В последние войны пожертвования Баварии были так для нее обременительны, что, не установив точных условий на счет возврата денег за поставку продовольствия, нет возможности требовать от нее какого-либо пособия при проходе русских войск»*⁵¹⁰.

Когда русская армия возвращалась из-за границы, контролировать провоз ассигнаций военными было очень сложно. Поэтому Гурьев предложил комитету министров (26 июня 1814 г.) снять этот бессмысленный, по его мнению, запрет. Лишь ассигнации крупных номиналов, среди которых, как считали, немало подделок, следовало сдать корпусным командирам — в течение трех дней после специального распоряжения (если такие билеты оказывались подлинными, они возвращались владельцу, в то время как «сомнительные» оставались в Ассигнационном банке)⁵¹¹.

Помимо бумажных рублей полки, квартировавшие во Франции, привозили иностранную «звонкую» монету (наполеондоры, экю, прусские талеры, луидоры, гинеи и др.), которую в 1820 г. разменяли по курсу на ассигнации. Это золото и серебро передали на Петербургский монетный двор, где оно стало сырьем для чеканки российской монеты⁵¹².

Что касается квитанций контор, то очевидно, что их в большом количестве могли предъявить прусские подданные. Учитывая, что прусского короля Фридриха-Вильгельма с императором Александром I связывала личная дружба, можно предположить, что расчеты за поставки были урегулированы без особых осложнений — тем более, что по условиям договора от 1 ноября 1815 года побежденная Франция обязалась пять лет выплачивать большую контрибуцию

⁵¹⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1814 года. СПб., 1831. С.153–154.

⁵¹¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 15 — 17 об.

⁵¹² Там же. Ф. 557. Оп. 1. Д. 792. Л. 1–16.

своим бывшим противникам⁵¹³. Известно, уже в начале 1815 года променные конторы при штабе армии и в Кёнигсберге прекратили свою деятельность⁵¹⁴. Варшавская контора работала дольше, до мая 1815 года, когда на основании специального положения комитета министров (от 11 мая 1815 года) переводы ассигнаций через нее были прекращены. Вместо этого был разрешен свободный провоз и пересылка российских бумажных денег из Герцогства Варшавского (получившего в том же году наименование Царства Польского, главой которого стал Александр I) в пределы империи⁵¹⁵. Одно-

⁵¹³ В 1818 г. этот французский долг иностранным державам простирался до 1 390 млн франков (Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 280).

⁵¹⁴ Об этом свидетельствуют послужные записи по директорам контор, в частности по К.И. Унгерн-Штернбергу (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 2. Л. 7 — 7 об.).

⁵¹⁵ ПСЗ. Собрание первое. Т. 33. СПб., 1830. № 25844. С. 121.

временно в результате больших военных расходов биржевой курс бумажного рубля достиг минимума за всю историю ассигнаций: за «синенькую» (так называли пятирублевый билет) давали лишь один «целковый» (серебряный рубль)⁵¹⁶.

В 1819 году в рамках проводимых Д.А. Гурьевым преобразований в денежно-кредитной сфере были введены новые образцы ассигнаций, отпечатанные в 1818–1819 годах и более трудные к подделке. Они были утверждены Александром I 14 февраля и 4 июля 1819 года и отличались от предыдущих более сложным графическим оформлением. На них впервые было помещено изображение государственного герба — двуглавого орла. При этом деньги каждого номинала имели свой, отличный от других, водяной знак.

Эти бумажные деньги стали третьим и последним типом ассигнаций, которые циркулировали в обращении. На них подлежали обмену бумажные денежные знаки прежних выпусков (образца 1786 года). В 1820 году было обменено, таким образом, старых ассигнаций более чем на 632 млн рублей; к 1 января 1824 года их количество в обращении было окончательно определено в сумме почти 596 млн рублей⁵¹⁷. «Обмен ассигнаций нового образца на старые», по мысли Д.А. Гурьева, определял деятельность Ассигнационного банка в 1819–1820 годах⁵¹⁸.

По его инициативе был введен закон о прекращении дальнейшего выпуска ассигнаций — тем не менее их биржевой курс повысился крайне незначительно.

⁵¹⁶ Кашкаров М.П. Денежное обращение в России Т. 1. СПб., 1898. С. 25.
⁵¹⁷ Отчет государственных кредитных установлений за 1823 год. СПб., 1825. С. 45; Ламанский Е.И. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени. СПб., 1854. С. 40–41.
⁵¹⁸ Отчет государственных кредитных установлений за 1819 год. СПб., 1820. С. 11.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА III.
АССИГНАЦИОННЫЙ
БАНК

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА
Е.Ф. КАНКРИНА
И ЛИКВИДАЦИЯ
АССИГНАЦИОННОГО
БАНКА

Любимец императора Николая I министр финансов Егор Францевич Канкрин⁵¹⁹ в полной мере олицетворял консервативную линию своего патрона. Выступая против развития акционерных компаний, банков и железных дорог, он не церемонился с выбором метода денежной реформы. Реформу обязал провести государь, но она в канкриновском исполнении «удешевилась» и стала реформой конфискационного типа, в той или иной степени затронув состояния подданных.

За основу были взяты наработки М.М. Сперанского, главным образом его сочинение «О монетном обращении», написанное в 1830-е годы. В нем М.М. Сперанский счел неперспективными

519 Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг Даниил фон, 1774–1845), граф, государственный деятель. В 1800-е гг. занимал различные должности в Министерстве внутренних дел. В 1812 г. был назначен генерал-интендантом I западной армии, а в 1813 г. — генерал-интендантом всей русской армии. Отвечая за ее снабжение, он отлично проявил себя и приобрел хорошую репутацию. С 1821 г. состоял членом Государственного Совета по Департаменту государственной экономии. Будучи министром финансов (в 1823–1844 гг.), провел денежную реформу на базе серебряного монометаллизма.

Садовая улица в С.-Петербурге. Фото-
тинто-гравюра начала XX века (с рисунка
К.Ф. Сабата и С.П. Шифляра 1820-х годов).
Хорошо различимы флигели здания
Ассигнационного банка

меры, предпринятые им в начале 1810-х годов. Вместо постепенного уменьшения количества ассигнаций через их выкуп на серебряную монету реформатор предложил идею «*в приложении ассигнаций в кредитные билеты*»⁵²⁰. Она заключалась во введении «*особых банковых кредитных билетов, основанных на действительном вкладе серебра*» и поэтому разменных на серебро по первому предъявлению⁵²¹. Эти билеты постепенно должны были вытеснить из обращения ассигнации. Предусматривался и другой вариант реформы, связанный с закреплением рыночного курса бумажных денег⁵²².

Похожие взгляды на реформу высказывал член Государственного Совета князь Франциск-Ксаверий Друцкий-Любецкий (1778–1846), талантливый финансист и создатель Польского банка (в 1828 году), одно время занимавший пост министра финансов в Царстве Польском. Он выступал за серебряный монометаллизм как базу российской денежной системы и создание депозитной кассы на первом этапе реформы. Последняя предназначалась для приема золота и серебра в слитках и монете, под которые выдавали разменные на металл «серебряные ассигнации»⁵²³. В Государственный Совет поступили также «записки» и «мнения» других лиц: адмирала Грейга, генерал-адъютанта Киселева, графа Мордвинова.

Канкрин внимательно изучил эти предложения, на компиляции которых им был выработан собственный план. Он лег в основу проведенной в 1839–1843 годах в России денежной реформы⁵²⁴. В ходе ее осуществления была воплощена идея

⁵²⁰ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 551.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же. С. 553–557.

⁵²³ Кашиаров М.П. Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898. С. 39–40.

⁵²⁴ Денежная реформа Е.Ф. Канкрин сравнительно хорошо изучена, поэтому мы не останавливаемся на ней подробно. См.: Материалы по денежной реформе 1895–1897 гг. М., 1922; Все о деньгах России / Сост. А.И. Буковецкий, ред. А.А.Хандруев. М., 1998; Дряун А.Д. Денежная реформа Канкрин и борьба классов // Труды Ленинградского финансово-экономического института. Вып. 1. Л., 1940. С. 77–111; Он же. Очерки по истории денежного обращения России в XIX в. М., 1941; Кашиаров М.П. Денежное обращение в России. Т. 1–2. СПб., 1898; Русский рубль: два века истории: XIX–XX вв. М., 1994; Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893; Шипов А.П. Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрин. СПб., 1866; и др. работы.

Портрет М.М. Сперанского. Гравюра
на стали Т. Райта (с оригинала Дж. Доу).
Не ранее 1839 года. 43 × 28,1 см.
Государственная Третьяковская галерея

Ф.-К. Друцкого-Любецкого: для накопления серебряной монеты и постепенного привыкания публики к свободному размену выпускались «серебряные сертификаты» государственных кредитных учреждений. Ими были депозитные билеты: билеты Депозитной кассы Коммерческого банка (выдавались как сертификаты на вложенную в банк серебряную монету), 50-рублевые кредитные билеты Заемного банка и сохранных казен⁵²⁵. Все они обеспечивались металлическим фондом (1:1).

Формально за основу денежной системы был взят серебряный монометаллизм, что объяснялось устойчивой как российской, так и европейской традицией денежного счета на серебро. Золотой монометаллизм тогда существовал лишь в Англии, и по справедливому мнению Иллариона Игнатьевича Кауфмана, *«золотой монометаллизм считался пригодным только для очень богатой Англии, а на биметаллизм могла претендовать менее богатая, но все-таки богатая Франция. Поэтому наше место было около немецких государств среднего благосостояния»*⁵²⁶.

Впрочем, в действительности не только серебряная, но и золотая, и даже платиновая монеты обеспечивали устойчивость бумажного рубля. Поскольку в чистом виде монометаллизм нигде в Европе не существовал, все зависело от принятия законодательного акта, закреплявшего один из монетных металлов (золото или серебро) в качестве базового ценностного эквивалента. По манифесту от 1 июля 1839 г., серебряный рубль был объявлен главной денежной единицей, а все остальные платежные средства допускались в качестве второстепенных денежных знаков⁵²⁷. На завершающем этапе денежной реформы 1839–1843 гг. на основании манифеста от 1 июня 1843 г.⁵²⁸ была проведена полная

⁵²⁵ Манифестом 1 июля 1841 года эмиссия кредитных билетов распределялась следующим образом: Санкт-Петербургская Сохранная казна эмитировала 8 млн руб., Московская Сохранная казна — 15 млн руб., Заемный банк — 7 млн рублей.

⁵²⁶ Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910. С. 200.

⁵²⁷ См. Манифест «Об устройстве денежной системы» от 1 июля 1839 г. (ПСЗ. Собрание второе. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12497. С. 600–602).

⁵²⁸ См.: ПСЗ. Собрание второе. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1844. № 16903. С. 360–363.

Personal Document

№ 16 Сп. № 1: 4 Карт. 1897.

Милостивый Государь,

Алексей Самойлович!

Высочайшимъ Указомъ, нами
добавленнымъ къ нашимъ мнѣ въ это мѣ-
сяцъ повелѣно: произвести Ва-
шему Высокопревосходительству
по вѣдѣнью Члена Государственного
Совѣта содержание по 20000 руб.
начать отпускъ енисей 15 Се-
тября текущаго года, т. е. со-
дня удовлетворенія Вѣль гра-
мованскаго и стоповерхни де-
лаки по должности Главнаго
Командира Черноморскаго Фло-
ти и портовъ.

Во исполненіе сего сдѣлаю
надлежащее распоряженіе по
Главному Казначейству, а
имѣя должное въ томъ

Ваше, Министровъ Государствъ,
уваженье.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
и мною остаю

Вашего Высочайшаго повелѣнія
покорнѣйшій слуга

Г. Канцлеръ

№ 554

12 Октября 1833 г.

Его Высочайш. А. С.

Грейеръ.

замена всех циркулировавших в обращении бумажных денежных знаков на государственные кредитные билеты (ассигнации обменивались по паритету 3,5:1), подлежавшие свободному (1:1) размену на серебряные рубли.

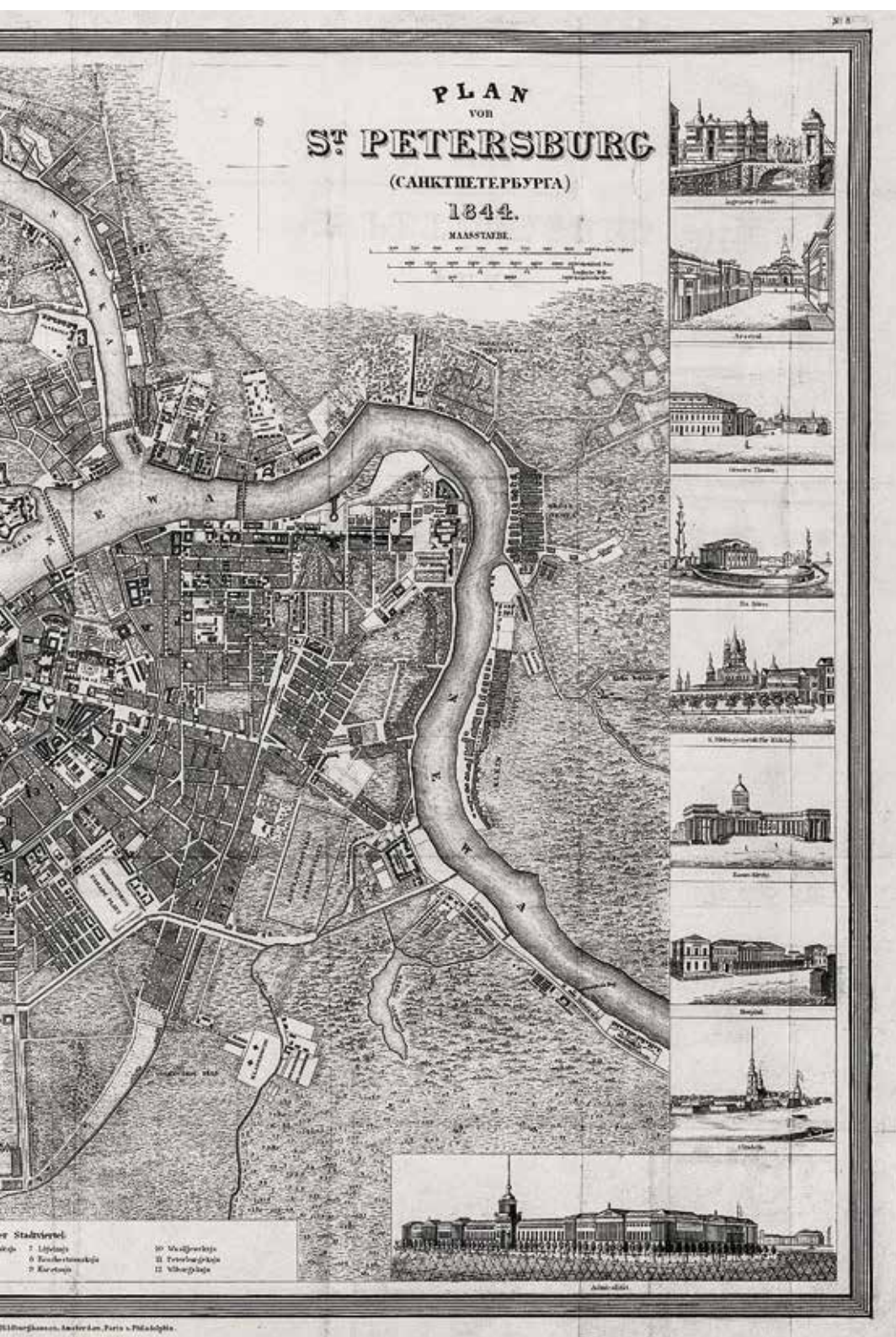
Кредитные билеты были новыми бумажными денежными знаками в России. По существу, это были казначейские бумаги, а не банкноты (как прежние ассигнации). Идея их введения была, по-видимому, подсказана опытом германских государств и прежде всего Пруссии, где подобные *Tresorscheine* выпускались с 1806 года⁵²⁹. Как и в России, денежное обращение германских государств в это время покоилось на серебряной базе, и по определению в обеспечении таких бумажек звонкой монетой существенную роль должны были играть налоговые поступления.

Примечательно, что курс обмена ассигнаций на государственные кредитные билеты был определен «сверху» императором Николаем I. На журнале Общего собрания Государственного Совета он начертал резолюцию: *«Желательно мне, чтоб принято было среднее между двух мнений, и полагаю, определив курс в 3 руб. 50 коп., ныне же издать о сем манифест с нужными переменами»*⁵³⁰. Эта цена серебряного рубля была близка к его курсу на Петербургской бирже и «податному» курсу, по которому уплачивались подати (3 руб. 60 коп.). Но она не соответствовала простонародному лажу, т.е. курсу, по которому оценивали серебро в провинции, а именно 1:4 и 1:4,5 (бумажный рубль за «четвертак» — 25 копеек серебром). В условиях перехода на кредитные рубли это означало удорожание всех внутриторговых сделок, которые с начала 1840 г. обязали пересчитать на «серебро». Например, для Москвы, где в 1839 г. «простонародный лаж» составлял 1:4,5, такой пересчет обернулся почти 30%-ным искусственным увеличением выплат по займам и разного рода сделкам⁵³¹. Между тем многие товары,

⁵²⁹ A. Pick, J.-U. Rixen. Papiergeld-Spezialkatalog Deutschland. Regensburg 1998. S. 402–407.

⁵³⁰ Цитата дана по изданию: Министерство финансов: 1802–1902 гг. Ч. 1. СПб., 1902. С. 247.

⁵³¹ Друян А.Д. Очерки по истории денежного обращения России в XIX в. М., 1941. С. 15.

особенно продовольствие, также подорожали, что означало новый виток инфляции. По свидетельству современника, «съестные припасы остаются в прежней цене. Каково это для бедного класса, доходы которого не увеличиваются?»⁵³².

Такой грабительский, по мнению многих, обмен стал неожиданностью для российских купцов, чьи настроения передал французский писатель маркиз Астольф де Кюстин, посетивший Россию в 1839 году. Он узнал о проведении денежной реформы в Нижнем Новгороде во время проходившей там ярмарки, когда местный губернатор разъяснял толстосумам смысл указа:

«Губернатор собрал к себе умнейших российских купцов, съехавшихся в те дни в Нижний, и подробно рассказал им о несообразностях существующей в империи денежной системы... Объяснив слушателям сию неправильность и показав все неприятности, из нее вытекающие, губернатор присовокупил, что государь в неусыпной своей заботе о благополучии народа и благоустройстве империи решился, наконец, устранить такой непорядок... Купечество... отвечало, что мера эта, сама по себе благая, способна расстроить самые крепкие торговые состояния, если будет применена к ранее заключенным сделкам, которые на нынешней ярмарке должны были лишь совершиться окончательно... Губернатор с мягкостью и спокойствием... отвечал, что он совершенно входит в положение почтеннейших представителей купечества... но что, в конце концов, прискорбные последствия, коих они опасаются, грозят лишь некоторым частным лицам... тогда как задержка в применении указа неизбежно имела бы вид известногослушания — и подобный пример, будучи подан крупнейшим торговым городом империи, имел бы куда опаснейшие последствия для страны, нежели разорение нескольких купцов... неповиновение указу... явилось бы посягательством на почтение к верховной власти... нет сомнения, добавил он, что почтеннейшее купечество, учтя сии решительные соображения, со всем усердием согласовалит отвести от себя чудовищный упрек в заботе о частной своей выгоде вопреки государственным интересам...»⁵³³

532
533

См.: Никитенко А.В. Дневник // Русская старина. 1889. Октябрь. С. 1117.
Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. М., 2000. С. 320–322.

На предыдущем развороте: План Санкт-Петербурга, изданный Йозефом Мейером для Библиографического института в Хильдбургхаузене (Германия) в 1844 году. Исполнен в технике гравюры на меди (на полях гравюры — виды примечательных зданий города, в том числе Ассигнационного банка). Музейно-экспозиционный фонд Банка России

Ассигнация 100 рублей, 1838 год.
 Образец. Собрание Гознака

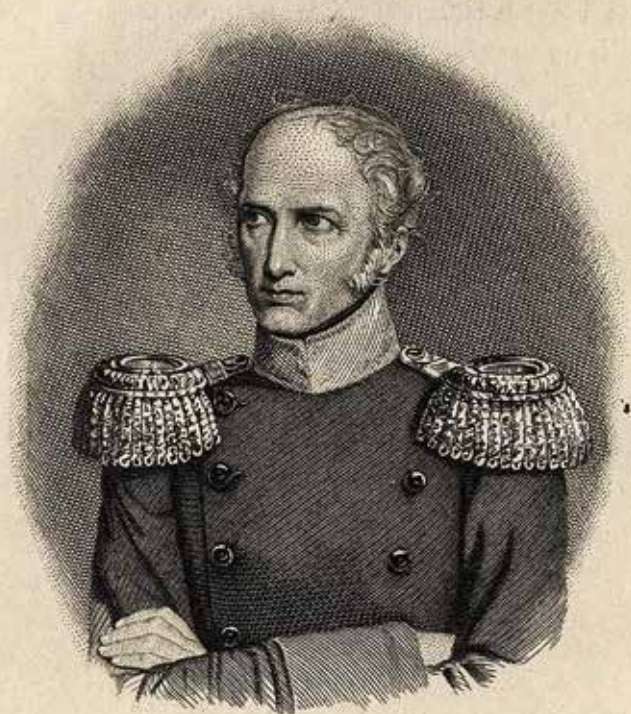
Фактически проведение денежной реформы растянулось до 1853 года (когда был прекращен размен депозитных билетов)⁵³⁴. Спустя семь лет министр финансов Александр Максимович Княжевич, в период проведения реформы состоявший в должности директора Общей канцелярии министра финансов (и потому игравший в ее проведении не последнюю роль) в одном из докладов царю так резюмировал ее итоги: «Счет на ассигнационный рубль по долговременной к нему привычке удержался и по восстановлении в 1839 году прежней монетной единицы на серебро. Эта единица не могла, однако же, прочно укорениться в народе по неудобству самого переложения на нее ассигнационных счетов, ибо величина оной была определена в 3½ раза более против рубля ассигнационного. От восстановления сей единицы затруднились расчеты в мелочной промышленности и торговле тем, что при переводе цен с ассигнаций на серебро образовались дроби копеек, а они дали повод к возвышению цен не только для округления сумм до ближайших целых чисел, но нередко даже и до вышних. Таким образом, замена ассигнационного рубля серебряным способствовала более или менее вздорожанию всех предметов потребления»⁵³⁵.

Реформа во многом стала отчетным мероприятием, а созданный в ходе ее «твердый» рубль просуществовал десять лет, после чего утонул в пучине инфляции, вызванной Крымской войной. Скорее он был востребован во внешних расчетах, чем во внутреннем обороте, где обращались главным образом бумажные и медные деньги.

Реформа Канкринна существенно не повлияла ни на акционерное учредительство, ни на приток иностранных капиталов, ни на развитие отечественной промышленности, создав лишь новый счетный денежный эквивалент. Причины тому были

⁵³⁴ Замещение различных денежных знаков государственными кредитными билетами производилось поэтапно: с 1 сентября 1843 года на них обменивали депозитные билеты, с 1 ноября 1843 года — ассигнации. Наиболее интенсивно обмен проходил в 1844–1846 годах, когда из обращения было изъято 70% старых денежных знаков. Обмен ассигнаций был прекращен 13 апреля 1851 года, а депозитных билетов — 1 марта 1853 года.

⁵³⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 2 об. — 3.

GRAF GEORG KANKRIN.

*Der Hauptmann ist fest über mich auf Zofen
der am Wundtanz gebunden.*

Портрет графа Е.Ф. Канкрин
(гравюра на металле) из книги 'Aus den
Reisetagebüchern des Grafen Georg
Kankrin', изданной в Брауншвейге
в 1865 году

Представила такой ответ
на Высочайшее воззрѣніе Все-
августѣйшаго Монарха, съ
слубогѣйшимъ благоговѣніемъ и лично
частію быто

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

Узнавъ о асѣхъ одобреніи, кай
Императорѣхъ искреннаго пожеланія
вашего съ чистѣйшимъ благоговѣніемъ
кайт.

С. Петербургъ,
17го февраля, 1830.

Въ исполненіи
Графъ Канкринъ

Автограф императора Николая I на письме,
подписанном министром финансов
графом Е.Ф. Канкриным, 1830 год.
Из книги «Министерство финансов: 1802–1902»,
часть 1-я (издана в С.-Петербурге в 1902 году)

разные. Россия оставалась закрытой страной, отношения которой с крупными европейскими державами оставались сложными из-за стремления Петербурга играть ключевую роль в европейской политике. В этих условиях находилось мало желающих рисковать своими капиталами. Россия привлекала именно как рынок сбыта предметов роскоши, на которые российские дворяне не жалели денег, и как сырьевой придаток, откуда в Европу поступали и все те же «лес и сало», а позднее и зерно. Русская промышленность развивалась главным образом за счет собственных ресурсов, поддержанная правительственными протекционистскими тарифами (особенно тарифом 1822 года). Что же касается развития акционерных обществ, то в условиях отрицательного отношения к ним Е.Ф. Канкрин и сдерживания их учредительства в 1840-е годы

Публичное сожжение ветхих кредитных билетов 24 января 1851 года в С.-Петербурге. Хромофотография из «Русского художественного листка» В.Ф. Тимма, середина XIX века

(из-за опасения правительства в возможном массовом изъятии вкладов из казённых банков) они были весьма немногочисленны. Из наиболее крупных и известных обществ, основанных в то время и существовавших до 1917 года, можно назвать лишь Страховое от огня товарищество «Саламандра», учрежденное в 1846 году с капиталом 2 млн рублей. Известно, что за 16 лет, прошедших со времени реформы Канкрин, то есть с 1839 по 1855 год, акционерных обществ было учреждено 44 — меньше, чем в предшествующее 15-летие (в 1823–1838 было учреждено 70 акционерных обществ)⁵³⁶. В то же время в последующие 5 лет (1856–1860) было учреждено 101 общество, включая гигантское по своему капиталу Главное общество российских железных дорог (1857, основной капитал — 75 млн руб.)⁵³⁷. Показательно, что учредительская горячка таких обществ началась сразу после смерти Николая I (1855 г.), когда денежное обращение страны уже испытывало сложности, связанные с Крымской войной.

Денежная реформа Е.Ф. Канкрин зародила в истории России устойчивую традицию конфискационной реформы. В той или иной степени ее чертами будут обладать все последующие денежные реформы — особенно те, что проводились в стране в XX веке.

Что касается конкретных мероприятий реформы, то право эмиссии новых бумажных денег было изъято у Ассигнационного банка (в 1843 году) и передано Министерству финансов в лице Экспедиции кредитных билетов, просуществовавшей до 1860 года⁵³⁸. Этот порядок будет нарушен только в конце XIX века, когда право печатать деньги будет возвращено банку — на этот раз Государственному банку.

Ставший «ненужным», Ассигнационный банк был ликвидирован к началу 1848 года. Главным итогом его деятельности

⁵³⁶ Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 23–30, 63.

⁵³⁷ Там же. С. 63, 66.

⁵³⁸ По указу от 31 мая 1860 года Экспедиция кредитных билетов была присоединена к Государственному банку (ПСЗ. Собрание второе. Т. 35. СПб., 1862. № 35847. С. 645).

было то, что он позволял казне покрывать бюджетные дефициты. В связи с этим интересно замечание немецкого историка Клауса Хеллера, автора обстоятельного исследования о денежно-кредитной политике царской России: *«В то время как на Западе переход от денежного хозяйства к кредитному осуществлялся... на пользу как государства, так и общества, в России, напротив, эти новые возможности кредита были использованы исключительно для государственной выгоды»*⁵³⁹. Понятие банковской прибыли в Ассигнационном банке сводилось к прибыли казны: государство в течение длительного времени расплачивалось за различные товары и услуги внутри страны денежными суррогатами с принудительным курсом, заведомо более низким, чем курс серебряного рубля.

⁵³⁹ Klaus Heller Die Geld-und-Kreditpolitik des russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43). Wiesbaden 1983. S. 33.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА IV

Учреждения ипотечного кредита

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА IV.
УЧРЕЖДЕНИЯ
ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТА

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ БАНК ДЛЯ ДВОРЯНСТВА

На протяжении всей второй половины XVIII века российское правительство было озабочено проблемой все возрастающей дворянской задолженности. После упразднения в 1786 году Дворянских банков в Российской империи стоял вопрос о создании нового ипотечного банка для дворян, так как учрежденный в том же году Заемный банк едва справлялся со своей задачей.

Найти выход из создавшегося положения император Павел I получил генерал-прокурору Алексею Борисовичу Куракину, возглавлявшему финансы в новое царствование. И уже в конце 1797 года он подготовил проект создания нового банка для дворян. Его доклад, расчеты и проект устава сохранились в Российском государственном архиве древних актов⁵⁴⁰. Судя по этим документам, император предложил использовать в создании нового банка европейский опыт и пожелал, чтобы расходы на новое учреждение не сильно обременяли казну.

Во вступительном докладе, предварявшем проект уставных правил банка, А.Б. Куракин обозначил образец для подражания⁵⁴¹. Им стало Силезское земельное общество в Пруссии (*Schlesische Landschaft*) — первый специализированный ипотечный банк в Европе.

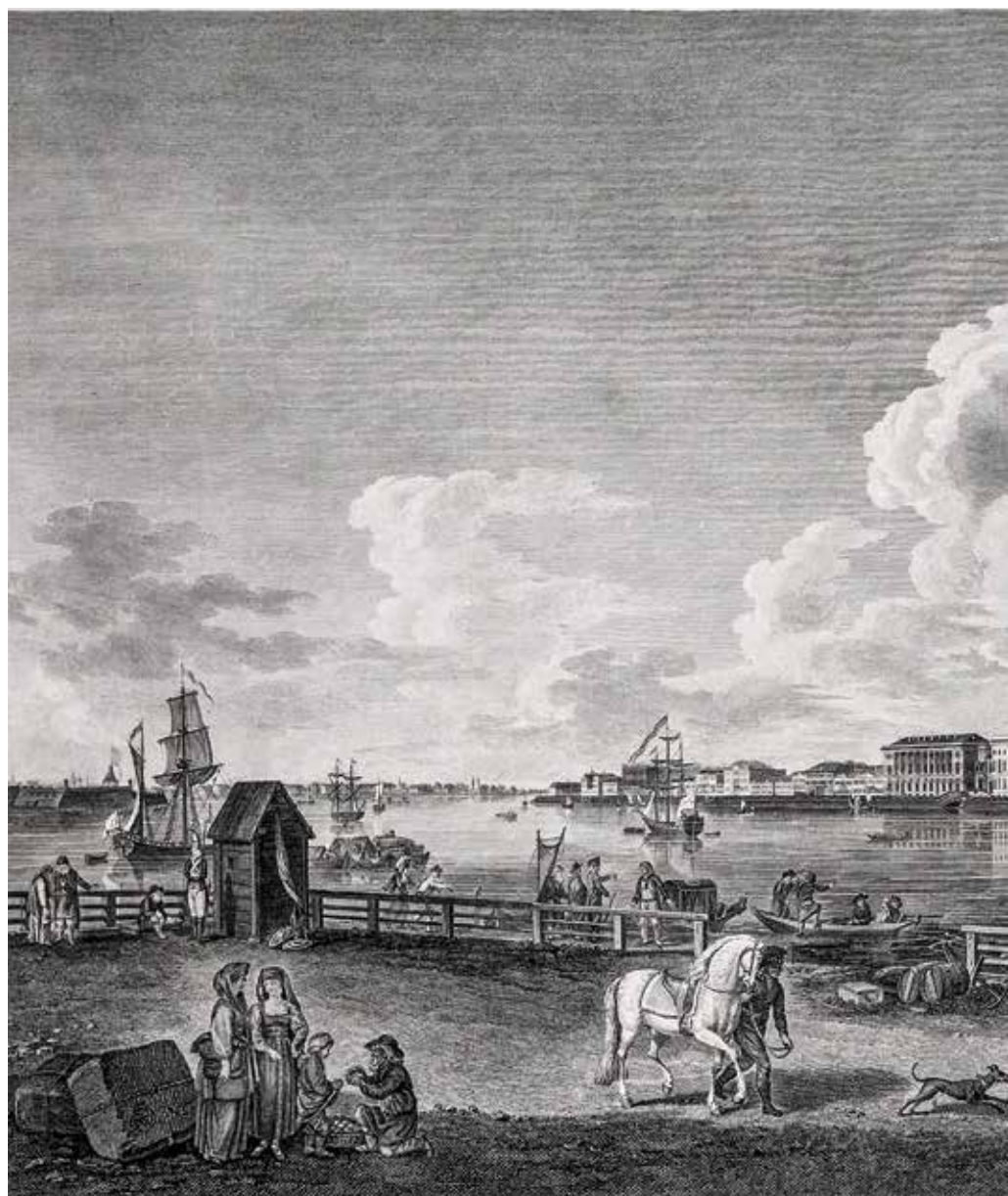
Этот банк был основан в Бреслау в 1770 году по проекту, тремя годами ранее представленному королю Фридриху II купцом Бюрингом. Его идея заключалась в замене личного поручительства каждого землевладельца совокупным ручательством многих помещиков — клиентов банка, которое, в свою очередь, обеспечивалось общим залогом их имений. Представляемые дворянами закладные на поместья, служившие основанием для выдачи им кредита, вписывались в особую ипотечную книгу, в которой заключался полный кредитный счет о каждом имении⁵⁴².

Созданный на этом принципе силезский банк выдавал ссуды не деньгами, а собственными билетами, которые

⁵⁴⁰ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13 доп. Л. 1–80.

⁵⁴¹ Там же. Л. 4 об.

⁵⁴² Fritz Dannenbaum. Deutsche Hypothekenbanken. Berlin 1911. S. 1.

Вид на императорский Зимний дворец
и набережные Невы с Васильевского
острова. Гравюра на меди М.Г. Эйхлера
по рисунку И.Г. Майра, 1799 год.
Музейно-экспозиционный фонд Банка России

пользовались доверием у прусских помещиков. Их курс укрепился уже в начале 1770-х годов, во время урожайных лет в Силезии и голода в соседних землях⁵⁴³. Для обустройства банка Фридрих II выделил новому учреждению 200 тыс. талеров в виде ссуды под 2% годовых.

Успешный опыт силезского банка способствовал тому, что по его образцу в Пруссии в конце XVIII в. было организовано четыре подобных «ландшафта»: в Бранденбурге (1777 г.), Померании (1780 г.), Западной (1787 г.) и Восточной (1788 г.) Пруссии⁵⁴⁴. Кроме того, похожие учреждения стали открываться в других германских государствах.

Хорошо знавший Павла I, Куракин, конечно, не мог не замечать его увлечения Пруссией и Фридрихом II. Не удивительно, что новый создававшийся для дворян банк в России заимствовал главную идею «силезского ландшафта» — он выдавал ссуды не деньгами, а своими же «билетами» и, таким образом, не обременял казну. Эти билеты генетически восходили к банкнотам европейских банков и были известны в России еще до проекта А.Б. Куракина. Идея о выпуске таких билетов прозвучала еще в 1791 году, когда сенатор Гаврила Романович Державин предложил создать «Патриотический банк», проект которого остался только на бумаге.

Проект А.Б. Куракина органически ложился на идею о «правильном государстве» Павла I, и поэтому не удивительно, что он был быстро утвержден императором — 18 декабря 1797 года. В этот же день был подписан заранее заготовленный манифест об учреждении нового банка, который получил необычное для слуха наименование Вспомогательного банка для дворянства. Поскольку это учреждение было самостоятельным с самого начала, банк оставался вспомогательным лишь к «благородному сословию». Согласно манифесту, он делал *«вспоможения... дворянским фамилиям, имеющим собственности в недвижимых*

⁵⁴³ Сербинович Я.А. Поземельный кредит, его прошлое, настоящее и будущее. СПб., 1887. С. 84.

⁵⁴⁴ Felix Hecht. Der europäische Bodenkredit. Bd. 1. Leipzig 1900. S. 1.

Л. Гуттенбрунн. Портрет князя Алексея Борисовича Куракина. 1801 год. Холст, масло. 40 × 31 см. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фотограф П.С. Демидов. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2016

имениях, обремененным долгами, падавшим в руки алчных ростовщиков и приходящим в несостояние от тягостных процентов»⁵⁴⁵.

Целью банка была ликвидация зависимости дворян от ростовщиков и перевод их «частных» долгов в долг перед государством. Иными словами, покупка дворянских долгов становилась главной задачей нового учреждения. Приближенные к царю чиновники рассчитывали, что эту проблему удастся решить в течение 25 лет. По мнению А.Б. Куракина, «с учреждением сего банка не только избавятся дворянские роды от разорительных долгов, обеспечат потомству свое имение, получают способы к приведению в лучшее состояние хозяйства каждого; а заимодавцы, будучи обеспечены в своих капиталах, и процентами удовлетворяться станут»⁵⁴⁶.

Перспективы развития банка были расписаны в виде красивого прожекта. Генерал-прокурор считал, что он уничтожит ростовщичество и принесет казне солидную прибыль. По расчетам А.Б. Куракина, вливания в дворянство через новый банк должны были составить 100 млн рублей, а полученная прибыль должна была составить не менее 31 млн рублей, из которых 25 млн рублей будет отдано казначейству, 5 млн рублей — ссудным казнам воспитательных домов и 1 млн рублей — Ассигнационному банку⁵⁴⁷.

По примеру силезского банка Вспомогательный банк стал эмитентом 5%-ных банковских билетов, которыми выдавались долгосрочные ссуды. Они ходили наравне с ассигнациями; их были обязаны принимать в уплату за долги как частные лица, так и государственные учреждения. Они также передавались из рук в руки по передаточным надписям и могли быть залогом при получении новой ссуды.

Поскольку А.Б. Куракин руководил финансами страны, ему было обременительно одновременно быть управляющим («главным попечителем») новым кредитным учреждением. Поэтому по его

⁵⁴⁵ ПСЗ. Собрание первое. Т. 24. № 18274. С. 824.

⁵⁴⁶ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13 доп. Л. 5 об.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 6.

протекции эту должность занял сенатор Сергей Петрович Румянцев, бывший посол в Пруссии. В помощь ему были назначены три «помощника»: старший советник и два советника. Впрочем, А.Б. Куракин фактически сам решал все важнейшие вопросы, в то время как управляющий оставался исполнителем его решений.

Помимо «главного начальства» банк включал три экспедиции: по заготовлению билетов, по приему *«разных долговых объявлений и хранению залогов и билетов»* и *«по приему процентов и капиталов и платежа оных из банка»*. Каждую экспедицию возглавлял директор, при котором состояли помощники и исполнители. Таким образом, по штату новый банк состоял из 60 чиновников и служащих, а его ежегодное содержание обходилось в 91 215 рублей⁵⁴⁸.

Куракин планировал, что эта сумма будет покрываться процентами, получаемыми банками от выданных кредитов. А на первоначальное обзаведение учреждения была получена казённая ссуда в 200 тысяч рублей⁵⁴⁹ — подобно тому, как это было в силезском банке.

Банк был создан довольно быстро: всего два месяца ушло на подготовительные работы, и уже 1 марта 1798 г. он был открыт. В производстве операций он руководствовался «Правилами» из 39 пунктов и утвержденным 17 февраля 1798 г. уставом, расширенный до 67 статей.

Согласно этим документам, капитал банка увеличивался *«по мере необходимости... и по числу залогов»*. Фактически же Вспомогательный банк получил в оборотный капитал право выпуска до 100 млн рублей своих же «билетов», которые должны были погашаться в течение 25 лет. В отличие от других ипотечных российских банков XVIII века — Дворянских и Заемного — он не принимал вкладов, что сужало его базу привлеченных средств. При необходимости обмена билетов на «живые» деньги это означало, что банк фактически оперировал казёнными суммами. Подобное

⁵⁴⁸ Там же. Л. 9 об.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 6 об.

наблюдалось и в силезском банке — с той лишь разницей, что его билеты обменивались в основном на биржах.

Потенциальные заемщики представляли во Вспомогательный банк прошение о выдаче ссуды, документ об оценочной стоимости имения, а также залоговые свидетельства (если имение было обременено долгами). В отличие от силезского банка, выдававшего ссуды из 50–55% от суммы оценки имения, при создании Вспомогательного банка А.Б. Куракин остановился на ставшей привычной в России практике выдачи ссуды. Как известно, в России не вели специальных ипотечных книг (как в Пруссии), поэтому более или менее точную оценку доходности имения было получить непросто — тем более что существовал соблазн завышать реальную доходность поместья для получения из банка большей ссуды. Поэтому генерал-прокурор предложил выдавать кредит исходя из количества *«живого товара»* — крепостных. Количество крепостных у помещика определялось по материалам пятой ревизии (проведена в 1795–1796 годах). При этом впервые в истории казённых банков был применен *«рыночный»* принцип их оценки, который был привязан к средней доходности имений в разных областях государства. Она варьировалась от 40 до 75 рублей в зависимости от класса губернии⁵⁵⁰. К первому (высшему) классу относились оброчные крестьяне Великороссии, а также некоторых поволжских и черноземных губерний. При этом зажиточную Московскую губернию почему-то отнесли ко второму классу; а Петербургскую — к третьему. Из 38 губерний только 4 — Пермская, Архангельская, Иркутская и Новгородская, где помещичье землевладение не получило развития — вошли в четвертый класс.

Право кредитоваться в банке получили и прибалтийские помещики. В условиях развития землевладения, близкого к прусскому, они стали исключением из правила при выдаче кредитов Вспомогательного банка. Размер ссуд под их имения, как и в силезском банке, определялся по получаемому с них годовому доходу.

550

В губерниях первого класса под «ревизскую душу» давали 75 руб., второго — 65 руб., третьего — 50 руб., четвертого — 40 рублей.

сроком на 25 лет из 6% годовых. При ее получении заемщик должен был внести в банк сразу 8% «на расходы и надобности банковского заведения» (2% — монетой, 6% — билетами). Погашение же основной суммы кредита начиналось с шестого года пользования ссудой (первые пять лет оплачивались лишь проценты). В случае просрочки платежа три месяца взыскивалась небольшая пеня, а затем имение передавалось Дворянской опеке, которая определяла опекунов, бравших ответственность за погашение долга.

О том, что банк предоставил дворянам самые выгодные условия, свидетельствует и такая необычная операция, как перевод долга несостоятельного помещика на банк. Это означало, что кредитное учреждение брало имение в залог и погашало долг ростовщику банковыми билетами. Если же кредитор отказывался принять их в уплату, он подвергался наказанию: объявлялся «гнусным ростовщиком», а его имущество арестовывалось в пользу Вспомогательного банка. Кроме того, «билеты» принимались в уплату уже существующих долгов в Заемный банк и опекунские советы воспитательных домов. Так, к концу 1799 года 11,8 млн рублей «билетами» (или 25% всей их суммы, находившейся в обращении) были обращены на покрытие дворянских долгов казённым учреждениям, главным образом Заемному банку (6,2 млн рублей).

Чтобы избежать массового обмена «билетов» на ассигнации, их держателю выплачивали доход в 5% годовых. Куракин рассчитывал, что «билеты» будут храниться на руках в течение длительного времени — так, как это было в Пруссии в конце XVIII века, когда билеты Силезского банка продавались на бирже с завышенной премией в 7%⁵⁵².

Однако уже в первые полгода деятельности Вспомогательного банка обнаружилось, что плоды мало соответствуют ожиданиям. Билеты ходили в публике крайне плохо, а их курс падал. Крупные государственные финансисты Павловской эпохи — канцлер А.А. Безбородко, управляющий Ассигнационным банком

⁵⁵² Безобразов В.П. Поземельный кредит и его современная организация в Европе. СПб., 1860. С. 31.

П.В. Завадовский и казначей А.И. Васильев — видели причину происходящего в массовом и неумеренном выпуске билетов, которые было невозможно адекватно «покрыть» разменом на ассигнации. Тем более что билеты в основном выпускались на крупные суммы — от 1 000 рублей — что затрудняло их покупку в большей части публики, которая оперировала более скромными средствами⁵⁵³. Ростовщики же обменивали билеты на ассигнации и монеты с существенным лажем. В итоге заемщики теряли на билетах до 14% с номинальной суммы⁵⁵⁴.

Как подчеркивали авторы доклада (подан Павлу I в конце октября 1798 г.), *«выпуск банковых бумаг должен иметь свою меру в соразмерности с обращающейся в государстве монетой; умножение оных, отходя от сей пропорции, разливается на внешний курс, на всю торговлю и на все цены вещей и припасов внутренних»*⁵⁵⁵.

Известно, что к концу 1798 года из Вспомогательного банка было выдано «билетов» на сумму почти в 30 млн рублей⁵⁵⁶. Фактически это означало увеличение на эту же сумму ассигнаций (их к концу 1798 года находилось в обращении на 194,93 млн рублей). Более того, это увеличение бумажной денежной массы составило более 15%, что должно было заметно отразиться на курсе самих ассигнаций, которые, как известно, к тому времени уже не разменивались по номиналу. Действительно, по сравнению с 1797 годом в 1798 году среднегодовой курс российских бумажных денег на петербургской бирже упал с 73 до 62,5 копеек за условный бумажный рубль⁵⁵⁷. Таким образом, падение курса только за год составило 14% и было связано главным образом с неумеренным выпуском билетов.

Почему же пример «силезского ландшафта» в России не работал? Ответ на этот вопрос дают сохранившиеся статистические данные по этому германскому банку. Известно, что ежегодный

⁵⁵³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13 доп. Л. 45 — 48.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 46 об.

⁵⁵⁵ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13 доп. Л. 47 об. — 48.

⁵⁵⁶ Там же. Л. 243.

⁵⁵⁷ См.: Кашкаров М.П. Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898. С. 24–26.

выпуск его облигаций в конце XVIII века не превышал одного миллиона прусских талеров, которые по содержанию серебра были примерно равны российским рублям (по содержанию чистого серебра (0,5371 тройской унции) прусский талер был на 7% «легче» русского рубля конца XVIII века). А всего к 1800 году, то есть через 30 лет деятельности банка, таких облигаций циркулировало на 22,6 млн талеров⁵⁵⁸ — то есть меньше той суммы, которая была выпущена в России за 9 месяцев.

Отметим также и другое важное различие между «силезским ландшафтом» и Вспомогательным банком. В первом из них действовал принцип круговой поруки заемщиков, что было дополнительным обеспечением в платеже по ссудам. Таким образом, если кто-либо из юнкеров не мог или не хотел платить, за него платили другие заемщики; сами же несостоятельные должники подвергались резкому осуждению.

Во Вспомогательном банке был оставлен прежний порядок, существовавший еще в Дворянских и Заемном банке: каждый заемщик отвечал только сам за себя. Поэтому если он платил не вовремя, резкого осуждения не следовало, а банк применял крайне мягкие санкции. Наконец, в России, по-видимому, гораздо большее значение имела практика «знакомства», с помощью которой можно было решать вопросы в свою пользу. Показательно, что, несмотря на уставные нормы, во Вспомогательном банке вскоре перестали соблюдать кредитные лимиты. Желающих получить деньги было так много, что решения по их ходатайствам принимались списком, в котором могло значиться до пятидесяти фамилий за раз.

В этих списках фигурировали представители самых знатных родов России. В ведомостях за 1799 год среди прочих значатся граф А.И. Самойлов, генерал И.В. Якоби, генерал-лейтенант князь Б.А. Голицын, генерал-майор М.В. Гудович, князь В.А. Хованский

и многие другие⁵⁵⁹. В «Мемориях», или журналах Правления банка, после перечисления громких титулов и воинских званий обычно следовало постановление: *«Изготовить для них потребное количество билетов»*. Далее перечислялись конкретные фамилии с пометой суммы, которая выдавалась им из банка. Эти суммы доходили до астрономических величин. Так, князю Борису Алексеевичу Голицыну из банка за раз выдали билетами 150 тысяч рублей, а канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману — 196 200 рублей⁵⁶⁰. Многие дворяне, освободившись от долгов, вновь закладывали свои имения.

В числе клиентов банка значился и его создатель А.Б. Куракин. Уже в первый день деятельности Вспомогательного банка братьям Куракиным была выдана ссуда под залог имения в Псковской губернии. Не прошло и двух недель, как они опять получили ссуды под залог еще трех поместий. В 1799 году князь Иван Борисович Куракин по протекции влиятельных родственников разом «вынул» из банка почти 100 тысяч рублей (93 100 руб.)⁵⁶¹. По ведомости 1804 года, долг А.Б. Куракина Вспомогательному банку составлял более 243 тыс. руб. (155 тыс. руб. по сумме кредита и 88 тыс. руб. по процентам)⁵⁶².

Получить из банка большие суммы было очень соблазнительно — особенно для крупных должников-дворян. Известно, что польский магнат Винцент Потоцкий⁵⁶³, чей долг перед иностранными кредиторами в 1797 году составлял 973 750 голландских гульденов, пробовал расплатиться с ними ссудой из Вспомогательного банка *«посредством займа... под заклад города Немирова и прочих*

⁵⁵⁹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13 доп. Л. 375–394.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 377, 408 об.

⁵⁶¹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13 об. Л. 394 об.

⁵⁶² РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 215. Л. 80.

⁵⁶³ Известно, что граф Винцент Потоцкий (1740–1825), коронный подкоморий (судья высшего хозяйственного суда Речи Посполитой) и генерал-лейтенант польской армии, занимал деньги у голландских банкирских домов. Его долг в составе долгов польских магнатов и короля в 1798 г. был гарантирован к выплате российским правительством (поскольку значительная часть территории Речи Посполитой по разделам 1772, 1793 и 1795 гг. отошла к Российской империи).

его деревень» в Подольской губернии⁵⁶⁴. Однако на предъявленное ходатайство не поступило разрешения А.Б. Куракина — по-видимому, даже он был шокирован суммой запрашиваемой ссуды.

Столкнувшись с тем, что билеты Вспомогательного банка не раскупались публикой даже по номиналу, правительство стало разменивать их из средств Ассигнационного банка. На эти цели с ноября 1798 года предполагалось ежегодно отпускать по 7 млн рублей. П.В. Завадовский предложил взимать за размен 5%-ную комиссию, а для удобства хождения в публике выпустить билеты в 200 рублей⁵⁶⁵.

В специально созданной «Разменной экспедиции» билеты разменивали три дня в неделю. В один из дней обслуживались привилегированные клиенты — те, кто приносил билеты на крупные суммы. В два другие дня принимали тех, кто приносил билеты номиналами от тысячи и менее рублей.

Размен шел без ограничения суммы. Помимо частных лиц билеты к размену представляли и казённые кредитные учреждения, например опекунские советы воспитательных домов, которые получали их за погашение своих кредитов. Известно, что только в ноябре — декабре 1798 года такие предъявления только со стороны Петербургского Воспитательного дома превысили 1 млн рублей⁵⁶⁶.

Уже та мысль, что государство, от имени которого билеты были выпущены, может взимать за их размен 5% от суммы, конечно, не повышала доверия к ним со стороны публики. Этот шаг имел только обратные последствия. Предъявления билетов со стороны публики превзошли все возможные ожидания. Для размена периодически не хватало денег. Так, в начале 1799 года только за три дня их было предъявлено на сумму свыше миллиона рублей⁵⁶⁷. Впрочем, первые жалобы на пустую кассу стали раздаваться уже в 1798 году. Как писал С.П. Румянцев П.В. Завадовскому (от 29 ноября 1798 г.), «отпущенные из особой правления Ассигнационного банка

⁵⁶⁴ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13 доп. Л. 130 — 130 об.

⁵⁶⁵ Там же. Л. 53.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 124.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 132–133.

экспедиции во Вспомогательный банк 2 млн рублей... после двух последних приемов оных билетов почти все уже употреблены на размен оных. А потому покорнейше прошу Ваше Сиятельство уведомить меня, сколько вновь и в какой именно день могут быть готовы суммы к отпуску из Ассигнационного банка во Вспомогательный на сие же употребление»⁵⁶⁸. П.В. Завадовский отвечал, что более 1 млн рублей Ассигнационный банк выделить не может, поскольку суммы для размена поступают из Заемного банка и казначейства — «следовательно, и отпуск их зависит будет от меры вступления оных в Ассигнационный банк»⁵⁶⁹.

В докладе царю, поданному в январе 1799 года, управляющий Вспомогательным банком Сергей Петрович Румянцев предложил сократить максимально разрешенную сумму выпуска билетов вдвое (до 50 млн рублей), а уже циркулировавшие билеты погашать не по срокам, а «по состоянию банка»⁵⁷⁰.

Однако при растущих финансовых затруднениях правительство не могло предоставлять банку все новые и новые средства. Ведь к концу 1799 года сумма выданных билетов исчислялась уже в 47 млн рублей. Эти суррогаты тяжким бременем лежали на денежном обращении страны. Правительство даже остановило проводившийся с начала 1798 года размен ассигнаций по биржевому курсу. Государство несло убытки из-за усиленной чеканки золотой и серебряной монеты, а эффект повышения курса ассигнаций был минимален. Он минимизировался большим количеством циркулировавших билетов Вспомогательного банка, которые искусственно увеличили бумажную денежную массу в стране.

В 1801 году пришедший к власти император Александр I признал существование Вспомогательного банка нецелесообразным. Его управляющий князь Гавриил Петрович Гагарин (который одновременно управлял и Заемным банком) «по схожести предмета» предлагал объединить Заемный и Вспомогательный банки, а точнее — присоединить второй к первому «в виде особой

⁵⁶⁸ Там же. Л. 121.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 122.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 76 об.

экспедиции»⁵⁷¹. По его мнению, билеты должны быть выкуплены, а сам Вспомогательный банк «не будет иметь другого дела, как только принимать проценты и капитал и производить расчеты с заемщиками своими»⁵⁷².

Похожего мнения придерживался и государственный казначей Алексей Иванович Васильев. 14 июля 1802 года он представил Государственному Совету доклад, в котором обосновывал необходимость присоединения Вспомогательного банка к Заемному в самое ближайшее время — «по причине той, что из 50 084 200 рублей, выпущенных билетами сего банка, 48 525 500 рублей возвращены уже разменом; а осталось в обращении не более, как 1 558 700 рублей, кои и долго могут еще обращаться, но содержать для них целый банк нет никакой нужды»⁵⁷³.

Указом от 19 июля 1802 года Вспомогательный банк был присоединен к Заемному под названием «Двадцатипятилетней экспедиции» (такое название было дано из-за 25-летнего срока погашения выданных банком ссуд)⁵⁷⁴. В отношении заемщиков она действовала на основании правил Вспомогательного банка, а с другими государственными учреждениями — от своего имени. 27 марта 1812 года Двадцатипятилетняя экспедиция полностью утратила самостоятельность, слившись с Заемным банком. С этого времени ипотечное кредитование дворянства осуществляли Заемный банк, Приказы общественного призрения и сохранные казны воспитательных домов.

Вспомогательный банк стал финансовым детищем короткой в истории страны Павловской эпохи. Он был создан на новых европейских идеях, главная из которых заключалась в самофинансировании банка за счет выпуска собственных же облигаций.

К сожалению, деятельность банка оказалась неудачной. Его ценные бумаги, выпущенные в огромных количествах, не

⁵⁷¹ РГИА. Ф.583. Оп. 4. Д. 215. Л. 10.

⁵⁷² Там же.

⁵⁷³ Архив Государственного Совета. Т. 3. Ч. 2. СПб., 1878. С. 681.

⁵⁷⁴ Печерин Я.И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904. С. 22.

нашли покупателя: в стране еще не существовало рынка ценных бумаг. Как и в более раннее время, европейский образец пытались переложить на русскую почву с ее совершенно отличными условиями. Не удивительно, что публика с недоверием встретила билеты и поспешила обменять их на ассигнации. Налицо были и допущенные ошибки финансового руководства страны. Билеты были выпущены в основном крупными номиналами, не удобными в сделках; первоначально рассчитанный лимит их выпуска был ошибочно завышен. Не исключено, что в лимите закладывалась примерная сумма, необходимая дворянам, а не реальные возможности рынка с покупательной способностью потенциальной публики. Государство еще раз подчеркивало свои дворянские приоритеты во внутренней политике страны. Очевидно, что с этим связаны и крупные номиналы билетов, которые не должны были выходить из дворянской среды.

Однако, несмотря на это, Вспомогательный банк стал самостоятельным явлением в банковской истории России. С ним связан выпуск в обращение внутри страны первых государственных ценных бумаг. Впоследствии этот опыт, одно время забытый, будет заимствован — вновь с европейских образцов. Идея создания в России ипотечных банков по образцу германских, основанных на принципе выпуска собственных закладных листов (которыми выдавались ссуды), обсуждалась на правительственной комиссии по земским банкам 1859–1862 годов. А уже в 1860–1870-е годы эта практика станет обычной для земельных банков с их закладными листами. И если в конце XVIII века «билеты» потерпели фиаско, то к началу XX века ценные бумаги земельных банков станут «привлекательными» объектами биржевой торговли и вложений состоятельной публики.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА IV.
УЧРЕЖДЕНИЯ
ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТА

ЗАЕМНЫЙ БАНК

В отличие от Дворянских и Вспомогательного банка Заемный банк (или Государственный Заемный банк) можно назвать «долгожителем»: рожденный в Екатерининскую эпоху, он пережил четырех императоров. Его создание стоит в прямой связи с обнародованными в 1785 году Жалованной грамотой дворянству и Жалованной грамотой городам, — пожалуй, самыми известными законодательными актами правления Екатерины II.

Согласно этим законам, дворянство и купечество получили различные привилегии. Дворяне были освобождены от обязательной службы, различных повинностей, были наделены правом владения и полного распоряжения земельной собственностью, деревнями, фабриками и заводами и пр. Купечество в зависимости от положения в гильдии имело право заниматься торговыми промыслами в России и за ее пределами; заводить предприятия и иметь торговые суда. Купцы, как и представители, цехов могли входить в городскую думу, которая заботилась *«о приращении городских доходов на пользу города»*⁵⁷⁵.

Государственный Заемный банк был образован на капиталах упраздненных дворянских банков и с момента своего основания находился в ведении императрицы и Сената. Устав Заемного банка был утвержден 23 декабря 1786 года. Его открытие предполагалось 1 июня 1787 года, — однако оно состоялось даже раньше, 11 января того года. Он разместился недалеко от Ассигнационного банка, в районе Екатерининского канала, Большой Мещанской улицы и Демидова переуллка (ныне пер. Гривцова).

По преемственности первым управляющим Заемным банком стал граф Петр Васильевич Завадовский (1738–1812), прежде возглавлявший Петербургский Дворянский банк. Этому сыну малороссийского дворянина, получившему образование священника, было суждено сделать в царствование Екатерины II блестящую карьеру. Он заявил о себе, еще находясь на службе у графа К.Г. Разумовского. Участник Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, Завадовский отличился в битвах при Ларге и Кагуле и был одним

⁵⁷⁵ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 5. М., 1987. С. 127.

Неизвестный художник. Портрет
графа П.В. Завадовского. Холст, масло.
74 × 60 см. Государственный Русский музей.
© Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург, 2016

из составителей текста Ключук-Кайнарджийского мира. В это время состоялось его сближение с одним из крупнейших вельмож того времени Петром Александровичем Румянцевым (Румянцевым-Задунайским, 1725–1796). Очевидно, как человек из его окружения он был представлен императрице Екатерине II и очень скоро стал ее фаворитом.

Середина 1770-х годов — пик восхождения этого способного временщика. Он был пожалован большими земельными владениями, высоким званием генерал-майора и чином кабинет-секретаря императрицы. *«Он был деловым человеком»*⁵⁷⁶, — вспоминал граф Александр Иванович Рибопьер. Секретарь саксонского посольства Георг фон Гельбиг писал о нем: *«Завадовский не обладал блестящим умом, но имел много здравого смысла и... очень хорошую способность — он не считал себя умнее, чем был. Он был очень силен в русском языке и мог изготавлять широковещательные манифесты и указы. Некоторые познания и обладание латинским языком дали ему славу ученого»*⁵⁷⁷.

В окружении Екатерины II ценили, как тогда говорили, *«пухлость слога»*⁵⁷⁸ П.В. Завадовского, в котором нарочитая витиеватость сочеталась с по-барочному пышным перечислением благодеяний императрицы. Ему доверили подготовить ряд важных правительственных документов, в том числе Манифест об издании Учреждения о губерниях 1775 года.

В 1777 году Екатерина II охладела к бывшему фавориту — во многом под влиянием интриг Г.А. Потемкина, соперника покровителя Завадовского П.А. Румянцева, который в свое время отказался признать законность воцарения императрицы.

Однако Завадовский не потерял чинов и званий, продолжая активно работать. Из бывших любовников императрицы только он и Г.А. Потемкин сделали государственную карьеру после окончания фавора. Завадовский возглавил комиссию по устройству народных училищ, руководил постройкой Исаакиевского собора в Петербурге,

⁵⁷⁶ Рибопьер А.И. Записки // Русский архив. 1877. Т. 1. Кн. 4. С. 480.

⁵⁷⁷ Гельбиг Г. фон. Русские избранники и случайные люди в XVIII в. // Русская старина. 1887. Апрель. С. 37.

⁵⁷⁸ Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1990. С. 114.

входил в комиссию по государственным долгам. В 1781–1786 годах бывший фаворит был управляющим Петербургским Дворянским банком. В 1794 году престарелая императрица даровала ему титул графа. К тому времени перечисление его чинов, должностей и наград занимало несколько строк в официальных документах.

Завадовский обещал укрепить государственные банки до того состояния, *«что процветают в европейских державах»*⁵⁷⁹. Получив должность «главного директора» (управляющего) Заемного банка, он привнес в это кредитное учреждение новшества, главное из которых заключалось в формировании нескольких фондов для покрытия убытков. Кроме того, он тщательно следил за аккуратностью составления банковской отчетности. Во времена его управления банком балансы составлялись регулярно, они отличались ясностью и четкостью.

Формально все внутренние вопросы Заемного банка решались в Правлении, куда помимо П.В. Завадовского входило пять советников, назначаемых императрицей. При Правлении находились экспедиции счетных дел и письмоводства. В банке, подчинявшемся решению Правления, всеми делами заведовали 12 директоров, двое из которых были избираемы из купечества.

Предполагалось, что новому банку будут предоставлены 22 млн рублей для выдачи ссуд дворянам и 11 млн рублей для кредитования городов. Оказать помощь планировали прежде всего портовым городам — Астрахани, Риге, Архангельску — на благо развития внешней торговли. Однако казна испытывала хронический дефицит из-за неурожая 1786–1787 годов, а также войн с Турцией, Швецией, разделов Польши. Он не позволил осуществить намеченные ассигнования. *«Отложенная на раздачу городам»* сумма существовала на бумаге — еще в 1790 году в нее не были возвращены позаимствованные правительством 6,16 млн рублей⁵⁸⁰.

Заемный банк был создан одновременно с реформированием Ассигнационного банка. Это совпадение не случайно. Граф

⁵⁷⁹⁵⁸⁰

ПСЗ. Собрание первое. Т. 22. № 16407. С. 623.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 28.: Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II / Ред. А.Н. Куломзин. СПб., 1880. С. 435.

А.П. Шувалов, возглавлявший первый российский эмиссионный банк, полагал, что Ассигнационный и Заемный банки будут проверять счета друг друга. Более того, в окружении Екатерины II высказывалась мысль об объединении этих учреждений. Ее активно поддерживал управляющий Заемным банком П.В. Завадовский, мечтавший стать руководителем обоих банков. Однако в связи с резким протестом А.П. Шувалова Екатерина II отказалась от этого плана и не стала торопить события.

Еще в процессе создания Заемного банка А.П. Шувалов считал, что Заемный банк принесет казне чистого дохода в 18,3 млн рублей. Его расчеты, не подтвердившиеся на практике, основывались на предположении, что весь оборотный капитал банка будет сразу выдан в ссуды, а погашение долгов и выплата процентов по ним будут производиться без промедления.

Несмотря на заявления о том, что новый банк будет кредитовать дворянство и города, очень быстро его деятельность приобрела черты банка, осуществлявшего ипотечное кредитование столичного дворянства. Манифест от 28 июня 1786 г., объявлявший о создании нового банка, определял его главной целью долгосрочное ипотечное кредитование под низкий процент. Эта мера была направлена прежде всего на представление дворянам дешевого кредита. В манифесте говорилось, чтобы «ни казна, ни кто-либо из частных людей во всем государстве при ссуде денег не взымали больше как пять процентов со ста и всяк корыстолюбец, избалованный в гнусной лихве, да накажется лишением всего своего капитала»⁵⁸¹.

Оборотные средства Заемного банка составились из сумм капиталов, в том числе переданного новому учреждению капитала Петербургского Дворянского банка (250 тыс. рублей). Одновременно в банк стали поступать и другие суммы: вклады генерал-прокурора А.А. Вяземского (185,2 тыс. рублей), гофмейстера И.П. Елагина (64,8 тыс. рублей)⁵⁸², а также разных учреждений — коллегий, капитулов орденов, Академии наук (на общую сумму 3,5 млн рублей).

⁵⁸¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. 22. № 16407. С. 616.

⁵⁸² РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 418. Л. 17а — 17а об.

Известно, что в банке находились счета Главной соляной конторы, Придворной конюшенной конторы, Второго кадетского корпуса, Синода, капитула ордена Св. Георгия, Московского университета⁵⁸³, Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей.

Эти вклады вносились без определенного срока хранения, до востребования, с выдачей банковских билетов на вложенные суммы (эти билеты могли ходить из рук в руки как векселя). По ним выплачивалось 4,5% годовых с условием, если суммы хранились в банке не менее года. Можно было положить вклад даже на три месяца — но без процентов.

Однако эти суммы выглядели крохами по сравнению с громадным депозитом Ассигнационного банка — 22,4 млн рублей⁵⁸⁴. Для Заемного банка это был бесценный ресурс, за пользование которым он не платил проценты. Вместо этого, оставаясь его главным кредитором еще в начале XIX века⁵⁸⁵, Ассигнационный банк принимал в залог под бумажные деньги золотую и серебряную монету на такую же сумму⁵⁸⁶.

Главной операцией Заемного банка стала выдача ипотечных ссуд с ежегодной уплатой 8% годовых (5% интереса и 3% — в уплату капитала). Жителям городов деньги могли выдать под залог домов и заводов сроком до 22 лет и на сумму не более 75% оценки недвижимого имущества.

Но наибольшее развитие в банке получил кредит под залог населенных имений, который выдавался на длительный срок — на 8 или на 20 лет. Он был определен с учетом опыта деятельности дворянских банков, где максимально ссуду разрешено было выплачивать до восьми лет. При этом нижний порог минимального размера ссуды по сравнению с дворянскими банками был увеличен вдвое

⁵⁸³ По императорскому указу от 16 октября 1786 г. из остатков сумм разных казенных организаций, находившихся «без употребления», на вклад Московского университета (31,3 тыс. руб.) было перечислено 568,7 тыс. руб. (ПСЗ. Т. 22. С. 684–685).

⁵⁸⁴ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 418. Л. 17а — 17а об.

⁵⁸⁵ Долг Заемного банка Ассигнационному банку к началу 1801 года определялся в сумме 15,22 млн рублей (РГИА. Ф. 585. Оп. 2. Д. 974. Л. 1).

⁵⁸⁶ Этот порядок упоминается, в частности, в письме Екатерины II П.В. Заводскому от 19 января 1796 г. (см.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 418. Л. 252 об.).

99

въ Правительствующій Сенатъ!

Отъ Правленія Государственнаго Заемнаго Банка.

З О Н О Ш Е Н І Е .

Съ Поднесеннаго Ея Императорскому-
Величеству общаго по оному Банку за 1793.^й
года Баланса, во исполненіе Высочайше издан-
наго, о Государственномъ Заемномъ Банке отъ
28.го Іюня 1786.го года Манифеста 34.го Сптактъи; сіе
Правленіе писемъ представляетъ Правитель-
ствующему Сенату таковой же Ея напаса-
таніа съ нѣско подобныхъ Спта Экземплярѡвъ; ко-
торые и проситъ по напасаганіи Госпадитъ
въ Правленіе Государственнаго Заемнаго Банка;
накакошій Конца и бѣмаи поппееное Коли-
тестство присемъ прилагается.

Редовъ Дубининъ
Михайло Добродольскій
Александръ Тихоновъ
Александръ Гитровъ

Прислать Мануэлю Маріу Розанову

№ 54.
Сената, 17.го Спта
1794.го года.

Виреторъ Андрей Сафоновъ

сентября 17 Спта 1794.

и составил 1000 рублей — главным образом во избежание неудобств в банковских расчетах⁵⁸⁷.

Желающий получить ссуду должен был представить на закладываемое имение свидетельство Палаты гражданского суда, удостоверявшее принадлежность имения заемщику, а также отсутствие на него исков, запрещений и казённых недоимок. При наличии таких документов ссуда выдавалась из расчета 40 руб. на каждую ревизскую душу, записанную за имением.

Заложенные в банк усадьбы не подвергались описи, взысканиям, казённым и частным искам. В случае если заемщик продавал имение другому лицу, покупатель должен был принять на себя все обязательства перед банком. С разрешения дворянской опеки брать кредит могли и опекуны малолетнего владельца (*«как бы сам владелец, буде польза и благосостояние малолетнего востребовали б того»*)⁵⁸⁸.

По истечении срока, если должник не погашал ссуду, имение переходило в распоряжение не банка (как было прежде в дворянских банках), а дворянской опеки, которая определяла опекунов для управления имением должника. Таким образом, в течение нескольких лет долг должен был погашаться за счет доходов с имения, а остаток от сборов — отдаваться владельцу (такой порядок был закреплён указом от 9 марта 1788 г.)⁵⁸⁹.

Служившие в Петербурге дворяне быстро оценили преимущества нового банка, и за первые полгода своей деятельности (к середине июля 1787 г.) он выдал 1042 восьмилетние ссуды на общую сумму 3,9 млн руб. и 1663 двадцатилетние ссуды на 22 млн руб. Заемщиками были заложены 669 тыс. ревизских душ, 31 дом, 33,75 лифляндских гаков⁵⁹⁰ и ситцевая фабрика⁵⁹¹.

Деньги выдавали займы по сложившейся традиции — в зависимости от чина и титула. Среди клиентов банка уже в то время

⁵⁸⁷ В 1824 году размер минимальной первоначальной ссуды из Заемного банка был увеличен до 1 500 рублей серебром и оставался таким вплоть до 1860 года.

⁵⁸⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. 22. № 16407. С. 619.

⁵⁸⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 54. Д. 4544. Л. 25.

⁵⁹⁰ Гак (от нем. *Naken* — соха), кадастровая мера, принятая в Прибалтике для оценки земельных угодий. В среднем один гак составлял порядка 10 га.

⁵⁹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 54. Д. 4544. Л. 17 об. — 18.

значились известные лица. Так, по собственноручной записке Екатерины II граф А.В. Суворов получил 250 тыс. рублей⁵⁹². На Заемный банк был переведен (в 1794 году) дворянский долг в 1,1 млн рублей из ведомства Екатеринославского губернатора М.В. Каховского. Этот долг образовался во второй половине 1780-х годов, когда «для учреждения... заемных банков» в рамках программы освоения Новороссии и Крыма Г.А. Потемкину было отпущено из Ассигнационного банка 3 млн рублей⁵⁹³.

Манифестом от 23 декабря 1786 г. для страхования вносимого в залог имущества при банке учредили Страховую экспедицию, или «страховой фонд». Его капитал был составлен из прибыли банка — так называемых «полупроцентных денег» в сумме 28,2 тыс. рублей. В страховой экспедиции страховались от огня каменные дома, заводы и фабрики. Впрочем, застраховать в конторе свое недвижимое имущество мог любой желающий.

Для покрытия возможных убытков при банке существовал и Экономический фонд, формировавшийся за счет банковской прибыли — по данным 1790 года в сумме 1 045 714 рублей⁵⁹⁴.

По сохранившимся с конца XVIII века балансам Заемного банка видно, что его активные операции выражались в цифрах более 30 млн рублей, причем сумма актива была больше суммы пассива. Дело в том, что «золотое правило» баланса, где актив равен пассиву, в XVIII веке не было общепринятым, хотя трактовалось как желательное. С другой стороны, такая ситуация говорила о долгосрочности выдаваемых банком ссуд и о накопившейся дворянской задолженности.

Многие дворяне расходовали деньги непроизводительно: значительные суммы уходили на предметы роскоши, празднества и балы. По признанию князя Михаила Михайловича Щербатова, расходы достигли «такой степени, что стали доходы превозвышать»⁵⁹⁵.

⁵⁹² Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 418. Л. 245 об.

⁵⁹³ Там же. Л. 312–314.

⁵⁹⁴ РГАДА. Ф. 284. Оп. 54. Д. 4543. Л. 184.

⁵⁹⁵ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1985. С. 76.

КАТЕ		Коп.
БАЛАНСЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО		
Банкъ КРЕДИТЪ или ЛИТЕРАТУРЪ.		
На ЗАЩИЩКАХЪ въ ОБРАЩЕНІИ:		
„ 87. Убиты, по прѣмънамъ обрѣдъ, съ платежнѣ по вѣ: процентовъ	57,485. 27	Р. 10.
„ ————— по вѣ: ————— по вѣ: —————	456. 60	Р. 10.
„ По высочайшимъ повелѣніямъ изъ процентовъ банковской на	10,441,707. 66	Р. 10.
гласной суммѣ	95,317. 60	Р. 10.
„ 207. Убиты изъ 22,000,000 рг: за капиталъ на первые семь летъ капи-	16,666,114	Р. 10.
тала и процентовъ, еще	7,813,250	Р. 10.
„ 227. Убиты изъ 22,000,000 рг: за тановоимъ капиталъ и про-	1,213,016	Р. 10.
центовъ, еще		Р. 10.
„ По переведеніямъ изъ Енисейскаго банка обязательствъ		Р. 10.
Итого на ЗАЩИЩКАХЪ	36,233,277	Р. 10.
На ЛИЦО къ 1795-го году состоящихъ	36,233,277	Р. 10.
Всего банкового 1795-го года по числу исчисленнаго ЛИТЕРАТУРЪ	36,233,277	Р. 10.
Изъ того Банкъ КРЕДИТЪ или ДОЛЖЕНЪ		Р. 10.
ПО СУММАМЪ.		Р. 10.
Банковому, съ начала его въ 1754-го году, изъ казны вложенной	250,000	Р. 10.
Процентной, по высочайшимъ повелѣніямъ въ займѣ обращенной	25,317	Р. 10.
Изъ Капитала Московскаго банка для дворянства переведенной	108,109	Р. 10.
Государственнаго, Ассигнаціоннаго банка, за отчисленіемъ въ войсковой чрезъ Сень-	25,727,230	Р. 10.
Антъ Капитала и Процентовъ, еще		Р. 10.
По высочайшимъ повелѣніямъ внесенной:		Р. 10.
„ Отъ Генералъ-прокурора Князя владимірскаго	455,833	Р. 10.
„ Отъ оберъ-гофмейстера Елагина	976	Р. 10.
„ Съ имени поименованаго Князя Сергія Кантемира, собранной	100,011	Р. 10.
„ Изъ сохранной Казны Доставленной	20,727	Р. 10.
„ Изъ доходовъ богородицкой и добровольной волостей положенной	101,611	Р. 10.
„ Изъ УРЕНДАЕМЫХЪ Университетовъ изъ разныхъ суммъ определенной	854,727	Р. 10.
Войскаго ордена сянгаго великомученика и Побѣдоносца Георгія	526,433	Р. 10.
Государственнаго Канцелярскіи Коллегіи	527	Р. 10.
Артиллерійскаго и Инженернаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса	54,109	Р. 10.
ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ	30,000	Р. 10.
ПРИДВОРНОЙ Конюшенной Канцеляріи	113,311	Р. 10.
УЧЕБНОЙ Сеникаріи, для урѣждаемыхъ училищъ	113,300	Р. 10.
Правнаго Потребнаго для Прислуженія	43,812	Р. 10.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАГО Государственнаго Правленія	7,227	Р. 10.
Принадлѣжающаго обществунаго Призрѣнія	700	Р. 10.
Запаснаго Провіантаго Магазіейна	32,350	Р. 10.
МОСКОВСКОЙ Казенной Палаты	44,227	Р. 10.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ Казенной Палаты	123	Р. 10.
СВЯТЫЙШАГО Правительствующаго Синода Печатнаго	30,000	Р. 10.
СЕРГІЕВСКОЙ Печати, что по Петербургской дорогѣ	2,500	Р. 10.
НОВОГОРОДСКОЙ Епархіи Кирилова белозерскаго Монастыря	400	Р. 10.
Частныхъ вкладчиковъ	43,235,566	Р. 10.
Итого по СУММАМЪ	55,557,044	Р. 10.

Уже в 1789 году Правление Заемного банка просило Сенат издать распоряжение о скорейшем возврате дворянских долгов⁵⁹⁶. А в 1804 году Государственный Совет разбирал вопрос о списании долгов, образовавшихся еще до 1786 года, то есть до реорганизации дворянских банков в Заемный банк⁵⁹⁷.

Дефицит денег в казне привел к тому, что привлеченные средства банка оказывались несоизмеримо меньшими по сравнению с запросом на кредиты. Ситуация усугублялась долгом в 11 млн рублей, доставшимся от безнадёжных заемщиков Петербургского Дворянского банка. Истощению кассовой наличности способствовали непомерно большие выдачи: только в 1795 году банком роздано в долгосрочные ссуды более 4 млн рублей⁵⁹⁸.

Между тем запросы дворянства росли, и касса Заемного банка не могла их удовлетворить. К тому же П.В. Завадовский, помня печальный опыт Петербургского Дворянского банка и обладая недюжинной сообразительностью, понимал, что прямая раздача банковских денег дворянам приведет к краху его учреждения. А на разные казённые надобности и по распоряжениям императрицы из банка периодически запрашивались все новые суммы.

Завадовский сделал ставку на ростовщиков, вести дела с которыми он, по-видимому, считал менее рискованным, так как они все же возвращали занятые деньги. Чиновники Заемного банка стали сетовать на пустую кассу, отсылая заемщиков к петербургским купцам-ростовщикам. Выдавая ссуды под 12% и 15%, они делились прибылью с крупными банковскими чиновниками и маклерами. Как писал Г.Р. Державин, *«купцы, маклеры и банковские служители имели свой корм; одни заёмщики терпели»*⁵⁹⁹.

Не гнушаясь участвовать в незаконных ростовщических операциях, Завадовский требовал себе жалование серебром,

⁵⁹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 54. Д. 4544. Л. 179 об.

⁵⁹⁷ Боровой С.Я. Кредит и банки в России: Середина XVII в. 1861 г. М., 1958. С. 112.

⁵⁹⁸ Там же. С. 65.

⁵⁹⁹ Державин Г.Р. Записки: 1743–1812. М., 2000. С. 181.

беспрепятственно без лажа обменивал на серебряные рубли ассигнации, благодаря чему накопил два сундука золотой и серебряной монеты⁶⁰⁰.

Подчиненные тоже не стеснялись воровать, и в 1795 году жена кассира Андрея Ивановича Кельберга, накупив на банковские деньги бриллианты, заказала украсить ими шпагу, которую через камердинера императрицы предложила купить для подарка... самой Екатерине II.

Заподозрив чрезмерное богатство кассирши, царица приказала провести ревизию в банке. Следствие обнаружило, что А.И. Кельберг украл из кладовых 590 тыс. рублей, положив в десяти тысячные пачки вместо ассигнаций простую бумагу.

Конечно, хищение крупных сумм вряд ли могло совершиться без высокого прикрытия. Более того, на следствии кассир заявил о П.В. Завадовском как о главном инициаторе кражи⁶⁰¹. Вырисовывалась неприятная, но столь знакомая картина взяток и подарков: директор А.В. Зайцев получил карету, другого директора, С.Р. Туманского, кассир по его прихоти снабжал деньгами, советнику И.М. Хатову достались бриллиантовые изделия.

После досконального обыска дома А.И. Кельберга было обнаружено лишь около 63 тыс. рублей, а в его усадьбе — около 37 тыс. рублей. Все остальное, признавался кассир, промотала жена.

Курировавший следствие генерал-прокурор А.Н. Самойлов вряд ли верил этим показаниям. А сенатор Г.Р. Державин однозначно считал главным вором П.В. Завадовского. С присущей ему прямоотой поэт-чиновник заявил, что вор — не кассир, а руководство банка, *«исполнением должностей своих подавшие ему к этому повод»*⁶⁰². Большая часть украденной суммы, по его мнению, была спрятана в сундуках управляющего, которые и вывезли из банка в день пропажи: *«А как императрица приказала взять с него объяснение, что это за сундуки и с каким были золотом и серебром,*

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Там же. С. 178.

⁶⁰² Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 442.

*то и отвечал он... что то был лом, золотые старые табакерки и всякая серебряная посуда, которые содержаны у него были для лучшего сохранения»*⁶⁰³.

Стали обнаруживаться и другие злоупотребления — так, ссуды выдавались ассигнациями, а в книгах выдачи сумм они записывались как выдачи на серебряные рубли.

Однако у П.В. Завадовского оказались сильные покровители: влиятельные малороссы канцлер А.А. Безбородко и его друг статс-секретарь Д.П. Троицкий. Екатерина II, ознакомившись с докладом комиссии, назвала Державина «следователем жестокосердым». В итоге было назначено новое следствие, и суровому наказанию подвергся только кассир. По приговору, вынесенному 30 сентября 1796 года, А.И. Кельберга и его сообщников должны были лишиться чинов, дворянства и сослать на каторжную работу. Кроме того, были уволены все советники Правления и директора Заемного банка.

Бывшего фаворита не тронули — несмотря на веские доказательства Г.Р. Державина, который с досадой вспоминал: *«Такое следствие — что ни денег, ни виновных не нашли — смешно было всякому, ибо кассир не мог невидимкою делать похищение»*⁶⁰⁴.

Восшедший на престол Павел I простил чиновников Заемного банка и повелел определить их на службу в другие государственные учреждения. Считая это дело сфабрикованным последним любовником матери графом П.А. Зубовым, он *«за напрасное претерпение»* пожаловал директору А.В. Зайцеву деревни. Только кассир с женой остались в роли козлов отпущения и сосланы на поселение в Сибирь.

А Завадовский тем временем не только сохранил чины и звания, но и получил новое давно желанное назначение: в 1798 году он стал управляющим Ассигнационным банком. Кроме того, ему была пожалована высшая награда павловского царствования — орден Св. Иоанна Иерусалимского.

⁶⁰³ Державин Г.Р. Записки: 1743–1812. М., 2000. С. 180.
⁶⁰⁴ Там же. С. 179.

Но после смерти А.А. Безбородко в 1799 году бывший екатерининский фаворит потерял свою главную опору в верхах. Стал распространяться слух, что он начал злоупотреблять спиртным, а потому «стал менее пригоден для дела»⁶⁰⁵. Тем временем алчность чиновников привела к очередной обнаружившейся краже в Ассигнационном банке. Несмотря на относительно небольшую сумму пропажи — 7 тысяч рублей — разгневанный Павел I снял Завадовского с занимаемых должностей (указом от 6 ноября 1799 г.) и выслал в поместье Ляличи, откуда ему запрещено было выезжать более чем за 10 верст⁶⁰⁶.

С приходом к власти Александра I фортуна вновь повернулась к Завадовскому. Он был обласкан и назначен на высокие должности, однако продолжения карьеры в казённых банках не состоялось. С выходом в отставку известного масона князя Гавриила Петровича Гагарина (1801 г.) место управляющего Заемным банком осталось вакантным, и с 1802 года по 1804 год им напрямую управлял министр финансов граф Алексей Иванович Васильев, после чего «управляющим по всем частям» туда был назначен Александр Семенович Хвостов, бывший бригадир⁶⁰⁷, известный переводчик и поэт.

Начало царствования Александра I считали возвращением золотого века Екатерины. Заемный банк сохранял характер дешевой дворянской кассы. А для помещиков заем стал привычной и необходимой операцией — к 1800 году они заложили в государственные кредитные установления, в том числе в Заемный банк, порядка 15% всех крепостных крестьян России⁶⁰⁸.

В их числе — видный сановник Александр Борисович Куракин (1852–1818), за свое богатство и страсть к роскоши прозванный «бриллиантовым князем»⁶⁰⁹. В 1803 году он занял в банке

⁶⁰⁵ Гельбиг Г. фон. Указ. соч. С. 37.

⁶⁰⁶ Указ от 6 ноября 1799 г. об отставке П.В. Завадовского опубликован: Русская старина. 1895. Октябрь. С. 128.

⁶⁰⁷ Бригадир — в российской армии XVIII века офицерское звание между полковником и генералом.

⁶⁰⁸ Подъяпольская Е.П. К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII ст. // Известия Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. Т. 3. Саратов, 1929. С. 4.

⁶⁰⁹ Приходился старшим братом известному государственному деятелю князю Алексею Борисовичу Куракину.

33 тысячи рублей. Кроме того, он должен был Вспомогательному банку для дворянства 126 тыс. рублей и Сохранной казне С.-Петербургского воспитательного дома 41 тыс. рублей⁶¹⁰. Долги вельможа решил отдать интересным образом: он освободил своих крестьян в Старобельском уезде Воронежской губернии (Белокуракинская вотчина), а за это они должны были в течение 25 лет (с 1805 года) заплатить громадную сумму в 1 100 000 рублей⁶¹¹. Благодаря придворным связям Куракин добился распоряжения царя о переводе долга на Казначейство. Это означало, что крестьяне должны были платить за барина не только по кредиту, но и внести причитавшуюся казне пошлину.

Понятно, что для *«вольных хлебопашцев»* это была астрономическая сумма, и в 1813 году они просили избавить их от уплаты пошлыны в 45 100 рублей (ссылаясь на указ от 28 октября 1808 года, по которому вольноотпущенники освобождались от уплаты госпошлыны). Министр финансов Д.А. Гурьев не решился пойти на уступку и посчитал, что дело должен рассматривать Сенат. В итоге крестьяне платили за прежнего хозяина-князя еще в 1826 году...⁶¹²

Сохранившиеся документы начала XIX века показывают, что Заемный банк существовал в это время не как самоокупаемое учреждение, а как государственное установление, требовавшее ежегодных денежных вливаний. Финансирование банка *«на платеж капитала и процентов»*⁶¹³ с 1800 по 1802 год планировалось в суммах от 380 тыс. до 519 тыс. рублей⁶¹⁴.

К тому времени Заемный банк исполнял отдельные поручения Императорского кабинета: по перечислению сумм за покупку Аничкова дворца в казну (совместно с Воспитательным домом),

⁶¹⁰ РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 120. Л. 3 об.

⁶¹¹ РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 120. Л. 57.

⁶¹² Там же. Л. 92.

⁶¹³ То есть на обслуживание вкладов.

⁶¹⁴ См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 45.: Финансовые документы царствования императора Александра I / Ред. А.Н. Куломзин. СПб., 1885. С. 85, 88, 95.

Во многом такое положение стало следствием несбалансированности актива с пассивом. Оно вело к тому, что вклады было нечем отдавать, так как привлеченные средства использовались на выдачу долгосрочных ссуд.

по платежу процентов государственных займов. А с конца XVIII века банк стал передавать на нужды казны свободные денежные средства. Так, в 1789 году на эти цели из банка заняли 320 тыс. рублей на 8 лет⁶¹⁵. Эта практика получила развитие и в дальнейшем. Чисто казённый характер учреждения банка подчеркивался и тем, что его прибыль централизованно поступала в казну.

Отличительными чертами Заемного банка, в начале XIX века влившегося в Министерство финансов, оставались долгосрочность кредитов и их слабый возврат. При этом с 1806 года он стал начислять по частным вкладам 5% (вместо прежних 4,5%), что еще более усугубляло проблему ликвидности. Однако попытка разрубить этот gordiev узел наталкивалась на противодействие высоких сановников. Так было, например, в 1812 году, когда на заседаниях Государственного Совета обсуждался вопрос о долгах дворян Заемному банку. В результате 2 апреля 1812 года был издан манифест, провозгласивший новые льготы дворянству. Все восьмилетние займы *«с которого бы года они учтены не были»*, пролонгировались на 12 лет считая с 1 января 1812 года. Уплата процентов по 20-летним займам должна была производиться по облегченным правилам 25-летнего займа Вспомогательного банка для дворянства, так как остатки этого банка под названием *«Двадцатипятилетней экспедиции»* были в том же году слиты с Заемным банком.

С началом военных действий новые выдачи ссуд дворянам прекратились, и все наличные средства банка должны были предоставляться казне для покрытия военных расходов, а после их окончания в 1815 году — для погашения сильно возросшего внешнего долга.

В 1821 году министр финансов Дмитрий Александрович Гурьев поддержал проект графа Якова Осиповича Ламберта о ликвидации Заемного банка для спасения дворянства *«от задолженности»*⁶¹⁶. Его капитал в 16 млн руб. предлагалось использовать

⁶¹⁵ Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1990. С. 170.

⁶¹⁶ Марней Л.П. Министр финансов и его ведомство. Д.А. Гурьев о финансах России начала XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 333.

на ссуды промышленникам и торговцам⁶¹⁷. Для подготовки к осуществлению этого проекта Гурьев провел кадровые изменения. В 1820 году управляющим Заемным банком становится его протеже граф Александр Иванович Рибопьер, бывший одновременно управляющим Коммерческим банком. Такое положение явно говорило о намерении Д.А. Гурьева слить оба банка в единое целое, точнее, подчинить ресурсы Заемного банка задачам развития «коммерции». В начале 1820-х годов Заемный банк уже выдавал ссуды большей частью фабрикантам. По словам министра финансов, *«поощрение нашей промышленности будет отныне... главным предметом, на который впредь имеют быть обращаемы собственные капиталы, банку сему принадлежащие»*⁶¹⁸.

Коммерческий банк был создан в рамках выработанной Д.А. Гурьевым программы, направленной на поддержку развития отечественной торговли и промышленности. В 1817 году при Министерстве финансов был учрежден Совет государственных кредитных установлений⁶¹⁹. Его считали преградой абсолютному единоначалию в банках, приводившему к многочисленным злоупотреблениям.

Эта проведенная Д.А. Гурьевым реформа государственных кредитных учреждений имела серьезные виды на будущее, однако в силу реалий российского дворянско-чиновничьего государства не привела к ожидаемым результатам. Ликвидация Заемного банка давала бы ощутимые преимущества сохранным казнам воспитательных домов, которые оставались, таким образом, единственными государственными ипотечными учреждениями. При дворе говорили о желании Гурьева угодить Григорию Ивановичу Вилламову, секретарю и доверенному человеку императрицы Марии Федоровны, в ведении которой находились казны⁶²⁰.

⁶¹⁷ Боровой С.Я. Указ. соч. С.159.

⁶¹⁸ Отчет государственных кредитных установлений за 1821 год. СПб., 1822. С. 15.

⁶¹⁹ Совет Государственных кредитных установлений учрежден на основании Манифеста от 7 мая 1817 года.

⁶²⁰ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 427.

Под давлением группы крупных чиновников, к которой присоединился любимец царя Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834), Д.А. Гурьев в 1823 году был вынужден оставить пост министра финансов. Его преемник Е.Ф. Канкрин подверг проект предшественника жесткой критике и в 1823 году — после 11-летнего перерыва — возобновил выдачу ипотечных ссуд из Заемного банка.

Четвертого июня 1824 года было опубликовано *«Положение об открытии вновь займов из Государственного Заемного банка»*, которое предусматривало выдачу ссуд на 8, 12 лет и 24 года. Ссуды на 12 лет и 24 года предоставлялись из расчета 8% годовых. Размер ссуды устанавливался от 5 тыс. до 500 тыс. руб. в зависимости от количества заложенных ревизских душ. Под одну душу предоставлялось 150–200 рублей ассигнациями в зависимости от класса губернии. К первому (высшему) классу помимо Петербургской и Московской губерний относились губернии центра Великороссии, Поволжья, а также правобережно-украинские — Киевская и Подольская. Все остальные губернии европейской части Российской империи были отнесены ко второму классу.

С этого времени объемы кредитования помещиков в Заемном банке непрерывно возрастали: с конца 1820 по конец 1859 года объемы выдач под поместья и городские дома увеличились с 9,7 млн рублей до 52,79 млн рублей, или более чем в 5 раз.

И это не случайно, учитывая новые послабления дворянам. С 1830 года срок пользования ссудами был увеличен. Кредиты под населенные имения выдавались на 26 и 37 лет (вместо прежних 24 лет), а под каменные дома в столицах — на 15 лет (вместо 12 лет). При этом сохранялась несовершенная, «нерыночная» оценка выдаваемой ссуды, пришедшая из XVIII века. В то время как в Германии и соседнем Царстве Польском за основу определения ее размера принималась доходность имения, в России она по-прежнему определялась стоимостью крепостного. *«Цена на человеческий товар, — писал маркиз де Кюстин, побывавший в России в 1839 году, — меняется в России так, как меняется у нас [во Франции] цена на землю в зависимости от того, как выгодно можно сбыть выращиваемые на ней плоды»*⁶²¹.

⁶²¹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. М., 2000. С. 187.

Манифест от 1 июля 1839 года, объявивший о начале денежной реформы, определил стоимость ревизской души уже «серебром»: от 45 до 75 рублей⁶²². Спустя два года, в 1841 году, губернии были поделены уже не на два, а на три разряда. Размер ссуд под душу устанавливался в губерниях первого разряда в 70 руб. серебром (вместо прежних 60 руб.), второго — 60 руб. (вместо прежних 45 руб.), третьего — 50 рублей⁶²³.

Этими ссудами пользовались в основном служившие в С.-Петербурге дворяне. По оценке современника, продать землю в России было трудно, и *«человек, отягощенный долгами и желающий их заплатить, кончает тем, что закладывает свои земли в имперский банк. Таким образом, император становится казначеем и кредитором всех русских дворян»*⁶²⁴.

Но дворянство в основном использовало значительную часть ипотечного кредита в традиции XVIII века — не как капитал для сельскохозяйственного производства, а как дешевые деньги для дорогих туалетов, оплаты карточных и иных долгов. Соседние прусские дворяне старались копить деньги, в то время как в России снисходительно смотрели на того, кто не тратил в полтора-два раза больше своего дохода.

Академик Андрей Карлович Шторх (1766–1835), читавший курс политэкономии для царских сыновей (в том числе, для будущего императора Николая I), впадал в противоречие, считая деятельность Заемного банка благотворной и в то же время высказываясь против «рабства» в России. По его мнению, оно порождало «роскошь непродуктивных услуг». *«В стране, где существует рабство, — писал он, — класс домашней прислуги бесконечно больше, чем это необходимо: дома богачей полны тунеядцев; то, что мог бы выполнить один человек, становится задачей пяти, десяти рабов; сильные руки, которые при другом порядке вещей могли трудиться, приговорены к бездействию*

⁶²² ПСЗ. Собрание второе. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12497. С. 601.

⁶²³ Если в губерниях первого разряда на душу приходилось более 5 десятин, второго — более 6 десятин, а третьего — более 7 десятин, то заемщику предоставлялось право получить дополнительно 10 руб. на душу.

⁶²⁴ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. М., 2000. С. 185–186.

Император Николай I. Литография
А.О. Мошарского. 1830-е годы. Музейно-
экспозиционный фонд Банка России

и потребляют вместо того, чтобы производить. Рабов держат для удобства; рабов держат для развлечения; рабов держат для роскоши. Такой хозяин имеет свою труппу комедиантов, музыкантов, шутов — подобно тому, как он содержит свору собак. Именно таким образом рабство ведет к наиболее худшему виду потребления, и это наблюдение подтверждается повсюду, где рабство существовало: в Древнем Риме и Персии, у европейцев и индусов, а также у нас в России»⁶²⁵.

Сохранение помещичьих порядков создало переплетение крепостных форм с нарождающейся буржуазией, которой правительство оказывало покровительство, разумеется, в определенных рамках. Но даже Коммерческий банк в силу недостаточно развитой промышленности не имел возможности полностью размещать кредитные ресурсы. Их остаток с 1824 года переводился в пассив Заемного банка. Если в конце 1820-х годов вклады Коммерческого банка составляли от 5 млн до 25 млн рублей (от 12 до 34% привлеченных средств Заемного банка), то в 1854–1857 годах они исчислялись в сумме 203–229 млн рублей и составляли 55–58% привлеченных средств Заемного банка. Таким образом, с течением времени Заемный банк, не имевший отделений ни в Москве, ни в провинции, все больше и больше формировал базу привлеченных средств за счет займов у Коммерческого банка⁶²⁶.

На протяжении первой половины XIX века вклады в Заемном банке постоянно увеличивались: с конца 1817 по конец 1859 года они возросли с 31,5 млн рублей до 317,8 млн рублей, или более чем в 10 раз⁶²⁷. Такая ситуация отражала слабый экономический рост⁶²⁸. Не следует забывать, что деньги на вкладах держало

⁶²⁵ Шторх А.К. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода. М., 2008. С. 570.

⁶²⁶ В значительно меньших объемах поступали в Заемный банк вкладные ресурсы петербургской сберегательной кассы и Петербургского приказа общественного призрения. Так, к концу 1857 года вклад Петербургского приказа общественного призрения и Ярославского дома призрения нищих составил 75,4 млн руб., или 18% суммы всех вкладов в Заемном банке. В это же время вклад Коммерческого банка составлял 229,4 млн рублей (56%) (Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. 1. СПб., 1872. С. 2).

⁶²⁷ Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. 1. СПб., 1872. С. 2.

⁶²⁸ Боровой С.Я. Указ. соч. С. 172.

немало чиновников и военных, в то время слабо проявлявших себя на ниве коммерции.

К сожалению, вкладная операция Заемного банка до сих пор не стала самостоятельным объектом изучения. Мы можем лишь уточнить по ней общие цифры на основании статистических данных, собранных еще к 1872 году известным историком и экономистом Илларионом Игнатьевичем Кауфманом⁶²⁹. Они базировались на отчетах Заемного банка, главные показатели которых публиковались в Отчетах государственных кредитных установлений. Согласно приведенным И.И. Кауфманом данным, помимо увеличивавшегося депозита Коммерческого банка значительные по суммам счета принадлежали государственным учреждениям, Приказу общественного призрения и Ярославскому дому призрения нищих, а также частным вкладчикам.

Вклады казённых учреждений с конца 1817 по конец 1859 года увеличились в четыре раза: с 8,6 до 34,9 млн рублей. Однако в связи с ростом вкладной базы Заемного банка процентное соотношение этих депозитов ко всей сумме вкладов не только не увеличивалось, но даже немного падало. Так, к концу 1820 года оно составляло 14%, на том же уровне держалось десять и двадцать лет спустя; к концу 1850 года снизилось до 12%, а к концу 1859 г. — до 11%.

Напротив, вклад Приказа общественного призрения и Ярославского дома призрения для нищих испытывал не только абсолютное, но и относительное увеличение. К концу 1826 года на их депозите впервые после нескольких лет оказалась сумма в 1,93 млн рублей, что составило лишь 4% от всех вкладов в Заемном банке. К концу 1859 года эта сумма увеличилась до 54,9 млн рублей, или до 17%.

Вклады частных лиц были вторым по объему вкладным ресурсом в пассиве Заемного банка. К концу 1817 года в банке находилось на 22,8 млн рублей частных вкладов. С течением времени общая сумма частных вкладов возрастала, достигая к концу 1830 года

⁶²⁹ Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. 1. СПб., 1872. С. 2.

33,4 млн рублей, к концу 1840 года — 39,89 млн рублей, а к концу 1850 года — 57,6 млн рублей. В процентном отношении к сумме вкладов их доля уменьшалась за счет роста громадного депозита Коммерческого банка. И если к концу 1817 года она составляла 72%, то к концу 1850 г. — 20%. В абсолютном выражении сумма частных вкладов начала уменьшаться с конца 1857 года в связи с охватившим страну грюндерским бумом и начавшимся оттоком вкладов из государственных кредитных установлений.

Таким образом, к концу 1850 года сложилась следующая пропорция во вкладах, находившихся в Заемном банке. 58% всей суммы вкладов (170,9 млн рублей) приходилось на депозит Коммерческого банка, 20% (57,6 млн рублей) — на вклады частных лиц, 12% (34,6 млн рублей) — на вклады казённых мест (государственных учреждений, 10% (25 млн рублей) — на депозиты Приказа общественного призрения и Ярославского дома призрения нищих⁶³⁰.

От частных лиц в Заемный банк поступали, как правило, небольшие сбережения — от нескольких рублей до нескольких тысяч (реже — десятков тысяч) рублей. Клиентура частных вкладчиков состояла из купцов, священников, но главным образом дворянства — военных и государственных чиновников. Среди них большие по суммам вклады в банке размещали мещане, а также некоторые титулованные дворяне. Так, в 1829–1831 годах петербургский мещанин Д. Свешников имел вклад на 40 тыс. рублей, коллежский советник А. Павлуцкий и его дочери в 1816–1832 годах — 50 тыс. рублей, граф К.А. Разумовский в 1826–1831 годах — 300 тыс. рублей⁶³¹. В основном же по числу доминировали частные вклады до 10 тыс. рублей.

Среди вкладчиков Заемного банка своим положением выделялись члены российской императорской фамилии. В банке имели счета наместник Царства Польского великий князь Константин Павлович (к 1832 году — более 210 тыс. рублей),

⁶³⁰
⁶³¹

Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. 1. СПб., 1872. С. 2.
РГИА. Ф. 585. Оп. 2. Д. 847, 858, 865.

Зимний дворец в Санкт-Петербурге.
Литография из книги «Собрание соро-
ка трех видов Санкт-Петербурга и окрест-
ностей», издание А. Плюшара. 1825 год.
Музейно-экспозиционный фонд Банка России

императрица Мария Александровна (в 1858 году — 15 тыс. рублей), великие князья, княгини и княжны⁶³². В 1846 году в Заемный банк был положен капитал в один миллион рублей серебром, предназначавшийся для супружеской четы: дочери Николая I великой княжны Ольги Николаевны и наследного принца Вюртембергского Карла. По условиям счета, с этой суммы великая княжна могла ежегодно снимать проценты, которые выражались в сумме 40 тысяч рублей (капитал был положен под 4% годовых)⁶³³.

Передаваемые из Коммерческого банка вклады и частные вклады самого Заемного банка оставались вкладами до востребования. Таким образом, они были нестабильным ресурсом, отлива которого всегда можно было опасаться. Обладая таким неустойчивым пассивом и одновременно долгосрочным активом, Заемному банку было затруднительно выплачивать по вкладам высокие проценты. Поэтому уже с 1 января 1830 года процент по частным вкладам был понижен до 4% (с 5%, которые были установлены в качестве нормы по вкладам с 1799 года)⁶³⁴.

Хотя по объемам кредитования дворянства Заемный банк не мог равняться с сохранными казнами воспитательных домов, по общим объемам кредитной и вкладной операции он превосходил приказы общественного призрения и Коммерческий банк. Кроме того, последние передавали туда часть своих кредитных ресурсов, которые использовались на кредитование государства и дворян.

По мнению министров финансов Ф.П. Вронченко и П.Ф. Брока, Заемный банк составлял *«постоянно вспомогательный источник для нужд Государственного казначейства, которое по мере надобности не только пользуется ежегодными прибылями оно, но и заимствует сами капиталы, в оном обращающиеся»*⁶³⁵. В правление

⁶³² РГИА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 279.

⁶³³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 469. Д. 51 (1846 г.). Л. 173 — 175 об.

⁶³⁴ В середине XIX века вклады в Заемном банке, а также в приказах общественного призрения принимались из 3%; на вклады казенных учреждений выплачивали 1½% годовых (за исключением некоторых учреждений).

⁶³⁵ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 262. Л. 8 — 8 об.

Тоновая литография по рисунку
В.Ф. Тимма (с оригинала Н.Е. Сверчкова
1853 года). Середина XIX века. Музейно-
экспозиционный фонд Банка России

1591-6 27 Июн 1846

(и. о. министра)

184

Особенная
Канцелярия
По Кредитной части
Отправил
Съезд 1

26го июня 1846.
№ 2431.

Съ притвореніемъ
копій съ образа сви-
дѣтельства Высочайшаго
Вѣдома:

и. о. о.

Господину Государственному
Канцлеру.

При относящейся Вашего Све-
дѣтельства отъ 25 сего июня, имѣю-
ще имѣть почтить копій съ статей
III, XI, XII, XIII, XIV, XV и прибав-
очной статьи брачнаго договора
Ее Императорскаго Высочества
Государыни Великой Княжны Свѣтлы
Николаевны съ Его Королевскими
Высочествами Наслѣдственными
Принцами Виртембергскими.

Какъ по содержанію III статьи
брачнаго договора, приданый ка-
питалъ Ее Высочества, состоя-
щій изъ десятиона рублѣй серебра,
назначенъ къ вносу въ Имперіальный

для обращения их процентов, посылу,
по вышеимъ примѣркамъ, имѣетъ
быть выдано Императоръ Банкомъ, выв-
сто билетовъ, особое свидѣтельство, съ
правомъ изъясненнаго поименно процентовъ
быть предъявленіе оного.

Припроездѣ при сего копію съ
образца такового свидѣтельства, покор-
нѣйше прошу Васъ, Императоръ Го-
сударь, если, нахъ-качаний, признаете
за нужное въ ономъ что либо примѣнить,
предупредить меня о томъ, сколь
можно, за благовремѣнно, до говоримнаго
бракосочтания.

Министръ Финансовъ Ф. П. Вронченко

Директоръ И. В. Тамаринъ

Письмо министра финансов Ф.П. Врон-
ченко государственному канцлеру
К.В. Нессельроде о «приданном капитале»
великой княжны Ольги Николаевны,
положенном в Заемный банк, 1846 год.
Архив внешней политики Российской империи

Николая I такие выдачи стали основной формой внутреннего государственного долга. Уже в 1828–1829 годах правительство заняло из Заемного банка 21,1 млн рублей, а к 1839 году задолжало уже 54,8 млн рублей⁶³⁶. Полученные средства наполняли бюджет⁶³⁷.

Таким образом, Заемный банк развивался как крупнейший и, можно сказать, главный государственный банк империи. По распространенной тогда практике его управляющими нередко становились бывшие чиновники, военные или дипломаты, как правило не имевшие глубоких знаний в банковском деле. Известно, поэт Петр Андреевич Вяземский, ставший в 1846 году управляющим Заемным банком, осмелился возразить министру финансов Федору Павловичу Вронченко, говоря, что это назначение «менее всего соответствует моим способностям, привычкам etc...»⁶³⁸ У меня нет никакой способности к положительному делопроизводству; счета, бухгалтерия, цифры для меня — тарабарская грамота, от коей кружится голова»⁶³⁹. Но Вронченко не принял возражений; по словам Вяземского, «меня герметически закупоривают в банке и говорят: «Дыши, действуй»⁶⁴⁰.

Поэта тяготили обычаи петербургской бюрократии — канцелярская волокита, преклонение перед начальством — и он признавался: «У нас деловому человеку нужно иметь ум, но нужно иметь и некоторый запас глупости, тяжести: это необходимый балласт, который придает судну правильный и успешный ход»⁶⁴¹.

Поскольку к середине XIX века объемы кредитования дворянства петербургской и московской сохранными казнами существенно превосходили аналогичный показатель Заемного банка, в целях создания единого ипотечного банка в 1849 году по указанию императора рассматривался вопрос об их слиянии. Для

⁶³⁶ Министерство финансов: 1802–1902. СПб., 1902. С. 227–228.

⁶³⁷ Примечательно, что Заемный банк по указанию свыше занимался финансированием и не совсем привычных объектов. Так, в 1846 году он выделил 60 тысяч рублей для устройства памятника в Полоцке «из свободных сумм Министерства финансов». Из этих же сумм сооружались почтовые конторы в Малороссии (РГИА. Ф. 585. Оп. 2. Д. 39).

⁶³⁸ Ets. — сокращение от лат. *et cetera* (и прочее, и так далее).

⁶³⁹ Вяземский П.А. Записные книжки / Сост. Д.П. Ивинский. М., 1992. С. 251.

⁶⁴⁰ Там же. С. 251.

⁶⁴¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 4. СПб., 1899. С. 305–306.

838.

ПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЗАЕМНОГО БАНКА.

КАНЦЕЛЯРИЯ.

Отдѣленіе 3
Столъ 5

7 Февраля 1838.

№ 225.

Санктпетербургъ.

По Высочайшему
повелѣнію.

Вклады, вносимые въ Банковья Установленія на вѣчное или опредѣленное время.

7 февраля 1838. 57
Въ именномъ
Занесено о семъ въ Журналъ
Государственному Заемному Банку.

Съ науреннаго предложенія С. Министра Финансовъ отъ 7 числа сего Февраля за № 56, съ изъясненіемъ вполнѣ Высочайше утвержденнаго 22 Января сего года Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, касательно вкладовъ, вносимыхъ въ Банковья Установленія на вѣчное или опредѣленное время, Правленіе приступило къ приложенію въ Государственный Великій Банкъ сеню, предписываетъ оному, чтобы въ случаѣ вноса капиталовъ на опредѣленный срокъ или на вѣчное время, принимая оныя, не выдавая бумагъ, представить предварительно Правленію на разсмотрѣніе относительнаго вѣдомства въ числѣ вѣдомствъ на счетъ возврата капитала и платежа процентовъ.

Совѣтникъ М. Скурдвессъ.

этого был образован секретный комитет под председательством принца Петра Георгиевича Ольденбургского, куда также вошли министр финансов Федор Павлович Вронченко, статс-секретарь по делам учреждений императрицы Марии Андрей Логгинович Гофман и почетный опекун Петербургской сохранной казны Сергей Степанович Ланской⁶⁴².

Работу комиссии направлял император. Собственноручная резолюция Николая I на ведомости о капиталах Министерства внутренних дел от 6 ноября 1852 г. гласила: *«Пора бы слить с банками в один состав. Сообразить»*⁶⁴³.

Подробные материалы этих обсуждений, отложившиеся в архиве Кредитной канцелярии, не сохранились. Согласно исследователю Якову Ивановичу Печерину, работавшему с этими документами на рубеже XIX–XX веков, предлагалось не только слить Заемный банк с казнами в единый «Земский банк», но и передать ему приказы общественного призрения (предварительно передав их из Министерства внутренних дел в Министерство финансов). Император считал возможным создать из них конторы или отделения предполагаемого банка в губерниях⁶⁴⁴. Он также пожелал, чтобы *«закладные листы, или обязательства, которые будут оными выдаваемы, принимались во все платежи, как то подати и т.п., и вообще имели хождение наравне с наличными деньгами, или кредитными билетами»*⁶⁴⁵.

Вскоре обсуждение этого вопроса было отложено из-за разразившейся Крымской войны. В 1856 году к нему вернулись вновь, но он так и остался нерешенным...

Затраты на Крымскую войну 1853–1856 годов подстегнули правительство делать новые заимствования в Заемном банке. Они составили почти 58 млн рублей, или 70% таких переданных сумм из всех ипотечных казённых кредитных установлений. При

⁶⁴² РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 262. Л. 4 об.

⁶⁴³ Печерин Я.И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904. С. 11–12.

⁶⁴⁴ Там же.

⁶⁴⁵ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 262. Л. 5.

этом более 41 млн рублей было выделено «на покрытие военных расходов»⁶⁴⁶. В последние годы деятельности Заемного банка кредиты правительству, проходившие по балансам как «ссуды по Высочайшему повелению», составляли порядка 86% от объемов ссудной операции⁶⁴⁷.

Несбалансированность долгосрочного актива с пассивом стала причиной кризиса казённых банков и вынудило правительство принять решение по их ликвидации. Еще 26 декабря 1858 года Министерство финансов распорядилось принять меры к сокращению выдаваемых ипотечных ссуд, а по императорскому указу от 16 апреля 1859 года кредиты под населенные имения и вовсе перестали выдавать⁶⁴⁸. Спустя год, 31 мая 1860 года, Заемный банк был ликвидирован, а его дела переданы санкт-петербургской Сохранной казне. По остаточному балансу он вместе с суммой основного капитала (15,21 млн рублей) передавал недавно созданному Государственному банку обязательств на 94,46 млн рублей. В то же время огромная сумма вкладов — 230,70 млн рублей — была списана «при ликвидации счетов Заемного и Коммерческого банков» или переведена в 4%-ные и 5%-ные непрерывно-доходные билеты⁶⁴⁹.

⁶⁴⁶ См.: РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 329. Л. 7 — 17 об.

⁶⁴⁷ Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. I. СПб., 1872. С. 3.

⁶⁴⁸ Морозан В.В. История банковского дела в России. СПб., 2001. С. 233.

⁶⁴⁹ Отчет государственных кредитных установлений за 1860 г. СПб., 1863. С. 6.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА IV.
УЧРЕЖДЕНИЯ
ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТА

БАНКОВСКИЕ
ОПЕРАЦИИ
СОХРАННЫХ КАЗЕН
ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ
ДОМОВ И ПРИКАЗОВ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ПРИЗРЕНИЯ

В истории первых российских кредитных учреждений выделяются общественные и благотворительные организации, получившие право вести банковские операции. Среди них большое значение имели сохранные казны воспитательных домов и приказы общественного призрения.

Своим появлением казны были обязаны Московскому Воспитательному дому, учрежденному на основании манифеста от 1 июля 1763 года. Это было детище века Просвещения, воплощение идей выдающихся мыслителей того времени: Шарля-Луи Монтескье и Жан-Жака Руссо. Целью Воспитательного дома было формирование «нового человека», решение проблемы брошенных и подкинутых детей, которая была бичом России в XVIII веке⁶⁵⁰. Незаконнорожденным детям и сиротам давали хорошее воспитание и пытались сформировать из них так называемый «третий чин», из которого выходили ремесленники, промышленники и купцы⁶⁵¹. Выпускники Воспитательного дома становились вольными людьми, получали право свободно заниматься промыслами, заводить предприятия.

Идея такого приюта в России принадлежала влиятельному вельможе Ивану Ивановичу Бецкому (1704–1795)⁶⁵². Совершив путешествие по Европе (в 1756 г.), он изучил опыт подобных домов во Франции, Германии, Голландии и Италии, в том числе и первого государственного учреждения подобного рода, основанного в Париже еще в 1638 году⁶⁵³.

В день рождения императрицы Екатерины II, 21 апреля 1764 года, на берегу Москвы-реки, недалеко от Кремля, состоялась

⁶⁵⁰ См.: Краткий исторический очерк императорского Московского Воспитательного дома / Сост. В. Красуский. М., 1878. С. 6–7.

⁶⁵¹ Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2001. С. 106.

⁶⁵² Бецкой (Бецкий) Иван Иванович (1704–1795), генерал-адъютант (1730), камергер при великом князе Петре Федоровиче (1741–1747). С 1763 г. — президент Академии художеств. Основатель Института благородных девиц (Смольный институт, 1764 г.) и Воспитательного дома (1772 г.) в Петербурге.

⁶⁵³ Бецкой ощущал эту проблему глубже, чем многие представители знати. Он сам был бастардом; родился в Швеции, где в плену был его отец.

закладка каменного здания Воспитательного дома⁶⁵⁴. Для того времени это был один из самых дорогостоящих строительных проектов в Первопрестольной: архитектор Карл Иванович Бланк оценил затраты в огромную по тем временам сумму полмиллиона рублей⁶⁵⁵.

Несмотря на то что Московскому Воспитательному дому было предоставлено право использовать на благотворительную деятельность ряд оброчных казённых статей⁶⁵⁶, эти средства не покрывали всех затрат. Поэтому с самого начала большая надежда возлагалась на пожертвования.

Для организации поступления взносов и для управления деятельностью Воспитательного дома был образован Опекунский совет, состоявший из крупных жертвователей⁶⁵⁷. Пример подала сама императрица, единовременно передавшая на нужды нового заведения 100 тыс. рублей и велевшая ежегодно отчислять ему по 50 тыс. рублей из собственных, так называемых «комнатных сумм». Всего же Екатерина II за тридцать с лишним лет правления передала дому до миллиона рублей.

Ее сын Павел I выделял на дом средства, еще будучи наследником престола. Ежегодно даримые им суммы составляли 20 тыс. рублей. Всего же Павел Петрович перечислил на нужды учреждения более полумиллиона рублей⁶⁵⁸.

Последовать этому примеру призывал Михаил Васильевич Ломоносов, который в 1763 г. сочинил для устава Воспитательного дома стихотворную надпись: *«Внемлите важности*

⁶⁵⁴ Предполагают, что автором проекта здания был Ю.М. Фельтен. Однако в процессе строительства, которое в 1764–1767 гг. велось под руководством архитектора К.И. Бланка, проект был существенно скорректирован.
⁶⁵⁵ Шереметевский П.В. История основания и открытия Московского Воспитательного дома. М., 1836. С. 12.

⁶⁵⁶ В пользу Московского Воспитательного дома поступала четверть сбора с «публичных позорищ», как тогда называли комедии и оперы, а также с балов и азартных игр.

⁶⁵⁷ Первоначально Опекунский совет состоял из 6 опекунов, число которых было впоследствии сокращено до четырех. Решения совета утверждал его руководитель — «главный попечитель», выбиравшийся из сановников, приближенных к царю.

⁶⁵⁸ Миллер Н.Ф. Из прошлого Московского Воспитательного дома. М., 1893. С. 16.

монаршьего примера / Екатерина вас предводит к чести сей, / Спешите щедростью как верностью за ней»⁶⁵⁹.

Сановники и богачи в общей сложности дали дому около 2 млн рублей⁶⁶⁰. Все перечисленные суммы вошли в основной капитал Воспитательного дома, на проценты с которого покрывались расходы по его содержанию. Поступавшие частями, они вносились на специальный счет в Московский Дворянский банк. Примечательно, что снятие с него денег происходило по первому требованию — в отличие от общего действовавшего в банке порядка, когда клиентов обслуживали по очереди. Подобной протекцией здесь пользовались немногие вельможи и учреждения — такие, например, как Московский университет.

Из частных лиц (не считая представителей императорской семьи) больше всех пожертвовал заводчик Прокофий Акинфович Демидов (1710–1786). В 1768 году он предоставил Опекунскому совету взыскать по векселям с князя Оболенского причитающуюся ему сумму⁶⁶¹. За оказанную услугу Демидов пожертвовал в пользу сирот 3% со всего долга. Спустя шесть лет, в 1774 году, он дал 100 тыс. рублей на достройку каменного здания Воспитательного дома в Москве.

С учреждением дома в Москве у И.И. Бецкого возникла идея открыть его филиал в С.-Петербурге. В 1763 году он писал, что «рассудилось ему под ведомством Московского Воспитательного дома учредить в С.-Петербурге для принятия и воспитания младенцев особый дом, из которого по прошествии двух-трех лет и более [сироты] в московский дом направляемы будут»⁶⁶². Эта идея была воплощена в жизнь в 1770 году, когда отделение Московского Воспитательного дома появилось в Северной столице. Спустя два года, в 1772 году, оно получило статус самостоятельного учреждения под названием Петербургского Воспитательного дома, с собственным Опекунским

⁶⁵⁹ Ломоносов М.В. Сочинения / Под ред. А.И. Введенского. СПб., 1893. С. 177.

⁶⁶⁰ Миллер Н.Ф. Указ. соч. С. 16.

⁶⁶¹ Пятковский А.П. Питомцам Императорского Санкт-Петербургского Воспитательного дома в воспоминание 100-летнего юбилея этого заведения. СПб., 1873. С. 43.

⁶⁶² Цитата приведена по изданию: Материалы для истории Императорского Санкт-Петербургского Воспитательного дома / Сост. Ф.А. Таратыгин. СПб., 1878. С. 1.

Портрет Ивана Ивановича Бецкого. Гравюра (меццо-тинто) А.Х. Радига с оригинала А. Рослина. 1794 год. 52 × 37,5 см. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фотограф П.С. Демидов. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2016

советом. По сообщению литератора и переводчика И.-Г. Георги, П.А. Демидов подарил «на учреждение оно́го» 20 тыс. рублей⁶⁶³.

Еще в XIX веке Петербургский Воспитательный дом называли «младшим братом московского»⁶⁶⁴. В 1770 году Екатерина II пожаловала ему здание Запасного смольного двора (близ Смольного монастыря), а спустя несколько лет он переехал в тогдашний центр Северной столицы, в специально для него построенное и отделанное здание⁶⁶⁵.

⁶⁶³ Георги И.-Г. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оно́го. Часть II. СПб., 1794. С. 308.

⁶⁶⁴ Пятковский А.П. Питомцам Императорского Санкт-Петербургского Воспитательного дома в воспоминание 100-летнего юбилея этого заведения. СПб., 1873. С. 51.

⁶⁶⁵ Из-за отдаленного положения Запасного смольного двора от тогдашнего центра С.-Петербурга в 1779 году дом был переведен в специально отстроенное (арх. Ю. Фельтен) здание на Миллионной улице. Почти через двадцать лет, в 1797 году, Петербургской Воспитательный дом обособился в бывшем дворце графа К.Г. Разумовского на Мойке, где находился до своего упразднения в начале 1918 года (ныне это здание по адресу: С.-Петербург, набережная реки Мойки, 48, — занимает Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена).

Вид на здание Воспитательного дома
в Москве. Гравюра из книги Жана-Мари
Шопена 'Russie', изданной в Париже
в 1838 году

Известия о том, что сильные мира сего озолотили воспитательные дома, сразу же проникли в дворянскую среду. В 1771 году князь Петр Иванович Репнин (1718–1778), нуждаясь в деньгах, просил займы у Опекунского совета 50 тыс. рублей под залог своего имения в 2000 душ крепостных. Эта операция ранее не практиковалась в Воспитательном доме; к тому же в его кассе оказалось наличными лишь 10 тыс. рублей. Тем не менее остальную сумму главный попечитель дома выдал из собственных, принадлежавших ему денег. Эти средства были выданы заимообразно, из 6% годовых, и стали первым кредитом Воспитательного дома в Петербурге⁶⁶⁶.

За П.И. Репниным последовали и другие желающие взять ссуду. На подобные факты обратил внимание И.И. Бецкой, который выступил с инициативой легализовать подобные операции (считается, что эту идею подбросил ему П.А. Демидов)⁶⁶⁷. В итоге

⁶⁶⁶ Материалы для истории Императорского Санкт-Петербургского Воспитательного дома / Сост. Ф.А. Тарапыгин. СПб., 1878. С. 4.

⁶⁶⁷ Миллер Н.Ф. Из прошлого Московского Воспитательного дома. М., 1893. С. 60.

Пеликан, вскармливающий птенцов, — эмблема Московского и Санкт-Петербургского Воспитательных домов.

Рисунок С.И. Ягужинского. Из книги «Московское коммерческое училище. Сто лет жизни» (издана в Москве в 1904 году)

было принято решение создать при воспитательных домах нечто вроде ломбарда и банка: ссудные и сохранные казны, которые были учреждены по манифесту от 20 ноября 1772 г. в Москве и Петербурге⁶⁶⁸.

По мысли И.И. Бецкого, который лично представил Екатерине II записку о создании казен, они должны были защитить вдов и сирот от ростовщиков⁶⁶⁹. Но в действительности новые учреждения стали кассами для поддержки привилегированного сословия. Располагая солидными суммами и предоставляя дешевый кредит, они дополняли дворянские банки, ресурсы которых к тому времени были исчерпаны.

Первого мая 1775 года начала свои операции Сохранная казна в Москве (с капиталом более 307 тысяч рублей)⁶⁷⁰. О том, насколько велика была потребность в кредите, говорило то, что со временем сохранные и ссудные казны стали самыми большими статьями дохода воспитательных домов⁶⁷¹. Их услугами нередко пользовались крупные вельможи: князь Г.А. Потемкин, граф Р.И. Воронцов, один из богатейших помещиков России П.Б. Шереметев и др. Не случайно уже в первые годы деятельности казен в Москве стали роптать, что капиталы, предназначенные для помощи неимущим, «источались на прихоти богатых»⁶⁷².

Если ссудные казны выдавали кредиты под залог драгоценностей, то сохранные — под заклад имений, домов и фабрик. Кроме этого (в отличие от ссудных казен), сохранные казны принимали вклады. Здесь публика могла «верно и безопасно» сохранять капиталы, драгоценности и сбережения от пожаров, краж и грабежа. Достаточно сказать, что с конца XVIII века и до открытия 5 апреля 1842 года первой сберегательной кассы в Москве

⁶⁶⁸ Каждую из казен возглавлял почетный опекун, состоявший членом Опекунского совета Воспитательного дома.

⁶⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 54. Д. 423. Л. 2.; Морозан В.В. Указ. соч. С. 107.

⁶⁷⁰ Филимонов Д.Д. Кредитные учреждения Московского Воспитательного дома // Русский архив. 1876. Кн. I. С. 267.

⁶⁷¹ Только по Московскому Воспитательному дому в последней трети XVIII века сохранная и ссудная казны ежегодно приносили до 10 тыс. рублей дохода (Миллер Н.Ф. Из прошлого Московского Воспитательного дома. М., 1893. С. 65).

⁶⁷² Филимонов Д.Д. Указ. соч. С. 44.

здешняя Сохранная казна была единственным учреждением, принимавшим вклады в Первопрестольной. Но если в сберегательную кассу несли в основном мелкие сбережения (от 50 коп. до 25 руб. за один раз), то в сохранных казнах хранились вклады состоятельной публики. Кроме того, сохранные казны переводили деньги — из ничтожной даже по современным меркам комиссии в $\frac{1}{4}$ процента⁶⁷³.

Ипотечные кредиты сохранные казны выдавали обычно в небольших суммах (до 5 тыс. руб.) из 6% годовых. Предельный срок погашения ссуды, первоначально определенный в 10 лет, в 1775 году был сокращен до 5 лет (при этом обычным сроком погашения считали 1–2 года). Спустя десять лет (в 1785 году) условия выдачи кредитов были облегчены: тысяча рублей стала выдаваться под залог 30 «ревизских» душ крепостных (а не 50 душ,

⁶⁷³ Собрание правил Сохранной и Ссудной казны при Московском и Санкт-Петербургском Императорских Воспитательных домах. СПб., 1847. С. 8 — 9.

как прежде) в великорусских губерниях, а годовая процентная ставка снижена до 5%. Если залогом были дома и фабрики, то размер ссуды определялся от 50% (строения без земли) до 67% (строения с землей) размера его оценки. При этом стало нормой, что 1–2% от суммы кредита заемщик вносил в виде «добровольного» пожертвования на благотворительные цели.

Кредиты открывали после удовлетворения соответствующих заявлений (как их тогда называли — «объявлений»). Они подписывались потенциальным заемщиком и служили своего рода закладной или обязательством, в котором описывалось «в точности именование, ...в залог представляемое»⁶⁷⁴.

Размеры ссудной операции зависели от состояния кассы, которая отражала объемы привлеченных средств. Они состояли из вкладов чиновников и вельмож, которые в конце XVIII века

⁶⁷⁴ Собрание правил Сохранной и Ссудной казны при Московском и Санкт-Петербургском Императорских Воспитательных домах. СПб., 1847. С. 34.

сильно возросли — главным образом из-за почти монопольного положения сохранных казен как депозитных банков. Только в петербургской Сохранной казне за семь лет (с 1781 года по 1787 год) вклады увеличились почти в два раза: с 4,7 млн руб. до 8,6 млн рублей. А в Москве за десятилетие, с 1783 года по 1793 год, приносимые на хранение в банк суммы возросли с 3,2 до 8,2 млн рублей⁶⁷⁵.

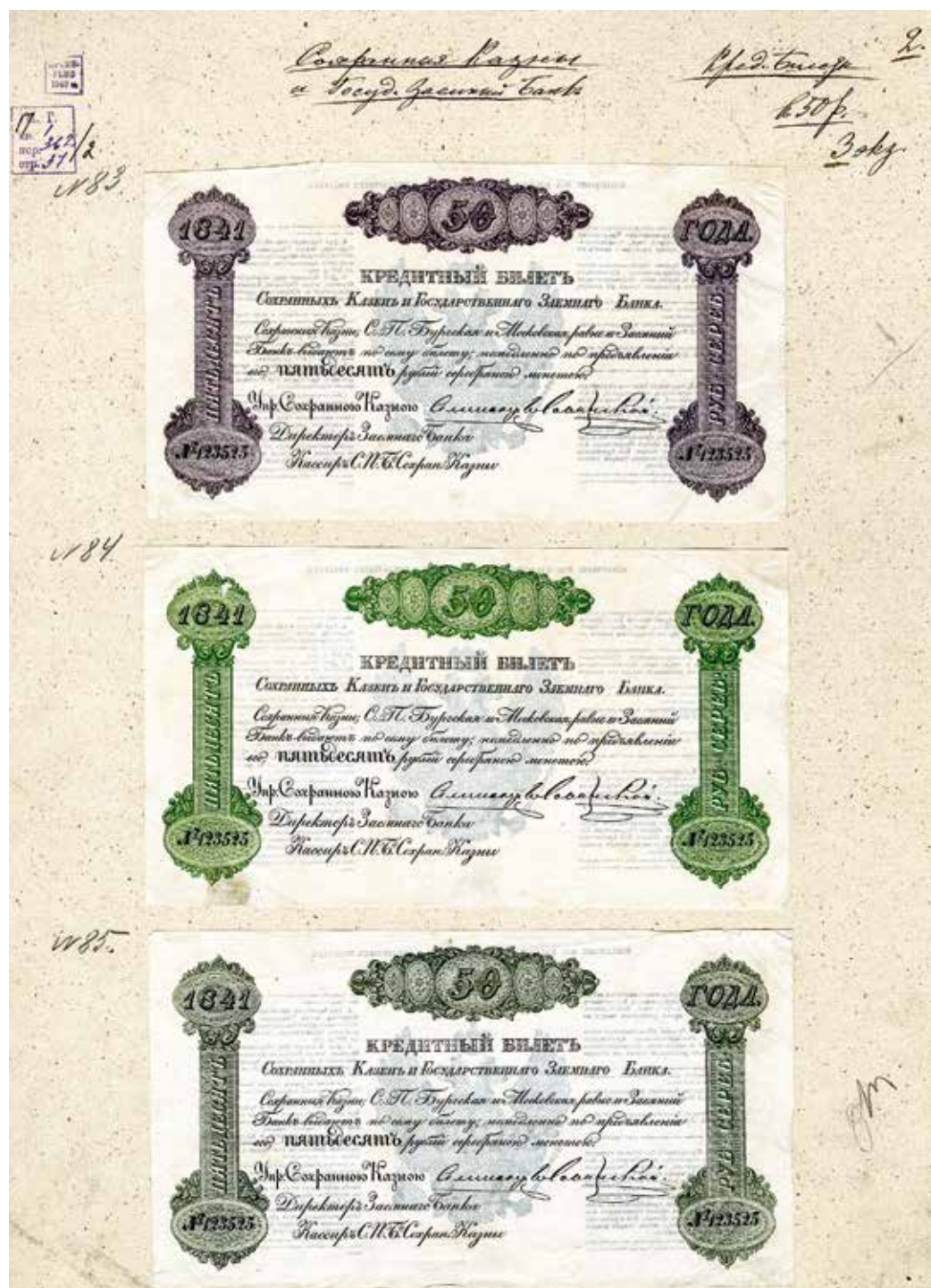
Вклады в сохранных казнах разделялись на срочные и бессрочные. Срочные депозиты принимались на срок от полугода⁶⁷⁶, но наиболее устойчивым ресурсом оставались так называемые «вечные вклады». Эти капиталы — своего рода фонды, внесенные на бессрочное хранение, принимались немалыми суммами — обычно от 500 рублей, что в то время составляло примерно двухгодичное жалование среднего банковского чиновника. На вложенную сумму клиент получал билет Сохранной казны («по высочайше утвержденной форме», на «особенно для того сделанной бумаге», с подписями чиновников), по предъявлении которого ему выплачивались годовые проценты. Такие билеты, обменивавшиеся на ассигнации и принимавшиеся в казённые платежи, с 1798 года брали в залог ссудные казны воспитательных домов, а с 1824 года — Государственный Коммерческий банк и его Московская контора.

Практически одновременно с казнами воспитательных домов в 1775 году в рамках проводимой губернской реформы в каждом наместничестве были созданы приказы общественного призрения. Инициатором их создания была сама Екатерина II, которая почти весь 1775 год лично работала над текстом закона о местной реформе. В процессе его написания изучался не только отечественный и зарубежный опыт, но и обычаи разных народов.

Приказы общественного призрения заведовали образовательными учреждениями, больницами, богадельнями

⁶⁷⁵ Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958. С. 68.

⁶⁷⁶ Вклады принимались суммами от 100 руб. — от учреждений и от 25 руб. — от частных лиц.

и «смирительными домами» (тюрьмами)⁶⁷⁷. Глава о них была самой объемной в законе об «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи», подписанном императрицей 7 октября 1775 года.

Всего в царствование Екатерины II был открыт 41 приказ общественного призрения (что соответствовало числу губерний к концу ее правления)⁶⁷⁸. Каждому из них из казны было выделено по 15 тыс. руб.; остальное они получали за счет разных сборов⁶⁷⁹, штрафов, пожертвований и отчислений городов.

Об увеличении первоначального капитала приказы должны были заботиться сами. Соответственно, отличались и источники их пополнения. Например, в Выборге ими были *«процентные с каждого пошлинного рубля»* деньги, собираемые на таможенных, в Москве и Новгороде — доходы от кирпичных заводов⁶⁸⁰.

⁶⁷⁷ Председателем в приказе был губернатор. Штатных чиновников в нем не полагалось. Работа в этом учреждении была своего рода дополнительной нагрузкой для заседателей Верхнего земского суда, избираемого из дворян. Помимо них, в состав приказа входили представители губернского магистрата и заседатели от Верхней расправы (последние, как считалось, представляли крестьянство). На заседаниях приказов могли присутствовать предводители уездного дворянства или городские головы *«для общего уважения дела»* (см.: Дуплий Е.В. Приказы общественного призрения в России: правовые, организационные и финансово-экономические основы деятельности (1775–1864). М., 2005. С. 29).

⁶⁷⁸ В 1776 г. был открыт Новгородский приказ общественного призрения; в 1778 г. — Тверской и Ярославский; в 1779 г. — Владимирский, Костромской, Курский и Псковский; в 1780 г. — Вологодский, Воронежский, Нижегородский, Санкт-Петербургский и Тамбовский; в 1781 г. — Вятский, Казанский, Калужский, Киевский, Лифляндский, Могилевский, Оренбургский, Орловский, Пензенский, Пермский, Рязанский, Саратовский, Смоленский, Тобольский, Тульский, Харьковский, Черниговский; в 1782 г. — Московский; в 1784 г. — Архангельский, Екатеринославский, Иркутский; в 1785 г. — Эстляндский; в 1786 г. — Астраханский; в 1787 г. — Олонецкий; в 1796 г. — Волынский, Минский и Подольский приказы общественного призрения. Точная дата открытия двух приказов — Выборгского и Уфимского — неизвестна. В царствование Александра I было открыто 16 новых приказов: в 1802 г. — в Полтаве, Витебске, Херсоне, Пензе и Олонце, между 1803–1823 гг. — Таврический, Томский, Кавказский, Гродненский, Белостокский, Виленский, Тифлисский, Грузинский, Курляндский, Таганрогский и Одесский.

⁶⁷⁹ Этими сборами были суммы за протесты векселей и апелляции, от продажи игральные карт, выручка от принадлежавших приказам аптек, предприятий и прочих заведений, а также подаяния.

⁶⁸⁰ Соколов А.Р. Приказы общественного призрения в последней четверти XVIII века // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. 2000. СПб., 2000. С. 235.

Вкладной билет Санкт-Петербургской
Сохранный Казны, 1846 год. Иллюстрация
предоставлена Аукционом «НОМИНАЛ»
(Д.О. Лапаев)

Для снижения расходов на содержание приказов Екатерина II распространила на них банковские операции, опробованные на воспитательных домах. Приказы получили право обрщать в ссуды часть первоначально выделенной им казённой суммы, не говоря уже об остальных средствах⁶⁸¹.

Своей близостью к провинциальным клиентам приказы выгодно отличались от столичных кредитных учреждений⁶⁸². Кредиты здесь можно было получить на один год «под верные залого имений»: поместья, каменные и деревянные дома в губернии, где находился приказ, а также драгоценности и просто под поручительства⁶⁸³. Ссуды могли также выдаваться под незаселенные земли, фруктовые и виноградные сады⁶⁸⁴.

При этом небольшие сроки ссуд обычно компенсировались отсрочками их возврата. Суммы выдавались из 6% годовых и в первое время обычно выдавались от 500 до 1000 рублей на одно лицо. С 1785 г. процентная ставка «официально» была снижена до 5%, но разница с определенной законом нормой в 1% называлась подаянием (так же как и в казнах воспитательных домов) и также шла на нужды приказов.

Как и сохранные казны, приказы принимали вклады, служившие важной составляющей кредитных ресурсов. Это были депозиты, положенные на год и более, по которым приказы платили 5%, а если вкладчик забирал сумму раньше годового срока — 4,5%. В отличие от остальных приказов петербургский и московский не выдавали ссуд, а вносили вкладные деньги в сохранные казны воспитательных домов «для приращения процентами». Это

⁶⁸¹ Максимов Е.Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем // Трудовая помощь. 1901. № 9. С. 535.

⁶⁸² Дуплий Е.В. Приказы общественного призрения в России: правовые, организационные и финансово-экономические основы деятельности (1775–1864). М., 2005. С. 59.

⁶⁸³ В середине XIX века в приказах общественного призрения в качестве ссудного залога могли принимать билеты кредитных установлений.

⁶⁸⁴ Ссуды под виноградные и фруктовые сады выдавались исключительно в Новороссии и Крыму (до 8 лет, в размере половины их оценки). Обычно такие ссуды в середине XIX века выдавали до 3 тысяч рублей, и лишь в Таврическом приказе общественного призрения размер такой ссуды мог превышать этот лимит.

было сделано во избежание ненужной конкуренции с сохранными казнами Воспитательных домов.

Дефицит недорогого кредита и, с другой стороны, большая потребность в нем со стороны дворянства привели к тому, что уже в конце XVIII века сильно возросшие объемы операций казен и приказов были соизмеримы с таковыми в Заемном банке. К сожалению, имеющиеся пробелы в источниках не позволяют детально реконструировать за все годы объемы их операций. Известно лишь, что в 1791 году из Ссудной казны при Петербургском воспитательном доме было выдано кредитов на 650 тыс. рублей, а в 1795 году — на 808 тыс. рублей. Московский Приказ общественного призрения в 1784 году выдал ссуд на 152 тыс. рублей. Всего же к 1803 году приказы имели в обращении всех капиталов на сумму чуть более 5 млн рублей⁶⁸⁵.

Были случаи, когда отдельные приказы общественного призрения не могли надежно разместить всей определенной на кредиты суммы⁶⁸⁶. Тогда они были обязаны передавать «излишки» в Заемный банк, а с 1820-х годов — и в Комиссию погашения долгов (в обоих случаях на эти суммы начислялось 6% годовых).

В прошениях о выдаче ссуды не указывалось назначение кредита, и цель займа во многих случаях реконструируется по социальному положению заемщиков, величине суммы и виду обеспечения. В некоторых приказах, например в Тобольском, отмечена значительная доля залогов-драгоценностей. Для обеспечения кредита закладывали серебряные стаканы, подносы, солонки, табакерки и т.п. Это говорило о том, что кредиты шли на удовлетворение каких-то первоочередных нужд, тем более что прошения обычно исходили от чиновников среднего уровня⁶⁸⁷. Так, «по стечению домашних обстоятельств» в августе 1812 года

⁶⁸⁵ Максимов Е.Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем // Трудовая помощь. 1901. № 10. С. 741.

⁶⁸⁶ Соколов А.К. Указ. соч. С. 236.

⁶⁸⁷ Вычужганин А.Л. Из истории губернских финансов: кредитная деятельность Тобольского приказа общественного призрения в 1782–1866 гг. // Вестник института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 128.

титулярный советник Иван Павлович Менделеев (1783–1847), отец знаменитого ученого-химика, получил в Тобольском приказе 400 рублей на три месяца под залог золотой табакерки, жемчуга и золотого креста⁶⁸⁸.

И все же ипотечный залог стал основным как для приказов, так и для казен воспитательных домов. С течением времени их кредитная деятельность получила не меньшее значение, чем благотворительные функции. Один из исследователей деятельности приказов на рубеже XIX–XX веков подчеркивал, что это заключало в себе крупную опасность, так как *«приказы неминуемо должны были утратить свой исключительно благотворительный характер и обратить значительное число своих сил на дело, имевшее весьма слабое отношение к призрению»*⁶⁸⁹.

По сути, и казны, и приказы с течением времени все больше превращались в банки. И, со своей стороны, Министерство внутренних дел, к ведению которого в первой половине и середине XIX века относились приказы, поощряло развитие их кредитной деятельности. Только за 15 лет, с 1810 по 1825 год, «посторонние» капиталы приказов (вклады) выросли более чем в 2,5 раза (до 32,4 млн рублей)⁶⁹⁰. А к концу 1858 года вклады в приказах общественного призрения составили 113 млн рублей. Что касается сохранных казен, которые нередко называли «банками воспитательных домов», в это время (к началу 1859 г.) в них числилось депозитов на громадную сумму более 537 млн рублей, что более чем в полтора раза превышало годовой бюджет страны тех лет⁶⁹¹.

Возраставшие объемы операций неминуемо вели к росту помещичьей задолженности по ссудам. Несмотря на это, клиентам-дворянам делались послабления, стимулировавшие их делать

⁶⁸⁸ Вычужжанин А.Л. Указ. соч. С. 129.

⁶⁸⁹ Максимов Е.Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем // Трудовая помощь. 1901. № 9. С. 537.

⁶⁹⁰ Там же. 1901. № 10. С. 743.

⁶⁹¹ Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. I. СПб., 1872. С. 6; Министерство финансов: 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 632–633, 636–637.

В 1858 году государственные доходы составили 292,7 млн руб., а государственные расходы — 363,3 млн рублей.

новые заимствования. Так, в 1800 году по предложению императрицы Марии Федоровны (в ведомстве которой с 1797 года находились казны воспитательных домов) срок погашения кредита был увеличен с 5 до 8 лет. Спустя семь лет (в 1817 году) был увеличен размер ссуд под ревизскую душу в великорусских губерниях — до 100 рублей. А в 1819 году срок ссуд был продлен до 12 лет; под душу стали давать по 150 рублей.

С 1824 года на сохранные казны и приказы общественного призрения были распространены правила Заемного банка. Соответственно, распоряжения по нему немедленно вызывали аналогичные решения для казен и приказов. Так, по манифесту от 1 января 1830 г. заемщики могли брать ссуды в этих кредитных установлениях почти на всю «взрослую» жизнь: на 26 лет и даже на 37 лет. В 1840 году *«для облегчения заемщиков и усиления частной промышленности»* проценты по займам были уменьшены до 5%, а по вкладам — до 4%. К ипотечной операции сохранных казен был подключен даже один из филиалов Государственного Коммерческого банка. Так, «по просьбам помещиков западных губерний» через посредничество Киевской конторы банка имение могло быть заложено в сохранный казне одного из домов⁶⁹² даже без выезда в столицы владельца.

Во второй четверти XIX века сохранные казны стали основным кредитором дворянства. К 1860 году они были самыми крупными ипотечными кредитными учреждениями в империи⁶⁹³. Их ссудная операция выражалась в сумме около 540 млн руб., причем по Москве она выражалась несколько в большем объеме, чем в Петербурге. Вместе они значительно превосходила объемы кредитования Заемного банка (около 380 млн руб.), не говоря уже о других учреждениях. Так, например, в приказах общественного призрения к концу 1859 года состояло дворянских

⁶⁹² Собрание правил Сохранной и Ссудной казны при Московском и Санкт-Петербургском Императорских Воспитательных домах. СПб., 1847. С. 35.

⁶⁹³ Ссуды в сохранных казнах в середине XIX века могли выдаваться и под облигации Комиссии погашения долгов.

долгов лишь на 129 млн рублей, или в четыре раза меньше, чем в сохранных казнах⁶⁹⁴.

Считается, что казны кредитовали главным образом провинциальное дворянство, но это не совсем так. Действительно, кредиты под залог имений в столичных губерниях не были многочисленны. По московской Сохранной казне они составляли около 6% от суммы всех ссуд, а по петербургской — 3,4%. Однако многие дворяне, жившие в столицах, владели имениями в провинции.

К их числу относился и Александр Сергеевич Пушкин. В феврале 1831 года, за несколько дней до свадьбы, он заложил в Сохранной казне Московского воспитательного дома принадлежащую ему часть нижегородского имения Болдино с 200 ревизскими душами. Получив 38 тыс. рублей, он отписал другу П.А. Плетневу о том, как он распорядился деньгами: *«Вот им распределение: 11 тысяч теще, которая непременно хотела, чтобы дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10 тысяч Нащокину для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные (имеется в виду, что П.В. Нащокин их вернет. — А.Б.). Остается 17 тысяч на обзаведение и житие годичное (в Москве. — А.Б.)»*⁶⁹⁵.

В 1836 году его долг казне составлял уже 45 тысяч рублей и бременем лежал на семье. В том же году А.С. Пушкин сообщал в письме министру финансов Е.Ф. Канкрину, что в уплату этой суммы готов *«предоставить сие имение (Болдино. — А.Б.)»*⁶⁹⁶. При этом поэт просил не сообщать о долге царю, *«который, вероятно, по своему великодушию не захочет таковой уплаты, а может быть и прикажет простить мне мой долг, что поставило бы меня в весьма тяжелое и затруднительное положение»*⁶⁹⁷.

К сожалению, о займах поместного дворянства нам известно очень немного. Еще в 1840-е годы, по свидетельству

⁶⁹⁴ Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. I. СПб., 1872. С. 2–6.

⁶⁹⁵ Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 10. М., 1978. С. 19.

⁶⁹⁶ Там же. С. 290–291.

⁶⁹⁷ Там же. С. 291. До конца жизни великий поэт так и не смог расплатиться с долгами, и после его смерти эти ссуды были погашены по личному распоряжению царя.

Портрет императрицы Марии
Федоровны в трауре. Гравюра
с оригинала Г. Кюгельхена, 1801 год

современника, было невозможно точно определить долги по ипотечным ссудам «за давнее время»⁶⁹⁸. Единственным подспорьем тогда служили свидетельства на залог имений, выдававшиеся в губерниях гражданскими палатами и фиксировавшие долги, лежавшие на поместьях.

На основании таких данных по Киевской губернии за 1846 год (опубликованы Д.П. Журавским в 1856 г.) следует, что местные дворяне занимали преимущественно в столицах, где служили на гражданском или военном поприще. Так, из 505,5 тыс. рублей, занятых под поместья, только около 85 тыс. рублей (17%) выдал киевский Приказ общественного призрения. Остальные ссуды распределились следующим образом: из Сохранной казны Петербургского Воспитательного дома было позаимствовало 390,7 тыс. рублей (77%), из Московского Воспитательного дома — 22,4 тыс. рублей (4%), а из Заемного банка — всего 7,4 тыс. рублей (2%)⁶⁹⁹.

Аналогичная картина наблюдалась по перезалогу имений и по переводу и разделу прежних долгов, где ведущие позиции удерживали кредитные учреждения в Петербурге и Москве⁷⁰⁰. В этом отношении Киевская губерния отражала типичную картину, характерную для большинства губерний европейской части Российской империи. При этом современнику оставалось печально констатировать: «Залоги и перезалоги совершаются ежегодно, и результат их — ежегодное же увеличение долга. В таких обстоятельствах, кажется, одно только средство может поддержать кредит помещиков. Это — улучшение имений, хотя бы частью из занимаемых капиталов, и возвышение с них доходов»⁷⁰¹.

Но эти слова по большей части остались гласом вопиющего в пустыне. Большинство дворян не изменяло своей привычки

⁶⁹⁸ Журавский Д.П. Материалы для статистики частных имуществ и кредита. Часть 1-я: О кредитных сделках в Киевской губернии. Киев, 1856. С. 22.

⁶⁹⁹ Там же. С. 24.

⁷⁰⁰ По перезалогу имений дворян Киевской губернии сохранные казны воспитательных домов и Заемный банк предоставили 97% всей суммы кредитов в 1846 г. (645,7 тыс. рублей серебром), а по переводу долгов — 100% (985,4 тыс. руб. серебром).

⁷⁰¹ Журавский Д.П. Материалы для статистики частных имуществ и кредита. Часть 1-я: О кредитных сделках в Киевской губернии. Киев, 1856. С. 24–25.

«Книга об исчислении процентов
по билетам банков и Сохранной казны».
Издана в С.-Петербурге в 1844 году.
Музейно-экспозиционный фонд Банка России

эксплуатировать поместья традиционными, веками испытанными способами, а ипотечный заем сделался для многих привычной практикой. По официальным данным, в 1859 году в залогах в государственных кредитных учреждениях (в Заемном банке, сохранных казнах воспитательных домов и в приказах общественного призрения) находилось до 40% всех дворянских имений⁷⁰².

К этому времени Министерство финансов освоило практику изъятия части средств сохранных казен и приказов для финансирования все возраставших расходов. Царские распоряжения

⁷⁰² В обеспечение ипотечных кредитов помещиками было заложено 44,1 тыс. имений с более чем 7,1 млн крепостных (ревизских душ). Все же к началу 1859 г. помещикам принадлежало 111,6 тыс. имений (см.: Первое издание материалов редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Ч. 11. СПб., 1860. Приложение. Ведомость II: О ссудах из кредитных учреждений под населенные имения, 1859 г.).

о передаче сумм из казен встречались и прежде; иногда они были завуалированы в форму ссуд другим учреждениям. Так было, например, в 1804 году, когда по императорскому предписанию Петербургский Воспитательный дом «ссудил» 500 тыс. рублей Лифляндскому Дворянскому банку. Но то были жалкие крохи по сравнению с миллионами, изымаемыми впоследствии Министерством финансов. И это несмотря на то, что формально казны входили в подчинение другого ведомства — IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии — как и сами воспитательные дома, с 1828 года находившиеся под личным покровительством Николая I.

Справедливости ради надо сказать, что казны подвергались этой участи в значительно меньшей степени, чем Заемный банк — крупнейший государственный банк империи того периода. Правительство использовало занятые средства на разные цели, в том числе на строительство шоссейных дорог и оснащение флота. Во время Крымской войны в 1853 и 1854 годах на покрытие военных издержек, по оценке министра финансов Петра Федоровича Брока, из казен было позаимствовано более 13 млн руб., а «для подкрепления» Государственного казначейства (в 1853–1855 гг.) — более 11 млн рублей⁷⁰³. Изъятие таких солидных излишков свидетельствовало о достаточно большой вкладной базе этих учреждений, которые в целом успешно вели банкирские операции. Относительно приказов общественного призрения это объяснялось также и тем, что с 1821 года в них передавались «для приращения процентами и сбережения на будущие нужды по городскому устройству» все остаточные суммы городских доходов⁷⁰⁴.

Начало царствования Александра II было отмечено бурным ростом акционерных предприятий в России. Это спровоцировало банковский кризис конца 1850-х годов: публика изымала вклады с тем, чтобы поместить деньги в более доходные ценные

⁷⁰³ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 329. Л. 7–17.

⁷⁰⁴ Максимов Е.Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем // Трудовая помощь. 1901. № 10. С. 741.

Здание Опечунского совета на улице
Солянка в Москве. Фото. Начало XX века

бумаги. Для преодоления создавшихся затруднений в 1857 году все государственные кредитные учреждения (включая казны и приказы) понизили проценты по вкладам⁷⁰⁵, а спустя два года были созданы комиссии, которые приняли решение о реформировании казённых банковских установлений.

Постановление Комитета финансов от 10 июля 1859 года закрепило сложившуюся к тому времени практику взаимоотношений казен и приказов с финансовым ведомством: банковские операции всех этих учреждений были отнесены к ведению министра финансов. С сентября того же года в них была прекращена выдача ссуд под залог недвижимости, а с января 1860 года — и прием вкладов⁷⁰⁶. Вкладные билеты Сохранной казны подлежали обмену на долгосрочные государственные облигации — 5%-ные банковские билеты. К этому времени только в московской Сохранной казне было выставлено на публичную продажу 188 имений несостоятельных должников⁷⁰⁷. По мнению министра финансов Александра Максимовича Княжевича, *«причиной неисправности столь огромного числа заемщиков было, без сомнения... внезапное приостановление производства новых ссуд из государственных кредитных установлений вместе с перезалогом имений и прекращение тех льгот, которые допущены были в особенности по окончании последней войны»*⁷⁰⁸. Министр финансов предлагал облегчить положение заемщиков: ввести полугодовую отсрочку на продажу имений и пролонгировать ипотечные кредиты на новый 37-летний срок. Однако в силу тяжелого положения государственных финансов такая отсрочка была допущена лишь для заемщиков приказов общественного призрения (согласно утвержденному Александром II 16 декабря 1863 г. мнению Государственного Совета), где объемы задолженности были существенно меньше.

⁷⁰⁵ Годовые проценты по вкладам были понижены до 3% — на вклады частных лиц и до 1,5% — на вклады казённых учреждений.

⁷⁰⁶ Печерин Я.И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904. С. 23.

⁷⁰⁷ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 329. Л. 38 — 38 об.

⁷⁰⁸ Там же.

В 1860 году дела сохранных казен были переданы в только основанный Государственный банк и его Московскую контору. Спустя три года товарищ (заместитель) управляющего Государственным банком Евгений Иванович Ламанский был командирован в Москву, в том числе, для рассмотрения вопроса о штатах отделения вкладов Сохранной казны, которые в Петербурге считали слишком завышенными. При убыточности отделения его служащие получали высокие денежные оклады, которые выплачивались из прибылей Государственного банка. Ламанскому предстояло разобраться с таким «балластом» и предложить меры к его ликвидации⁷⁰⁹. К тому времени дом Опекунского совета на Солянке, где размещалась Сохранная казна в Москве, превратился в примечательное место. Здесь можно было увидеть лиц всех сословий; чиновников, ставших ростовщиками; нищих, просивших подавание у входа, и, конечно же, торговцев и воров знаменитого Хитрова рынка, располагавшегося неподалеку.

Пристальное внимание к чиновникам московской Сохранной казны свидетельствовало, что развязка в вопросе об окончательной ликвидации казен может наступить в самое ближайшее время. Действительно, в дальнейшем воспитательные дома продолжили свою деятельность только как благотворительные учреждения. Банковская деятельность приказов была упразднена, а сами они с оставшимися капиталами (17 млн рублей) в 1866 году перешли в ведение земств. Годом раньше началась передача их дел по кредитной части Государственному банку и казённым палатам⁷¹⁰.

Деятельность этих полублаготворительных, полубанковских учреждений отныне стала достоянием истории. Периодически, особенно в конце XIX века, к ней возникал интерес: совмещение обоих начал в деятельности одного учреждения выглядело

⁷⁰⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 11. Д. 86. Л. 18 — 18 об.

⁷¹⁰ По распоряжениям от 22 мая и 29 октября 1865 г. Приказы общественного призрения должны были передать «дела по кредитной части» в Государственный банк, его конторы и отделения, а где их не было — в казённые палаты.

благородно. При обсуждении проекта устава Государственного банка в 1892 году заместитель министра финансов Афиноген Яковлевич Антонович (по мнению С.Ю. Витте, — главный творец реформы Государственного банка того времени) предлагал вернуться к этой практике⁷¹¹. Однако жизнь ушла далеко вперед, и совмещение благотворительности и коммерции в Центральном банке выглядело невозможным.

⁷¹¹ РГИА. Ф. 583. Оп. 19. Д. 61. Л. 31.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА V

Банковский коммерческий кредит

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА V. БАНКОВСКИЙ
КОММЕРЧЕСКИЙ
КРЕДИТ

КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК

Среди бумаг личной канцелярии царя, сохранившихся в Российском государственном историческом архиве, привлекает внимание небольшая папка, относящаяся к 1813 году — времени славы русского оружия в Европе. Убористым почерком на французском — языке русской знати того периода — в девятнадцати статьях (пунктах) изложен любопытный проект создания в России нового банка⁷¹². Вверху надпись: *‘Projet de M. de Novoselzoff’*, которая не оставляет сомнений в авторстве. Сенатор Николай Николаевич Новосильцов (Новосильцев, 1762–1838), снискавший расположение Александра I, был участником многих военных кампаний и занимал видные государственные должности. В 1813 году он был назначен вице-президентом временного совета, учрежденного для управления Герцогством Варшавским. Одновременно он был президентом комитетов высшего надзора над госпиталями и полицией, надзирал за финансами в герцогстве⁷¹³.

Разоренная войнами Польша как нельзя сильно нуждалась как в деньгах, так и в подъеме собственной промышленности. Действенным способом в достижении этих целей уже тогда считали создание крупного банка. Однако Новосильцов пишет проект не для Польши, а для России. Мы не знаем, был ли это его собственный почин или поручение «сверху»; во всяком случае, перед Россией стояли схожие задачи.

Современники отмечали «недостаточность» промышленности и малочисленность капиталов и капиталистов: *«Это ясно заметно каждому, кто внимательно смотрит на обороты коммерческие и состояние цен, всегда зависящих от иностранцев, а не от нас. Недостаток денег подтверждает существующий дисконт векселей и проценты по частным займам... Дисконт самых вернейших векселей ниже 8 и 7 процентов не бывает, а в прочих городах от 10 до 12 процентов»*⁷¹⁴.

⁷¹² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 893. Л. 1 — 8 об.

⁷¹³ Биография Н.Н. Новосильцова кратко изложена Д.Н. Шиловым: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: 1802–1917 гг. Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 520–522.

⁷¹⁴ Попов В.А. Ответ дворянину, сочинителю письма на рассуждение его о вывозе звонкой монеты и о прочем. СПб., 1833. С. 21.

Дороговизна частного капитала еще в 1803 году побудила торговый дом «Пономарев и К^о.» обратиться за помощью к казне на получении крупной ссуды. 13 апреля 1803 года в Государственном Совете слушалось его прошение о выдаче кредита предприятию, организованному в Англии Пономаревым и его компаньонами Юдиным и Мейбомом. Пономарев просил у министра финансов А.И. Васильева дать ему от 100 до 150 тысяч рублей на 20 лет из 8% годовых. Но члены Совета предпочли уклониться от принятия решения, апеллировав к *«монаршему соизволению»*. Чиновники сочли, что *«предпочтительного права на таковую помощь от казны компания сия пред другими торгующими не имеет; что полезнее бы было сделать в пособие нашей торговле, часто нуждающейся в капиталах, общее установление в виде коммерческого банка»*. Проект его создания уже был предложен, но сумма определенных ему капиталов безвозвратно ушла на покрытие других расходов. Члены Совета предлагали реанимировать идею банка, *«положа твердые и надежные для него правила»*⁷¹⁵.

Об этом было доложено императору Александру I, который 22 апреля 1803 года повелел составить план для учреждения нового банка. Но с его утверждением не спешили, а из-за войны с Наполеоном этот вопрос был отложен.

Проблему кредитования купцов предпочли решать за счет так называемого *«капитала для поощрения трудолюбия и промышленности»*. Деньги на него выделялись из казны в рамках ассигнований Заемному банку (в 1804 году лимит суммы на эти цели составил 100 тысяч рублей). Так, в 1804 году по распоряжению Александра I Йозефу Акеру, который завел в С.-Петербурге табачную фабрику, была выдана ссуда в пять тысяч рублей на пять лет с платежом 5% в год — притом что *«в обеспечение сего капитала он никакого залога представить не имеет»*⁷¹⁶. В том же году под такие же льготные проценты ссуды получили: стекольный мастер и фабрикант Франц Реш (10 тысяч рублей на 10 лет),

⁷¹⁵ Архив Государственного Совета. Т. 3. Ч. 2. СПб., 1878. С. 698–700.
⁷¹⁶ РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 118. Л. 5.

содержатель поташной и пудренной фабрики в С.-Петербурге англичанин Чарльз Грейсон (20 тысяч рублей на 10 лет), а также гжатский купец Никифор Санбуров — «для поддержания парусной его фабрики в городе Гжатске»⁷¹⁷.

Весть о «капитале» распространилась далеко за пределы С.-Петербурга. Кизлярский житель армянин Никита Моисеев «в присланной на высочайшее... имя просьбе прописывал, что он, приобретя неусыпными трудами имение... развел виноградные и фруктовые сады и более 50 000 шелковичных дерев... и, имея же желание умножить шелковичные свои плантации до ста тысяч дерев, просил... о пожаловании ему для распространения шелковичного завода 10 000 руб. на десять лет»⁷¹⁸. Эту просьбу сообщил императору министр внутренних дел граф В.П. Кочубей, который 13 сентября 1804 года заручился одобрением императора по данному вопросу. Всего же подобным счастливым в 1804 году было роздано в ссуды 56 527 рублей (не считая назначенных к выдаче 10 тысяч рублей Никите Моисееву) — капля в море по сравнению с громадными вливаниями в дворянство⁷¹⁹.

Но вернемся к проекту Н.Н. Новосильцова. По сути, его цель — создание того же капитала для купцов, чудодейственного кредита, способного поднять промышленность. Природа, труд, капитал — три составляющие богатства, сформулированные Адамом Смитом, уже известны в России. Адмирал Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), видный представитель элиты, стал популяризатором идей великого английского ученого.

Банк Англии со своей тогда уже более чем вековой историей⁷²⁰ и учрежденный при Наполеоне I Банк Франции⁷²¹ стали теми образцами, которые послужили для Новосильцова своего рода «исходниками» при написании проекта. «Для проведения операций на всей

⁷¹⁷ Там же. Л. 5–61.

⁷¹⁸ Там же. Л. 72.

⁷¹⁹ Только в Заемном банке к 1801 году кредиты дворянству составили более 27,4 млн рублей (Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2001. С. 204).

⁷²⁰ Банк Англии (*Bank of England*) был основан в 1694 году.

⁷²¹ Банк Франции (*Banque de France*) был основан в 1800 году.

территории империи будет создан Главный коммерческий банк, центральное управление которого будет располагаться в С.-Петербурге»; «конторы банка, которые будут наделены необходимыми полномочиями, будут располагаться в Москве, Риге и других городах»⁷²², — говорится в проекте. В соответствии с российской спецификой развития — чрезмерно большой ролью государства — Н.Н. Новосильцов предполагал, что новый банк будет государственным учреждением, находящимся под «непосредственной и особой гарантией государства» (*'garantie spéciale et immediate de l'Etat'*)⁷²³.

Подобно обоим банкам, новое учреждение, по Новосильцову, будет организовывать вексельное обращение в занятых русскими войсками европейских странах, а также в странах-союзниках (имелась в виду Англия). Эти векселя должны были заменить расчеты в звонкой монете, в основе которой — рубль в 4 золотника 21 долю чистого серебра (18 г в метрическом исчислении). Исходя из содержания серебра, составлялись курсы иностранных валют к рублю.

Такая зона вексельного обращения (тратт) была названа Новосильцовым «федеративной финансовой и торговой системой» (*'système fédérative de finance et de commerce'*)⁷²⁴. Отчасти она была воплощена в том же 1813 году созданием променных контор Ассигнационного банка, которые организовали обращение ассигнаций в Пруссии и Польше.

По мнению автора проекта, ответственность за «поддержание взаимодействия с иностранными государствами в рамках федеративной торговой системы» должна быть возложена на Правление во главе с генеральным директором. Причем это же Правление одновременно отвечало за управление и банковские операции в проектируемом учреждении.

Новый банк будет выпускать собственные банкноты — так называемые торговые боны (*'billets de commerce'*) — в объеме,

⁷²² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 893. Л. 1.

⁷²³ Там же.

⁷²⁴ Там же.

соизмеримом с экспортом продовольственных товаров из Российской империи (номиналами в 50, 100, 200, 300, 500 и 1000 рублей)⁷²⁵. Эти банкноты должны были выпускаться сериями (с указанием серии и номера на каждой банкноте) и быть обеспечены серебряной монетой (рублями). В случае увеличения экспорта предполагалось и соответствующее увеличение банкнотной эмиссии.

Банкноты должны были использоваться «исключительно для оплаты таможенных пошлин» (*‘les billets de commerce seront exclusivement applicables au payement des droits de douane’*)⁷²⁶. Они должны были приниматься по номиналу на всей территории Российской империи. При этом комиссии за размен денег должны были быть строго запрещены под страхом больших денежных штрафов (равных двойному размеру суммы, с которой была получена комиссия; доходы от штрафов полагалось распределять между осведомителем (1/2 часть суммы) и малоимущими (на нужды последних — другая половина)).

Согласно проекту, банк мог принимать от частных лиц золото и серебро (в слитках или готовых изделиях) в обмен либо на монету, либо на банкноты), покупать иностранную валюту (за собственные банкноты) стран «федеративной финансовой и торговой системы». При этом «иностранные державы будут обязаны следить за курсом национальной валюты по отношению к торговым бонам банка» (*‘une reprocité parfait sera observé par ces memes Puissances a l’égard des billets de commerce de la banque’*)⁷²⁷.

Для развития торговли и упрощения заграничных переводов новый банк должен был проводить операции с иностранной валютой, осуществляя переводы распространенным тогда способом трассирования векселей (иностранная валюта должна была продаваться за ассигнации, банкноты банка либо за золото и серебро в монете, слитках и изделиях). При банке

⁷²⁵ Там же. Л. 1 об. — 2.

⁷²⁶ Там же. Л. 2.

⁷²⁷ Там же. Л. 3.

планировалось создать контору по обмену торговых бон на ассигнации (и наоборот) по твердому курсу. И, наконец, одновременно банк должен был вести учет векселей⁷²⁸.

Таким образом, новый банк подразумевался и как переводной, и как учетный, что напоминало деятельность двух крупнейших европейских банков того времени (Банка Англии и Банка Франции).

Безусловно, с проектом, поданным императору 11 января 1813 года⁷²⁹, был ознакомлен министр финансов Дмитрий Александрович Гурьев. Возможно, именно он определил эксперта, оставившего весьма критические замечания о проекте (также на французском языке). Им был иностранец, хорошо разбиравшийся в вопросах торговли и кредита (в особенности в Англии), возможно, связанный с внешней торговлей. В «замечаниях» он писал о создании в случае открытия банка ненужной конкуренции между ним и уже существовавшим не одно десятилетие Ассигнационным банком. Он высказывался резко против эмиссионного права проектируемого банка, что, по его мнению, вело к «подрыву единства национальной денежной единицы империи» (*le défaut d'unité de la monnaie de l'Empire*)⁷³⁰ и потере еще большего доверия к ассигнациям. Скепсис вызывала и «федеративная система», создание которой было сопряжено с большими трудностями (различное рацию золота к серебру, продажная цена серебра в Англии (разнящаяся с таковой в России), законодательные препоны), запрещение комиссии (лажа) на размен, что выглядело нереальным на практике.

«Замечания» были составлены (а скорее всего, поданы царю) 21 июня 1813 года. Они фактически означали конец проекту. Альтернативно Д.А. Гурьев развивал в Пруссии и Польше безналичные расчеты через сеть променных контор. И конечно,

⁷²⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 893. Л. 3–4.

⁷²⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. 7. М., 1970. С. 23; Марней Л.П. Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М., 2009. С. 194–195.

⁷³⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 893. Л. 5.

проект претил самолюбию министра финансов, считавшего, что его попытались обойти малосведущие в финансах вельможи.

Д.А. Гурьев привык сам подавать проекты царю, и спустя примерно три года он выступил с идеей создания Государственного коммерческого банка, который, как и в проекте Н.Н. Новосильцова, оставался государственным, имел филиальную сеть в империи, должен был учитывать векселя и заниматься переводом сумм.

В несохранившемся до сего дня деле об учреждении Коммерческого банка (1817 г.), до 1917 года хранившемся в архиве Особенной канцелярии по кредитной части, Д.А. Гурьев изложил свой проект с преамбулой о рассмотрении вопроса начиная с реформы Ассигнационного банка 1780-х годов. Проект Новосильцова, конечно, упомянут не был, хотя имелись отсылки на деятельность «Лондонского банка» (т.е. Банка Англии). По его примеру Д.А. Гурьев полагал возможным объединить Коммерческий банк с Ассигнационным, но только тогда, когда будет восстановлено денежное обращение — иными словами, ассигнации начнут разменивать по номиналу на звонкую монету⁷³¹.

Благодаря исследователю Государственного банка Власию Тимофеевичу Судейкину (1857–1918), в конце XIX века работавшему в архиве Особенной канцелярии по кредитной части и просмотревшему указанное дело, его содержание дошло до нас (пусть и в сжатом изложении), будучи опубликованным в одной из его книг⁷³². Исследовавшие позднее деятельность казённых банков С.Я. Боровой и В.В. Морозан выводили начало Государственного Коммерческого банка именно с проекта Гурьева⁷³³, что, безусловно, справедливо. Никто более не вспоминал о проекте Новосильцова, которому было определено пылиться в архиве. Но, как нам кажется, отдельные положения этой записки и легли позднее

⁷³¹ Судейкин В.Т. Государственный банк. Его экономическое и финансовое значение. М., 2012. С. 142–143.

⁷³² Там же. С. 142–144.

⁷³³ См.: Боровой С.Я. Кредит и банки России. М., 1958. С. 157–158; Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 282–283.

в гурьевский проект, а несколькими годами позже и в проект создания Польского банка, который, занимаясь вексельным учетом, обладал и эмиссионным правом выпуска собственных банкнот⁷³⁴. И хотя при основании обоих учреждений, очевидно, опирались на опыт прежде всего крупных европейских банков, проект Новосильцова, скорее всего, также учитывался при их создании.

* * *

По мнению Д.А. Гурьева, необходимость создания банка для кредитования купцов объяснялась провалом предшествующей попытки реформировать Ассигнационный банк, придав ему черты Банка Англии. В условиях же инфляционного бумажно-денежного обращения *«невозможно предполагать, чтобы можно было учредить сей банк на серебро или дать ему право выпускать свои билеты, или составить банк посредством акционеров»*⁷³⁵. Это, по его мнению, осуществимо лишь после стабилизации денежного обращения (Гурьев опасался падения курса «банковских билетов», как это произошло в случае со Вспомогательным банком). Именно тогда, полагал министр, можно будет объединить новый банк с Ассигнационным. Ныне же нужно руководствоваться существующими реалиями, а отсутствие эмиссионного права *«отвращает и всякое опасение подрыва его собственному и общественному кредиту»*⁷³⁶.

Главная цель нового банка — не прибыль казне, а помощь купечеству, чтобы *«поддержать кредит частный, который*

⁷³⁴ Известно, что Н.Н. Новосильцов занимал высокие посты в Царстве Польском вплоть до 1831 года. И хотя он критически относился к Польскому банку, считая его создание не соответствовавшим Конституции 1815 г., последний был открыт в Варшаве в 1828 году (подробнее об этом см.: Henryk Radziszewski. Bank Polski. Warszawa 1910. S. 1–27).

⁷³⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 9. Л. 89 об.; Судейкин В.Т. Государственный банк. Его экономическое и финансовое значение. М., 2012. С. 142. По примеру европейских банков Д.А. Гурьев хотел придать создаваемому банку акционерный характер: основной капитал в 50 млн руб. составлялся из акций в тысячу рублей каждая (см.: Klaus Heller. Die Geld- und Kreditpolitik des russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43). Wiesbaden, 1983. S. 135).

⁷³⁶ Дух журналов. 1819. Кн. 8. С. 62.

укрепляет кредит государственный»⁷³⁷. Д.А. Гурьев предлагал предоставить новому учреждению право вести учетную и ссудную операции, осуществлять перевод сумм, принимать срочные процентные вклады и вклады на хранение.

Рассмотрев проект, Государственный Совет согласился учредить в С.-Петербурге Коммерческий банк (полное наименование — Государственный коммерческий банк), — но как казённое учреждение и с меньшим размером капитала (30 млн руб.)⁷³⁸. Манифестом 7 мая 1817 г. был обнародован его Устав⁷³⁹, согласно которому банк задумывался как учреждение для развития отечественной торговли и промышленности. Новое учреждение стало преемником учетных контор Ассигнационного банка,

⁷³⁷ Судейкин В.Т. Государственный банк. Его экономическое и финансовое значение. М., 2012. С. 143.

⁷³⁸ Первоначально капитал банка был выделен в сумме 17 млн руб., и только в 1821 г. он достиг уставной величины (30 млн руб.).

⁷³⁹ ПСЗ. Собрание первое. Т. 34. № 26837. С. 263–274.

Вид на Биржу и часть Петропавловской крепости в С.-Петербурге. Гравюра из книги Жана-Мари Шопена 'Russie', изданной в Париже в 1838 году

деятельность которых отличалась сравнительно невысокими объемами кредитования.

Учреждение нового банка стало частью финансового плана развития страны, в котором проблемы государственного долга и стабилизации денежного обращения были соединены с задачей реформирования казённых банков⁷⁴⁰. В рамках этой же программы в 1817 году был создан Совет государственных кредитных установлений — наблюдательный орган за деятельностью казённых банков и Государственной комиссии погашения долгов, состоявший как из государственных чиновников, так и из выборных лиц (в том числе, 6 депутатов от купечества)⁷⁴¹.

В традициях бюрократической волокиты прошли долгие месяцы, прежде чем Коммерческий банк приступил к производству операций. Он был открыт в С.-Петербурге 2 января 1818 г., когда *«по совершении молебствия Господу Богу с водоосвящением о благоуспешном приведении в исполнение высочайшей воли касательно устройства Коммерческого банка все чиновники и служители оного приведены к присяге, и по занятии присутствующими своих мест прочтен высочайший его императорского величества манифест... об учреждении сего банка»*⁷⁴².

Для формирования капитала ему были переданы остаточные суммы учетных контор и 25-летней Экспедиции при Заемном банке. Однако собранной таким образом суммы — 15,8 млн рублей — было явно недостаточно. Только с течением времени благодаря зачислению в капитал части прибыли он вырос до предполагаемой величины⁷⁴³.

Банк переводил суммы, принимал вклады и выдавал кредиты (учет векселей и выдача подтоварных ссуд). Основной

⁷⁴⁰ Klaus Heller. Die Geld-und Kreditpolitik des russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43). Wiesbaden 1983. S. 135.

⁷⁴¹ Несмотря на то что роль купцов в Совете государственных кредитных установлений была номинальной, Совет вплоть до учреждения в 1828 г. Мануфактурного совета был единственным государственным органом, куда входили представители буржуазии.

⁷⁴² РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1244. Л. 8 об.

⁷⁴³ К 1823 году капитал Коммерческого банка достиг 30 млн рублей. В 1839 году в связи с проводившейся денежной реформой он был переведен на серебро, составив 8,57 млн рублей. Эта величина капитала сохранялась вплоть до ликвидации банка в 1860 году.

формой его кредитных операций стал вексельный учет, в то время как ссуды занимали второстепенное место, редко составляя в общем объеме кредитов свыше 5%. Переводы сумм, или «трансферты», осуществлялись за комиссию в 0,25% от величины суммы. Срочные вклады принимались еще по опубликованным в 1786 году правилам Заемного банка, Деньги можно было положить в банк не менее как на 3 месяца из 5% годовых. Выплата по ним процентов осуществлялась из прибыли. Банк развивал также операцию приема вкладов на хранение сроком от 6 месяцев за комиссию в 0,5% в год. На хранение принимались золото и серебро в иностранной монете и в слитках. Вкладчик получал именное свидетельство, которое по передаточной надписи могло передаваться другому лицу. Подобно нормам европейских банков и статьям указов о государственных кредитных учреждениях XVIII века, вносимое в банк имущество не облагалось налогами.

В статьях Устава Коммерческого банка, посвященных кредитованию, учет векселей отечественного происхождения и посредничество маклеров в этой операции описываются примерно так, как уже было заведено в учетных конторах. Однако условия допущения к учету в новом банке были более мягкими. Как было сказано в уставе банка, *«в учет принимаются векселя российских подданных и иностранных гостей, производящих торговлю или банкирские дела, или содержащих заводы и фабрики, и торговых компаний»*⁷⁴⁴.

При учете векселя требовалось, чтобы хотя бы один из участников вексельной сделки (векселедатель, надписатель, приематель) имел российское подданство и *«один из участвующих в векселе имел пребывание в С.-Петербурге»*⁷⁴⁵. Векселя принимались от купцов всех гильдий, но преимущество в учете векселей чиновники банка отдавали купцам первой, высшей, гильдии. Как правило, лишь после удовлетворения их требований они (конечно же, с учетом состояния кассы) начинали рассматривать ходатайства купцов второй гильдии. Купцы же третьей гильдии

⁷⁴⁴ ПСЗ. Собрание первое. Т. 34. № 26837. С. 267.
⁷⁴⁵ Там же.

Россия Министерство финансов

Ѹ

ОТЧЕТЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕДИТНЫХЪ

УСТАНОВЛЕНІЙ

за 1817 годъ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія.

1818.

О Т Ч Е Т Ъ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕДИТНЫХЪ У С Т А Н О В Л Е Н І Й

за 1817 годъ.

Для разсмотрѣнія отчетовъ Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, на основаніи Высочайшаго Манифеста 7 Маія 1817 и Положенія при ономъ изданнаго, открытъ прошедшаго Февраля 22го Совѣщъ Государственныхъ Кредитныхъ Установленій подъ предѣдательствомъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса и Кавалера Князя Петра Васильевича Лопухина. Члены оного суть: непремѣнные: Министръ Финансовъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Гурьевъ; Государственный Контролеръ Тайный Совѣтникъ и

1

Титульный лист и первая страница Отчета государственных кредитных установлений за 1817 год. Государственная публичная историческая библиотека России

оставались в конце очереди и имели очень небольшие шансы на получение кредита.

Срок вексельного учета в Коммерческом банке, по Уставу, составлял шесть месяцев, и таким образом, был меньше аналогичного показателя в учетных конторах. При этом учетный процент в банке был выше законодательно закрепленной нормы «указного процента» (5%) и первое время после открытия составлял 8%.

Учетный процент пересматривался каждые полмесяца. Он утверждался министром финансов по представлению Правления Коммерческого банка, которое отсылало в министерство ведомости о вексельной операции. В зависимости от состояния кассы допускалась возможная корректировка процентной нормы в сторону понижения. Так, с 10 мая 1819 года дисконт Коммерческого банка был снижен до 7%. В среднем учетная ставка Коммерческого банка за весь период его деятельности составляла от 6,5% до 8%. По российским меркам она считалась низкой, и частный дисконт в это время был существенно выше (в С.-Петербурге он доходил до 15%).

В случае неуплаты по векселю в срок по Вексельному уставу плательщику предоставлялась отсрочка в 10 «льготных» дней, в течение которых он должен был погасить долг. В противном случае начиналось судебное разбирательство — вексель предъявлялся к протесту, что обычно заканчивалось объявлением должника банкротом.

Помимо векселей, Коммерческому банку было дано разрешение на учет квитанций Петербургского монетного двора за внесенное в Пробырную палату золото и серебро, которое, однако, не получило развития. Зато уже в 1820-е годы банк учитывал (в С.-Петербурге) билеты Сохранной казны Петербургского Воспитательного дома и тратты на иностранные города.

Ссудная операция велась на основаниях устава учетных контор: кредит выдавался до шести месяцев под товары российского производства, оговоренные в специальном списке. В 1819 году в Уставе банка были сделаны дополнения,

предусматривавшие расширение ассортимента товаров, могущих быть залогом для получения ссуды. Это были изделия отечественных фабрик: стекла, зеркала, ситец и т.п. Размер ссуды составлял от 56 до 75% оценки залога. Так же как и вексельный учет, выдаваемые банком ссуды носили характер торговых кредитов.

Попытка законодательно закрепить в уставе банка кредитование не только торговли, но и промышленности не нашла понимания, и в 1821 году этот план был отвергнут. Причина столь сдержанного отношения к кредитованию промышленности лежала в убеждении, что наиболее эффективным является кредитование закупок произведений российских фабрик, которое стимулировало развитие производства.

В Уставе 1817 года было подробно описано устройство банка. Правлению подчинялись отделения (отделы) банка, составлявшие Коммерческий банк, которому были подотчетны его филиальные учреждения. Высшим исполнительным органом было Правление, которое непосредственно осуществляло руководство над проведением банковских операций. Председателем Правления был управляющий, которому подчинялось 8 директоров. И управляющий, и директора назначались министром финансов и утверждались императором.

Половина директоров набиралась из чиновников (так называемые «директора от правительства»), а другая половина — из купцов, *«имеющих достаточные сведения о положении и оборотах торговли»*⁷⁴⁶. Эти директора избирались на четыре года из первой и второй гильдий петербургского купечества, торговавшего при петербургском или кронштадтском портах. Каждые два года двое из четырех директоров переизбирались по жребию.

Директора от купечества были консультантами при Правлении. Они рекомендовали, чьи векселя, от кого и на какую сумму банк может принять. И хотя в операционную деятельность учреждения директора не вмешивались и реальной власти в банке не имели, эта должность оставалась для коммерсантов почетной

⁷⁴⁶ ПСЗ. Собрание первое. Т. 34. № 26837. С. 263.

и престижной. Быть директором — означало выделяться среди равных, иметь уважение среди чиновников-дворян.

Главная ответственность за надежность векселей в Коммерческом банке, как и в учетных конторах, возлагалась на маклеров, которые выполняли роль посредников при заключении сделок. Их услуги вознаграждались специальной премией — куражем, размер которой составлял 0,25% от суммы сделки.

В действительности комиссии маклеров были выше, о чем в банке, конечно же, знали или догадывались. Чтобы задобрить банковскую администрацию, они ежегодно — на праздник Казанской Божьей Матери — устраивали званые обеды, которые посещали высокие чиновники Министерства финансов. При этом отдельным чиновникам банка дарили богатые подарки.

Директора от правительства возглавляли отделения вкладов и трансферта, учета векселей, ссуд под товары и кассирское, состоявшее из трех касс (общая касса для хранения вкладов и сумм, ежедневная касса приема сумм, ежедневная касса выдачи сумм). В 1821 году было создано пятое, контрольное, отделение. Впервые в истории российской банковской системы в структуре казённых банков было выделено отдельное подразделение, занимавшееся ревизией документации и счетоводства, а также составлением общей (сводной) бухгалтерии⁷⁴⁷. Такое решение было принято исходя из опыта предшествующего времени, когда проверка деятельности казённых банков, вскрывавшая многочисленные злоупотребления, проводилась от случая к случаю.

В отделениях банка, кроме директоров, состояли бухгалтер и контролер «с нужным числом помощников»⁷⁴⁸. Они назначались по представлению управляющего банком с утверждения министра финансов. Низшие служащие (счетчики и др.) принимались на службу Правлением банка и были обязаны в строгости хранить банковскую тайну.

⁷⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 620. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 — 12 об.
⁷⁴⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. 34. № 26837. С. 269.

Принцип, по которому входившие в Правление банка директора отвечали за проведение определенных банковских операций, позднее был перенесен в Государственный банк. Его корни лежали в устройстве крупнейших монопольных эмиссионных банков Европы, прежде всего Банка Франции, с устройством которого Д.А. Гурьев был знаком.

Правление Коммерческого банка заседало ежедневно. Оно решало вопросы, связанные с деятельностью банка и внутренним распорядком, предоставляло министру финансов свое мнение о варьировании процентной политики и претворяло в жизнь его указания. Если директора «от правительства» были обязаны являться на заседания каждый день, то директора «от купечества» — только два раза в неделю.

Первый управляющий Коммерческим банком Александр Иванович Рибопьер (1781–1865) начинал свою карьеру военным и дипломатом. Он получил блестящее образование и слыл довольно дружелюбным и общительным собеседником. Современники считали его *«типом изящного маркиза»* и *«вполне придворным человеком, но в лучшем значении этого слова»*⁷⁴⁹. Развитию его кругозора способствовало знакомство при европейских дворах — в основном в Вене — с влиятельными людьми Европы (в том числе, с французским дипломатом Ш.-М. Талейраном и одним из адъютантов Наполеона I Ф. де ла Биллардери).

Рибопьер был приглашен на место управляющего Коммерческим банком лично Гурьевым, который хорошо знал еще его отца, офицера русской армии швейцарского происхождения⁷⁵⁰, близкого к Г.А. Потемкину и рекомендовавшего своего соотечественника Ф.-Ц. Лагарпа в качестве учителя будущего императора Александра I.

⁷⁴⁹ Русская старина. 1877. Т. 1. Кн. 4. С. 460–461.

⁷⁵⁰ Рибопьеры происходили из старинного эльзасского дворянского рода (*Ribaupierre*), представители которого с конца XVI века осели в Швейцарии. Традиционно Рибопьеры были военными, служившими под знаменами европейских монархов. В правление Екатерины II отец А.И. Рибопьера Иван Степанович Рибопьер (1754–1790) с рекомендации Вольтера поселился в России и был принят офицером в русскую армию.

В своих воспоминаниях Рибопьер отвел Коммерческому банку несколько строк, в то время как основная их часть посвящена встречам, балам и описанию светской жизни. Для него служба в банке была лишь будничной работой. В такой постановке вопроса кроется распространенный в то время взгляд на это учреждение как место службы, по престижности уступавшее военной или дипломатической карьере. Для дворянина в России заниматься коммерцией было делом едва ли не предосудительным.

Банковская корпоративная культура этого времени была близка ушедшему XVIII веку, и в этом смысле назначение А.И. Рибопьера было характерным. Считалось, что банком может управлять любой способный чиновник, и при этом иметь узко профессиональные познания вовсе не обязательно. Гораздо важнее личная преданность высокому покровителю. Поэтому администрация банка *«наполнялась людьми, совершенно не подготовленными к той деятельности, где им приходилось работать»*⁷⁵¹. Показательно, что первый профессиональный банкир во главе государственного банка был назначен только в 1860 году — уже в эпоху реформирования страны.

По мнению Д.А. Гурьева, банк мог приносить реальную пользу купечеству только с развитием его операций в крупных торговых центрах, не ограничиваясь С.-Петербургом и Москвой. Поэтому сразу после открытия Коммерческого банка начались работы по созданию его филиальной сети. За время министерства Д.А. Гурьева было учреждено более половины всех контор банка. Крупнейшей была Московская, учрежденная 5 августа 1818 года с основным капиталом в 4 млн рублей. В 1819 году по ходатайству генерал-губернатора Новороссии графа Александра Федоровича Ланжерона была учреждена контора в Одессе с капиталом в 3 млн рублей, которая должна была ссужать *«всякого состояния купцов русских и негоциантов иностранных»*⁷⁵². В том же году контора банка была учреждена в Архангельске (с капиталом

⁷⁵¹ Судейкин В.Т. Государственный банк, исследование его устройства, экономического и финансового значения. СПб., 1891. С. 124.

⁷⁵² См.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2592. Л. 1 об.

П. Косицкий. Портрет графа Александра Ивановича Рибопьера (с оригинала Дж. Доу). 1824 год. Холст, масло. 71 × 62,5 см. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фотограф П.С. Демидов.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2016

На подлинномъ написано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

Быть по сему

АЛЕКСАНДРЪ.

С. Петербургъ
5 Августа 1818.

У Ч Р Е Ж Д Е Н І Е.

Московской Конторы Коммерческаго Банка.

Г Л А В А I.

Положенія общія.

§ 1.

На основаніи 5 статьи Высочайшаго Манифеста отъ 7 Маія 1817 учреждается въ Москвѣ Контора Государственнаго Коммерческаго Банка, которая имѣетъ производить слѣдующія операціи:

1. Пріемъ вкладовъ.
 - а.) Для храненія.
 - б.) Для трансферта.
2. Учетъ векселей.

§ 2.

Операціи сія Контора производитъ по правиламъ, для оныхъ въ Уставѣ Коммерческаго Банка постановленнымъ.

§ 3.

Всѣ права и преимущества частнымъ капиталамъ, Коммерческому Банку вѣрнымъ, принадлежатъ, присвоются также и капиталамъ, которые будутъ вносимы въ Московскую оную Контору для трансферта и храненія.

§ 4.

Для произведенія учета векселей, Московской Конторѣ назначается часть капитала находящагося въ обращеніи въ Коммерческомъ Банкѣ. Часть сія можетъ быть умножаема или уменьшаема смотря по состоянію Кассы Коммерческаго Банка, и по надобности усиленія въ той или другой Синолицѣ пособій купечеству.

§ 5.

Назначеніе части капитала, равно умноженіе или сокращеніе оного опредѣляется Правленіемъ Банка съ утвержденія Министра Финансовъ.

Г Л А В А II.

Составъ Конторы и порядокъ опредѣленія Чинowników.

§ 6.

Въ Конторѣ полагается одинъ Управляющій; два Директора отъ Правительства и два избираемые отъ купечества.

§ 7.

Управляющій и Директоры составляютъ присутствіе Конторы.

§ 8.

Управляющій и два Директора опредѣляются Министромъ Финансовъ съ Высочайшаго утвержденія; Директоры же отъ купечества избираются на основаніи Устава Коммерческаго Банка.

в 2 млн руб.). В 1820 году контора банка появилась в Риге (с капиталом в 2 млн руб.), в 1821 году — в Астрахани, в 1839 году — в Киеве, в 1843 году — в Харькове⁷⁵³, в 1847 году — в Екатеринбурге. На время ярмарок с 1820 года открывались отделения в Нижнем Новгороде, с 1841 года — в Рыбинске, с 1846 года — в Ирбите и с 1852 года — в Полтаве. Таким образом, в составе учреждений Коммерческого банка к 1860 г. было 7 контор, располагавшихся в наиболее развитых городах империи, и 4 отделения⁷⁵⁴.

Такое небольшое по меркам Российской империи количество филиалов отражало общее развитие торговых оборотов в стране. С другой стороны, к большому развитию филиальной сети не стремился и сам банк из-за затрат. Похожей политики в то время придерживались и европейские кредитные учреждения. Не говоря уже об акционерных коммерческих банках, которые долгое время не развивали сети своих отделений в провинции (классическим примером в этом смысле могут быть английские депозитные банки); монопольные эмиссионные банки Европы стали открывать свои филиалы позднее: Банк Франции — с 1835 года, а Австрийский банк — с 1848 года⁷⁵⁵.

Вполне естественно, что при создании контор Коммерческий банк копировал собственное устройство. Об этом красноречиво писал один из чиновников, осмотревший устройство Московской конторы банка и нашедший, что она «по своим частям совершенно одинакова с... Коммерческим банком»⁷⁵⁶. Важным элементом этого сходства было присутствие во всех конторах «директоров от купечества» — советников по кредитованию при управлении этих учреждений.

⁷⁵³ Контора Коммерческого банка в Харькове была учреждена в 1843 году временно «в виде опыта на два года для производства ссуд под залог сельских произведений, и в особенности шерсти». В 1849 году эта временная контора была преобразована в постоянно действующее учреждение.

⁷⁵⁴ В документах отделения в Нижнем Новгороде и Рыбинске назывались конторами, однако, в отличие от других контор Коммерческого банка, они не работали круглогодично.

⁷⁵⁵ Коклен Ш. О кредите и банках. СПб., 1861. С. 244; Гиндин И.Ф. О кредите и банках докапиталистической России // Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — нач. XX в.). М., 1997. С. 465.

⁷⁵⁶ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1387. Л. 3.

Однако в проведении операций конторы руководствовались изданными для них различными документами, в которых учитывалась специфика экономики отдельных регионов. Так, Екатеринбургская контора по своему уставу выдавала ссуды под залог железа и меди сроком от 3 до 12 месяцев⁷⁵⁷. Одесской конторе позволялось покупать золото и серебро в иностранной монете, и таким образом осуществлять обмен иностранной монеты на российскую⁷⁵⁸. Здесь проводились операции по продаже российского зерна в Европу — через выставляемые платежные поручения, за которые банк взимал комиссию в 1/4%. С помощью таких документов, выписывавшихся после получения Коммерческим банком тратт от европейских коммерсантов, торговые посредники в Одессе получали наличные деньги, которые использовались при расчетах за зерно с землевладельцами⁷⁵⁹. *«Это были деньги русских дворян, — писал известный в Москве банкир Андреас Ценкер (1855–1928), — которые буквально целыми возами в серебре и ассигнациях доставлялись в Москву... Такое происходило после сбора урожая в больших поместьях, когда зерно, шерсть и рапс продавались, прежде всего, еврейским, греческим и английским экспортным торговым домам»*⁷⁶⁰.

Астраханская контора банка могла принимать в залог по ссудам товары, не обозначенные в уставе, но составлявшие специфику местной торговли — азиатский шелк и хлопок. По Уставу Харьковской конторы, она могла выдавать ссуды под шерсть, водку, селитру, сахар и табак. Полтавское отделение выдавало ссуды под залог шерсти, но только Харьковской акционерной компании.

Банковские филиалы в провинции создавались прежде всего для кредитной поддержки российского купечества и преследовали конечной целью увеличение торговых оборотов. *«Не имея*

⁷⁵⁷ Обзорение промышленности и торговли. 1861. Ноябрь. С. 78.
⁷⁵⁸ Боровой С.Я. Кредит и банки в России: середина XVII в. — 1961 г. М., 1958. С. 216.
⁷⁵⁹ Татаринов С.В. Путешествие за серебряным рублем: Россия середины XIX в. глазами французского банкира // Деньги и кредит. 2013. № 3. С. 74.
⁷⁶⁰ Andreas Zenker. Geschäftiges Russland. Erinnerungen eines Bankiers. St. Petersburg 2004. S. 19.

большой нагрузки в Санкт-Петербурге, — обобщал современник в 1847 г., — Коммерческий банк являлся достаточно эффективным в более удаленных областях России. Кроме того, он выполнял важную задачу по доставке наличных банкнот путем их перевозки или отправления в различные пункты обширной Российской империи»⁷⁶¹.

Создание таких филиалов не имело ничего общего с желаниями или требованиями самого купечества, которое во многих случаях оставалось консервативным и пассивным и вообще старалось меньше связываться с властями, предпочитая государственному кредиту межкупеческие связи и займы. Банковские чиновники сами добывали сведения о торговле в регионах для определения потребной для кредитования суммы. Так, в письме А.И. Рибопьера управляющему Московской конторой банка Еврафу Гавриловичу Рогожину, написанному 23 июня 1819 года, директору конторы Ивану Алексеевичу Колесову, командированному в Нижний Новгород, было указано «доставить... подробное сведение о ходе в нынешнем году тамошней торговли»⁷⁶². А.И. Рибопьер обещал «подкрепить» кассу конторы деньгами для развития вексельного учета. При этом он рекомендовал обращать на эту операцию даже полученные проценты (дисконт) — «чем пособие купечеству хотя несколько распространится»⁷⁶³.

Интерес к Нижегородской ярмарке объяснялся значительными объемами учета векселей. Поэтому уже в следующем после командировки И.А. Колесова году в Нижнем Новгороде открылось временное отделение («банковая контора») Коммерческого банка. Она ежегодно открывалась на время проходившей там ярмарки — с 20 июля по 20 августа, как было сказано в Уставе отделения, «для подкрепления и облегчения коммерческих оборотов»⁷⁶⁴.

Операции Нижегородского отделения (учет векселей и переводы сумм) производились ежедневно с 9 часов утра до

⁷⁶¹ Цитата приведена по изданию: Татаринов С.В. Указ. соч. С. 76.

⁷⁶² ЦГА Москвы. Ф. 620. Оп. 1. Д. 7. Л. 14 — 14 об.

⁷⁶³ Там же.

⁷⁶⁴ РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 799. Л. 2.

2 часов дня и с 5 до 9 часов вечера, не только в будни, но и («по случаю кратковременности действия конторы») в праздники⁷⁶⁵. Примечательно, что сведения о нежелательных клиентах — купцах с протестованными векселями — присылали из Правления Коммерческого банка.

Чиновники контор и отделений набирались из разных мест, о чем красноречиво говорят архивные документы по Московской конторе Коммерческого банка. 26 августа 1818 года туда были назначены два директора «от правительства»: один, Петр Иванович Шмит, из контролеров Коммерческого банка в С.-Петербурге, а другой, Сергей Семенович Волчков — из директоров Московского отделения Ассигнационного банка. Проблема укомплектования штата остро встала в связи с дефицитом образованных профессионально подготовленных специалистов. Поэтому удовлетворяли прошения о приеме на службу служащих и даже купцов и мещан из самых разных мест: нижегородской губернской почтовой конторы, Коммерческого банка в С.-Петербурге, московского почтамта и т.д. *«Не имея в виду никого из свободных банковских чиновников для определения бухгалтерами в Московскую государственного Коммерческого банка контору, — писал А.И. Рибопьер Д.А. Гурьеву, — я нахожусь в необходимости поместить на таковые вакансии ревельского купца Якова Вейценбрейера и мещанского сына Федора Брунса, коих познания по сей части и способность к скорому и верному ведению книг делает их весьма нужными для службы»*⁷⁶⁶. Приглашение этих выходцев из Прибалтики было весьма характерным для предшествующего столетия, когда лучшими считались банковские специалисты европейской выучки. Однако одним из главных поставщиков кадров оставался Коммерческий банк в С.-Петербурге и московский почтамт.

Еще к концу 1818 года штат конторы не был полностью укомплектован даже в отношении высшего звена. Управляющий

⁷⁶⁵ РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 799. Л. 2; Ефимкин А.П., Ковалева Т.И., Харламов В.А. Главный банк Нижнего Новгорода. Т. 1. Н. Новгород, 2000. С. 17.

⁷⁶⁶ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1273. Л. 58.

Вступил.

Правленіе
Государственнаго
Коммерческаго
Банка.

Московской сего Банка Контора.

№ 2102 1818.
№ 1702

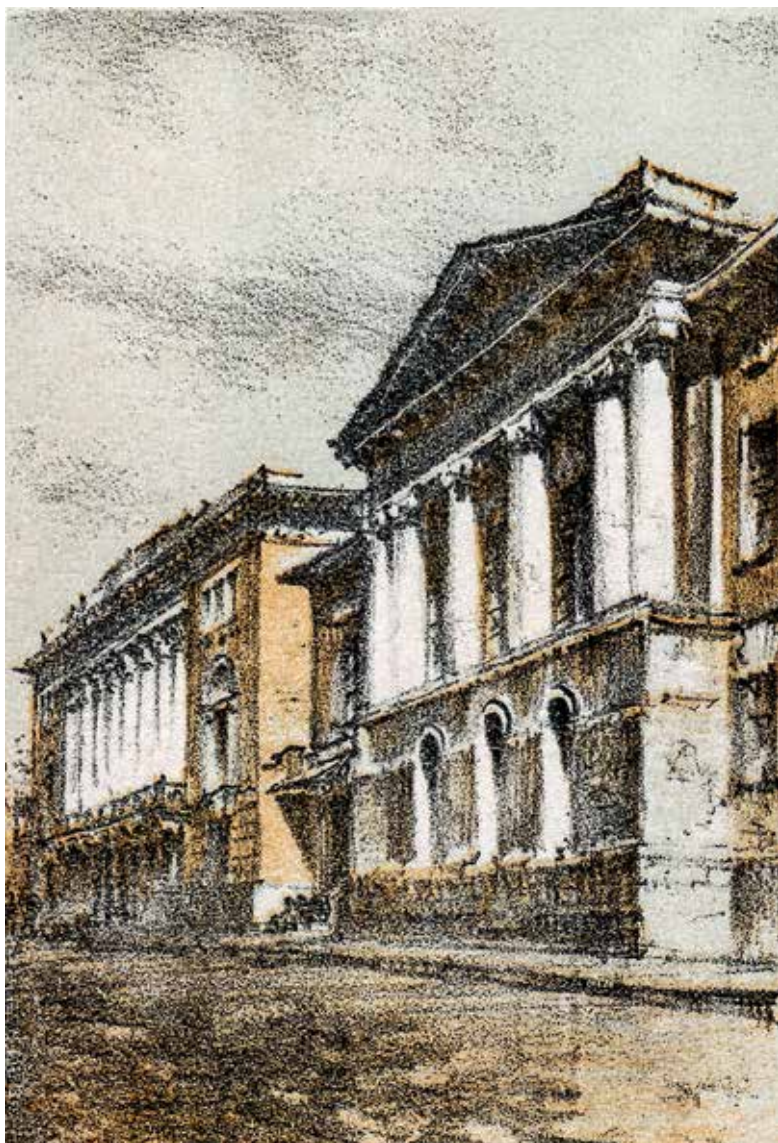
с препровожденіем
копій с указаго
Вектеля и форму
вернаго списка.

Препровождаю при сиих копиях
с указоваго Правительствующаго Ве-
келя 1го отъ 29го Августа 1818го
за № 23003го о Высочайше кон-
фирмованномъ учрежденіи Москов-
ской Конторы Коммерческаго Банка
и штатъ оной и 2го отъ 11го
Витгера 1818го за № 23774го о
Витій директорамъ оной Конто-
ры Колесникову Вектнику Шибату
и Надворному Вектнику Волкову.
Правленіе Банка предлагаетъ
принять оныя къ надлежущему
сведенію и исполненію, а при-
томъ приложить и копию

его формулярного списка о службе
Коллежского Советника Шмита, по
расписанному из контролеров Ком-
мерческого Банка Директору

Подписали: из Московскую Кантору
Управляющий А. Риббоверт, Директор
М. Еруменцев, Приб. Министр В. Даргомыжский

Письмо о назначении директоров
в Московскую кантору Коммерческого
банка, 1818 год. Российский
государственный исторический архив

Здание Московской конторы
Коммерческого банка («дом Луниных»),
рисунок Э.Б. Бернштейна. Открытка
1950-х годов

конторой Евграф Гаврилович Рогожин был определен с должности первого директора Ассигнационного банка только в декабре этого года. В это же время директорами от купечества стали купцы первой гильдии Семен Сергеевич Гусятников и Иван Алексеевич Колесов. Это были известные торговой Москве люди. Известно, что предки Гусятникова, происходившие из природных москвичей, разбогатели в XVIII веке на питейных откупах. Торгуя в петербургском порту, они продавали, в том числе, водку и французский коньяк; были владельцами полотняной и шляпной фабрик⁷⁶⁷.

7 декабря 1818 года *«статский советник Рогожин уже готов к отъезду в Москву, — отписывал управляющий банком министру финансов, — а как он по недостаточному своему состоянию не имеет к тому способов, то долгом себе поставлю испросить... дозволения выдать ему единовременно на подъем с семейством три тысячи рублей»*⁷⁶⁸.

В конце декабря 1818 года под надзором Е.Г. Рогожина в контору доставили денежный капитал⁷⁶⁹ — сумму, определенную на проведение активных операций; а 2 января 1819 года *«по совершении приличного священнослужения»* она была открыта. На следующий день начали вести банковские операции, которые, однако, ограничивались переводами сумм (преимущественно в С.-Петербург и Одессу) и учетом векселей (за счет сумм, пересылаемых из Коммерческого банка в С.-Петербурге).

По указанию Д.А. Гурьева А.И. Рибопьер был командирован в Москву на 28 дней: с конца января по конец февраля 1819 года. Очевидно, его встретили в Белокаменной весьма гостеприимно, и по возвращении в С.-Петербург в письме к Е.Г. Рогожину он писал: *«Я приятным поставил себе долгом засвидетельствовать перед господином министром финансов, что открытие Московской Коммерческого банка конторы и заведенный в оной порядок течения дел найдены*

⁷⁶⁷ Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 144–145.

⁷⁶⁸ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1273. Л. 69.

⁷⁶⁹ К 1822 году капитал конторы (сумма, определенная на проведение кредитных операций) составлял 18 млн руб. Его планировали довести до 20 млн руб. (ЦГА Москвы. Ф. 620. Оп. 1. Д. 7. Л. 1).

мной в совершенном устройстве»⁷⁷⁰. Рибопьер уверял Рогожина, что поддержит его просьбы относительно «начисления сумм, потребных на расходы конторы в течение сего 1819 года», а также об увеличении штата⁷⁷¹. Свое обещание он сдержал: на «обзаведение» конторы у министра финансов было испрашено 8 тысяч рублей в счет ее будущих прибылей.

Вследствие того, что здание Учетной конторы в Москве было неудобным и тесным, а также из-за небольших выделенных средств на обзаведение было решено просить помощи у Московского Купеческого общества: «Не согласится ли оно назначить удобный для помещения сего заведения дом от себя»⁷⁷². Купечество откликнулось на просьбу и предложило банку за небольшую арендную плату дом Лаврова на Тверской улице, недалеко от университетского пансиона.

Попытка приобрести для конторы банка этот особняк в центре Москвы натолкнулась на очень высокую цену, предложенную купцом Лавровым (250 тысяч рублей) и не увенчалась успехом. Из нескольких предложенных вариантов наиболее оптимальными сочли покупку двух смежных владений по Никитскому бульвару — вдовы генерал-поручика А.С. Луниной и статского советника Ф.И. Пфеллера. Летом 1821 года они были куплены за приличную цену — вместе с налогами и ремонтом она составила более 423 тыс. рублей ассигнациями, причем часть средств была получена от 0,25%-ного сбора по учету векселей⁷⁷³.

11 сентября 1821 года Московская контора Коммерческого банка переместилась в только что отремонтированный дом. К этому времени в штате конторы находилось 34 человека, включая четырех маклеров. Бухгалтерия по строительству проходила через С.С. Гусятникова, который 17 октября 1821 г. отписывал А.И. Рибопьеру: «Имею честь донести Вашему Превосходительству, что контора в прошедшем месяце переместилась в новый

⁷⁷⁰ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1303. Л. 4.

⁷⁷¹ Там же. Л. 4 — 4 об.

⁷⁷² Там же. Д. 1273. Л. 19.

⁷⁷³ ЦГА Москвы. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1.

дом и расположена весьма удобно и слишком просторно; равным образом и все чиновники, занявшие уже свои квартиры, остаются оными чрезвычайно довольны. Поспешающее в контору купечество восхищается как домом, так и внутренней его отделкой»⁷⁷⁴.

Здание Московской конторы представляло прекрасный образец классической архитектуры послепожарной Москвы. Жилые квартиры служащих были объединены в единый комплекс с офисными помещениями, включая зал торжественных приемов, где устраивались угощения. Аллегорическая роспись на плафоне одного из парадных помещений изображает божество с рогом изобилия, источающим монеты. Мотив рога изобилия — символа достатка и процветания — используется и в ажурных металлических дверных ручках. Этот символ отражал банковское предназначение общественного здания, которое стало украшением города⁷⁷⁵.

Появление в Москве источника дешевого кредита вызвало в первое время большие размеры учета. Так, с января по март 1820 года он простирался до 8,65 млн рублей, а в течение всего 1820 года было учтено векселей на 32,69 млн рублей⁷⁷⁶. Официально контора учитывала векселя от 8 дней до 6 месяцев до наступления платежа. Фактически, видимо, значительная часть учтенных векселей относилась к 5–6-месячным.

Круг клиентов конторы по учету включал купцов из разных регионов: гжатских — Ивана и Григория Петровичей Чероковых, вологодского — Ивана Алексеевича Колесова, серпуховских — Сергея и Василия Васильевичей Варгиных, калужского — Ивана Тихоновича Усачева, московских — Семена Сергеевича Гусятникова, Василия Феоктистовича Глухарева, Ильи Федоровича Калашникова, Николая Тимофеевича Ремезова, Илью Васильевича Четверикова, Николая и Петра Агеевых, Александра

⁷⁷⁴ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1409. Л. 169.

⁷⁷⁵ С 1982 года в здании бывшей Московской конторы Государственного Коммерческого банка размещается Государственный музей искусства народов Востока (современный адрес здания: Москва, Никитский бульвар, д. 12 а).

⁷⁷⁶ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1409. Л. 78 об.; Д. 1360. Л. 13 об.—14.

Дмитриевича Грачева, Семена Федосеевича Столбова и др.⁷⁷⁷ В списке предъявителей векселей значатся также коломенские, арзамасские, переславские, костромские и др. купцы. Таким образом, деятельность конторы распространялась на значительную часть Центральной России.

Большие объемы операции учета вынудили Е.Г. Рогожина просить Правление Банка об увеличении штата вверенного ему учреждения⁷⁷⁸. Маклеры конторы Григорий Кольчугин и Иван Капобус работали неравномерно. В отличие от большого количества предъявленных векселей от Кольчугина, от Капобуса их было предъявлено почти в четыре раза меньше по количеству и в пять раз меньше по общей сумме. Главной причиной тому было слабое знание Капобусом русского языка, вследствие чего он был вынужден пользоваться услугами наемных ассистентов⁷⁷⁹.

На Григория Никитича Кольчугина (1779–1835) в первые годы работы конторы легла основная нагрузка по отбору вексельного материала для учета. Для Е.Г. Рогожина это был настоящий подарок — этот коммерсант хорошо знал многих российских купцов и их обороты. Сын торговца книгами (его отец торговал в лавке издателя Н.И. Новикова), Г.Н. Кольчугин получил хорошее домашнее образование. Он воспитывался вместе с детьми сенатора А.М. Обрескова; свободно владел французским и немецким языками. До определения в Московскую контору он исполнял должность гофмаклера, а с 1815 г. — маклера в Учетной конторе Ассигнационного банка в Москве⁷⁸⁰.

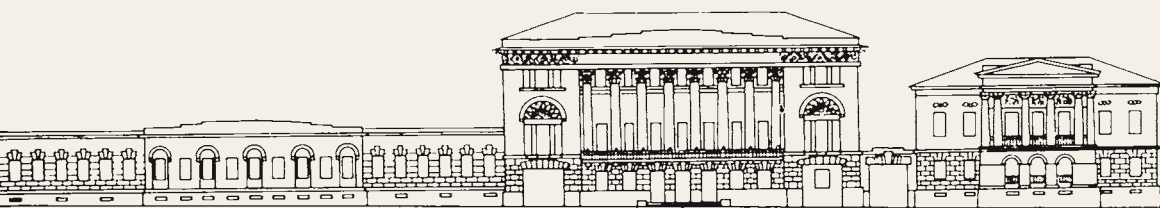
В 1819 году ввиду острой потребности увеличения оборотного капитала для учета векселей А.И. Рибопьер не только подкрепил контору новым денежным вливанием, но и разрешил Е.Г. Рогожину обращать на учет векселей проценты, получаемые

⁷⁷⁷ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1409. Л. 28 об. — 29, 39, 120 — 120 об., 143, 144 об. — 145; 186 об. — 187.

⁷⁷⁸ ЦГА Москвы. Ф. 620. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 — 17.

⁷⁷⁹ Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2001. С. 290–291.

⁷⁸⁰ Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII — первой четверти XIX в. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М., 2002. С. 64, 158–159.

с использования уже имеющегося капитала (в 2 млн руб.)⁷⁸¹. В декабре этого же года Рибопьер разрешил использовать на учет векселей часть суммы (до 1 млн руб.), предназначенной для трансфертов (переводов)⁷⁸².

Среди активных операций Московской конторы Коммерческого преобладал учет векселей, в то время как подтоварные ссуды не получили большого развития⁷⁸³. Разграбление и пожар Москвы в 1812 году, вследствие чего сильно пострадали товарные залоги, показали уязвимость ссудной операции, что поставило Московскую учетную контору на грань неликвидности. Этот печальный опыт был учтен впоследствии.

Учитываемые в Московской конторе векселя относились к простым. Эта особенность, сохранявшаяся и много позднее, еще во второй половине XIX века, составляла заметное различие с европейским вексельным обращением, основу которого составляли переводные векселя.

Интересно, что объемы учета в Московской конторе стали снижаться с появлением временного Нижегородского отделения. Это свидетельствует о значительном количестве учитываемых в конторе «ярмарочных» векселей, отражавших торговлю всего центра России (Великороссии). 5 августа 1820 года, вскоре после учреждения отделения, Е.Г. Рогожин отписывал А.И. Рибопьеру:

⁷⁸¹ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1324. Л. 1.

⁷⁸² Там же. Л. 4, 5.

⁷⁸³ Морозан В.В. Указ. соч. С. 289–292.

Роспись потолка одного из залов здания
Московской конторы Коммерческого
банка, 1820-е годы

«По сведениям из Нижнего Новгорода дошедшим, на ярмарке русскими фабричными изделиями начали торговать очень хорошо, так что требуют присылки новых товаров, чего фабриканты никак себе и предположить не могли, за что в один голос благодарят правительство, что тариф⁷⁸⁴ исполняется; а с тем вместе можно надеяться, что и временная контора по своим операциям не останется без дела. Московской же конторы дела начали идти очень слабо, потому что купечество на ярмарке, и мы только большей частью тем и занимаемся, что платежами» — трансфертами⁷⁸⁵. Вследствие этого Рибопьер распорядился открыть в Московской конторе дебет и кредит по новому счету, отражавшему переводы, связанные с Московской конторой и Нижегородским ярмарочным отделением.

* * *

Пример Московской конторы показателен для всей системы Коммерческого банка. Получив от учетных контор долг по кредитным операциям в 545 векселя на общую сумму 6,8 млн руб., банк за год учел векселей почти на 11 млн руб. серебром⁷⁸⁶. Уже в 1818 году правление банка ходатайствовало об учете векселей купцов третьей (низшей) гильдии, которые не допускались к кредитованию в учетных конторах⁷⁸⁷. Об успехах первых лет деятельности Коммерческого банка его управляющий А.И. Рибопьер писал, что созданное им учреждение принесло «великую пользу торговле, промышленности и кредиту»⁷⁸⁸.

Такое большое развитие вексельного учета в Коммерческом банке было примечательно уже потому, что прежние государственные кредитные учреждения развивали в основном операцию выдачи подтоварных ссуд. Векселя, считавшиеся

784 Имеется в виду таможенный тариф 1819 года, отменявший запреты на ввоз товаров, понижавший ставки на ввоз сырья, полуфабрикатов и товаров.

785 РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1360. Л. 62 об.

786 Klaus Heller. Die Geld-und Kreditpolitik des russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43). Wiesbaden 1983. S. 143.

787 Судейкин В.Т. Государственный банк. Его экономическое и финансовое значение. М., 2012. С. 147.

788 Рибопьер А.И. Записки // Русский архив. 1877. Т. 2. Кн. 5. С. 7.

ненадежным обеспечением, принимали к учету редко. Даже в Европе в это время учет векселей получил распространение лишь в крупных торговых центрах.

Успехи Коммерческого банка обратили внимание Д.А. Гурьева к дальнейшим проектам на благо промышленности и торговли. В 1821 году он выступил с проектом ликвидации Заемного банка и учреждения на его остаточных капиталах Государственной страховой конторы. Ее предполагалось учредить при Коммерческом банке вместо существовавшей при Заемном банке Страховой экспедиции⁷⁸⁹.

В 1822 году по инициативе министра финансов был принят протекционистский таможенный тариф. Он искусственно

⁷⁸⁹ Этот проект был отвергнут, и ресурсы Заемного банка продолжали искусственно поддерживать платежеспособность помещиков.

сдерживал импорт и облегчал конкуренцию с иностранными изделиями товаров отечественного производства, прежде всего текстиля. Тариф, в частности, запрещал *«привоз шелковых изделий пестрых и печатных»*. Ограничения касались ввоза в Россию товаров, аналогичные которым производились в стране. Не удивительно, что после 1822 года в России начинает бурно развиваться легкая промышленность, особенно в 1830–1840-е годы. В связи с этим увеличиваются и обороты ярмарок; наиболее крупными среди них были Нижегородская (Макарьевская), Полтавская, Ирбитская.

Проекты Д.А. Гурьева вызвали негативную реакцию двора. Ему ставили в укор, что за восемь лет мира в России не «исправились» финансы и что инициированные им заграничные займы обогатили только Ротшильдов⁷⁹⁰. Великий князь Константин, наместник в Царстве Польском, был недоволен ущемлением польских фабрикантов. В поддержке министру отказал даже прежде благоволивший к нему А.А. Аракчеев. В 1823 году под давлением интриг Д.А. Гурьев покинул пост министра финансов. В том же году кресло управляющего Коммерческим банком оставил А.И. Рибопьер⁷⁹¹.

Смена власти в Министерстве финансов не замедлила отразиться на деятельности Коммерческого банка. Раскритиковавший финансовые проекты своего предшественника, Егор Францевич Канкрин искажил первоначальную идею этого учреждения, превратив его в ресурс Казначейства. Он считал, что российское купечество недостаточно развито, чтобы с отдачей использовать казённые деньги, развивая промышленность и торговлю. Не считая нужным расширять филиальную сеть, Е.Ф. Канкрин в 1828 году отказал открыть контору банка в Тифлисе (Тбилиси) под предлогом, что местное купечество *«не достигло еще надлежащей степени европейской образованности»*⁷⁹². Когда в 1830 году Польский банк обратился с инициативой установить корреспондентские

⁷⁹⁰ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 426.

⁷⁹¹ Рибопьер А.И. Записки // Русский архив. 1877. Т. 2. Кн. 5. С. 5.

⁷⁹² Боровой С.Я. Указ. соч. С. 220.

отношения с Коммерческим банком, Канкрин отказал из-за необходимости противодействовать польскому влиянию. По таким же основаниям он в 1838 году распорядился ликвидировать Бердичевское агентство Польского банка.

Приход в министерство Е.Ф. Канкрин совпал с расследованием злоупотреблений в Коммерческом банке, что имело серьезные последствия для развития купеческого кредитования. С 1821 года в вексельном портфеле банка обнаружилось немало неблагонадежных и даже поддельных векселей. В этом году их было протестовано более чем на 514 тыс. рублей, причем одни фальшивые векселя купцов М. Полюхова и С. Вагина были выписаны на сумму более 250 тыс. рублей⁷⁹³.

Такое стало возможно прежде всего из-за порочного порядка раздела куртажных денег в Коммерческом банке. Размер этих «комиссий» за предоставление в банк векселей был индивидуален для каждого маклера и зависел от общей суммы, предъявленной к учету. Погоня за большим куртажем поощряла маклеров набирать больше вексельного материала, не особо заботясь о его качестве. Маклер Уваров, принимая векселя Полюхова, даже не удосужился навести справки о его платежеспособности — так же как и маклер Масс, принявший к учету векселя Вагина. Ведь, как показывала практика, в худшем случае эти посредники лишались куртажных денег, не неся никакой ответственности за убытки банка⁷⁹⁴.

Несмотря на то что оба купца были связаны в основном с С.-Петербургом, большое количество фальшивок неожиданно обнаружилось и в Москве. В письме к управляющему Московской конторой Е.Г. Рогожину от 5 июня 1821 года А.И. Рибопьер просил обратить его *«полное внимание»* на кредитоспособность окредитованных по векселедательству в конторе лиц. В С.-Петербурге стало известно, что *«многие купцы, бывшие до сего времени несостоятельными и приостановившие платежи свои, ныне пользуются от конторы значительным*

⁷⁹³ Ламанский Е.И. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени. СПб., 1854. С. 95.

⁷⁹⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 12. Д. 356. Л. 11 — 11 об.

кредитом»⁷⁹⁵. Рогожин пытался рассеять сомнение управляющего банком: главной причиной протестов, по его мнению, являлись короткие сроки вексельного кредита, несоразмерные с оборотом многих купцов: «Здесь торговля кяхтинскими товарами (прежде всего чаем. — А.Б.) и фабричными изделиями производится завсегда на большие сроки — и не менее от 12 до 14 месяцев — почему может ли кто обойтись без вексельных обязательств?»⁷⁹⁶. «Между тем я разведal, что все лица из доверенности одного к другому, хотя покупки или продажу товаров делают на большие сроки, но векселями обязываются на малые, дабы можно было представлять их к учету, от чего и выходят от одного на другого многие векселя и на большие суммы. Но при всем том то справедливо, что ни один вексель не был заменен другим, а завсегда контора получит прежде платеж наличными деньгами, чем сделает выдачу»⁷⁹⁷.

⁷⁹⁵ Там же. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1409. Л. 105.

⁷⁹⁶ Там же. Л. 121.

⁷⁹⁷ Там же.

Однако Е.Г. Рогожин не стал успокаиваться — он решил сам негласно провести ревизию во вверенном ему учреждении. Оказалось, опасения С.-Петербурга не напрасны. Маклеры брали высокие куртажи за прием векселей, что фактически означало неприкрытые взятки, так как процент куртажа был четко определен⁷⁹⁸. Рогожин стал проверять и «благонадежности» клиентов конторы: московских купцов Николая и Петра Ларионовых, Агеевых, Николая Гаврилова Протопопова, раненбургского купца Алексея Иванова Попова и нежинского грека Ивана Ставрова Меласа: *«Сколько я ни разведывал всеми способами о делах Агеевых и прочих, даже и при самом отъезде их на ярмонку (Нижегородскую ярмарку. — А.Б.) — но уверяю Ваше Превосходительство честным словом, что ни от одного человека не слышал о упадке их кредита, кроме*

⁷⁹⁸ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1409. Л. 123.

что все вообще жалуются на торговлю, которая по обстоятельствам для их самая невыгодная — чтоб не стесняя, уменьшать понемногу кредит, отчего в конторе накопилось уже капитала до двух миллионов рублей»⁷⁹⁹.

Неприятной неожиданностью стало распечатанное в С.-Петербурге письмо, написанное на имя А.И. Рибопьера купцом и директором от купечества С.С. Гусятниковым 14 ноября 1821 года: «По распоряжению конторы нахожусь я с 8 числа при производстве в III департаменте магистрата самого неприятнейшего дела, свидетельства руки векселей, выданных Полюховым в банк, которое весьма медленным образом производится... По сей день открылось, что подписи в векселях... оказались несходными»⁸⁰⁰. В итоге за все поплатился сам С.С. Гусятников, которого в 1824 г. судили за составление 25 фальшивых векселей на общую сумму в 250 тыс. рублей⁸⁰¹.

Между тем количество протестов в Московской конторе увеличивалось год от года. С 1821 по 1834 год было протестовано 50 векселей на сумму около 290 тыс. рублей. Продажей имущества должников контора медленно возвращала деньги; но еще к 1850 г. из этой суммы не было погашено 39,5 тыс. рублей⁸⁰².

Порой дела принимали анекдотичный оборот. Так, московский купец И.Х. Мантов, на которого был выписан протестованный в 1821 году вексель (на 8 тыс. руб.), неожиданно скрылся. Лишь в 1835 году обнаружилось, что он «прежде удовлетворения сего по векселю долга уволен из купеческого сословия и находится на службе в Санкт-Петербургской полиции квартальным надзирателем»⁸⁰³.

Впрочем, несмотря на продажи имущества, некоторые из упомянутых в списках фамилий должников — как, например, Горюновы и Поляковы — продолжали благополучно процветать и во второй половине XIX века. Не исключено, что дело было вовсе не бесхитростно — в духе архаических купеческих нравов того времени.

⁷⁹⁹ Там же. Л. 128.

⁸⁰⁰ Там же. Л. 167.

⁸⁰¹ Морозан В.В. Указ. соч. С. 333–334.

⁸⁰² ЦГА Москвы. Ф. 620. Оп. 1. Д. 370. Л. 10 — 27 об.; Там же. Д. 423. Л. 20–28.

⁸⁰³ Там же. Д. 370. Л. 11.

* * *

В 1828 году только что назначенный управляющим Коммерческим банком действительный статский советник Антон Иванович Миллер был командирован в Москву, Одессу и Ригу «для *освидетельствования... сумм*» в тамошних конторах Коммерческого банка. Со стороны казалось, что это обычная ревизия. Мало кто знал, что Е.Ф. Канкрин, обеспокоенный выявленными злоупотреблениями и заручившись поддержкой царя, решил тщательно все проверить.

Очень скоро в центре внимания оказалась Астраханская контора. Уже в 1828 году ей было указано обращать особенное внимание на платежеспособность клиентов. Несмотря на это, долг купцов рос год от года. Назначенный из С.-Петербурга новый управляющий конторой Николай Федорович Остолопов⁸⁰⁴ (известный также и как незаурядный поэт) попытался вернуть часть долгов и в 1830 году хотел арестовать имения крупных должников братьев А.В. и Н.В. Всеволожских⁸⁰⁵. В Кавказскую палату уголовного и гражданского суда было направлено соответствующее прошение, но оказалось, что все имения и души были уже давно заложены в Сохранной казне Московского воспитательного дома⁸⁰⁶. В итоге конторе так ничего и не досталось, а в 1833 году Остолопов скоропостижно умер.

Масштабная ревизия конторы, организованная в 1833–1834 годах, выявила, что невозврат составляет миллионные суммы. С 1828 по 1832 год долг по учету векселей составил 2,7 млн рублей, по учету срочных обязательств и по рассроченным вексельным долгам — 0,9 млн рублей, по учету товарных обязательств — 0,2 млн рублей, не считая других долгов. Среди должников были купцы из Астрахани, С.-Петербурга, Москвы и других городов.

⁸⁰⁴ Остолопов Николай Федорович (1782–1833), чиновник и поэт, управляющий Астраханской конторой Коммерческого банка в 1829–1833 годах.

⁸⁰⁵ Всеволожские были крупными кизлярскими помещиками и рыбопромышленниками.

⁸⁰⁶ Волков Ю. Л. Банковские учреждения в Астрахани: историко-экономические очерки. Ч. 2. Астрахань, 2008. С. 96.

Из-за большой задолженности Астраханской конторы было принято решение о ее ликвидации⁸⁰⁷. По императорскому указу от 16 декабря 1831 года она прекращала свои операции и в течение трех следующих лет должна была работать лишь как учреждение по возврату кредитов (окончательно контора была упразднена предписанием Правления Коммерческого банка от 28 сентября 1832 года)⁸⁰⁸.

Для решения проблемы возврата долгов в самом Коммерческом банке было создано «Временное отделение для взыскания по протестованным векселям». Оно открылось 17 сентября 1829 года. Ему вменялось в обязанность составлять ведомости о протестованных векселях, где указывались векселедатели, обеспечение кредита, дата протеста, уплата сумм по векселю, долги по векселям и принятые по данному протестованному векселю меры⁸⁰⁹.

Канкрин находил причину подобных явлений в том, что *«капитал познаний в народе не получил еще соразмерного расширения»*⁸¹⁰. В 1829 году он внес в специально созданный комитет, занимавшийся проблемой банковских процентов, записку, в которой объяснял упадок частного кредита в России. В числе причин он называл *«упадок купеческой нравственности»*, в том числе из-за попустительства Коммерческого банка⁸¹¹. Большие размеры вексельных кредитов, по его мнению, часто не соответствовали характеру торговых оборотов, что приводило к увеличению количества должников и убыткам банка.

Тремя годами ранее (в 1826 году) был изменен и прежний порядок раздела куртажных денег, оставшийся неизменным весь дальнейший период деятельности Коммерческого банка. Отныне комиссии за предоставление к учету векселей стали делиться поровну между маклерами, а не по факту суммы, предъявленной

⁸⁰⁷ ЦГА Москвы. Ф. 620. Оп. 1. Д. 109; Оп. 2. Д. 345.

⁸⁰⁸ РГИА. Ф. 586. Оп. 2. Д. 2105. Л. 1; Волков Ю. Л. Указ. соч. С. 96–97.

⁸⁰⁹ Это «Временное отделение» просуществовало вплоть до 1860 г. и было ликвидировано вместе с самим банком.

⁸¹⁰ Цитата приведена по изданию: Судейкин В. Т. Государственный банк, исследование его устройства, экономического и финансового значения. СПб., 1891. С. 116.

⁸¹¹ Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. Т. 1. Пг., 1917. С. 8.

к учету каждым из них. Таким образом, маклеры стали как бы отвечать друг за друга за качество предъявляемых ими векселей.

С 1831 года Коммерческому банку и его конторам было запрещено выдавать в одни руки более 10 тыс. рублей ассигнациями. В дальнейшем максимальный размер вексельных ссуд стал определяться принадлежностью купца к гильдии. Так, купец первой гильдии мог учитывать в банке векселя до 60 тыс. рублей, второй — до 30 тыс. рублей, а третьей — до 7,5 тыс. рублей в год. При этом на «качество» векселя по-прежнему не обращали должного внимания. По свидетельству современника, «кредит в банке считался большей частью постоянным пособием без отношения к совершаемым операциям»⁸¹². Чтобы получить из банка большую сумму, московские дельцы записывали в купечество своих приказчиков. Это породило известное в деловых кругах выражение «Такой-то ходит с таким-то»⁸¹³.

Посетивший С.-Петербург в 1847 году заместитель управляющего Банком Франции Шарль Верн (Vernes)⁸¹⁴ счел описанный порядок кредитования ненормальным, обратив внимание на небольшие объемы вексельной операции Коммерческого банка по сравнению с Банком Франции. Он обратился к министру финансов Ф.П. Вронченко с предложениями улучшить работу Коммерческого банка.

Проект был написан на французском языке в конце мая или начале июня 1847 года. Вронченко отослал его министру иностранных дел Карлу Васильевичу Нессельроде (1780–1862), «*прося покорнейше по прочтении... возвратить*» (Нессельроде, однако, оставил у себя в канцелярии копию записки, которая сохранилась в Архиве внешней политики Российской империи⁸¹⁵).

⁸¹² Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. 2. М., 1905. С. 106–107.

⁸¹³ Там же.

⁸¹⁴ Шарль Верн посетил Россию в 1847 году в связи с приобретением российским правительством французских рентных бумаг на 50 млн рублей (см.: РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 7.; Татаринов С.В. История покупки Россией французской ренты в 1847 году — в контексте итогов финансовой политики Е.Ф. Канкрин // Деньги и кредит. 2011. № 9. С. 60–66).

⁸¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. Д. 47 (1847 г.). Л. 286–290.

В проекте Верн сравнивал операции и устройство Коммерческого банка и Банка Франции по многим вопросам, от процедуры учета векселей до состава некоего подобия «учетного комитета» (*Comité d'Escompte*). Он предлагал увеличить объемы учетной операции банка, уничтожить институт маклеров, ответственных за прием векселей, отменить лимиты вексельного учета и уменьшить дисконтный процент — то есть приблизить учетную операцию в Коммерческом банке к нормам Банка Франции.

Предложения Верна были рассмотрены, однако не получили одобрения⁸¹⁶. Они встретили непонимание российского министра финансов, который, доложив о них Николаю I, заручился одобрением последнего ничего не менять в работе Коммерческого банка.

Неудивительно, что на протяжении длительного времени вексельный учет в банке не испытывал тенденции к росту. Если в первые годы работы банка он ежегодно превышал 20 млн рублей, в отдельные годы составляя до 40 млн рублей и более (в 1820–1821 годах), то в 1830-е годы учет векселей в среднем держался на отметке 10 млн рублей. На таком же уровне эта операция сохранялась и в 1840-е годы. При этом среди, казалось бы, «надежных» векселей возрастало количество протестов. К 1852 году неликвидные активы банка составляли 10% всех средств, размещенных в кредиты⁸¹⁷.

Со времени министерства Е.Ф. Канкрин в Коммерческом банке развивалась главным образом вкладная операция, подстегиваемая высокими процентными ставками. Показательно, что срочные вклады принимали лишь в самом банке и двух его конторах: Одесской и Киевской. Другие же конторы банка, включая Московскую, не принимали вкладов и для проведения кредитных операций довольствовались суммами, отсылаемыми

⁸¹⁶ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 2542. Л. 349–364.

⁸¹⁷ Ламанский Е.И. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени. СПб., 1854. С. 93.

Г. № 2.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

СЧЕТНАЯ ВЫПИСКА ИЗЪ ОТ

ДЕБЕТЪ.

О ВКЛА

	Рубл.	Коп.
1) Истребовано въ 1840 году.		
По Банку	26,991,096	р. 63 к.
— Конторамъ :		
Одесской	4,754,594	» 91 »
Кіевской	180,085	» 37 »
	31,925,776	91
2) Осталось къ 1 Января 1841 года.		
По Банку	80,797,459	» 48 »
Конторамъ :		
Одесской	13,587,007	» 15 »
Кіевской	1,382,566	» 57 »
	95,766,913	21
БАЛАНСЪ	127,692,690	12

Вкладная операция Коммерческого
банка в 1840 году (по страницам
«Отчета государственных кредитных
установлений» за 1840 год, изданного
в С.-Петербурге в 1842 году)

Р

КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ.

ЧЕТА СЕГО БАНКА ЗА 1840 ГОДЪ.

ДАХЪ.

КРЕДИТЪ.

	Рубл.	Коп.
1) Состояло по 1 Января 1840 года.		
По Банку	76,125,670 р. 50 к.	
— Одесской Конторѣ	15,043,150 » 93 »	
	60,168,821	23
2) Поступило въ 1840 году.		
По Банку	31,662,965 р. 82 к.	
— Конторамъ :		
Одесской	5,298,451 » 13 »	
Кіевской	1,562,451 » 94 »	
	58,525,868	89
БАЛАНСЪ		
	127,692,690	12

из С.-Петербурга. Это обстоятельство обращало внимание московских купцов на Сохранную казну Московского воспитательного дома, которая с течением времени сделалась резервуаром частных вкладов в Первопрестольной. Там можно было положить сбережения под 5% — в то время как торговля и промыслы, по мнению некоторых купцов, приносили меньшие доходы⁸¹⁸. Также многие обращали свои капиталы на покупку домов и недвижимых имений, а иные вообще выходили из гильдий, не желая платить высоких налогов и сборов⁸¹⁹.

Справедливо замечание историка Саула Яковлевича Борового о том, что не следует переоценивать значение роста банковских вкладов: *«Соотношение между празднoleжащим и функционирующим капиталом свидетельствовало о слабом развитии в России хозяйственной жизни и предпринимательской деятельности»*⁸²⁰.

В развитии вкладной операции в дореформенных банках его оппонент Иосиф Фролович Гиндин усматривал процесс первоначального накопления капитала в России⁸²¹. Он скорректировал выводы С.Я. Борового относительно категорий заемщиков: рост вкладов мог отражать не столько размещение капиталов буржуазией, сколько капитализацию прибыли помещиков, главным образом мелких и средних, которые таким образом находили *«буржуазное оформление своему накопительству»*⁸²².

Эти вклады концентрировались главным образом в С.-Петербурге. Сохранившаяся статистика не дает возможности уточнить их происхождение. К. Хеллер предполагает, что это могли быть частные и «общественные» капиталы, а также деньги иностранцев, привлекаемые в Россию большой процентной ставкой и краткими сроками⁸²³.

⁸¹⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 158. Л. 29 об.

⁸¹⁹ Там же. Л. 29 об. — 31.

⁸²⁰ Боровой С.Я. Указ. соч. С. 221.

⁸²¹ Гиндин И.Ф. О кредите и банках докапиталистической России // Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 461–479.

⁸²² Там же. С. 472.

⁸²³ Klaus Heller. Die Geld-und Kreditpolitik des Russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/1843). Wiesbaden 1983. S. 145.

Несоответствие между большим развитием вкладной операции и незначительным помещением привлеченных средств в кредиты в Коммерческом банке объяснялось пока еще небольшими потребностями растущего капиталистического хозяйства в кредитах и в их зачастую рисковом характере для банка. Еще в 1819 году А.И. Рибопьер советовался с чиновниками Министерства финансов, стоит ли оставить в Москве присланные в контору Коммерческого банка 2 млн рублей: *«Известясь, что в летние месяцы тамошняя торговля весьма бывает незначительна, а потому и учет векселей не может в сие время быть распространен, я прошу Вас, милостивый государь мой (письмо адресовано управляющему Московской конторой Коммерческого банка Е.Г. Рогожину. — А.Б.), немедленно меня уведомить, считаете ли вы нужными, по местным сведениям, последние присланные из правления банка в контору два миллиона рублей удержать в Москве и найдет ли сей капитал надлежащее употребление; в противном случае оные могут быть возвращены в банк, дабы не напрасно пролеживать в конторе»*⁸²⁴.

Е.Ф. Канкрин в первые годы своего управления Министерством финансов в качестве одной из главных ставил проблему *«непомерного количества капиталов»* в государственных банках. Он считал их *«праздными суммами»*, которые в Коммерческом банке *«достаточного сбыта не находят»*⁸²⁵. Между тем по этим вкладам выплачивался довольно высокий процент (5%). Не считая нужным развивать коммерческое кредитование купечества, Министерство финансов сочло необходимым понизить процент (до 4%; снижение процента произошло в 1830 году) и найти иное применение накопившимся средствам. Их стали использовать на нужды Казначейства и поддержку дворянства.

С 1824 года Коммерческий банк начал передавать оставшиеся без использования вклады в Заемный банк *«для приращения процентами»*. В середине XIX века таким образом

⁸²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 620. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

⁸²⁵ Отчет государственных кредитных установлений за 1824 год. СПб., 1826. С. 3.

передавалось в среднем от 90% до 95% всех поступавших вкладов в банк (к концу 1855 г. — 212,46 млн руб.; к концу 1856 г. — 222,02 млн руб.; к концу 1857 г. — 229,37 млн руб.). Другим не менее важным помещением привлеченных средств были кредиты Казначейству, долг которого государственным кредитным установлениям в 1859 году достиг 443 млн рублей. На его финансовую поддержку были направлены осуществлявшиеся банком с 1820-х годов покупки билетов Государственной комиссии погашения долгов и даже ассигнаций. Так, в 1827 году Коммерческому банку было предложено купить ассигнаций на 5,6 млн рублей⁸²⁶. Создавалась ситуация, когда Коммерческий банк становился чем-то вроде «депозитной кассы» Заемного банка — скорее его придатком, чем полноценным банком краткосрочного коммерческого кредита.

Положение изменилось лишь в начале царствования Александра II, в конце 1850-х годов. Этот период характеризовался резким подъемом кредитных операций банка, которые по своим объемам были сопоставимы с кредитованием в первые годы деятельности этого учреждения. По выводам И.Ф. Гиндина, по объему учета векселей в 1859 году (47,6 млн рублей) Коммерческий банк развивал операции примерно в таких же объемах, что и банки германских государств, вместе взятые⁸²⁷. Однако при этом следует заметить, что гипертрофированные объемы учетной операции в этом году не были характерны для Коммерческого банка, и еще в середине 1850-х годов они в среднем находились на уровне 20 млн рублей.

Причину такого роста следует искать во введенных правительством в 1857 году льготах, направленных на «преподавание торгующему сословию больших средств к развитию своих оборотов»⁸²⁸. Согласно утвержденному Александром II 10 июня 1857 г. Мнению

⁸²⁶ Судейкин В.Т. Государственный банк, исследование его устройства, экономического и финансового значения. СПб., 1891. С. 125.

⁸²⁷ Гиндин И.Ф. О кредите и банках докапиталистической России // Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России... С. 466.

⁸²⁸ Отчет государственных кредитных установлений за 1856 г. СПб., 1858. С. 6.

Государственного Совета, были увеличены размеры ссуд из Коммерческого банка и его контор, выдаваемых под залог билетов государственных кредитных установлений, Комиссии погашения долгов, облигаций Царства Польского, дворянских кредитных обществ, Лифляндского крестьянского банка и Рижского биржевого комитета. Кроме того, по высочайшему повелению от 6 декабря 1857 года по ходатайству биржевого петербургского купечества был значительно увеличен список залогов: в него временно (до 1 апреля 1858 г.) включили ряд импортных продуктов (свинец, олово, индиго, сахар и др.)⁸²⁹. А в Московской конторе была отменена привязка лимитов кредита к гильдиям и разрешено принимать к учету 9-месячные векселя (по высочайшему повелению от 20 ноября 1859 г.)⁸³⁰. Этими льготами купцы воспользовались

829 Отчет государственных кредитных установлений за 1856 г. СПб., 1858. С. 6.

830 РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 263. Л. 252 — 253 об.

Биржа в С.-Петербурге. Гравюра из книги Жана-Мари Шопена 'Russie', изданной в Париже в 1838 году

довольно быстро, тем более в условиях вызванного денежным кризисом экономического упадка⁸³¹.

Конечно, действительная потребность в кредитовании торгово-промышленного оборота была намного выше. Ограничения кредитных лимитов в Коммерческом банке, бюрократическая волокита и коррупция заставляли купцов изыскивать альтернативные источники получения кредита. Занимали либо у знакомых купцов, либо у старообрядческих общин, наконец, у ростовщиков. Нередко у купцов даже считалось стыдом учесть вексель в Коммерческом банке. Покупая товар под векселя, многие ставили условие, чтобы векселя не предъявлялись там к учету.

С другой стороны, в России того времени культура оформления вексельной сделки во многих случаях была еще в зачаточном состоянии. Экономист Иван Кондратьевич Бабст (1823–1881) так писал о дедовских устоях русского купечества: *«Через Рыбинск переходит в год хлебным товаром и монетой до 30 млн руб., а форма кредита имеет такой же отпечаток доверенности. Купцы доверяют*

⁸³¹ См.: Шипов А.П. Куда и отчего исчезли у нас деньги? СПб., 1860. С. 33–34.

друг другу значительные суммы по запискам на простом листе бумаги без соблюдения всяких форм, и временная Рыбинская контора Коммерческого банка, куда их предъявляется ежегодно на 100 тыс. руб., не может их принимать»⁸³².

Что касается С.-Петербурга, то в городе, как и прежде, были сильны позиции европейских коммерсантов, в том числе и принявших российское подданство. В этом смысле показателем большой удельный вес этой категории купцов в директорах от купечества Коммерческого банка. Так, в последние годы его деятельности двое из четырех директоров носили европейские фамилии. Поэтому С.-Петербург с его неплохо налаженными кредитными операциями не был показателем для всей России, а оставался своего рода европейским анклавом в обширной империи.

Одним из таких директоров от купечества был Константин Христианович (по другим данным — Константин Августович) Эстеррейх (1794 — после 1874), фридрихсгамский первой

⁸³² Вестник промышленности. 1860 г. Июль. С. 113.

гильдии купец. В 1857–1860 годах он состоял в должности директора от купечества в Коммерческом банке, одновременно исполняя поручения придворного банкира барона Александра Людвиговича Штиглица. Предприимчивый делец был управляющим на принадлежавшей барону фирме, торговавшей сахаром (бывший сахарный завод Я.Н. Молво). На вопрос: как такое может быть, что владелец сахарного завода сам служит наемным управляющим, — тот ответил: *«На заводе моем управляющий получает от меня столько-то, а я здесь получаю более, чем вдвое»*⁸³³.

Когда Штиглиц в 1860 году был назначен первым управляющим Государственным банком, он назначил Эстеррейха заведующим Отделением заграничных операций в новом банке. Казённое содержание фридрихсгамского купца было меньше

⁸³³ Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. / Сост. В.А. Кошелев. М., 2006. С. 368.

прежнего, получаемого у Штиглица, и потому последний даже отказался от своего жалования в пользу Эстеррейха⁸³⁴.

В 1866 году Штиглиц был вынужден оставить кресло управляющего банком из-за крупных неудач в поддержании курса рубля. Тем временем министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн посчитал необходимым сосредоточить эту операцию непосредственно под своим надзором в Особенной канцелярии по кредитной части. Эстеррейх, *«известный своей в сем деле опытностью»*⁸³⁵, был переведен на новое место работы, и через несколько лет в уважение его заслуг он был возведен в потомственное дворянское достоинство Российской империи (в 1874 году)...

* * *

Ключевое событие русской истории середины XIX века — Крымская война 1853–1856 годов — прямо отразилась на деятельности казённых банков, и в частности Коммерческого банка. Война обнажила несовершенство работы государственной банковской системы. Крымская война стоила казне 528 млн рублей⁸³⁶. Для ее финансирования было эмитировано около 423 млн бумажных рублей⁸³⁷, что на 80% покрыло связанные с ней расходы. Но эта сумма не исчезла бесследно. Перекочевав в карманы чиновников и купцов, она отозвалась ростом вкладов в казённых банках. К 1856 году сумма процентных вкладов в Коммерческом банке превысила денежные средства, розданные на учет векселей и в подтоварные ссуды, почти в 24 раза. Насыщение денежного рынка вызвало временное оживление торговли и (начиная с 1856 года) стимулировало привоз импортных товаров. Однако оно не сопровождалось ростом производства, что вызвало кризисные явления.

⁸³⁴ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 274. Л. 354 — 354 об.

⁸³⁵ Там же. Л. 353 об. — 354.

⁸³⁶ Кауфман И.И. Государственные долги России // Вестник Европы. 1885. № 2. С. 575.

⁸³⁷ Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910. С. 216, 217.

Большие по объему привлеченные средства не находили достаточного размещения в краткосрочных активах. Из-за невозможности уплачивать в государственных кредитных учреждениях высокие проценты по частным вкладам они 20 июля 1857 года были понижены с 4% до 3%. Это вызвало отток сбережений, который нарастал как снежный ком. Его стимулировали инфляция и начавшееся акционерное учредительство — капиталы переключивались в ценные бумаги компаний. В 1857 году истребование вкладов превысило вложения на 11 млн рублей, в 1858 году — на 52 млн рублей, а в 1859 году — на 104 млн рублей⁸³⁸. По свидетельству современника тех событий, в будущем сенатора и члена Государственного совета Федора Густавовича Тернера (1828–1906), «после войны в банках накопилось в виде вкладов несколько сот миллионов рублей кредиток и билетов, которые не находили себе употребления... Министерство финансов ошибочно усмотрело в этом явлении избыток капиталов и... понизило проценты на вклады, что имело последствием вытеснение всех этих излишних денег на рынок, создание искусственного предложения не существовавших в действительности капиталов; и окончательным результатом оказалось необычайное развитие предприимчивости и грюндерства, а затем — грозный крах и разорение массы возникших дел»⁸³⁹.

В ходе борьбы с отливом вкладов в 1859 году была открыта подписка на государственные 4%-ные непрерывно доходные билеты, по сути, облигации казны⁸⁴⁰. Они принимались в залог «казёнными местами» по нарицательной цене, а между частными лицами — «по взаимному соглашению». Так правительство хотело удержать вклады в банках. Однако лишь небольшая часть публики обменяла вклады на 4%-ные билеты.

Учреждение акционерных обществ, обещавших хорошие дивиденды, подстегивало желание изымать вклады,

⁸³⁸ Боровой С.Я. Кредит и банки в России: середина XVII в. — 1861 г. М., 1958. С. 277.

⁸³⁹ Тернер Ф.Г. Воспоминания жизни. Ч. I. СПб., 1910. С. 143.

⁸⁴⁰ Билеты выпускались номиналами в 250 руб., 500 руб., 1 000 руб., 5 000 руб., 10 000 рублей.

Билет (депозитная квитанция)
Коммерческого банка десять рублей
серебром, 1840 год. Собрание Гознака

а прекращение выдач ссуд под залог недвижимости (по высочайшему повелению от 16 апреля 1859 г. и указу от 1 сентября 1859 г.) усиливало этот процесс. В течение 22 месяцев со времени понижения процентов из Заемного и Коммерческого банков, а также сохранных казен, было вынута вкладов на сумму до 143 млн рублей, что вызвало резкое ослабление касс этих кредитных учреждений (они сократились с 1857 по 1859 год со 150 млн руб. до 20 млн рублей)⁸⁴¹.

В ноябре 1858 года в правительственных кругах было принято решение о заключении очередного внешнего займа на 75 млн рублей «для подкрепления разменного фонда Экспедиции кредитных билетов»⁸⁴². Как писалось во всеподданнейшей докладной записке министра финансов, составленной в ноябре 1858 года, «вырученную от займа сумму [следует] употребить единственно на поддержание достоинства кредитных билетов, и то количество оных, которое будет выменено на эту сумму, изъять из обращения»⁸⁴³. «При сем комитет, однако, признал, что означенного внешнего займа недостаточно для поддержания курса наших кредитных билетов, и что для сего необходимо будет принять меры еще более действительные. Комитет с тем вместе, обратив особенное внимание на шаткое положение наших кредитных установлений, наличность касс коих значительно уменьшается, между тем как истребование вкладов постоянно возрастает — полагал бы необходимым, чтобы министр финансов сообразил в подробности меры, которые могли бы послужить как к окончательному обеспечению достоинства кредитных билетов, так и к упрочению положения банковых учреждений»⁸⁴⁴.

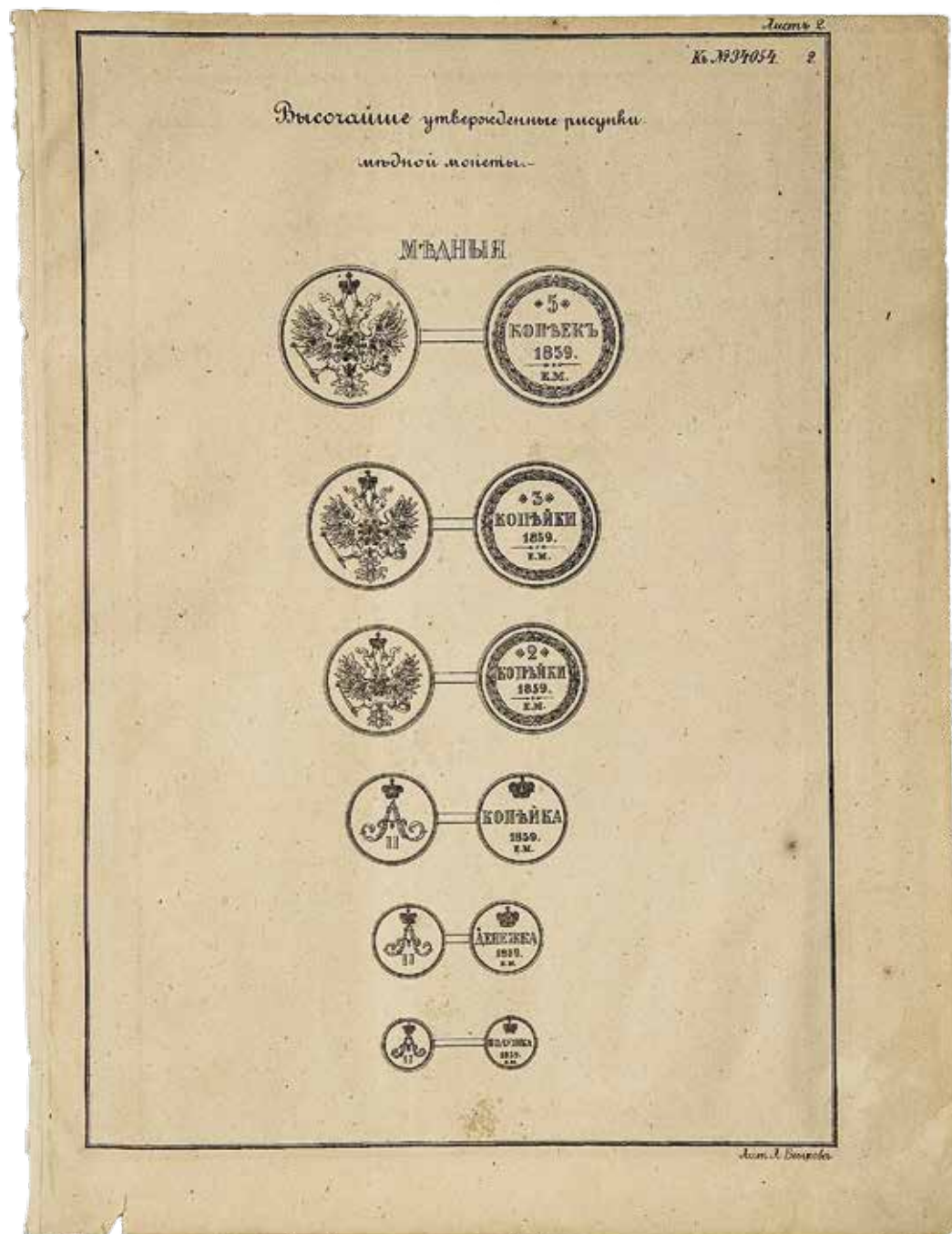
Учрежденная 10 июня 1859 года Комиссия по реформированию Коммерческого банка, признав беспомощность дореформенной кредитной системы, приняла решение о постепенном

⁸⁴¹ Отчет государственных кредитных установлений за 1859 г. СПб., 1860. С. 4.

⁸⁴² РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 329. Л. 26.

⁸⁴³ Там же.

⁸⁴⁴ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 329. Л. 27 — 27 об.

Высочайше утвержденные рисунки
медной монеты. Литография А. Беггрова,
1859 год. Музейно-экспозиционный фонд
Банка России

преобразовании банка в новое кредитное учреждение. В представленной на обсуждение комитета финансов докладной записке министр финансов Александр Максимович Княжевич признал, что «несостоятельность банков сделалась очевидной и кризис для них положительно наступил. Паллиативные меры теперь недостаточны, потому что причины кризиса не скоропереходящие, но вытекают из самих оснований банковых операций»⁸⁴⁵. Прежде всего имелась в виду неспособность Коммерческого банка своевременно и в полном объеме выплачивать вклады. Одновременно работала комиссия о земских банках, целью которой была разработка плана оптимизации государственного ипотечного кредитования. Эти банковские комиссии в рамках спасения государственной кредитной системы разработали план их преобразований, включавший, в том числе, консолидацию вкладов через выпуск пятипроцентных билетов, подлежащих обмену на вкладные билеты государственных кредитных установлений.

⁸⁴⁵ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 329. Л. 45 — 45 об.

С сентября 1859 года этот план, несмотря на возникавшие трудности, стал реализовываться. По воспоминанию директора Коммерческого банка Евгения Ивановича Ламанского, администрация банка первое время относилась к этой мере «несочувственно» и даже вела агитацию против подписки на 5%-ные билеты вследствие распространившегося известия о скором закрытии этого кредитного учреждения⁸⁴⁶.

Правительство предусматривало рассрочку погашения пятипроцентных банковских билетов⁸⁴⁷ на 37 лет начиная с 1861 года. Этот срок был ориентирован на длительный — в среднем 33 года — период погашения ипотечных ссуд в Заемном банке и сохранных казнах. Таким образом, устранялась главная диспропорция казённых банков — между долгосрочным активом и относительно краткосрочным пассивом.

Вклады приходилось консолидировать с большим трудом — публика приобретала билеты неохотно. Ламанскому пришлось даже создать в Коммерческом банке *«особое отделение из молодых людей»*, которое занималось подпиской и агитировало за нее. *«Благодаря принятым мерам в течение ноября и декабря 1859 года мною было консолидировано вкладов на сумму около 270 млн рублей»*⁸⁴⁸, — вспоминал он⁸⁴⁹.

Консолидация вкладов образовала внутренний долг, который подлежал погашению из будущих прибылей. Сложный узел проблем предпочли разрубать уже в новом учреждении, одновременно издав указ о ликвидации банка. 31 мая 1860 года Коммерческий банк был ликвидирован, а на его основе и по положениях нового устава был создан Государственный банк Российской империи, который получил по передаточному балансу

⁸⁴⁶ Ламанский Е.И. Избранные сочинения / Сост. А.В. Бугров. М., 2005. С. 126.
⁸⁴⁷ Пятипроцентные банковские билеты выпускались достоинством в 100 руб., 150 руб., 500 руб., 1 000 руб., а по указу от 19 октября 1859 г. — также и в 5 000 руб., 10 000 руб., 25 000 рублей.

⁸⁴⁸ По оценке министра финансов А.М. Княжевича, количество вкладов, обращенных в 5%-ные банковские билеты, в 1860 году простиралось до 277,8 млн рублей (Отчет государственных кредитных установлений за 1860 г. СПб., 1863. С. 2).

⁸⁴⁹ Ламанский Е.И. Избранные сочинения / Сост. А.В. Бугров. М., 2005. С. 126.

активы и пассивы казённых банков. Только из Коммерческого банка в него поступили капиталы (основной — 8,57 млн рублей, резервный — 1,74 млн рублей), процентные вклады на 72,27 млн рублей и трансферты на 1,74 млн рублей. Основная же сумма процентных вкладов (в 1860 году их состояло на 164,38 млн рублей) была консолидирована в непрерывно-доходные билеты (в основном 5%-ные)⁸⁵⁰.

⁸⁵⁰ Отчет государственных кредитных установлений за 1860 год. СПб., 1863. С. 7–8.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ГЛАВА V. БАНКОВСКИЙ
КОММЕРЧЕСКИЙ
КРЕДИТ

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ КРЕДИТ

При относительно небольших объемах операций казённых банков коммерческого кредита купцы были вынуждены обращаться к альтернативным источникам получения денег. До появления первых акционерных коммерческих банков ими были торговые дома, помимо продажи товаров занимавшиеся учетом векселей или выдачей ссуд. Довольно разнообразной по сословному составу группой были ростовщики-«интересаны», учитывавшие векселя из большого дисконта.

Об этих спекулянтах нам мало что известно. Архивы об их деятельности не сохранились, да и сами они предпочитали не афишировать свою деятельность. Ими могли быть как некоторые чиновники, так и сами купцы. Но дошедшие судебные дела на ростовщиков первой половины XIX в., как правило, связаны с дворянами. По-видимому, крупные ростовщики предпочитали работать с этой категорией заемщиков, отличавшихся потенциально высокой платежеспособностью.

Говоря о коммерческом кредите в России, мы сознательно опускаем историю прибалтийских учетных и торговых касс (*Discontokasse* или *Handlungskasse*), первая из которых была учреждена в Риге в 1736 году⁸⁵¹. Их деятельность ограничивалась территорией прибалтийских провинций и не оказывала влияние на развитие кредитного дела в России.

С 1810-х годов идея о том, что в России нужны частные банки коммерческого кредита, начинает постепенно распространяться в высшем обществе. Ее проповедовал член Государственного Совета адмирал Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), англоман, поклонник идей выдающегося английского экономиста Адама Смита. В 1811 году Мордвинов опубликовал книгу *«Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков»*, впоследствии несколько раз переиздававшуюся. Уже само название книги не оставляло сомнений, что ее автор однозначно выступает за развитие в России частных банков. Они, по его мнению, должны

⁸⁵¹ Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Т. 1. Пг., 1917. С. 25.

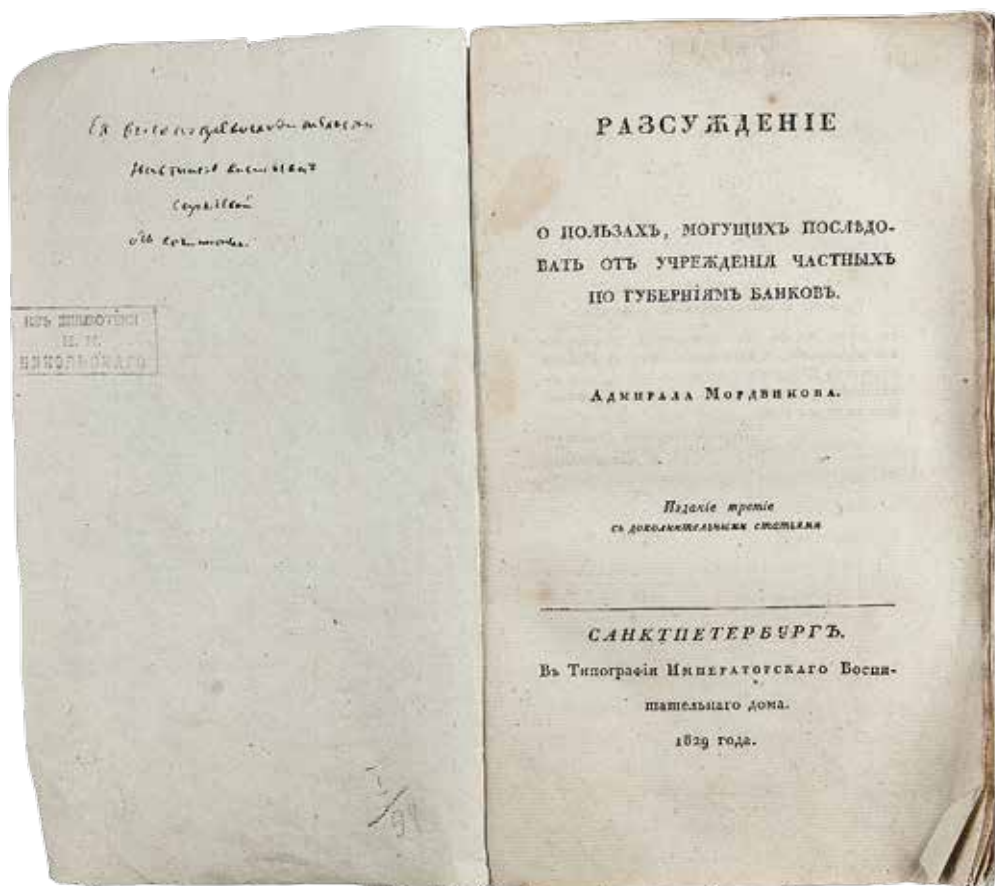
были учитывать векселя и заемные письма, выдавать ссуды под товары и принимать вклады. Такие банки, по мнению Н.С. Мордвинова, должны были быть в каждой губернии. *«Деньги, разделенные по всем частям государства... — писал он, — питают равно все тело. Тогда нивы обогащаются избыточно; болота превращаются в пажити; дикий лес уступает место насаждениям огородным и садовым; усадьбы размножаются и наполняются разными животными, орудиями и прочими хозяйственными потребностями; грады умножаются, и каждый богатеет ремеслами, промыслом и торговлей; усовершенствование распространяется повсюду и умудряется всякое состояние народа»*⁸⁵². Но эти идеи так и остались красивым «маниловским» прожектором.

Более конкретные проекты создания частных коммерческих банков в России стали подаваться в Особенную канцелярию

⁸⁵² Мордвинов Н.С. Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков. СПб., 1829. С. 20–21.

Дж. Доу. Портрет Николая Семеновича Мордвинова. 1826–1827 годы. Холст, масло. 241 × 156 см. Государственная Третьяковская галерея

по кредитной части в правление Николая I. В одном из них говорилось о создании коммерческого банка в Москве; его представил в 1836 году титулярный советник Петр Алексеевич Иовский. Заручившийся поддержкой состоятельных москвичей, он считал учреждение этого банка весьма полезным и пытался добиться для своего детища налоговых льгот. Новый банк должен был кредитовать промышленников под умеренные проценты, аккумулировать небольшие сбережения горожан, «которые по малости своей незаметно подвергаются трате и гибнут в пустых издержках»⁸⁵³.

853 Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Т. 1. Пг., 1917. С. 40.

Титульный лист книги Н.С. Мордвинова
 «Рассуждение о пользах, могущих последовать
 от учреждения частных по губерниям банков»
 (издана в С.-Петербурге в 1829 году) с автографом
 автора. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

Однако чиновники сочли, что учреждение такого банка было бы неудобно «по существованию в Москве Опекунского совета и Московской конторы Коммерческого банка»⁸⁵⁴. Об этом было доложено министру финансов Е.Ф. Канкрину, известному противнику частного кредита⁸⁵⁵. Поэтому неудивительно, что эта идея не нашла у него поддержки.

Проекты учреждения частных банков подавались и позднее. Известно, например, что в 1838 г. почетный гражданин Челышев безуспешно ходатайствовал «*об учреждении в С.-Петербурге и Москве частных разменных банков*»⁸⁵⁶. Спустя десять лет, в 1848 г., калужский гражданский губернатор предложил министру финансов «*оживить здешнюю торговлю понуждением купцов выйти из густого мрака, в котором они лениво остаются вследствие их грубого невежества... Сего достигнуть можно устройством биржи и банка для дисконтирования купеческих векселей*»⁸⁵⁷. Из совета министра финансов этот проект попал сенатору, князю С.И. Давыдову, который ревизовал Калужскую губернию. В свою очередь, он отнесся к нему крайне отрицательно, так как в учреждении биржи и банка не находил смысла и «действительной надобности».

Впрочем, были и реализовавшиеся проекты. Один из первых коммерческих банков в стране, организованных по частной инициативе, был создан купцом первой гильдии Ксенофонтом Алексеевичем Анфиловым⁸⁵⁸. Он был учрежден по указу от 29 октября 1809 года (открыт 2 января 1811 года) в г. Слободском

⁸⁵⁴ Там же. С. 42.

⁸⁵⁵ Е.Ф. Канкрин открыто выступал против частных банков. По его мнению, они поражали умственный капитал, «могущий быть употребляемым для разных предприятий и оборотов» (Судейкин В.Т. Наши общественные городские банки и их экономическое значение. СПб., 1884. С. 20).

⁸⁵⁶ Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Т. 1. Пг., 1917. С. 42.

⁸⁵⁷ Там же. С. 43.

⁸⁵⁸ Анфилов Ксенофонт Алексеевич (1761–1820), купец первой гильдии г. Слободского Вятской губ. (1787 г.), бургомистр магистрата г. Слободского (1789–1792, 1802–1804 гг.). Торговал разным товаром, в том числе хлебом, соленой рыбой и пушниной; имел собственные торговые корабли. Совладелец торгового дома «Илья Платунов, Лука и Ксенофонт Анфиловы» (1787 г.). Основатель акционерной Беломорской компании (1803). Имел торговую контору в Лондоне (с 1802 г.). Инициатор торговой экспедиции в Америку (1806–1807 гг., 1809 г.).

Вятской губернии и по времени основания стал вторым негосударственным кредитным учреждением после Общественного заемного банка в Вологде (1788 г.).

Основной капитал банка в Слободском был сформирован на пожертвования К.А. Анфилатова, внесшего 25 тыс. рублей (весь капитал банка первоначально составлял 28 800 руб. ассигнациями) и назначенного его директором. Первоначально он планировал создать «общественный банк» при местной Городской думе *«на правилах Заемного банка и учетных контор»*, но после одобрения его проекта в Комитете министров (в 1809 г.) бынку было присвоено официальное название «Банк Анфилатова», или «Слободской общественный Анфилатова банк». С 1820 года он находился в ведении Городской думы города Слободского. Его основными операциями были выдача ссуд (под залог недвижимости и *«ручные заклады»*) и учет векселей под *«указные проценты»*, принятые в государственных банках. Среди прочего Анфилатовский банк кредитовал строительство каменного Гостиного двора в Слободском (в 1832 году). По уставу банка, часть его капиталов или прибылей отчислялось на развитие *«полезнейших заведений»*: фабрик, школ, больниц и церквей⁸⁵⁹.

Однако Анфилатовский банк вел операции в ограниченных объемах (его капиталы к 1833 году составляли 131 тыс. рублей ассигнациями) и на небольшой территории (часть Вятской губернии)⁸⁶⁰.

Похожим образом развивалась история банка, организованного купцами первой гильдии почетными гражданами Иваном и Логином Логиновичами Медведниковыми в Иркутске. В 1834 году они в память своей умершей матери пожертвовали 70 тысяч рублей ассигнациями на устройство *«сиропитательного дома для призрения сирот женского пола»* (20 тыс. рублей)

⁸⁵⁹ См.: Замятин Г.А. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов: очерк жизни и деятельности. СПб., 1910.

⁸⁶⁰ Во второй половине XIX и в начале XX века это учреждение действовало на правах городского общественного банка. Ликвидировано на основании постановления Народного комиссариата финансов РСФСР от 2 декабря 1918 года «О ликвидации городских общественных банков».

и банка (50 тыс. рублей). Цель учреждения этого банка состояла в том, чтобы прибыль от кредитных операций направлялась бы на содержание и расширение этого детского приюта. «Должно заметить, — отмечал автор обзора истории российских банков Я.И. Печерин, — что тогдашнее иркутское городское общество, или, вернее сказать, несколько влиятельных в нем личностей, по своему невежеству неблагоприятно отнеслись к этому пожертвованию. Ивану

Купец Ксенофонт Алексеевич Анфилов,
с портрета начала XIX века

Логиновичу Медведникову надо было иметь много энергии и силы воли, а главное любви к этому предприятию, чтобы вопреки всем преградам и неприятностям осуществить свое предположение»⁸⁶¹.

Положения о «сиропитательном доме» и банке были утверждены императором Николаем I 20 июня 1836 года. Согласно документу о банке, он находился в ведении совета дома, а делопроизводство в нем велось «купеческим порядком». Банк принимал вклады и учитывал векселя. Сперва прием вкладов был ограничен 50 тыс. рублей ассигнациями, но через несколько лет увеличен до 175 тыс. рублей ассигнациями, или до 50 тыс. рублей серебром. Кредит же выдавался из расчета сначала до 2 тыс. рублей ассигнациями, а затем (с 1840-х гг.) — до 2 тыс. рублей серебром на одно лицо. Банк учитывал векселя как иркутских, так и иногородних купцов. Однако хорошего вексельного материала здесь было не очень много, и к середине XIX века объем вкладов в банке (общественных и частных) ежегодно стал превышать суммы выдач по кредитам. В итоге уже в 1850 году банк перевел 20 тыс. рублей «на приращение процентами» в Заемный банк.

Похожим образом в Российской империи до 1860 года было образовано еще 15 кредитных учреждений с относительно небольшими капиталами, обслуживавших в основном узкий слой местного купечества. При этом наряду с учетом векселей и выдачей ссуд эти банки выдавали ипотечные кредиты (под городскую недвижимость) и занимались благотворительностью. В условиях огромной империи они, конечно, не покрывали спроса на кредиты, заставляя купцов искать альтернативные способы займа денег. С течением времени все эти кредитные учреждения приобрели характер городских общественных банков⁸⁶².

⁸⁶¹ Печерин Я.И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904. С. 56.

⁸⁶² Текст устава Анфиловского слободского банка почти целиком вошел в Положение о городских общественных банках 1857 года и, таким образом, оказал большое влияние на организацию общественных городских банков.

Диплом о присвоении казанскому второй гильдии купцу Якимову Коровину потомственного почетного гражданина, 1852 год. Музейно-экспозиционный фонд Банка России

Частные и общественные банки, образованные до 1860 года ⁸⁶³

№ п/п	НАЗВАНИЕ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ	ГОД УЧРЕЖ- ДЕНИЯ	ГОД ОТКРЫТИЯ	ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ, ТЫС. РУБ.
1.	Вологодский банк	Вологда	1788	1790	2,26 (ассигнациями)
2.	Анфилатовский Слободской банк	Слободской	1809	1811	28,8 (ассигнациями)
3.	Ларинский банк	село Любучи (Рязанская губерния)	1817	1820	52 (ассигнациями, вместе с капита- лом училища)
4.	Городской Осташ- ковский купца Савина банк	Осташков	1818	1819	28,36 (ассигнациями)
5.	Иркутский при сиропитательном доме Е.Е. Медвед- никовой банк	Иркутск	1836	1838	50 (ассигнациями)
6.	Общественный Попова банк	Верхотурье	1836	Нет данных	50 (ассигнациями)
7.	Общественный банк Жукова в Порхове	Порхов	1843	Нет данных	10 (серебром)
8.	Томский об- щественный сибирский банк Попова	Томск	1843	1843	87 (серебром, общий капитал Института для воспитания де- виц и банка при нем)
9.	Общественный городской банк в Пензе	Пенза	1844	1845	5,7 (серебром)
10.	Общественный банк в Устюге	Устюг	1846	1846 (?)	33 (серебром)

⁸⁶³ РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 220. Л. 94; Печерин Я.И. Указ. соч. С. 45–82; Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII в. — первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 138–139.

№ п/п	НАЗВАНИЕ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ	ГОД УЧРЕЖ- ДЕНИЯ	ГОД ОТКРЫТИЯ	ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ, ТЫС. РУБ.
11.	Городской банк в Либаве	Либава	1847	1847 (?)	10 (серебром)
12.	Общественный банк в Зарайске	Зарайск	1847	1847 (?)	17 (серебром)
13.	Общественный банк в Ростове	Ростов	1847	Нет данных	15 (серебром)
14.	Общественный банк в Коломне	Коломна	1847	Нет данных	11,4 (серебром)
15.	Общественный банк в Казани	Казань	1847	Нет данных	25 (серебром)
16.	Обществен- ный банк в Архангельске	Архангельск	1847	Нет данных	50 (серебром)
17.	Общественный банк в Ирбите	Ирбит	1849	Нет данных	30 (серебром)

В условиях дефицита кредита купцы создавали своего рода подпольные банки, официально не зарегистрированные. Ярким примером такой кредитной деятельности является история становления многих купцов-старообрядцев в России в целом и в Москве в частности.

По оценкам исследователей истории старообрядчества, купцы-староверы занимали ведущее положение в московской текстильной промышленности и торговле в XIX — начале XX века⁸⁶⁴, «им же, но в значительно меньшей степени, принадлежала и торговля сельскохозяйственными продуктами»⁸⁶⁵. Так, из 26 крупнейших

⁸⁶⁴ О роли старообрядчества в развитии текстильной промышленности Москвы и Московской губернии см.: Расков Д.Е. Роль купцов-старообрядцев в развитии текстильной промышленности (по материалам Московской губернии) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Сб. науч. трудов. Вып. 3 / Государственный Исторический музей. Отв. ред и сост. Е.М. Юхименко. М., 2004. С. 435–467.

⁸⁶⁵ Поздеева И.В. Русское старообрядчество и Москва в начале XX века // Мир старообрядчества. Вып. 2: Москва старообрядческая. М., 1995. С. 25.

торгово-промышленных семей, выделенных известным историком купечества Павлом Афанасьевичем Бурьшкиным (1887–1955)⁸⁶⁶, не менее трети являлись старообрядческими. По подсчетам исследователя Данилы Евгеньевича Раскова, в Москве на 1850 г. старообрядцы составляли почти 15% всего числа купцов (561 семья из 3791), а в хозяйственной жизни *«они были в среднем в три раза более активны»*⁸⁶⁷.

Но как такого успеха могли добиться старообрядцы в условиях зачастую репрессивной по отношению к ним государственной политики? Ведь государственные банки не спешили кредитовать староверов. Поэтому многие из последних вынужденно приписывали себя к *«никонианским православным храмам»* (по словам самих старообрядцев, *«из боязни»* — за взятки попы вписывали их в метрические книги и давали показания, *«будто они бывают у исповеди и причащении»*⁸⁶⁸), подтверждали свою лояльность к власти крупными благотворительными пожертвованиями и *«задабривали»* чиновников большими взятками. Таким образом, в Московской конторе Коммерческого банка в 1820–1840-е годы кредитовались Горюновы и Рахмановы, а в той же конторе Государственного банка в 1860-е годы — Морозовы и Расторгуевы⁸⁶⁹.

Но все же даже Носовы, к середине 1850-х годов перешедшие в единоверие, стали кредитоваться в Московской конторе Государственного банка лишь в 1888 году, когда их годовые обороты составляли порядка 2,5 млн рублей⁸⁷⁰. Такое бурное развитие их фабрик может быть объяснено не только спросом на их изделия, но и возможностью беспрепятственно получать кредит, тем более в условиях безденежья 1860-х — начала 1870-х годов. При этом указанная фирма по крайней мере до конца 1880-х годов не

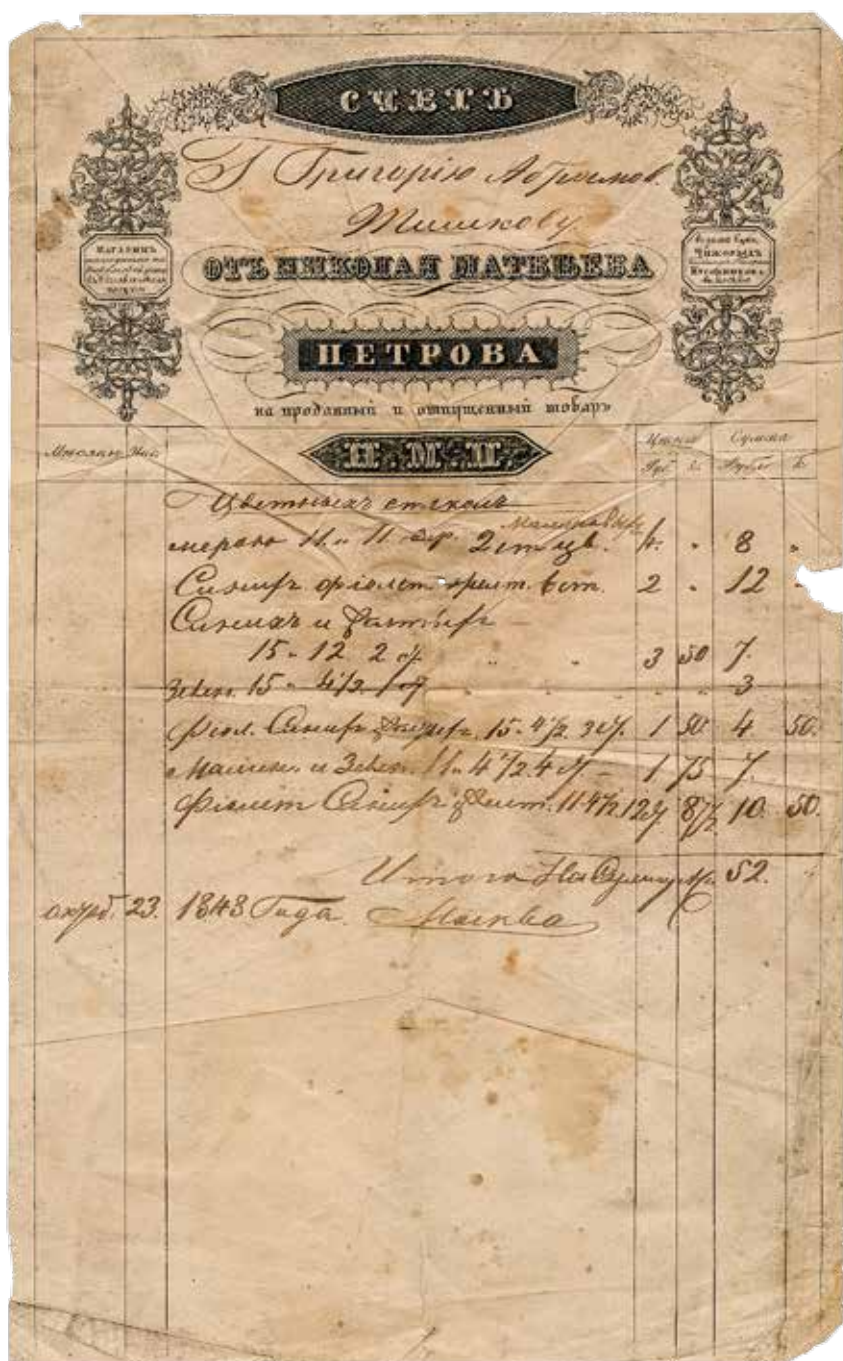
⁸⁶⁶ См.: Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 107–210.

⁸⁶⁷ Расков Д.Е. Указ. соч. С. 439.

⁸⁶⁸ Гуськов В.В. Сказание о московском Преображенском монастыре. Свидетельства и документы XVIII–XX вв. М., 2000. С. 16.

⁸⁶⁹ См. «Книгу расходных сумм» Московской конторы Государственного банка за 1862 год (ЦГА Москвы. Ф. 450. Оп. 6. Д. 9, 10).

⁸⁷⁰ ЦГА Москвы. Ф. 450. Оп. 8. Д. 134. Л. 1 — 3 об.

Счет от купца Николая Петрова
за проданное в Москве цветное стекло.
1848 год

кредитовалась и в акционерных коммерческих банках⁸⁷¹. Был ли пример Носовых исключением или общей закономерностью?

Остановимся в связи с этим на особенностях коммерческого менталитета старообрядцев. Следует заметить, что кредитные сделки между предпринимателями-старообрядцами, которые могли заключаться и под «слово купеческое», были характерны для купеческой среды. Гарантией возврата кредита часто являлись не только принадлежность к общине, но и родственные связи. Многие купцы приходились друг другу близкими или дальними родственниками, например Бутиковы были кровно связаны с Рябушинскими и Зимиными, Рябушинские с Носовыми,

⁸⁷¹ ЦГА Москвы. Ф. 450. Оп. 8. Д. 134. Л. 30.

Купавинская суконная фабрика братьев Бабкиных в Богородском уезде Московской губернии. Гравюра из книги Л.М. Самойлова «Атлас промышленности Московской губернии» (издана в Москве в 1845 году)

Морозовы — с Хлудовыми и Муравьевыми, Зиминьы с Морозовыми и Шибаевыми, Расторгуевы с Лениновыми и т.д. По сути дела, купеческое старообрядческое сообщество представляло собой узкую корпоративную родственную группу. Новые члены принимались сюда очень неохотно. К началу XX века это «братство» сохранилось почти в том же составе, что и в середине XIX столетия.

Сложнее обстояло дело с кредитами в рамках конфессиональной общины. Они могли выдаваться как некое пособие или субсидия, быть беспроцентными и даже безвозвратными⁸⁷².

⁸⁷² Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере Московской общины федосеевцев в 40-е гг. XIX в.) // Вопросы истории, религии и атеизма. Сборник статей. Т. 1. М., 1950. С. 194.

Суконная фабрика купца Новикова в Москве. Гравюра из книги Л.М. Самойлова «Атлас промышленности Московской губернии» (издана в Москве в 1845 году)

По свидетельству генерал-майора Ивана Петровича Липранди (1790–1880), опиравшегося на материалы Министерства внутренних дел, одна из причин роста числа прихожан Преображенского кладбища в 1840-е — начале 1850-х годов заключалась именно в кредитной помощи:

*«Фабриканты и торговые купеческие дома, нанимая работников, приказчиков, прельщают их свободой от крепостного состояния, из которого выкупают несмотря на значительные цены; помогают им в заведении собственных фабрик, снабжая потребными материалами по ничтожным ценам, с долговременной рассрочкой платежа»*⁸⁷³.

Историк Павел Григорьевич Рындзюнский, использовавший сохранившиеся полицейские донесения на старообрядцев (1840-е годы)⁸⁷⁴, выявил, что купцы Гучковы, сами пользовавшиеся денежными средствами Преображенской общины⁸⁷⁵, кредитовали других фабрикантов из старообрядцев (Кирсанова и Федорова). Известно также, что купец Сергеев, вхोдивший в ту же общину, ссудил фабриканту Козьмину (также старообрядцу) 30 тыс. руб. серебром на обустройство и развитие предприятия⁸⁷⁶.

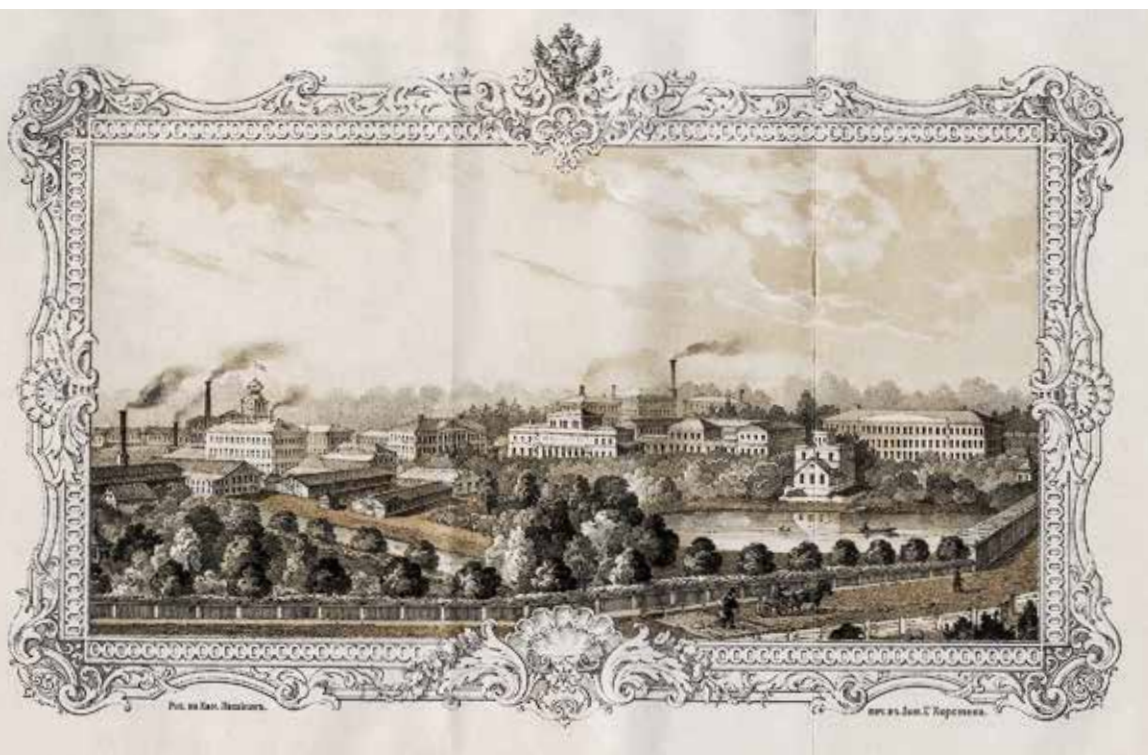
Однако взаимоотношения внутри общин между кредиторами и заемщиками не были безоблачными. Так, слишком сильное влияние Гучковых и их вольности вызывали осуждение в среде староверов. Хотя Гучковы предоставляли членам Преображенской общины кредит, который преподносился как бескорыстная помощь, но все же, по замечанию современника, эти ссуды давались в таких размерах и на таких условиях,

⁸⁷³ Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 2. Лондон, 1861. С. 114; Липранди И.П. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении. Лейпциг, 1883. С. 24.

⁸⁷⁴ П.Г. Рындзюнский при написании статьи о старообрядцах пользовался архивом А.А. Титова, активно сотрудничавшего с научным журналом «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». Этот архив в 1940-е гг. хранился в музее г. Ростова (Ярослав. обл.); он состоял из донесений полицейских агентов 1840-х гг. и других бумаг И.П. Липранди.

⁸⁷⁵ Только в 1848 году Е.Ф. Гучков получил от Преображенского кладбища 100 тыс. рублей (Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С. 226).

⁸⁷⁶ Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С. 208.

что «все состояние их (заемщиков. — А.Б.) от него (Гучкова. — А.Б.) зависит»⁸⁷⁷.

Перевод денежных средств старообрядцев «на торговую коммерцию» был закреплен в уставных документах общин. В частности, это оговаривалось в уставе «Преображенского богаделенного дома» (официальное название Преображенской старообрядческой общины), утвержденном императором Александром I в 1808 году⁸⁷⁸. В п. 14 Устава, в частности, говорилось: «Капитал... позволять попечителям... по их рассмотрению обратить в торговую коммерцию; ...могут они вверять сумму в посторонние руки, но не иначе, как известным капиталистам и достойным... людям со взятъем от них законных письменных актов, и, сверх того,

⁸⁷⁷ Там же. С. 222.

⁸⁷⁸ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. С. 267.

Ткацкая фабрика братьев Гучковых в Москве. Хромофотография из книги С.А. Тарасова «Статистическое обозрение промышленности Московской губернии», изданной в 1856 году

для... предосторожности брать верных поручителей или благонадежные залого»⁸⁷⁹.

Иногда кредит практиковался не только для субсидирования торгово-промышленной деятельности единоверцев, но и как средство привлечения в общину состоятельных купцов. По утверждению современника, преображенские старообрядцы приобрели «своему обществу весьма многих сильных капиталистов, которые поддерживали общину и в то же время сами тесно связаны были с ней собственными выгодами»⁸⁸⁰. Так произошло с Носовыми, которые перешли в старообрядчество, в том числе, ради интересов «дела». На расширение своей фирмы в 1847 году они получили от Преображенского кладбища кредит в 500 тыс. рублей на льготных условиях: на первые три года без процентов, а далее — с платежом 4% годовых⁸⁸¹. Процент этот был существенно ниже, чем в Коммерческом банке, не говоря уже о ростовщиках.

Кредиты выдавались из особых фондов Преображенского и Рогожского кладбищ, которые формировались за счет отчислений членов общины и записывались как пожертвования Рогожскому или Преображенскому «богадельному дому». Известно, что в 1820-е годы отдельные купцы — прихожане Преображенского кладбища — ежемесячно вносили на этот счет по 500 рублей⁸⁸².

Нередко сундуки общин пополнялись за счет имущества, завещанного прихожанами. Кроме того, в фонд вливались средства, полученные от эксплуатации принадлежавших общинам угодий, а также «кладбищенские деньги» (в Преображенском в 1820–1830-е годы этот сбор ежегодно доходил до 50 тыс. рублей⁸⁸³) и др.

Собранном фондом распоряжались обычно «попечители» из числа влиятельных купцов. В Преображенском им был сначала купец второй гильдии Илья Алексеевич Ковылин (1731–1809);

⁸⁷⁹ Цитата приведена по изданию: Гуськов В.В. Указ. соч. С. 20.

⁸⁸⁰ Субботин Н.И. Из истории Преображенского кладбища. М., 1862. С. 17.

⁸⁸¹ Рустик О. Старообрядческое Преображенское кладбище (Как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. 1934. № 7–8. С. 76.

⁸⁸² Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1. Лондон, 1860. С. 56.

⁸⁸³ Субботин Н.И. Из истории Преображенского кладбища. М., 1862. С. 45, сн.

после его смерти богатствами общины распоряжался купец-первогильдеец Ефим Иванович Грачев (1743–1819). В 1830-е годы они «стянулись» вокруг семейства Гучковых. Формально же фонд оставался имуществом старообрядческой федосеевской общины, которая контролировалась «попечителями» и сдавалась в аренду наиболее предприимчивым ее членам. В 1810-е годы, по оценкам современников, капитал (в фабриках, домах, угодьях, ценностях и деньгах) одной Преображенской общины составлял 2 млн рублей; из них 600 тыс. приходилось на капиталы, завещанные И.А. Ковылиным. К концу 1830-х годов этот фонд вырос до 12 млн рублей⁸⁸⁴.

В 1830-е годы правительство ужесточило полицейский контроль над старообрядцами, и в 1839 году преображенские федосеевцы переписали значительную часть имущества, включая дома и текстильную фабрику на Генеральной улице в Москве, на имя одного из сыновей купца Федора Алексеевича Гучкова (1768–1856). На объявленный властями аукцион староверы не допустили «чужих», и *«все досталось одному купцу, который смог сразу выложить 130 тысяч рублей»*⁸⁸⁵. По словам самих старообрядцев, эти невозвращенные ценности составили основу процветания Гучковых⁸⁸⁶. С переходом тех в единоверие (1853 г.) вопрос о возвращении фабрики был окончательно закрыт.

Индивидуальное богатство купцов-староверов и деньги общины позволяли договариваться с властями. Так, во время правительственного разгрома Преображенского кладбища в 1853–1854 годах рогожцам удалось сохранить свой старообрядческий центр путем подкупа и взяток чиновникам⁸⁸⁷. Денежные потоки,

⁸⁸⁴ Там же. С. 31, сн., 53.

⁸⁸⁵ Гришина З.В., Пушков В.П. Московский некрополь о старообрядческом купечестве конца XVIII — начала XIX в. // Мир старообрядчества. Вып. 2. М., 1995. С. 79.

⁸⁸⁶ Рустик О. Старообрядческое Преображенское кладбище (Как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. 1934. № 7–8. С. 76; Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере Московской общины федосеевцев в 40-е гг. XIX в. // Вопросы истории, религии и атеизма. Сборник статей. М., 1950. С. 218.

⁸⁸⁷ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. С. 329.

которые проходили через руки финансовых столпов Рогожской общины (Рахмановых, Баулиных, Бутиковых, Солдатенковых, Досуговых и Царских), сделали свое дело. Таким же образом решали проблемы с властями и преображенские старообрядцы, что позволило им спасти свой московский центр от закрытия на рубеже XVIII–XIX веков, а затем, в XIX веке, обжить восточные окраины Москвы и ближнее Подмосковье.

В этом отношении характерен случай с селом Черкизовым, население которого в первой половине XIX века быстро росло, главным образом за счет прихожан соседнего Преображенского кладбища. Покупка земли производилась старовойрами «самовольным распоряжением черкизовских крестьян»⁸⁸⁸ за ведро вина хозяину и обильное денежное вознаграждение местной администрации. Таким образом, уже к середине 1840-х годов западная часть Черкизова стала органичным продолжением старообрядческой среды Преображенского кладбища. Количество староверов здесь увеличивалось за счет «перекрестов» — крестьян, нанимавшихся работать на фабрики Гучкова и его единоверцев. При этом крестьяне официально продолжали числиться прихожанами православных храмов; по свидетельству одного из полицейских агентов, «попы наши молчат оттого, что перекрещенные хорошо платят»⁸⁸⁹.

По-видимому, фонды поддержки старообрядческих общин способствовали высокой технологичности заводов и фабрик, принадлежавших к «древнему благочестию». Так, в середине XIX века фабрика братьев Ефима и Ивана Федоровичей Гучковых в Преображенском была крупнейшим в Москве текстильным предприятием, оборудованным по последнему слову техники⁸⁹⁰. На ней уже с 1820-х годов появились первые ткацкие станки для выделки узорных тканей. Богатые предприниматели Гучковы

888 Дневные дозорные записи о московских раскольниках // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1885. Кн. 3. С. 45–46.

889 Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С. 209.

890 Расков Д.Е. Указ. соч. С. 450–451.

Купцы. Иллюстрация к комедии
А.Н. Островского «Бедность не порок».
Литография П. Викторова по рисунку
П.М. Боклевского. 1859–1860 годы.
Музейно-экспозиционный фонд Банка России

были немногими в Москве в середине XIX века, кто не испытывал проблем с деньгами, предпочитая расплачиваться наличными за произведенные работы, товары или услуги. В это же время большинство купцов брало товар на реализацию в кредит, оформляя его так называемым «товарным» векселем, срок по которому нередко доходил до года.

Промышленная активность старообрядцев проявилась сразу после издания покровительственного таможенного тарифа 1822 года, когда были созданы благоприятные условия для развития отечественной легкой промышленности. Кустарное производство очень быстро сменилось фабрикой. Возможность уклониться за взятку от выборной службы (по свидетельству И.П. Липранди, в 1840-е годы ее размер составлял 15 тыс. рублей независимо от гильдии)⁸⁹¹ позволяло купцам-старообрядцам сосредотачиваться на производстве, повышении его эффективности и технического оснащения.

Не удивительно, что старообрядцы одними из первых в Москве внедряли механизированное производство. Так, жаккардовые станы впервые появились в Москве у старообрядца Соколова в 1827 году⁸⁹². Старообрядцы Трындины владели заводом по производству точных оптических, физических приборов и хирургических инструментов; завод Н.А. Винокурова (члена Рогожской общины) признавался лучшим предприятием по производству медных котлов в Московской губернии. Во второй половине XIX века эта тенденция только укрепилась, и к началу XX столетия старообрядческие фабрики Морозовых, Рябушинских, Гучковых и Шибяевых относились к предприятиям самого высокого технологичного уровня в России⁸⁹³.

В силу многих ограничений длительное время основным источником средств для развития производства у старообрядцев

⁸⁹¹ Липранди И.П. Указ. соч. С. 68.

⁸⁹² Керов В.В. Духовный строй старообрядческого предпринимательства: альтернативная модернизация на основе национальной традиции // Экономическая история. Ежегодник, 1999. М., 1999. С. 226.

⁸⁹³ Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX — начала XX в. М., 2002. С. 140.

были деньги семьи и капитализация полученной прибыли. Организованные в основном в формы паевых товариществ, старообрядческие фирмы долго сохраняли родовой характер.

По-видимому, только в начале XX века помощь общины купцам перестала играть заметную роль. Положение Комитета министров от 17 апреля 1905 года («Об укреплении начал веротерпимости»)⁸⁹⁴ признало за старообрядцами свободу вероисповедания⁸⁹⁴, отдельные указы 1904–1907 годов сняли с них различного рода ограничения⁸⁹⁵. В 1907 году Преображенская и Рогожская старообрядческие общины были официально легализованы. Юридически старообрядцы были уравнены в правах с остальными конфессиями. В этих условиях внутриобщинный кредит как компенсирующий фактор в условиях репрессивной политики государства потерял свое значение. Тем не менее этот кредит сыграл решающую роль не только в становлении многих крупных купеческих родов Москвы, но и ведущих предприятий Центрального промышленного района.

⁸⁹⁴ ПСЗ. Собрание третье. Т. 25. Отд. 1-е. СПб., 1908. № 26126. С. 258–262.
⁸⁹⁵ См.: Стадников А.В. Указ. соч. С. 50–53.

КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Какие же выводы можно сделать из мозаики фактов по первым банкам в России? Сразу бросается в глаза их главная особенность: они возникли с запозданием относительно банков европейских стран и учреждались как чисто государственные (а не акционерные) предприятия. Впрочем, это вполне объяснимо: развитие кредитных институтов государства шло впереди внутреннего развития экономики.

В силу своего более позднего развития банки в России не могли не опираться на многовековой опыт Европы. Но казённые банки так и не стали их калькой на обширных пространствах империи. Они были частью государственной системы, которая отдавала приоритет государству и дворянству, в то время как кредитная поддержка купечества находилась на периферии финансовой политики.

Не удивительно, что в XVIII веке институт широкого купеческого кредитования в России так и не был создан. Операции нескольких государственных коммерческих кредитных учреждений ограничивались и территориально, и по клиентской базе. Кредиты получали в основном крупные купцы, торговавшие при С.-Петербурге и Астрахани. В первой половине XIX века, несмотря на развитие филиальной сети Коммерческого банка, она также не покрывала спроса на кредиты со стороны купцов.

В связи с этим еще раз подчеркнем слабое развитие вексельного учета в Коммерческом банке, столь необходимого для нормального течения торговых оборотов — и, для сравнения, о его значительном росте в Государственном банке в 1860–1870-е годы. Если в 1860 году выдачи по кредитам в Государственном банке составляли 84,4 млн рублей, то в 1867 году они выросли до 214 млн рублей, в середине 1870-х годов увеличились более чем втрое (в 1876 г. — 701,5 млн руб.) и в 1881 году закрепились на отметке 503,4 млн рублей⁸⁹⁶. Таким образом, за 20 лет существования Государственного банка кредитные операции возросли в целом в 6 раз, а по отношению

⁸⁹⁶ Данные по операциям Государственного банка за 1861–1899 гг. СПб., 1900. С. 32–35.

к операциям Коммерческого банка в 1859 году — почти в 10 раз. Таких объемов и динамики развития учета и ссуд Коммерческий банк не знал. За 20 лет, с 1838 по 1858 год, их объемы возросли в нем чуть более чем в 2 раза (с 13,21 млн до 28,99 млн рублей).

В отличие от Банка Франции, где учетная операция получила широкое распространение, в российских казённых банках она была низведена до положения второстепенной банковской операции. При негативном отношении высоких чиновников к учреждению акционерных коммерческих банков это вынуждало купцов широко прибегать к иным источникам кредита: межкупецкому кредитованию, займам и дисконту у ростовщиков, а также к кредитной поддержке старообрядческих общин. Начавшийся в 1820-е годы рост фабричного производства в России связан главным образом не с кредитной поддержкой государства, а с введенным в 1822 году протекционистским таможенным тарифом⁸⁹⁷.

Малодоступность кредита вынуждала купцов хранить в сундуках собственные накопления, необходимые для погашения обязательств. В итоге значительные денежные средства купцов работали без должной отдачи, так как представляли собой некий отложенный запас. В условиях недостаточного развития кредита это только подстегивало денежный дефицит. Такую нехватку денег торговые люди и промышленники пытались компенсировать, с одной стороны, за счет низких расценок на покупку товара и на труд рабочих, а с другой — за счет непомерно высокой нормы прибыли при продаже. Это приобрело повсеместный характер. В частности, путешествовавший по Волге писатель Александр Николаевич Островский отмечал такие

⁸⁹⁷ Это признавал и министр финансов Е.Ф. Канкрин, писавший о благотворном влиянии высоких пошлин на процветание российских фабрик (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 98 (1831 г.). Л. 94 — 94 об.). Подобные тарифы были главной формой поддержки отечественной промышленности. В условиях слабости последней перед европейскими конкурентами государство пыталось оберегать ее запретительными пошлинами не только на европейские, но даже на польские товары. Примечательно, что обладая широкой автономией в составе Российской империи, Царство Польское имело таможенную границу с империей, и когда в 1837 г. был поднят вопрос о ее отмене, Е.Ф. Канкрин высказался резко против, считая, что «жители Царства по близости более образованных земель... пользуются преимущественными удобствами к фабрикации» (там же. Д. 51 (1846 г.) Л. 53).

явления во многих селениях. Побывав в Торжке, он удивился тому, что, несмотря на развитую промышленность, «в быте мещан довольства не заметно — значит и здесь труд дешев и не всем рукам достает работы»⁸⁹⁸. А его современник сибирский купец Николай Мартемьянович Чукмалдин (1836–1901), вспоминая о купеческой жизни 1850-х годов, писал: «Запрашивать больше, чем двойные цены, продавать товары с 30–40 процентами пользы считалось столь нормальным, что продавец, умевший успешно это делать, был «на счету» и пользовался славой хорошего человека»⁸⁹⁹.

К исходу первой четверти XIX века казённые кредитные установления оформились в некоего рода систему. Прежние фаворитные банки, работавшие на бюджетные средства, сменили учреждения, существовавшие за счет вкладов частных лиц, которые в случае надобности могли перетекать из одного банка в другой. *Primus inter pares*⁹⁰⁰ оставался Заемный банк, куда к середине позапрошлого века стекалась львиная часть вкладных ресурсов Коммерческого

⁸⁹⁸ Островский А.Н. Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода // Морской сборник. Т. 39. № 2. Февраль. СПб., 1859. С. 203.

⁸⁹⁹ Чукмалдин // Сост. А. Вычугжанин, А. Еманов. Тюмень, 2011. С. 88.

⁹⁰⁰ Первый среди равных, лат.

Красная площадь в Москве. Гравюра из книги Жана-Мари Шопена 'Russie', изданной в Париже в 1838 году

банка, которые, таким образом, изымались из коммерческого кредитования. В больших объемах выдавая ипотечные ссуды дворянам, Заемный банк в то же время предоставлял средства Казначейству для покрытия бюджетных расходов — так же, как сохранные казны и приказы общественного призрения. Такие кредиты правительству стали одной из форм внутреннего государственного долга.

Дворянство и государство были двумя приоритетами для дореформенных ипотечных кредитных учреждений — притом что в России ипотечный банковский кредит вплоть до Великих реформ оставался некой государственной монополией⁹⁰¹. И хотя во многих странах Европы в XVIII и в начале XIX века деятельность подобных банков также носила характер правительственных дотаций дворянству, к середине XIX века там возник ряд акционерных ипотечных

⁹⁰¹ Исключением стал основанный дворянством в 1841 году Нижегородский Дворянский Александровский банк, однако объемы его операций по сравнению с казёнными банками были незначительны. Также в небольших объемах ссуды под залог дворянских имений выдавал и учрежденный в 1845 году Александринский Тульский банк, числившийся в Ведомстве императрицы Марии Федоровны.

учреждений, в основе деятельности которых лежал рыночный принцип извлечения прибыли. Похожим образом работало Земское кредитное общество Царства Польского (*Towarzystwo Kredytowe Ziemskie*, осн. в 1825 году), выдававшее ипотечные кредиты исходя из суммы годовой подати и доходности имения.

Напротив, еще в середине XIX века в России ссуды под поместья выдавали исходя из количества крепостных, искусственно поделенных на разные классы в зависимости от категории губернии. Ипотечные казённые банки все так же щедро раздавали дешевые долгосрочные кредиты. Однако ментальные особенности российского дворянства, зачастую привыкшего жить не по средствам, их большие непроизводительные траты не способствовали решению проблемы дворянских долгов. Имения закладывались и перезаклачивались, а ипотечный заем в государственных кредитных установлениях станет обычной практикой среди помещиков в период правления Николая I.

Как признал министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890), между 1831 и 1865 годами правительство израсходовало сверх своего дохода 1,6 млрд рублей, а помещикам было роздано в ссуды 400 млн рублей: *«Много ли из этих 2 млрд рублей серебром употреблено производительно? Конечно, только малейшая часть; все остальное пропало бесследно для народного хозяйства»*⁹⁰².

Тем не менее такая система казённых банков оказалась удачно приспособленной под социально-экономический порядок, господствовавший в дореформенное время. Изменения, связанные с курсом нового императора Александра II на Великие реформы, необратимо вели к их преобразованию на новых, рыночных основах. Создание Государственного банка и земельных банков стало и ломкой прежнего порядка, и закономерностью развития. История казённых кредитных учреждений завершилась; одновременно была открыта новая глава в развитии банков в России.

**КАЗЁННЫЕ
БАНКИ
В РОССИИ**

Приложения

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Обращение ассигнаций в 1769–1843 годах⁹⁰³

ГОД	ВЫПУСК АССИГ- НАЦИЙ ПО ГОДАМ, МЛН РУБ.	УНИЧТОЖЕНИЕ ИЗЛИШКА АССИГНАЦИЙ, МЛН РУБ.	СУММА ВСЕХ АССИГ- НАЦИЙ К КОНЦУ ГОДА, МЛН РУБ.	КУРС АССИГНА- ЦИОННОГО РУБЛЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕРЕБРЯНОМУ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖЕ (СРЕДНИЙ ЗА ГОД), КОП.
1769	2,619975	–	2,619975	99
1770	3,757700	–	6,378675	99
1771	4,291325	–	10,670000	98
1772	3,378225	–	14,048225	97
1773	3,796500	–	17,844725	98
1774	2,207075	–	20,051800	100
1775	1,448200	–	21,500000	99
1776	1,500000	–	23,000000	99
1777	0,500000	–	23,500000	99
1778	–	–	23,500000	99
1779	–	–	23,500000	99
1780	1,000000	–	24,500000	99
1781	2,892300	–	27,392300	99
1782	5,897125	–	33,289425	99
1783	3,451000	–	36,740425	99
1784	3,415975	–	40,156400	98
1785	5,154025	–	45,310425	98
1786	0,908825	–	46,219250	98
1787	53,780750	–	100,000000	97

⁹⁰³ Таблица составлена на основании источника: *Кашкаров М.П.* Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898. С. 24–26.

Обращение ассигнаций в 1769–1843 годах (продолжение)

ГОД	ВЫПУСК АССИГ- НАЦИЙ ПО ГОДАМ, МЛН РУБ.	УНИЧТОЖЕНИЕ ИЗЛИШКА АССИГНАЦИЙ, МЛН РУБ.	СУММА ВСЕХ АССИГ- НАЦИЙ К КОНЦУ ГОДА, МЛН РУБ.	КУРС АССИГНА- ЦИОННОГО РУБЛЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕРЕБРЯНОМУ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖЕ (СРЕДНИЙ ЗА ГОД), КОП.
1788	–	–	100,000000	92 $\frac{3}{4}$
1789	–	–	100,000000	91 $\frac{3}{4}$
1790	11,000000	–	111,000000	87
1791	6,000000	–	117,000000	81 $\frac{1}{3}$
1792	3,000000	–	120,000000	79 $\frac{1}{3}$
1793	4,000000	–	124,000000	71
1794	21,550000	–	145,550000	68 $\frac{1}{2}$
1795	4,450000	–	150,000000	70 $\frac{1}{2}$
1796	7,703640	–	157,703640	79
1797	5,871200	–	163,574840	73
1798	31,356765	–	194,931605	62 $\frac{1}{2}$
1799	15,068395	–	210,000000	65 $\frac{1}{2}$
1800	2,689335	–	212,689335	66 $\frac{1}{4}$
1801	8,799000	–	221,488335	71 $\frac{2}{3}$
1802	8,976090	–	230,464425	80
1803	19,535575	–	250,000000	79 $\frac{1}{3}$
1804	10,658550	–	260,648550	77
1805	31,540560	–	292,199110	73
1806	27,040850	–	319,239960	67 $\frac{1}{2}$
1807	63,089545	–	382,329505	53 $\frac{3}{4}$

Обращение ассигнаций в 1769–1843 годах (продолжение)

ГОД	ВЫПУСК АССИГ- НАЦИЙ ПО ГОДАМ, МЛН РУБ.	УНИЧТОЖЕНИЕ ИЗЛИШКА АССИГНАЦИЙ, МЛН РУБ.	СУММА ВСЕХ АССИГ- НАЦИЙ К КОНЦУ ГОДА, МЛН РУБ.	КУРС АССИГНА- ЦИОННОГО РУБЛЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕРЕБРЯНОМУ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖЕ (СРЕДНИЙ ЗА ГОД), КОП.
1808	95,039075	–	477,368580	44 $\frac{2}{3}$
1809	55,832720	–	533,201300	43 $\frac{1}{3}$
1810	46,172580	–	579,373880	25 $\frac{2}{5}$
1811	2,020520	–	581,394400	26 $\frac{2}{5}$
1812	64,500000	–	645,894400	25 $\frac{1}{5}$
1813	103,440000	–	749,334400	25 $\frac{1}{5}$
1814	48,791500	–	798,125900	20
1815	27,697800	–	825,823700	20
1816	5,600000	–	831,423700	25 $\frac{1}{3}$
1817	4,576300	–	836,000000	25 $\frac{1}{6}$
1818	–	38,023875	797,976125	25 $\frac{1}{4}$
1819	–	78,650530	719,325595	26 $\frac{1}{3}$
1820	–	34,153050	685,172545	26 $\frac{1}{3}$
1821	–	33,487445	651,685100	25 $\frac{2}{3}$
1822	–	44,968230	606,716870	26 $\frac{1}{4}$
1823	–	10,940566 ⁹⁰⁴	595,776310	26 $\frac{2}{5}$
1824	–	–	595,776310	26 $\frac{1}{2}$
1825	–	–	595,776310	26 $\frac{2}{5}$
1826	–	–	595,776310	26 $\frac{2}{3}$
1827	–	–	595,776310	26 $\frac{5}{6}$
1828	–	–	595,776310	26 $\frac{5}{6}$
1829	–	–	595,776310	27 $\frac{2}{7}$

Обращение ассигнаций в 1769–1843 годах (окончание)

ГОД	ВЫПУСК АССИГ- НАЦИЙ ПО ГОДАМ, МЛН РУБ.	УНИЧТОЖЕНИЕ ИЗЛИШКА АССИГНАЦИЙ, МЛН РУБ.	СУММА ВСЕХ АССИГ- НАЦИЙ К КОНЦУ ГОДА, МЛН РУБ.	КУРС АССИГНА- ЦИОННОГО РУБЛЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕРЕБРЯНОМУ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖЕ (СРЕДНИЙ ЗА ГОД), КОП.
1830	–	–	595,776310	26 ½
1831	–	–	595,776310	26 8/9
1832	–	–	595,776310	27 1/6
1833	–	–	595,776310	27 ¼
1834	–	–	595,776310	27 ¼
1835	–	–	595,776310	27 ¼
1836	–	–	595,776310	27 ¼
1837	–	–	595,776310	27 ¼
1838	–	–	595,776310	27 ¼
1839	–	–	595,776310	27 ¼
1840	–	–	595,776310	27 ¼
1841	–	–	595,776310	27 ¼
1842	–	–	595,776310	27 ¼
1843	–	–	595,776310	27 ¼

904

Эта сумма в 1823 году не была предъявлена публикой к обмену на ассигнации нового типа.

Операции Заемного банка в 1817–1859 годах⁹⁰⁵

ГОД	ССУДЫ		ВКЛАДЫ	
	ОСТАВАЛОСЬ К НАЧАЛУ ГОДА	ВЫДАНО ЗА ГОД	ПОСТУПИЛО ЗА ГОД	ОСТАВАЛОСЬ К КОНЦУ ГОДА
	<i>в млн рублей серебром</i>			
1818	35,1	1,7	13,6	30,2
1819	–	1,6	11,4	34,7
1820	30,2	–	9,1	33,9
1821	30,7	2,6	6,3	30,56
1822	32,0	5,2	9,5	30,4
1823	33,0	1,9	7,1	31,0
1824	31,2	7,9	14,1	32,1
1825	34,8	15,2	15,9	40,3
1826	45,6	9,3	17,2	46,7
1827	51,9	9,4	16,0	52,9
1828	58,3	11,3	21,1	60,9
1829	66,4	15,7	12,9	74,1
1830	79,3	7,4	13,8	78,8
1831	84,4	10,2	14,7	81,1
1832	86,3	32,0	18,2	85,4
1833	90,8	16,13	19,0	93,4
1834	99,9	10,7	20,1	100,0
1835	106,1	13,4	17,9	109,1
1836	115,34	12,2	20,2	115,4
1837	121,1	11,9	24,1	122,8
1838	126,8	23,1	34,2	133,6

⁹⁰⁵ Таблица составлена на основании источника: Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. 1. СПб., 1872. С. 2–3.

Операции Заемного банка в 1817–1859 годах (окончание)

ГОД	ССУДЫ		ВКЛАДЫ	
	ОСТАВАЛОСЬ К НАЧАЛУ ГОДА	ВЫДАНО ЗА ГОД	ПОСТУПИЛО ЗА ГОД	ОСТАВАЛОСЬ К КОНЦУ ГОДА
	в млн рублей серебром			
1839	139,5	23,1	23,3	150,9
1840	157,0	16,3	17,6	160,8
1841	166,3	10,4	29,6	163,3
1842	167,7	25,8	29,3	178,7
1843	184,6	18,6	38,4	187,4
1844	194,3	16,3	33,3	198,3
1845	202,4	18,8	45,9	207,3
1846	213,5	24,4	39,4	222,81
1847	229,0	20,6	36,4	234,1
1848	241,5	29,0	39,3	252,1
1849	260,0	34,4	33,8	275,2
1850	283,3	26,8	34,9	292,8
1851	299,6	23,9	36,2	307,7
1852	312,1	23,6	45,4	319,2
1853	326,5	32,7	33,0	338,5
1854	347,0	51,6	38,4	349,4
1855	386,1	21,9	45,5	369,1
1856	395,9	16,1	37,2	400,2
1857	368,3	17,2	54,6	412,8
1858	372,4	82,7	–	378,4
1859	383,3	63,8	58,9	317,8

Операции Коммерческого банка в 1819–1959 годах⁹⁰⁶

ГОД	ПРОЦЕНТНЫЕ ВКЛАДЫ ⁹⁰⁷		УЧЕТ ВКСЕЛЕЙ ⁹⁰⁸		ССУДЫ ПОД ЗАЛОГ ТОВАРОВ ⁹⁰⁹	
	К НАЧАЛУ ГОДА	принято за год	К НАЧАЛУ ГОДА	за год	К НАЧАЛУ ГОДА	за год
	в млн руб. серебром					
1819	2,95	14,97	5,50	20,92	1,01	1,16
1820	11,49	16,16	9,80	38,30	0,64	0,84
1821	17,16	20,44	18,93	46,34	0,66	1,79
1822	10,79	12,38	16,61	29,82	1,18	2,33
1823	13,74	18,99	11,35	27,30	1,32	1,90
1824	19,24	19,82	11,09	27,95	9,38	1,28
1825	24,37	18,73	10,91	34,25	0,89	0,82
1826	28,07	20,34	14,34	36,19	0,66	1,21
1827	30,43	21,58	14,64	32,11	0,44	1,29
1828	34,32	17,57	13,39	25,01	0,76	1,32
1829	36,33	18,87	10,16	17,46	0,77	0,98
1830	43,91	21,83	6,86	13,74	0,53	0,61
1831	44,66	15,22	6,24	11,34	0,47	1,03
1832	41,67	17,79	4,01	8,08	0,60	0,63
1833	45,12	22,06	3,55	8,34	0,28	0,81
1834	51,69	22,98	3,61	9,12	0,60	0,90
1835	56,86	28,63	3,84	9,23	0,55	0,74
1836	65,89	25,59	4,05	10,68	0,46	0,56

⁹⁰⁶ Таблица составлена на основании источника: Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. 1. СПб., 1872. С. 4–5. Данные в таблице приведены в исчислении на серебряную монету.

⁹⁰⁷ Данные в столбце приведены без учета вкладов, переданных Заемному банку из Коммерческого банка.

⁹⁰⁸ Данные приведены без учета протестованных векселей.

⁹⁰⁹ Данные приведены без учета просроченных подтоварных ссуд.

Операции Коммерческого банка в 1819–1959 годах (окончание)

год	ПРОЦЕНТНЫЕ ВКЛАДЫ		УЧЕТ ВКСЕЛЕЙ		ССУДЫ ПОД ЗАЛОГ ТОВАРОВ	
	к началу года	принято за год	к началу года	за год	к началу года	за год
	в млн руб. серебром					
1837	68,86	28,51	4,49	10,87	0,38	0,71
1838	75,86	30,05	4,56	12,52	0,47	0,69
1839	79,93	37,40	5,57	10,57	0,41	0,92
1840	89,17	38,52	4,43	12,78	0,64	0,70
1841	95,77	33,57	5,41	9,69	0,44	0,99
1842	98,85	37,39	3,72	9,30	0,69	0,28
1843	110,53	40,70	4,15	9,71	0,18	0,49
1844	116,57	39,17	4,09	9,96	0,20	0,53
1845	123,06	41,36	4,33	12,25	0,23	0,60
1846	125,72	45,17	5,93	15,61	0,37	0,77
1847	130,93	52,07	7,52	16,41	0,28	0,91
1848	146,94	55,14	7,07	17,79	0,41	0,65
1849	156,73	53,23	7,59	18,42	0,32	0,58
1850	166,91	54,78	8,66	21,66	0,26	0,87
1851	175,00	58,46	9,96	22,63	0,29	0,80
1852	182,59	57,04	10,70	25,94	0,25	0,39
1853	186,47	68,47	12,31	25,79	0,19	0,75
1854	198,04	59,74	11,65	23,34	0,28	1,96
1855	204,41	59,33	9,33	17,80	1,40	2,16
1856	215,95	89,93	7,88	17,64	1,25	1,35
1857	241,12	93,18	7,92	20,85	0,28	1,98
1858	240,09	108,83	10,53	26,89	1,18	2,10
1859	240,32	68,74	13,54	47,63	1,32	4,73

СТРУКТУРА КАЗЁННЫХ БАНКОВ

Ассигнационный банк к 1802 году ⁹¹⁰

ПРАВЛЕНИЕ

«Главный директор» (управляющий) (1) ⁹¹¹, советники (20), правители канцелярии (2), камериры (10), секретари (5), бухгалтеры (2), эзекутор (1), архивариус (1)

||

{БАНК}

Директоры (13), бухгалтеры (5), кассиры (20), эконо́м (1), секретарь (1)
Экспедиция для приема и ревизии ассигнаций (13)

УЧЕТНАЯ ПО ТОВАРАМ КОНТОРА (8)

УЧЕТНАЯ ПО ВЕКСЕЛЯМ КОНТОРА (5)

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (10)

ПРОМЕННЫЕ КОНТОРЫ

Рыбинская (4),
Вышневолоцкая (4),
Архангельская (4)

⁹¹⁰ Таблица составлена на основании источника: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1802. СПб., 1802. С. 149–154.

⁹¹¹ В скобках указано количество чиновников в названной должности.

Вспомогательный банк для дворянства к 1802 году ⁹¹²

«ГЛАВНОЕ НАЧАЛЬСТВО»
«Главный директор» (управляющий) (1), советники (3), правитель канцелярии (1), контролер (1), секретари (5), бухгалтеры (2), кассиры (2), экзекутор (1)
ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (5)
ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (5)
«РАЗМЕННАЯ» (6)

⁹¹² Таблица составлена на основании источника: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1802. СПб., 1802. С. 156–158.

Заемный банк к 1859 году ⁹¹³

ПРАВЛЕНИЕ

«Управляющий по всем частям банка» (1), советники (3), юрискон-
султ (1), чиновники канцелярии (11), чиновники «по правлению» (8)

||

ОТДЕЛЕНИЕ ПО ССУДАМ (7)

ОТДЕЛЕНИЕ ПО ВКЛАДАМ (5)

ОТДЕЛЕНИЕ КАССИРСКОЕ (9)

«ВООБЩЕ ПО БАНКУ»

Журналист ⁹¹⁴ (1), регистратор (1)

⁹¹³ Таблица составлена на основании источника: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 гг. Часть 1. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб., б.г. С. 521–522.

⁹¹⁴ Журналист — здесь: ответственный за ведение журналов (ежедневных и еженедельных записей, протоколов заседаний) банка.

Коммерческий банк к 1859 году ⁹¹⁵

ПРАВЛЕНИЕ	
Управляющий (1), директора от правительства (7), директора от купечества (4), юрисконсульт (1), чиновники канцелярии (15), ревизоры товаров ⁹¹⁶ (2), надзиратели буянов (2), маклеры (3)	
КОНТОРЫ БАНКА	ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: ПО ВКЛАДАМ И ТРАНСФЕРТУ (5)
Московская (23), Архангельская (14), Одесская (16), Рижская (14), Киевская (14), Харьковская (17), Екатеринбургская (7)	ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ: ПО УЧЕТУ ВЕКСЕЛЕЙ (2)
ВРЕМЕННЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ	ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ: ПО ССУДАМ ПОД ЗАЛОГ ТОВАРОВ, ОБЛИГАЦИЙ И МЕТАЛЛОВ (3)
	ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ: КАССИРСКОЕ (9)
	ОТДЕЛЕНИЕ ПЯТОЕ: КОНТРОЛЬНОЕ (5)
	ВРЕМЕННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ДЛЯ ВЗЫСКАНИЯ ПО ПРОТЕСТОВАННЫМ ВЕКСЕЛЯМ (5)

⁹¹⁵ Таблица составлена на основании источника: Адрес-календарь. Общая ро-
спись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 гг. Часть 1. Власти
и места центрального управления и ведомства их. СПб., б.г. С. 522–525.

⁹¹⁶ Ревизоры товаров — чиновники Коммерческого банка, осуществлявшие
ревизию товарных залогов по выданным ссудам.

РУКОВОДИТЕЛИ КАЗЁННЫХ БАНКОВ

Управляющие («главные директора») Петербургским Дворянским банком, 1764–1786 годы

№	Ф.и.о.	ДАТЫ ЖИЗНИ	ТИТУЛ, ЧИН, ЗВАНИЕ	НАЗНАЧЕНИЕ	ОТСТАВКА
1.	Херасков Петр Матвеевич	Нет данных	Надворный советник	Не позднее 1764	1765
2.	Кафтырев Никита Захарович	Нет данных	Надворный советник	1765	1766
3.	Перфильев Николай Васильевич	Нет данных	Надворный советник	1766	1769
4.	Золотухин Иван Афанасьевич	Нет данных	Надворный советник	1769	1770
5.	Ларионов Герасим Андреевич	Нет данных	Коллежский ассессор	1770	1771
6.	Вяземский Иван Андреевич	1722–1779	Князь, действитель- ный тайный советник, сенатор	1771	1779
7.	Брюс Яков Александрович	1732–1791	Генерал-аншеф	1779	1781
8.	Завадовский Петр Васильевич	1739–1812	Граф, действительный тайный советник, сенатор	1781	1786

Управляющие («главные директора») Московским Дворянским банком, 1764–1786 годы

№	Ф.и.о.	ДАТЫ ЖИЗНИ	ТИТУЛ, ЧИН, ЗВАНИЕ	НАЗНАЧЕНИЕ	ОТСТАВКА
1.	Игнатьев Иван Михайлович	?–1792	Статский советник	Не позднее 1764	1777
2.	Шереметев Николай Петрович	1751–1809	Граф, действительный камергер	1777	28 июня 1786

Руководители «банковой конторы для купечества» в С.-Петербурге, 1764–1782 годы

№	Ф.И.О.	ДАТЫ ЖИЗНИ	ТИТУЛ, ЧИН, ЗВАНИЕ	НАЗНАЧЕНИЕ	ОТСТАВКА
1.	Головин Николай Александрович	Нет данных	Граф, тайный совет- ник, действ. камергер	1764	1769
2.	Поливанов Андрей Иванович	Нет данных	Ассессор	1769	1770
3.	Фербер Христиан Николаевич	Нет данных	Надворный совет- ник, чиновник Камер-коллегии	1770	Не ранее 1778

Управляющие Ассигнационным банком, 1769–1848 годы

№	Ф.И.О.	ДАТЫ ЖИЗНИ	ТИТУЛ, ЧИН, ЗВАНИЕ	НАЗНАЧЕНИЕ	ОТСТАВКА
1.	Шувалов Андрей Петрович	1744–1789	Граф, действительный тайный советник, сенатор	1769	24 апреля 1789
2.	Вяземский Александр Андреевич	1727–1793	Князь, действитель- ный тайный советник, генерал-прокурор	4 мая 1789	17 сентября 1792
3.	Мятлев Петр Васильевич	1756–1833	Тайный советник, камергер, сенатор	27 сентября 1792 (1792–1794 — исп. обяз.)	1796
4.	Куракин Алексей Борисович	1759–1829	Князь, действитель- ный тайный советник, генерал-прокурор	14 ноября 1796	1798
5.	Завадовский Петр Васильевич	1739–1812	Граф, действительный тайный советник, сенатор	8 августа 1798	6 ноября 1799
6.	Свистунов Петр Семенович	1732–1808	Тайный советник, сенатор	1799 (?)	1802

Управляющие Ассигнационным банком, 1769–1848 годы (окончание)

7.	Васильев Алексей Иванович (прямое руководство банком со стороны министра финансов)	1742–1807	Граф, действительный тай- ный советник	1802	1804
8.	Пешуров Никита Иванович	1742–1814	Тайный советник	3 июня 1804	24 июля 1814
9.	Хованский Александр Николаевич	1771–1857	Князь, тайный совет- ник, сенатор	16 ноября 1816	1 января 1848

Управляющие («главные присутствующие») Вспомогательным банком для дворянства, 1798–1802 годы

№	Ф. и. о.	даты жизни	титул, чин, звание	назначение	отставка
1.	Румянцев Николай Петрович	1754–1826	Граф, сенатор	18 декабря 1797	6 сентября 1798
2.	Румянцев Сергей Петрович	1755–1838	Граф, сенатор	1798	7 июня 1800
3.	Гагарин Гавриил Петрович	1745–1808	Князь, сенатор	Июнь 1800	1801 ⁹¹⁷

⁹¹⁷ С 1801 года и до присоединения Вспомогательного банка для дворянства к Заемному банку под названием Двадцатипятилетней экспедиции (19 июля 1802 г.) должность управляющего оставалась вакантной; Вспомогательным банком напрямую руководил министр финансов граф А.И. Васильев.

Управляющие Заемным банком, 1786–1860 годы

№	Ф.И.О.	ДАТЫ ЖИЗНИ	ТИТУЛ, ЧИН, ЗВАНИЕ	НАЗНАЧЕНИЕ	ОТСТАВКА
1.	Завадовский Петр Васильевич	1739–1812	Граф, действительный тайный советник, сенатор	1786	1797
2.	Румянцев Николай Петрович	1754–1826	Граф, действительный тайный советник	1797	1798
3.	Гагарин Гавриил Петрович	1745–1808	Князь, сенатор	1799	1801
4.	Васильев Алексей Иванович (прямое руководство банком со стороны министра финансов)	1742–1807	Граф, действительный тай- ный советник	1801	1804
5.	Хвостов Александр Семенович	1753–1820	Тайный советник	29 июня 1804	14 июня 1820
6.	Рибопьер Александр Иванович	1781–1865	Граф, тайный советник	16 июня 1820	10 августа 1823
7.	Уваров Сергей Семенович	1786–1855	Граф, тайный советник	10 августа 1823	22 августа 1826
8.	Фролов-Багреев Александр Алексеевич	1785–1845	Тайный советник	24 августа 1826	21 августа 1834
9.	Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич	1800–1855	Граф, действительный стат- ский советник	29 апреля 1834	25 апреля 1835
10.	Ореус Иван Максимович	1787–1863	Действительный стат- ский советник	10 января 1836	25 октября 1846
11.	Вяземский Петр Андреевич	1792 –1878	Действительный стат- ский советник	25 октября 1846	29 мая 1853
12.	Делин Петр Андреевич	1796–1854	Действительный стат- ский советник	29 мая 1853	17 января 1854
13.	Халчинский Федор Лаврентьевич	1786–1860	Тайный советник	22 января 1854	17 июня 1860

Управляющие Коммерческим банком, 1817–1860 годы

№	Ф.и.о.	даты жизни	титул, чин, звание	назначение	отставка
1.	Рибопьер Александр Иванович	1781–1865	Граф, тайный советник	16 августа 1817	10 августа 1823
2.	Уваров Сергей Семенович	1786–1855	Граф, тайный советник	10 августа 1823	22 августа 1826
3.	Миллер Антон Иванович	1765–1832	Тайный советник	15 октября 1827	1 января 1832
4.	Урусов Сергей Юрьевич	1772–1840	Князь, тайный советник	4 марта 1832	29 июня 1840
5.	Голохвастов Александр Яковлевич	1785–1854	Тайный советник	9 января 1842	4 сентября 1854
6.	Юрьев Федор Филиппович	1796–1860	Действительный стат- ский советник	15 октября 1854	30 марта 1860
7.	Ростовцев (Ростовцов) Александр Иванович	1800–1867	Тайный советник	1 апреля 1860	17 июня 1860

PERSONALIA

Брюс Яков Александрович

(1732 — 30 ноября 1791), генерал-аншеф, сенатор (1780), управляющий Петербургским Дворянским банком (1779–1781).

Представитель российского дворянского рода шотландского происхождения, представители которого в XIV веке были королями Шотландии. Сын генерал-поручика Александра Романовича Брюса (1704–1760), внук сподвижника Петра I генерал-поручика Романа Вилимовича Брюса (1668–1720).

Получил домашнее образование. С 1744 г. на службе в армии (сначала — в л.-гв. Преображенском полку) в разных званиях. Участник Семилетней (1756–1763), Русско-турецкой (1768–1774) и Русско-шведской (1788–1790) войн. Полковник (1758), бригадир (1759), генерал-майор (1761), генерал-поручик (1769), генерал-адъютант (1770), генерал-аншеф (1773). В 1769–1780 гг. — подполковник л.-гв. Семеновского полка.

Новгородский наместник (конец 1760-х), генерал-губернатор Тверской и Новгородской (1781–1784). Генерал-губернатор обеих столиц и главнокомандующий в Москве (1784–1786), главнокомандующий в Петербурге и в Петербургской губернии (1788), начальник Выборгского наместничества (1790). Член Совета при императрице Екатерине II (1790).

Депутат от Козельского уездного дворянского собрания в Уложенной комиссии (1767–1769). Принимал участие в ведении следственного дела издателя Н.И. Новикова (1792).

Как управляющий Петербургским Дворянским банком (1779–1781) придавал

внимание четкому и своевременному ведению банковской документации. Однако на этом посту ему не удалось решить поставленных задач, связанных с возвращением розданных в ссуды и просроченных больших сумм денег. Автор предложений по усовершенствованию работы Дворянского банка, поданных на имя Екатерины II (в них затрагивались вопросы унификации условий выдач ссуд, ужесточения мер к должникам, найма профессиональных банковских специалистов и др.). Женат на Прасковье Александровне Румянцевой (1729–1786), статс-даме Екатерины II. Дочь — Екатерина Яковлевна Б. (1776–1829), замужем за В.В. Мусиным-Пушкиным. Похоронен в Александро-Невской лавре в Петербурге.

Лит-ра: Русские портреты XVIII и XIX вв. / Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т. 4. М., 2000. С. 187–189; Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908. С. 414–416; Серков А.И. Русское ма-сонство: 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 145.

Вяземский Александр

Андреевич (3 августа 1727 — 8 января 1793), князь, действительный тайный советник, сенатор (1765), управляющий Ассигнационным банком (1789–1792). Представитель древнего дворянского рода, известного с XII века. Потомок вяземских удельных князей.

Выпускник Сухопутного шляхетского корпуса (1747). Участник Семилетней войны (1756–1763), принимал участие в боях и выполнял тайные поручения. Благодаря личным качествам получил чин генерал-квартирмейстера.

В 1763 г. направлен Екатериной II на уральские заводы для урегулирования отношений между крестьянами

и владельцами заводов, а также для изучения положения горных заводов. В 1764 г. назначен на должность генерал-прокурора, которую занимал до 1792 г.; осуществлял надзор за порядком судопроизводства по всей империи, ведал тайным политическим сыском и контрразведкой, курировал деятельность государственных банков и сбор государственных доходов (с 1789). В должности генерал-прокурора В. провел работы по централизации финансового управления: при нем началось составление окладной книги поступления доходов (с 1769), учреждены казённые палаты и казначейства, введена должность государственного казначея с широкими полномочиями (ее занял В.). По инициативе А.А. Вяземского начат выпуск ассигнаций. Одновременно (с 1765) В. заведовал Межевой экспедицией, возглавлял Комиссию по составлению нового уложения (1767–1769), осуществлял проведение губернской реформы (1775). Член Совета при императрице Екатерине II (1768–1789). Мог приостановить любое решение Сената. Через него направлялись бумаги и доклады Сената императрице. В. являлся докладчиком у царицы, объявлял высочайшие повеления и резолюции на сенатские доклады. Управляющий Ассигнационным банком (1789, 4 мая — 1792, 17 сентября). Выполнял различные поручения Екатерины II: руководил осушением болот под Петербургом (1772), прокладкой Екатерининского канала, строительством на набережных Фонтанки в Петербурге (1783) и т.п. С 1789 г. тяжело болен и отошел от дел, однако был уволен от должностей лишь 17 марта 1792 г. Награжден различными российскими орденами, а также золотым знаком

с вензелем «ЕП» и девизом на обороте «Блаженство всех и каждого» (1767). Похоронен в палатке Благовещенской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге.

Лит-ра: Русские портреты XVIII и XIX вв. / Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т. 4. М., 2000. С. 121–123.

Вяземский Иван Андреевич

(1722–1789), князь, действительный тайный советник, сенатор (1767), управляющий Петербургским дворянским банком (1771–1789).

Из старинного дворянского рода. Как управляющий Петербургским дворянским банком (1771–1789) ничем особенным себя не проявил. Женат на княгине Марии Сергеевне Долгоруковой (1719–1786). Отец сенатора Андрея Ивановича В. (1754–1807).

Гагарин Гавриил Петрович (9 января 1745 — 19 января 1808), князь, сенатор (1793), член Государственного Совета, действительный тайный советник (1800), камергер (1783), управляющий (главный директор) Заемным банком (1799–1801) и Вспомогательным банком для дворянства (1800–1801).

Из старинного дворянского рода, происходящего от Стародубских князей. Двоюродный брат Н.И. и П.И. Паниных. Получил домашнее образование, о котором впоследствии писал: «В молодости моей учился я прилежно и понятно и почерпнул просвещения, какие только имел случай почерпнуть». Пользовался расположением императрицы Елизаветы Петровны, цесаревича Павла, Н.И. и П.И. Паниных, Е.Р. Дашковой. Под фамилией Пензин совершил путешествие по Европе вместе с А.Б. Куракиным и Н.П. Шереметевым в 1771–1773 гг. (Лейден, Антверпен, Брюссель, Кале, Лондон, Париж).

Участник Русско-турецкой войны 1768–1774 г. По представлению фельд-маршала П.А. Румянцева произведен в премьер-майоры (1773 г.).

Путешествовал за границей вместе с цесаревичем Павлом Петровичем (1781–1782).

Обер-прокурор 6-го департамента Сена-та в Москве (с 1781). Работал в Комиссии законов Государственного Совета. Президент Коммерц-коллегии (1799–1801). Один из инициаторов издания «Банкротского устава».

Крупный финансист, владелец винокуренных заводов, подрядчик.

После убийства Павла I (1801) вышел в отставку, жил в Москве и в своем подмосковном имении Богословское (Могильцы).

С начала 1770-х гг. — активный член масонских лож шведской системы. Очень скоро занял руководящее положение среди петербургских масонов. В 1775–1777 гг.

был «мастером стула» в ложе «Равенство». После поездки с А.Б. Куракиным в Швецию в 1776–1777 гг., укрепившей русско-шведские масонские связи, получил высшие степени масонства шведской системы. Гроссмейстер Великой национальной ложи (1779), в подчинение которой перешло 14 масонских лож. Был тесно связан с известными масонами Н.И. Новиковым и А.Ф. Лабзиним.

Женат на Прасковье Федоровне Воейковой (1757–1801). Имел четырех дочерей и сына Павла, женатого на фаворитке Павла I А.П. Лопухиной (с 1800).

Писатель, переводчик и поэт. Увлекался богословием и философией. Состоял в переписке с митрополитом Платоном (Левшиним). Для своего будущего могильного памятника (похоронен в с. Богословское (Могильцы) Дмитровского уезда Московской губернии) сам написал эпитафию, впоследствии ставшую известной:

*Прохожий, ты идешь, но ляжешь так, как я,
Постой и отдохни на камне у меня,
Взгляни, что сделалось со тварью*

горделивой,

*Где делся человек? И прах зарос крапивою!
Сорви ж былиночку и вспомни обо мне!
Я дома, ты в гостях — подумай о себе!*

Соч.: Акафист св. Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову (1798), Акафист со службой, житием и чудесами св. Димитрию, митрополиту и чудотворцу Ростовскому (1798), Служба преподобному Феодосию, Тотемскому чудотворцу (1798), Забавы уединения моего в селе Богословском (1813). Лит-ра: Русские портреты XVIII и XIX вв. / Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т. 3. М., 2000. С. 287–288; Русский биографический словарь. Т. 4. М., 1914. С. 59–64; Серков А.И. Русское масонство: 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 212.

ГОЛОХВASTОВ АЛЕКСАНДР ЯКОВ-ЛЕВИЧ (16 апреля 1785 — 4 сентября 1854), тайный советник, управляющий Коммерческим банком (1842–1854). Представитель русского дворянского рода, известного с XIV века.

В 1792–1801 гг. обучался в Первом кадетском корпусе, откуда «за слабостью уволен к статским делам». В 1801 г. определен в Экспедицию о государственных доходах. В 1807–1808 гг. командирован в счетную комиссию по армейским делам в Мемеле (Восточная Пруссия), «в которой, исправляя должность экспедитора и переводчика по иностранной части, успел в самое короткое время привести в порядок до тысячи частных претензий», а также требований прусского правительства (на 18 млн руб.). Здесь он работал «с отличным усердием и прилежностью», «с знанием предохранением казённого интереса».

В 1808 г. на него было возложено секретное поручение по доставке в Российскую империю золота и серебра в слитках, а также по покупке монеты. В 1811 г. переведен в Экспедицию по внешней части Министерства финансов. В 1812 г. назначен бухгалтером в Экономический комитет Петербургского ополчения. В 1813–1815 гг. командирован письмоводителем в Комиссию заграничных платежей по российской армии; находился в распоряжении генерал-фельдмаршала князя М.Б. Барклая-де-Толли. После заключения в Париже мира в 1815 году назначен правителем канцелярии при российском комиссаре в Комиссию союзных держав.

С 1818 г. — ученый секретарь при министре финансов Д.А. Гурьеве. С 1820 г. — директор (с 1837 г. — старший директор) Государственной комиссии погашения долгов. В 1839–1842 гг. — товарищ управляющего Коммерческим банком.

С 9 января 1842 г. по 4 сентября 1854 г. — управляющий Коммерческим банком.

Похоронен в ц. Тихвинской Божией Матери в с. Аннинское-Мойка.

Архивы: РГИА. Ф. 586. Оп. 15. Д. 6606.

Л. 135–161. (Формулярный список о службе А.Я. Голохвастова, 1854 г.).

Делин Петр Андреевич (1796 — 17 января 1854), управляющий Заемным банком в 1853–1854 годах.

Из дворян, имений не имел. По вероисповеданию лютеранин.

Учился в Петербургской губернской гимназии. Служил в Медицинском департаменте Министерства полиции (до 1817 г.); был «комнатным надзирателем» при пансионе Петербургского университета, одновременно преподавал там географию и немецкий язык (до 1825 г.). В 1824 г. определен в Опекунский совет

Петербургского воспитательного дома помощником обер-секретаря. На заседании Опекунского совета 22 декабря 1831 г. П.А. Делину, состоявшему тогда в должности обер-секретаря, было поручено «составить проекты делопроизводства по экспедициям Сохранной казны и инструкций чиновникам, при оных служащим, каковы проекты, быв одобрены Советом 10 мая 1832 года, поднесены на Высочайшее благоусмотрение государю императору, и Его Величеством высочайше повелено принять сии проекты в руководство на опыт в течение одного года, а за успешное исполнение сего возложенного на него особого поручения всемилостивейше пожалован орден Анны 2-й степени, украшенный императорской короной».

С 1835 г. — директор, управляющий письмоводством в Опекунском совете Петербургского воспитательного дома. В 1838 г. назначен председателем Комитета для составления проекта устава о службе по учебной части при воспитательных заведениях ведомства императрицы Марии. С 1840 г. — член строительной комиссии, «учрежденной при Александровской мануфактуре для возведения зданий вместо истребленных пожаром».

В 1843 г. П.А. Делину «по Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату, повелено быть членом Высочайше учрежденного попечительства по имениям и делам, состоящих при Высочайшем дворе в должности егермейстера Никиты и церемониймейстера действительного статского советника Всеволода Всеволожских».

Архивы: РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 905.

Л. 6–18. (Формулярный список о службе П.А. Делина, 1844 г.).

Завадовский Петр Васильевич

(10 января 1738 — 10 января 1812), граф Российской (с 1797 г.) и Священной

Римской империй (с 1793 г.), сенатор (с 1780 г.), известный государственный деятель.

Происходил из старинного польского шляхетского рода, представители которого с XVII века находились на русской службе. Родился в д. Красновицы Киевской губернии. Сын Василия Васильевича Завадовского (1708 — после 1760), бунчукового товарища.

Окончил иезуитское училище в Орше и Киевскую духовную академию (в 1760 г.), после чего поступил на службу в Малороссийскую коллегию (г. Глухов), находившуюся в ведении графа К.Г. Разумовского. В 1767 г. назначен секретарем этой коллегии.

Деловые способности П.В. Завадовского вскоре были отмечены генерал-аншефом П.А. Румянцевым, который назначил его управляющим своей канцелярией (канцелярией главнокомандующего 2-й действительной армии против турок, 1768 г.). В 1769–1774 гг. 3. находился в действующей армии, дослужившись до звания полковника (1773). Участник сражений под Бендерами (1769), в Ларге и Кагуле (1770), Силистрии (1773). Один из составителей текста Кючук-Кайнарджийского мира (1774), за что получил в награду орден Святого Георгия 4-й степени и имение Ляличи в Черниговской губернии (1775).

В 1775 г. по рекомендации П.А. Румянцева назначен кабинет-секретарем Екатерины II и находился на этой должности до 1778 г. Один из фаворитов Екатерины II.

Составитель ряда важных правительственных документов, в том числе Учреждения о губерниях (1775). Председатель нескольких комиссий (Комиссии по сооружению Исаакиевского собора в Петербурге, 1784–1796 гг.; Комиссии для обсуждения вопроса о заготовке

и снабжении солью внутренних губерний России, 1791 г.) и исполнитель различных поручений Екатерины II и Павла I. Близок к кругу статс-секретаря Д.П. Трошинского и канцлера А.А. Безбородко.

В 1781–1786 гг. — управляющий (главный присутствующий) Петербургским дворянским банком, который по его проекту (1782 г.) был преобразован в Заемный банк. В 1786–1796 гг. — управляющий (главный директор) Заемным банком, кредитовавшим главным образом дворянство. Инициатор проекта объединения Заемного банка с Ассигнационным (1786 г.), встретившего противодействие со стороны Екатерины II. Сторонник ведения «правильной» банковской бухгалтерии (составления балансовых ведомостей).

Проведенная в 1795–1796 гг. ревизия Заемного банка выявила крупные хищения (на сумму в 590 тыс. руб.) и многочисленные злоупотребления, в которых считали замешанным Завадовского. В частности, ему вменялось в вину незаконное использование ссудных денег как ростовщических в обход устава Заемного банка 1786 г.

В правление Павла I назначен главным директором Ассигнационного банка (8 августа 1798 г.), однако вследствие обнаружившегося хищения денежных сумм (на 7 тыс. руб.) 6 ноября 1799 г. уволен со всех занимаемых должностей и выслан в имение Ляличи.

В 1801 г. возвращен ко двору и восстановлен в звании сенатора. Председатель комиссии составления законов (1801–1803), министр народного просвещения (1802–1810), член Государственного Совета (1803–1806) и Совета о военных училищах (1806), председатель Департамента законов Государственного Совета (1810–1812).

Также являлся председателем Совета попечителей Воспитательного общества благородных девиц (с 1790 г.), почетным любителем Академии художеств (с 1794 г.), почетным членом Харьковского университета (с 1804 г.) и Медико-хирургической академии (с 1808 г.).

Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

Архивы: РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1208 (о графском достоинстве П.В. Завадовского). Лит-ра: Мартынов И.И. Биография гр. П.В. Завадовского. СПб., 1831; Русские портреты XVIII и XIX вв. / Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т. 2. М., 2003. С. 258–259; Русский биографический словарь. Т. 7. Пг., 1916. С. 137–143; Чернета В.Г. Первый министр народного просвещения Российской империи П.В. Завадовский. М., 1998; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: 1802–1917 гг. Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 273–276.

Куракин Алексей Борисович

(19 сентября 1759 — 30 декабря 1829), князь, сенатор (с 1798 г.), видный сановник времен Екатерины II и Павла I. Сын президента Камер-коллегии и Коллегии экономии Бориса-Леонтия Александровича Куракина (1733–1764), брат вице-канцлера сенатора Александра Борисовича Куракина (1752–1818) и сенатора Степана Борисовича Куракина (1754–1805).

Получил разностороннее домашнее образование, дополненное изучением наук в Лейденском университете (в 1775–1776 гг.).

В 1776–1778 гг. — на военной службе. С 1778 г. служил при дворе. В 1780 г. избран заседателем верхнего земского суда. В первой половине 1790-х гг.

служил в экспедиции «для свидетельства государственных счетов», которую возглавил в 1795 году.

В 1780-е гг. сблизился с наследником престола великим князем Павлом Петровичем (Павел I), в правление которого занимал высокие государственные должности, в том числе генерал-прокурора (1796–1798) и министра Департамента уделов (1797–1798). Без А.Б. Куракина в конце XVIII в. не решался ни один вопрос внутреннего управления. Он был инициатором издания ряда указов, в том числе указа от 5 апреля 1797 г. об ограничении барщины тремя днями. Благодаря родственным связям А.Б. Куракин реализовывал свои проекты, в том числе и по созданию Вспомогательного банка для дворянства (осн. 1797 г.), созданного для покупки дворянских долгов у частных лиц и ипотечного кредитования правящего сословия (организован по образцу Бреславского королевского банка в Пруссии). А.Б. Куракин был назначен его главным попечителем (19 декабря 1797 г.). Фактически в руках А.Б. Куракина до 1798 г. находились рычаги банковской системы страны, когда он, совмещая несколько должностей, был и руководителем Ассигнационного банка (1796–1798), став инициатором создания при нем Учетной конторы (в Петербурге) для кредитования купечества (открыла операции 1 марта 1798 г.). Усилия А.Б. Куракина в банковской сфере, направленные на организацию доступного кредита для дворян и купцов, не смогли достичь поставленной цели (ликвидировать дворянскую задолженность перед частными кредиторами и открыть широкий доступ купцам в кредит). Однако они получили продолжение в начале XIX в., когда учетные конторы были организованы в крупных торговых центрах страны (в 1806 г.).

При преемниках Павла I был председателем Комиссии для пересмотра прежних уголовных дел (1801–1802), генерал-губернатором Малороссии (1802–1807), министром внутренних дел (1807–1810), членом Государственного Совета (с 1811 г.) и председателем Департамента Государственной экономии Государственного Совета (с 1821 г.), канцлером российских орденов (1826–1828). Член Верховного уголовного суда по делу декабристов (1826).

Похоронен в своем имении в с. Куракино Орловской губернии.

Литература: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.

Око государево: Российские прокуроры, XVIII в. М., 1994. С. 195–221; Павловский И.Ф. Очерк деятельности малороссийского генерал-губернатора кн. А.Б. Куракина. Полтава, 1914; Русские портреты XVIII–XIX вв. / Изд. вел. кн. Н.М. Романов. Т. 1. М., 2003. С. 504–505; Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1903. С. 567–572; Русское масонство: 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 446; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: 1802–1917 гг. Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 387–389.

Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич (4 сентября 1800 — 6 апреля 1855), граф, сенатор (1844), член Государственного Совета (1855), тайный советник (1843), управляющий Заемным банком (1834–1835). Из российского дворянского рода, известного со второй половины XVI века. Сын вице-президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Григория Григорьевича Кушелева (1754–1833) и дочери сенатора Любови Ильиничны Безбородко (1783–1809). Получил образование в благородном пансионе при Императорском Царско-сельском лицее (1813–1816).

На службе с 1817 года. С 1817 по 1826 г. — на дипломатической службе. Член Главного правления училищ (1826–1834).

Член Совета государственных кредитных установлений (1833–1835), помощник статс-секретаря Государственного Совета (1834–1835). Управляющий Государственным Заемным банком с 29 апреля 1834 г. по 25 апреля 1835 г. Уволен от службы 25 апреля 1835 г. В декабре 1835 г. вновь принят на службу и назначен членом Совета министра финансов. Директор Департамента Государственного казначейства (с 1837 г.). Председатель Комиссии при Министерстве финансов для переложения всех штатных расходов на серебро (1839), участник проведения денежной реформы 1839–1843 гг.

Похоронен в Духовской церкви Александра-Невской лавры в Петербурге.

Лит-ра: Полевой П.Н. Граф А.Г. Кушелев-Безбородко. СПб., 1881; Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1903. С. 701–703; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: 1802–1917 гг. Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 398–400.

Миллер Антон Иванович (1765 — 1 января 1832), тайный советник. Сын придворного архитектора. Определен на службу в 1785 г. копиистом в Петербургское казначейство «для остаточных сумм». С 1790 г. — в Экспедиции для свидетельствования государственных счетов. В 1797 г. «перемещен» в Экспедицию о государственных расходах, с 1808 г. — старший советник Экспедиции о государственных доходах. В 1819 г. ему «высочайше поручено управление Экспедиции о государственных доходах по части чрезвычайных расходов». В 1821–1824 гг. — вице-директор Департамента Государственного казначейства

Министерства финансов. В 1824–1827 гг. — директор Государственной комиссии погашения долгов. С 15 октября 1827 г. по 1 января 1832 г. — управляющий Коммерческим банком. В 1835 г. поступил на службу в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов. В 1849–1863 гг. — заведующий ее Отделением по делам внешнего кредита. Участвовал в заключении российских внешних займов в 1850-е годы. Похоронен на Волковом лютеранском кладбище в С.-Петербурге.
Архивы: РГИА. Ф. 586. Оп. 15. Д. 8551. (Дело об управляющем Коммерческим банком тайном советнике А.И. Миллере, 1827–1834 гг.).

Мятлев Петр Васильевич (13 декабря 1756 — 15 февраля 1833), тайный советник, камергер (1789), сенатор (1794), управляющий Ассигнационным банком в 1794–1796 гг. Из старинного дворянского рода. Сын адмирала и сибирского губернатора Василия Алексеевича Мятлева (1694–1761). В 1762 г. записан в военную службу сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. В конце 1760-х гг. находился при графе А.П. Шувалове и был привлечен к работе Уложенной комиссии. В 1786 г. по рекомендации А.П. Шувалова получил должность советника Правления Ассигнационных банков. В 1792–1794 гг. — исполняющий обязанности главного директора (управляющего) Ассигнационным банком; в 1794–1796 гг. — главный директор Ассигнационного банка. С 1796 г. — член Комитета для погашения государственных долгов. В 1783 г. состоял также членом Комитета для управления различными зрелищами и музыкой. Гдовский уездный предводитель дворянства (1783–1795).

Вышел в отставку в 1801 году. Собиратель живописи. Умер в Петербурге. Погребен в семейном склепе в Сергиевой пустыни.
Лит-ра: Русские портреты XVIII и XIX вв. / Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т. 4. М., 2000. С. 169–170.

Ореус Иван Максимович (1787 — 23 февраля 1863), действительный тайный советник, сенатор (1846), управляющий Государственным Заемным банком (1836–1846). Представитель дворянского рода, известного со второй половины XVIII века. Сын Выборгского, затем финляндского губернатора Максима Максимовича Ореуса (1739 — начало 1800-х), внук лютеранского пастора в Финляндии. Окончил курс наук в Выборгском народном училище, затем служил в Выборгской казённой палате, в Экспедиции о государственных доходах и в Департаменте государственных имуществ (1812–1815) Министерства финансов. Старший бухгалтер канцелярии генерал-интенданта Первой армии (1817–1820). Чиновник Департамента разных податей и сборов (с 1820), начальник Второго отделения Канцелярии министра финансов (1823–1827). Вице-директор Департамента внешней торговли (с 1827), член Совета министра финансов (с 1832), товарищ министра финансов (1845–1849). С 10 января 1836 г. по 25 октября 1846 г. — управляющий Государственным Заемным банком. Товарищ министра финансов (1846–1849). Похоронен на Волковом лютеранском кладбище в Петербурге.
Лит-ра: Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1905. С. 308.

И.И. Олешкевич. Портрет сенатора
П.В. Мятлева. 1824 год. Холст, масло.
113×89,5 см. Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург. Фотограф П.С. Демидов.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-
Петербург, 2016

Пещуров Никита Иванович

(28 марта 1742 — 24 июля 1814), тайный советник, управляющий Ассигнационным банком (1804–1814).

Из русского дворянского рода середины XVII века. Владелец поместий в Рязанской губернии.

С 1759 г. — на военной службе, где дослужился до полковника (1780).

В 1781 г. определен контролером в Счетную экспедицию Военной коллегии.

Советник Правления Ассигнационного банка (1786–1804). Управляющий Экспедицией приема и ревизии ассигнаций (1797–1799). Член Экспедиции по хозяйственным оборотам Ассигнационного банка (1799–1804). С 3 июня 1804 г. по 24 июля 1814 г. — управляющий Ассигнационным банком.

Почетный командор ордена Святого Иоанна Иерусалимского (1800).

Похоронен на Смоленском православном кладбище (Петербург).

Архивы: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1809 г.

Д. 6. Л. 1а об. — 3. (Послужной список Н.И. Пещурова, 1809 г.)

Рибопьер Александр Иванович

(20 апреля 1781 — 24 мая 1865), граф (1856), член Государственного Совета (1838), видный государственный деятель.

Происходил из старинного эльзасского дворянского рода (*Ribaupierre*), представители которого с конца XVI в. осели в Швейцарии. Его отец, Иван Степанович Рибопьер (1754–1790), с рекомендации Вольтера поселился в России и был принят офицером в русскую армию.

Пользуясь расположением Г.А. Потемкина (адъютантом у которого он был), И.С. Рибопьер рекомендовал Екатерине II своего соотечественника Ф.-Ц. Лагарпа в качестве учителя будущего императора Александра I.

До 1799 г. А.И. Рибопьер числился на военной, а в 1799–1810 и в 1824–1838 гг. состоял на дипломатической службе.

С 3 мая 1810 г. по 10 августа 1823 г. служил в Министерстве финансов.

В 1799 г. — флигель-адъютант Павла I.

Управляющий государственными Коммерческим (16 августа 1817 г. — 10 августа 1823 г.) и Заемным

(16 июня 1820 г. — 10 августа 1823 г.) банками. Протеже министра финансов Д.А. Гурьева и проводник его идеи о широком кредитовании купечества. В управление А.И. Рибопьером Коммерческим банком было открыто пять контор Коммерческого банка в крупных городах России (Москве, Одессе, Архангельске, Риге и Астрахани), а также ярмарочное (временное) отделение в Нижнем Новгороде (1820 г.). В 1822 г. А.И. Рибопьер в рамках борьбы с контрабандой установил новую таможенную границу порто-франко в Одессе. Участник подготовки протекционистского таможенного тарифа 1822 года.

После увольнения из Министерства финансов (из-за нежелания работать с Е.Ф. Канкрином) был причислен к Герольдии, а затем состоял чиновником в Государственной коллегии иностранных дел (с 1824 г.). Посол в Османской империи (1824–1830), в Пруссии и Мекленбурге (1831–1838).

Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Соч.: Рибопьер А.И. Записки // Русская старина. 1877. Т. 1. Кн. 4. С. 460–506; Т. 2. Кн. 5. С. 5–36.

Архивы: РГИА. Ф. 1040 (А.И. Рибопьер).

Лит-ра: Русский биографический словарь. Т. 16. СПб., 1913. С. 173–178; Русские портреты XVIII и XIX вв. / Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т. 4. М., 2000. С. 505–506.

Ростовцев (Ростовцов) Александр Иванович (27 августа

1800 — 18 мая 1867), тайный советник, камергер (1833), управляющий Коммерческим банком (1860).

Представитель рода, получившего дворянство на рубеже XVIII–XIX веков. Внук петербургского купца Ивана Алексеевича Ростовцева (?–1804), сын действительного статского советника Ивана Ивановича Ростовцева (1764–1807), директора училищ Петербургской губернии, брат генерал-адъютанта Якова Ивановича Ростовцева (1803–1860). Окончил Пажеский корпус.

С 1821 г. на военной службе, дослужился до звания поручика. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 годов.

С 1830 г. — на статской службе (определен в Министерство финансов).

Управляющий Экспедицией государственных кредитных билетов (1854, 15 октября — 1860, 17 июня), управляющий Государственной комиссией погашения долгов (1860, 17 июня — 1862, 22 января).

Последний управляющий Коммерческим банком, с 1 апреля по 17 июня 1860 года.

Член Ученого комитета Министерства финансов.

Похоронен в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры в С.-Петербурге.

Лит-ра: Русский биографический словарь. Т. 17. Пг., 1918. С. 212.

Румянцев Николай Петрович

(3 апреля 1754 — 3 января 1826), граф, сенатор (1796), управляющий Вспомогательным банком для дворянства (1797–1798) и Заемным банком (1797–1798). Из дворянского рода, известного с XV века. Второй сын графа П.А. Румянцева-Задунайского (1825–1896),

известного полководца и государственного деятеля.

До 1772 г. — на военной службе. Обучался наукам в Германии и Италии, встречался с Вольтером (1774–1776).

В 1779 г. пожалован в действительные камергеры. По указу Екатерины II исполнял различные дипломатические поручения (с 1776 г.).

В царствование Павла I — гофмейстер, сенатор, а с 18 декабря 1797 г. по 6 сентября 1798 г. — директор Вспомогательного банка для дворянства и примерно в это же время руководил Государственным Заемным банком.

В царствование Александра I был главным директором Департамента водных коммуникаций (21 августа 1801 — 18 апреля 1809), министром коммерции (8 сентября 1802 — 25 сентября 1810), членом Особого комитета финансов (1806–1807), министром иностранных дел (1807–1814), председателем Государственного Совета (1 января 1810 — 1 апреля 1812) и Комитета министров (1810–1812). Зарекомендовал себя как союзник сближения с Францией. Как министр коммерции Р. поощрял географические и этнографические исследования Сибири и русской Америки.

30 августа 1814 г. уволен от службы, посвятил себя науке и меценатству. Собрал выдающуюся коллекцию памятников отечественной истории, картинную галерею и библиотеку, составившие основу московских Румянцевского и Публичного музеев. Завещал 66 тыс. руб.

на издание собрания государственных грамот и договоров, задумывал издание русских летописей и других источников по отечественной истории. Был знаком со многими учеными и литераторами, в частности с Н.М. Карамзиным.

Похоронен в своем имении в Гомеле (Белоруссия).

Лит-ра: Барсов Е.В. Государственный канцлер гр. Н.П. Румянцев. СПб., 1877; Ивановский А.Д. Государственный канцлер гр. Н.П. Румянцева: биографический очерк. СПб., 1871; Русские портреты XVIII и XIX вв. / Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т. 1. М., 2003. С. 128–129; Русский биографический словарь. Т. 17. Пг., 1918. С. 493–521; Собрания гр. Н.С. Румянцевой. М., 1913; Старчевский А.В. О заслугах гр. Румянцевой, оказанных отечественной истории. СПб., 1846; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: 1802–1917 гг. Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 639–643.

Румянцев Сергей Петрович

(17 марта 1755 — 24 января 1838), граф, сенатор, член Совета при дворе (1800), член Государственного Совета (1802), действительный тайный советник, управляющий Вспомогательным банком для дворянства (1798–1800). Третий (последний) сын графа П.А. Румянцева-Задунайского (1725–1796), брат Николая Петровича Румянцева (1754–1826). Получил домашнее образование. В 1762 г. записан на военную службу. В 1774–1776 гг. вместе с братом Николаем и энциклопедистом бароном Ф.М. Гриммом совершил поездку за границу (посетил германские и итальянские государства, Голландию и Францию). Вторично посетил Европу в 1779–1780 гг. Посол России в Дании (1783–1785), Баварии (1785) и Пруссии (1785–1788). Присутствующий член в Коллегии иностранных дел (1796–1800). Министр Департамента уделов (Удельного ведомства) (1798–1800). Участник рассмотрения проекта нового устройства Сената (1802). Инициатор издания закона «О вольных хлебопашцах» (1803).

Член Комитета по части финансов (с 1807).

Почетный член (1810) и действительный член (1824) Императорской Академии наук.

Похоронен в с. Троицком-Кайнарджии близ Москвы.

Лит-ра: Русский биографический словарь. Т. 17. Пг., 1918. С. 575–591.

Свистунов Петр Семенович (1732–1808), тайный советник, генерал-аншеф (1796), сенатор (1797), управляющий Ассигнационным банком (1799 (?) — 1802). Из дворян. Сын лейтенанта флота Семена Степановича Свистунова. Отец камергера Николая Петровича Свистунова (1770–1815), пользовавшегося расположением Павла I. Окончил Сухопутный шляхетский корпус.

Присутствующий в Государственной военной коллегии (в 1771–1775 гг., 1796–1799 гг.). В 1774 г. состоял в Комиссии по расчетам с прусским казначейством. Белгородский губернатор (1775–1779), правитель Курского наместничества (1779–1782). Отстранен от службы в 1782 г. в связи с расследованием служебных злоупотреблений.

Известен как автор многих элегий, песен и стихов, а также переводов комедий Вольтера.

Лит-ра: Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 225–226.

Уваров Сергей Семенович (25 августа 1786 — 4 сентября 1855), граф (1846), тайный советник, сенатор (1826), член Государственного Совета, управляющий Заемным и Коммерческим банками (1823–1826).

Представитель дворянского рода, известного с конца XV века. Сын вице-полковника л.-гв. Гренадерского полка

Дж. Доу. Портрет графа Николая
Петровича Румянцева. 1828 год.
241 × 155 см. Российская
государственная библиотека

флигель-адъютанта Семена Федоровича Уварова (ок. 1750 — 1788)

Получил домашнее образование, слушал лекции в Геттингенском университете.

В 1801–1810 гг. — на дипломатической службе.

В 1810–1821 гг. — попечитель Петербургского учебного округа.

С 1822 по 1826 г. работал в Министерстве финансов: директор Департамента мануфактур и внутренней торговли (1822–1824), управляющий Заемным и Коммерческим банками (1823, 10 августа — 1826, 22 августа).

В 1832–1833 гг. — товарищ министра, в 1833–1849 гг. — министр народного просвещения. Президент Петербургской Академии наук (с 1818). Сформулировал доктрину официальной народности («Православие, самодержавие, народность»).

Лит-ра: Русские портреты XVIII и XIX вв. / Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т. 5. М., 2000. С. 464–466; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: 1802–1917 гг. Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 762–766.

Урусов Сергей Юрьевич (10 декабря 1772 — 29 июня 1840), тайный советник, князь, в должности управляющего и управляющий Коммерческим банком (1832–1840). Представитель дворянского рода, произошедшего от ногайского царевича Урус-мурзы, известного с конца XVI века. Брат генерал-майора Николая Юрьевича Урусова (1764–1821).

По окончании Московского университета поступил на службу в лейб-гвардии Преображенский полк. После увольнения с воинской службы определен в Комиссию о составлении проекта нового уложения. С 1796 г. состоял при государственном казначее графе А.И. Васильеве

и выполнял его поручения. Советник Экспедиции о государственных доходах (1798–1803), управляющий Экспедицией для свидетельствования государственных счетов (1805–1809). С 1809 г. — в Министерстве финансов.

В 1813–1818 гг. — петербургский вице-губернатор, заведовал книгами о приходах и расходах Петербургской губернии, занимался сбором недоимок и пр.

В 1831 г. «всемилоостивейше причислен к Герольдии».

С 4 марта 1832 г. — в должности управляющего Коммерческим банком.

С 7 апреля 1835 г. по 29 июня 1840 г. — управляющий Коммерческим банком.

Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в С.-Петербурге.

Архивы: РГИА. Ф. 560. Оп. 37. Д. 137 (Формулярный список о службе тайного советника князя С.Ю. Урусова, 1840 г.); Там же. Ф. 583. Оп. 4. Д. 271. Л. 60 — 61 об. (О выдаче пособия вдове тайного советника князя Урусова, 1863 г.)

Фролов-Багреев Александр Алексеевич (1785 — 11 сентября 1845), сенатор (1834), управляющий Заемным банком (1826–1834).

Из дворян. Начал службу в 1797 г.

юнкером в Коллегии иностранных дел.

В 1802–1806 и в 1807–1812 гг. состоял при российском посольстве в Пруссии (в Берлине). В Отечественную войну

1812 г. находился при главнокомандующем Дунайской армией П.В. Чичагове,

занимался восстановлением «гражданского порядка и временного управления

Гродненской губернии». В 1813 г. состоял при командующем армией М.Б. Барклае-де-Толли, в 1814–1815 гг. — при

австрийском генерал-фельдмаршале князе К.-Ф. Шварценберге.

В 1818–1824 гг. — черниговский гражданский губернатор.

В 1824 г. определен членом Совета министра финансов.

С 24 августа 1826 г. по 21 августа 1834 г. — управляющий Заемным банком.

Женат на единственной дочери графа М.М. Сперанского Елизавете Михайловне.

Лит-ра: Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901. С. 235.

Халчинский Федор Лаврентьевич (8 февраля 1786 — 26 декабря 1860), тайный советник, управляющий Заемным банком (1854–1860).

Из дворян, имений не имел.

По окончании Московского университета поступил на службу в Коллегию иностранных дел (1803), где был причислен к Московскому архиву Министерства иностранных дел и работал под началом историка Н.Н. Бантыша-Каменского.

С 1807 по 1833 гг. служил в Министерстве иностранных дел, где состоял в разных должностях, в том числе был переводчиком при российском посольстве в Париже (1807–1809), письмоводителем в министерской канцелярии графа Н.П. Румянцева (1809–1817), начальником 3 отделения Департамента внутренних сношений (1832–1833).

С 1833 по 1842 гг. — управляющий придворной конторой великого князя Михаила Павловича (при Департаменте уделов).

С 1842 г. — на службе в Министерстве финансов. С 13 августа 1843 г. по 22 января 1854 г. — управляющий Экспедицией государственных кредитных билетов. С 22 января 1854 г. по 17 июня 1860 г. — управляющий Государственным Заемным банком.

Известен переводами исторических сочинений с немецкого и французского языков.

Похоронен в Сергиевой пустыни в Петербурге.

Лит-ра: Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901. С. 270; Серков А.И. Русское масонство: 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 847–848.

Хвостов Александр Семенович

(18 ноября 1753 — 14 июня 1820), тайный советник, управляющий Заемным банком (1804–1820).

Из дворян. Сын секунд-майора Семена Васильевича Хвостова (?–1770), брат сенатора и томского губернатора Василия Семеновича Хвостова (1756–1832).

Получил образование в Академической гимназии.

С 1771 по 1779 г. — на службе в Коллегии иностранных дел. В конце 1770-х гг. — секретарь в Сенате при генерал-прокуроре князе А.А. Вяземском.

С 1779 г. — на военной службе, где дослужился до бригадира (1793). Участник штурма Измаила (1790).

В 1793–1794 гг. — российский поверенный в делах в Константинополе (Османская империя).

В 1797 году «за неприбытие к полку» исключен из службы императором Павлом I.

С 1801 г. — вновь на статской службе. Советник Государственного Заемного банка (1804).

С 29 июня 1804 г. по 14 июня 1820 г. — управляющий Государственным Заемным банком.

Известный переводчик и поэт. Друг Г.Р. Державина.

Похоронен на Смоленском православном кладбище в Петербурге.

Лит-ра: Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901. С. 295–296.

Хованский Александр Нико-

лаевич (4 июня 1771 — 6 февраля 1857), князь, тайный советник, сенатор (1826), действительный камергер (1803), последний управляющий Ассигнационным банком (1816–1848).

Представитель старинного княжеского рода, происходившего от великого князя литовского Гедимина (XIV в.). Сын полковника Николая Васильевича Хованского (?–1777), брат сенатора и члена Государственного Совета Николая Николаевича Хованского (1777–1837).

Владелец имения во Владимирской губернии.

В 1785 г. зачислен сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. До 1793 г. — на военной службе, дослужился до прапорщика (1793).

В 1793 г. определен ко двору в звании камер-юнкера.

Советник Правления Ассигнационного банка (1797–1800, 1802–1816), член Экспедиции по хозяйственным оборотам (1799–1800), управляющий Экспедицией для приема и ревизии ассигнаций (1802–1806) и управляющий Петербургской учетной конторой по товарам этого банка (1806–1816). Член Московского отделения Ассигнационного банка (1800–1802).

С 16 ноября 1816 г. по 1 января 1848 г. — управляющий Ассигнационным банком.

С 1818 г. по 15 декабря 1850 г. — управляющий Экспедицией по заготовлению государственных бумаг.

С 1850 г. — в отставке.

Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры (С.-Петербург).

Архивы: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1809 г. Д. 6.

Л. 3 об. — 4. (Послужной список А.Н. Хованского, 1809 г.)

Лит-ра: Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901. С. 372.

Шереметев Николай Петрович

(28 июня 1751 — 2 января 1809), сенатор (1786), обер-камергер (1798), управляющий Московским Дворянским банком (1777–1786).

Представитель старинного дворянского рода, известного с XIV века. Сын графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), один из самых богатых помещиков в России.

В детстве один из любимых товарищей наследника цесаревича Павла Петровича.

Получил домашнее образование, продолженное во время заграничного путешествия (1769–1773). Слушал лекции в Лейденском университете.

Управляющий Московским Дворянским банком (1777–1786). Присутствующий в пятом Департаменте (1786–1794) и Межевом департаменте (1796–1800) Сената. Вышел в отставку в 1800 году.

Известный благотворитель и меценат, владелец коллекции картин и содержатель крепостного театра. Основатель Странноприимного дома в Москве (открыт в 1810 г.).

Женат (с 1801) на крепостной Прасковье Ивановне Ковалевской (Ковалевой-Жемчуговой). Имел единственного сына Дмитрия Николаевича Ш. (1803–1871), гофмейстера.

Похоронен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге.

Лит-ра: *Русские портреты XVIII и XIX вв.* / Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т. 3. М., 2000. С. 398–399; *Русский биографический словарь*. Т. 23. СПб., 1911. С. 185–186; Федорченко В.И. *Двор российских императоров*. М., 2004. С. 497–498.

Шувалов Андрей Петрович

(23 июня 1744 — 24 апреля 1789), граф, сенатор (1782), известный государственный деятель.

Сын генерал-фельдмаршала Петра Ивановича Шувалова (1710–1762).

Получив блестящее домашнее образование, А.П. Шувалов совершил ознакомительную поездку по Европе (Варшава, Париж, 1756–1757). Во время второго своего заграничного путешествия (Париж, Гаага, 1764–1766) познакомился с Вольтером и Ф.-Ц. Лагарпом.

В 1757–1768 гг. служил при дворе.

Вместе с другими вельможами сопровождал Екатерину II во время путешествия по Волге (1767) и по России (1787). Член Совета при императрице Екатерине II (с 1787 г.).

Директор Уложенной комиссии (1767) и ее депутат от пахотных солдат Орловской провинции. Участник заседаний ряда других правительственных комиссий, в том числе Особой комиссии для рассмотрения коммерции Российского государства (1763), Комиссии от строений Санкт-Петербурга и Москвы (1782), Об увеличении государственных доходов (1783), Об устранении недостатка хлеба (1783), О дорогах в государстве (1786), Комиссии по устройству заграничного займа (1787–1788).

Управляющий казённой шпалерной мануфактурой в Петербурге (с 1783 г.). В 1769–1789 гг. (по 24 апреля 1789 г.) — управляющий («главный директор») Ассигнационным банком. Составитель устава этого банка (1786 г.) и инициатор его реформирования по образцу европейских эмиссионных банков. Составленный А.П. Шуваловым план преобразования Ассигнационного банка, частично осуществленный в 1786 г., предусматривал отмену обязательной привязки (в пропорции 1:1) суммы циркулировавших бумажных денег к количеству обращавшейся монеты, а также наделение банка большими функциями. Ему разрешалось завести

собственный монетный двор и чеканить монету от своего имени, заниматься куплей-продажей меди, а также покупкой золота и серебра (с одновременной передачей казённых уральских рудников), учитывать векселя и страховать имущество. Для усиления централизации управления было предложено преобразовать прежде самостоятельный Московский Ассигнационный банк в Московское отделение Ассигнационного банка (в Петербурге). По мнению А.П. Шувалова, деятельность реформированного Ассигнационного банка должна была сосредоточиться сугубо на эмиссионной деятельности. С этой целью банк был избавлен от «лишних» операций (в частности, хранившиеся в Петербургском Ассигнационном банке вклады передавались в Заемный банк).

При управлении банком А.П. Шуваловым были осуществлены лишь некоторые из намеченных мер: банку предоставили право широкого выпуска бумажных денег (что привело к инфляции рубля в конце XVIII в.) и передали казённые уральские рудники («Верхотурские заводы»), был ликвидирован самостоятельный Московский Ассигнационный банк и учреждена Страховая контора. Другие положения реформы банка, закрепленные в уставе 1786 г., были реализованы только в правление Павла I (создание банковского монетного двора (1796) и Учетной конторы в Петербурге (1797)).

Член Вольного экономического общества, его председатель в 1772 г. Почетный член Академии художеств (с 1758 г.). Петербургский губернский предводитель дворянства (с 1783 г.). Переписывался с Вольтером, Гельвецием и др. известными европейскими литераторами. Автор стихов на

французском языке и записки о российской истории («Выпись хронологическая из истории русской», 1783). Наблюдал за изданием переводов лучших произведений иностранной литературы. Известен как хороший знаток французского литературного языка (Ш. поправлял стиль во французских письмах Екатерины II).

В 1771 г. вступил в масонство (ложе Совершенного союза в Петербурге). Председатель («мастер стула», 1786–1787 гг.) масонской ложи Молчаливости в Петербурге, организованной по образцу английских масонских лож.

Похоронен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге.

Лит-ра: Кобеко Д. Ф. Ученик Вольтера граф Андрей Петрович Шувалов // *Русский архив*. 1881. Кн. 3. С. 241–290; *Русские портреты XVIII–XIX вв.* / Изд. вел. кн. Н. М. Романов. Т. 1. М., 2003. С. 195–196; *Русский биографический словарь*. Т. 23. СПб., 1911. С. 472–475; Серков А. И. *Русское масонство: 1731–2000 гг.* Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 912–913.

ЮРЬЕВ ФЕДОР ФИЛИППОВИЧ (1796 — 30 марта 1860), действительный статский советник, управляющий Коммерческим банком (1854–1860).

Из дворян Московской губернии.

Участник Заграничных походов русской армии 1813–1815 гг. (воевал в конном полку нижегородского ополчения).

С 1817 г. — поручик Литовского уланского полка. За отличие по службе «по собственному желанию» переведен в гвардию (с 1819 г. был адъютантом легкой кавалерийской дивизии лейб-гвардии Уланского полка). В 1833 г. в звании ротмистра вышел в отставку «для определения к статским делам».

В 1835 г. причислен к Министерству внутренних дел. В 1836–1839 гг. — чиновник

особых поручений пятого класса при министре внутренних дел. В 1839 г. работал в Министерстве юстиции.

Пятого октября 1839 г. назначен старшим директором в Экспедицию депозитной кассы при Коммерческом банке. В 1843–1847 гг. — товарищ (заместитель) управляющего Коммерческим банком и заведующий этой экспедицией. По упразднении Экспедиции депозитной кассы состоял в должности товарища управляющего Коммерческим банком (1848–1851). С 1842 по 1852 г. — управляющий временным Рыбинским отделением Коммерческого банка. Также состоял в должности управляющего временным Нижегородским отделением Государственного банка.

С 22 января 1854 г. по 15 октября 1854 г. — управляющий Экспедицией государственных кредитных билетов. С 15 октября 1854 г. по 30 марта 1860 г. — управляющий Коммерческим банком.

Член литературного общества «Зеленая лампа», приятель А. С. Пушкина. Пушкин называл его «преlestным баловнем Киприды», посвятил ему послания «Любимец ветренных Лаис» (1818 г.) и «Здорово, Юрьев-именинник» (1819 г.).

Похоронен в церкви Казанской Божьей Матери в Царском Селе.

Лит-ра: Модзалевский Б. Л. Ф. Ф. Юрьев и послание к нему А. С. Пушкина (1819 г.) // *Пушкин и его современники. Материалы и исследования*. Вып. 3. СПб., 1905. С. 92–95.

ДОКУМЕНТЫ

Наставление Московского Дворянского банка учрежденным в Оренбурге, Казани и Нижнем Новгороде банковым экспедициям, 1775 г.

Документ был включен М.М. Сперанским в Полное собрание законов Российской империи⁹¹⁸. Экземпляр его оригинального типографского оттиска сохранился в Отделе истории книги Государственной публичной исторической библиотеки России. «Наставление» имело характер циркуляра для трех экспедиций (в Оренбурге, Казани и Нижнем Новгороде), учрежденных для ликвидации экономических последствий Пугачевского восстания в 1775 году. При публикации орфография и пунктуация в тексте осовременены.

Сего 1775 года апреля 7 дня присланным в оную контору из правительствующего Сената указом, в коем объявлен именной Ее Императорского Величества состоявшийся сего 1775 г. марта в 31 день манифест о учреждении Московскому Дворянскому банку трех экспедиций в Оренбурге, Казани и Нижнем Новгороде⁹¹⁹ под смотрением губернаторов для раздачи из оных займы денег на вспоможение⁹²⁰ всякого рода жителям как оных трех, так и других назначенных в помянутом манифесте губерний, претерпевших разорение по причине бывшего возмущения. А при том Московскому банку для дворянства дано знать, чтобы тем скорее во учреждении банковых экспедиций исполнение учинено было, то соображаясь со статом⁹²¹ 1772 г. июля 24 дня, состоявшимся внутри государства банковым конторам для вымена⁹²² государственных ассигнаций, велено для определения толикого⁹²³ ж числа в каждую экспедицию директоров и их товарищей

⁹¹⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. 20. № 14414. С. 327–335.

⁹¹⁹ Там же. № 14285. С. 96–99.

⁹²⁰ Вспоможение, уст. — помощь.

⁹²¹ Стат, уст. — штат, список должностей учреждения с жалованиями.

⁹²² Вымен, уст. — обмен.

⁹²³ Толикого, уст. — такого.

из штаб- и оберофицерских чинов представить от герольдии кандидатов и нижних чинов в те экспедиции определить.

И в силу оного высочайшего Ее Императорского Величества манифеста в конторе Московского [Дворянского] банка определено: для вышеписанной раздачи претерпевшим разорение займы денег быть экспедициям в Оренбурге, в Казани и в Нижнем Новгороде, коим экспедициям и состоять под ведением [Московского] Дворянского банка. А сверх того для лучшей исправности, дабы какого злоупотребления в течении их не оказалось и под полным надзиранием⁹²⁴ губернаторов тех мест, где банковые экспедиции установлены. А в тех экспедициях быть в каждой в силу состоявшегося в 1772 г. июля 24 дня внутри государственных банков в конторах для вымена государственных ассигнаций стата нижеписанным чинам с положенным по тому статуту годовым жалованьем, а именно: директору (одному) по четыреста рублей, товарищу (одному) по триста рублей, камериру в должности бухгалтера (одному) по двести по пятидесяти рублей; камериру в должности кассира (одному) по двести рублей, канцеляристу (одному) по восьмидесяти рублей, писцам при камериру и при комиссаре (двум) — каждому по шестидесяти рублей; счетчикам по усмотрению Московского [Дворянского] банка, какое число и во оном банке в силу новоучрежденных статут положено дву[м] человекам — каждому по пятидесяти рублей; сторожу (одному) по двадцати по четыре рубли; на дрова, свечи и на конторские расходы держать по сто рублей в год — и на оное содержание получать из получаемой процентовой⁹²⁵ суммы. Вышеписанным же из штаб- и оберофицеров и другим нижним чинам быть определенным от правительствующего Сената, а счетчикам армейских полков из унтерофицеров следующих к отставке добрых и не подозрительных, грамоте и писать умеющих за выбором и одобрением тех полков штаб- и оберофицеров, так же и в сторожи в силу 1754 г. об учреждении государственных банков для дворянства

⁹²⁴ Надзиранием, уст. — надзором.

⁹²⁵ Процентовой, уст. — процентной.

указа, определенным же от Военной коллегии; для оценки ж приносимых в экспедиции в заклад состоящих в золоте, и в серебре, и в алмазных вещах, и в жемчуге ценовщикам по рассмотрению ж [Московского] Дворянского банка в каждую экспедицию по два человека. В силу ж 1754 г. июля 14 дня правительствующего Сена-та указа, истребовав от Главного магистрата, дабы оный благоволил выбрать тамошним магистратом из тамошнего ж купечества людей достойных, которые б приносимые в заклад вещи достаточно знать могли, и в той их знаемости окредитовать и к присяге привести от тех же магистратов. А дабы оные без потери купечества своего были, того ради им от магистратов объявить с подпиской, чтоб они для вышеписанного в банковские экспедиции являлись только по повесткам тех экспедиций, когда означенная оценка случиться, а потом всегда при своем купеческом деле находились. Для содержания ж при тех экспедициях караула и сохранения денежной казны военнослужителей требовать от тамошних губернаторов. А для тех экспедиций пристойных домов в силу 1772 г. о учреждении внутри государственных банков для вымена ассигнаций контор указа требовать же от магистратов и содержать оные экспедиции во всем по примеру конторы Государственного банка для дворянства — с журналами, и книгами кассирскими, и гротбух⁹²⁶, с коих формы и с состоявшегося о тех экспедициях манифеста по два экземпляра в каждую экспедицию сообщить, коим экспедициям и поступать во всем непременно по состоявшемуся манифесту и по нижеследующему банковому учреждению.

По прибытии определенных директоров в назначенные им места велеть, приготова книги и прочее, в самое действие вступить без замедления, и по вступлении Московскому [Дворянскому] банку дать знать. На сделание⁹²⁷ ж книг и на прочие канцелярские расходы на счет процентных денег из принятых сумм взять против учрежденных внутри государственных банков

⁹²⁶ Гротбух, уст. — гросбух, бухгалтерская книга.
⁹²⁷ Сделание, уст. — изготовление.

для вымена государственных ассигнаций в каждую экспедицию по сто рублей, а по вступлении процентов заменить для раздачи ж займы претерпевшим разорение по приеме из банка для вымена государственных ассигнаций отпустить из Московского дворянского банка в каждую экспедицию государственными ассигнациями по пятисот тысяч рублей, которой суммы кроме определенной из тех экспедиций раздач ни в какие расходы не употреблять.

Из вышеписанной определенной суммы производить займы требуемые от желающих суммы в силу означенного состоявшегося манифеста, а банковым экспедициям о всех таковых там от губернских канцелярий взять достаточные известия. А буде того ж заемщика из детей, кои у отцов и матерей в отделе, будут просить займы денег на свою собственную персону, тем по тому ж займы деньги давать. А которые дети живут не в отделе, таким в силу состоявшихся указов 1754 г. о учреждении государственных банков и 1761 г., коим повелено детям, не в отделе состоящим, а своего собственного имени не имеющим, отнюдь не давать. И деньги раздавать в силу правительствующего Сената сего 1775 г. мая 28 дня указа предпочтительно: во первых, оставшимся от убитых отцов и матерей минувшим возмущением несовершеннолетним⁹²⁸ сиротам; во вторых, тем владельцам и их оставшимся наследникам, которые во время злодейского нападения на их имения сами настоящими домами в тех вотчинах и дворах, кои разорены, жительствовавали; в третьих, тем владельцам, которые в разоренных вотчинах или дворах хотя сами и не жительствовавали, но содержали какие-либо заводы и фабрики, а разоренные вотчины были на издельях, а не на оброках. Напоследок выдавать уже ссуду и тем, коих имения разорены, хотя без фабрик и заводов и не на издельях, а на оброке состоящие, и выдавать деньги с дозволения губернаторов. На поданном же о требовании денег объявлении директор или его товарищ имеют подписать так: по дано такого года, месяца и числа, справясь, ежели объявляемые

⁹²⁸ Невозрастным, уст. — малолетним.

в заклад недвижимые имения, заводы и дворы действительно граблены⁹²⁹ были во время и по причине бывшего возмущения, иному никому не заложены, взяв в платеже на срок обыкновенное по форме обязательство, с коего в банковые экспедиции сообщить формы, записав то обязательство в книгу; и по тому обязательству комиссару требуемое заемщиком число денег, записав в расход с распиской, вычтя у него проценты и пошлины, остальные выдать тому заемщику немедленно. И по тому объявлению имеет камерир заемщика вписать в гротбук, а комиссар должен по выдаче денег на том же объявлении подписать, что вышеозначенная сумма денег заемщику с вычетом указных процентов и пошлин, и за гербовую бумагу выдана с распиской. И объявление впредь для счета камерир должен записать в особливую под номером книгу. Кто ж будет требовать и по поверенным за указным свидетельством письмам, то выдачу производить по вышеписанному ж.

А буде кто будет требовать в заем денег из претерпевших жителей из прилежащих Сибирской, Астраханской и Воронежской губерний, то от тех требователей в силу объявленного ж манифеста требовать из своей губернской канцелярии свидетельств: где и какое именно имение, в каком уезде и городе и в сказанное возмущение разграблено, в каком оное числе душ состояло, и есть ли фабрики и заводы — какие именно и на какую сумму, со оных в чем годовой оборот состоял. А без того выдачи никому не производить.

Кто потребует в заем денег на дворы, то тем дворам оценку чинить по справедливости от тех мест, где оные в ведомстве состоят. А села и деревни в заклад принимать те, кои прежде нигде заложены не были. И в том заемщиков в силу правительствующего Сената 1761 г. октября 26 дня указа обязывать, что те имения прежде никому не проданы и не заложены, и ни в какие крепости не укреплены; а тех имений на крестьянах как казённой

929 Граблены, уст. — ограблены.

доимки⁹³⁰, так и партикулярных исков нет, и объявленное в заклад число душ состоит полное, а до наступления тому имению к выкупу срока государственные подати платить будут ежегодно бездоимочно⁹³¹, и тех крестьян ничем не разорять. А дабы заложенных в дворянских банках недвижимых имений в банковые экспедиции заложено не было, то которые показанных в манифесте губерний села и деревни состоят в закладе в дворянских банках — о тех из здешнего банка в экспедиции дать знать. А чтоб и из Петербургского банка о том же в банковые экспедиции дано было знать без замедления, о том в Санкт-Петербургский банк сообщено.

Все заемные суммы в силу состоявшегося манифеста производить на десять лет, а не более, и брать в первые три года со оных выданных денег только по одному проценту. Остальные ж семь лет брать ежегодно с выданных в заем капиталов по три процента на год. Кто ж в заем будет требовать и менее десятилетнего срока, то по тому ж в силу правительствующего Сената 1754 г. июля 28 дня указа выдачу производить, а сколько кому, когда и под какой заклад взаймы дано будет — о том в конторы дворянских банков в силу правительствующего Сената 1755 г. сентября 12 дня указа присылать ведомости еженедельно, дабы заложенные в банковых экспедициях имения не могли заложены быть и в дворянских банках. А их оных дворянских банков кто и во оные заложить из состоящих в сказанных разоренных губерниях имения, то по тому ж в банковые экспедиции сообщать, о чем и в Петербургский банк знать дано. Буде же заемщик и прежде десятилетнего срока занятую сумму или в уплату оной сколько объявит в экспедицию, а конечно не позже выше поставленного урочного времени, те суммы принимать. И из полученных с тех внесенных сумм годовых процентов за недодержание оных до сроков обратно в силу правительствующего Сената 1755 г. января 31 дня указа возвращать заемщикам или их

⁹³⁰
⁹³¹

Доимки — здесь: «недоимки», неуплаты части налога.
Бездоимочно — т.е. платить налоги вовремя и в полном объеме.

поверенным. Кто ж из заемщиков заемной суммы платить будут проценты не в срок, то и на проценты за просроченное время в силу ж правительствующего Сената 1768 г. июля 21 дня указа взыскивать.

Кто требовать будет взаймы денег и объявит, что имение минувшим возмущением столько разграблено, что совсем оное опустошено, а представят такие в заклад другое собственное или поручителей имение и объявят, что в той сумме будут по ним поручители знатные и пожиточные⁹³², и те люди в займе денег в поруках по ним быть не отрекутся, и по усмотрению банковых экспедиций те поручители явятся надежные и в том им поверить будет можно — то и таковым людям в силу состоявшегося манифеста в заем деньги производить и под заклад брать другие не разоренные их или поручителей имения. Токмо о тех имениях, где они в ведомстве состоят, требовать из своих канцелярий свидетельства, как то сказано в Манифесте о Сибирской, Астраханской и Воронежской губерниях, со взятием по приложенной на то особой форме обязательства. И когда такое обязательство с поруками в банковую экспедицию дано будет, то по тому ж в книгу записать. И взяв с заемной суммы проценты, остальные по обязательству деньги заемщику с распиской отдать. И буде по тому обязательству он, заемщик денег, на срок не заплатит, и имения его в заклад объявлено не будет, тогда оные заемные деньги взыскивать с поручителей его и с процентами по расчету, сколько за сроком пробудут, не принимая от них никаких отговорок. А им, поручителям, с тех заемщиков те заемные ими деньги взыскивать в силу 1754 г. о учреждении государственных банков указа без суда.

В займе денег обязательства в банковых экспедициях писать на указной гербовой бумаге. И какие при письме заемных и закладных пошлины берутся, оные брать при письме обязательств в тех же экспедициях. О сборе ж тех пошлин с присланных из Юстиц-коллегии с указов копий в банковые экспедиции сообщить. А указного герба бумаге четырехрублевой,

⁹³² Пожиточные, уст. — зажиточные.

двухрублевой и осьмигривенной⁹³³ надлежащего числа, истребовав от Мануфактур-коллегии, на первый случай безденежно отпустить в те экспедиции. А по прошествии года взятые за гербовую бумагу деньги отсылать по прежнему положению в Мануфактур-коллегию, за которые для письма обязательств требовать вновь гербовой бумаги подлежащих клейм. А новоположенные за ту бумагу деньги, также и пошлин, сколько собрано будет, оные отсылать же в Статс-контору⁹³⁴. А сколько когда как за гербовую бумагу, так и пошлинных денег отослано будет — о том конторе Московского банка для дворянства давать знать. В выданных же на недвижимые имения деньгах по положенной на каждую душу препорции⁹³⁵ никаких порук не брать, а чтоб с достоверностью известно было, что заложенное имение всеконечно заемщику или поручителю, а не кому другому, принадлежит — о том осведомления в силу состоявшегося манифеста брать из губернских канцелярий, где объявленные в заклад имения в ведомстве состоят.

Кто будет просить займы денег с закладом в золоте и серебре, и драгоценных камнях, и в жемчуге, тогда он должен тот свой заклад объявить в банковской экспедиции. А той экспедиции присутствующим на поданном от заемщика объявлении подписать: подано, год, месяц и число. Объявленные от заемщика вещи определенным ценовщикам⁹³⁶ осмотра, подписать на том же объявлении, чего оные стоят. И по тому подписанию присутствующие, рассмотря, буде против требуемой в заем суммы вещи в полтора стоят, то оные у него принять и внести во учиненную на то книгу, описав всякую вещь порознь и весом. И тому заемщику, от кого оные вещи приняты и на который срок в заклад положены будут, подписаться и потом оное закладное запечатать тому заемщику при членах банковской экспедиции. И сверх того оной экспедиции, какова учинена будет казённой печатью, и поставя

⁹³³ Осьмигривенной, уст. — восьмигривенной, стоимостью в 80 копеек.

⁹³⁴ Статс-контора — то же, что Штатс-контора.

⁹³⁵ Препорции, уст. — здесь имеется ввиду оценка ревизской души в рублях, учитывавшаяся при открытии кредита дворянину под залог имения.

⁹³⁶ Ценовщик, уст. — оценщик.

на оном номер, и чье оное, банковской экспедиции положить особо в казенную палату. И по приеме того заклада на том же объявлении присутствующие имеют подписать того ж дня так: по сему объявлению требуемое заемщиком число денег с вычетом процентов выдать. И сколько кому дано будет и на который срок он заплатить должен — записать в книгу. И в той книге тому заемщику в приеме тех денег расписаться. И как распишется, тогда, взяв у него со всей заемной суммы проценты, остальные отдать тому заемщику немедленно. А в приеме заклада заемщику в банковской экспедиции дать расписку. И по выдаче денег о принятии вещей вместо репорта под объявлением подписать. И ежели тот заемщик на положенный срок того заклада не выкупит, тогда по сроке на другой день, призвав того заемщика, взять у него известие на письме за рукою того ж числа, что тот заклад он выкупить в состоянии ль. И буде скажет, что выкупить не в состоянии, тогда, буде заклад его в одном золоте и серебре, и то закладное его золото и серебро продать аукционным обыкновением. И буде по продаже что взято будет сверх заемной суммы, то излишние деньги отдавать заемщику. А буде той суммы, что денег в заем дано доставать не будет, тогда из одного, счисля на заемную сумму, для сплавки отсылать на монетный двор. И при той сплавке расход числить на его ж заемщиков счет. А по сплавке отдать в передел монет на монетном дворе. А за то золото и серебро деньги ходячей монетой в платеж того заемщика что надлежит и по расчету с процентами с монетного двора велеть отдать для доставления в банк для вымена государственных ассигнаций в контору Московского банка для дворянства. А буде что сверх заемной суммы и процентов того сплавленного золота и серебра явится в слитках, и оное оставить на монетном же дворе. А за то излишнее в слитках золото и серебро по указной же цене деньги с монетного двора отдавать тому заемщику, а слитков не отдавать. А излишнее ж за сплавкой оставшее в посуде золото и серебро отдать тому заемщику с распиской. А от кого заклад будет в драгоценных камнях и в жемчуге, то из одного, ежели он выкупить не в состоянии

ж будет, при нем же, заемщике, отобрав на заемную сумму, продать аукционным обыкновением. И взятую в заем сумму с надлежащими процентами возратить в казну. А что взято будет по продаже сверх заемной суммы, и оное тако ж и за продажей излишние вещи ему ж, заемщику, отдать с распиской ж. Буде заемщик, который возьмет деньги и, заклад положи в золоте и серебре на срок же, не выкупит, а будет в дальних отлучках, и о платеже того займа никому от него поверено⁹³⁷ не будет — тогда оное закладное по прошествии срока для сплавки отсылать на монетный двор и отдать на том монетном дворе в передел денег. А за оное за все с монетного двора по указной цене ходячей монетой отпустить в банковую контору для дворянства. А драгоценные вещи и жемчуг аукционным обыкновением продать. И как заемную сумму в платеж, так и сверх того, что явится в излишестве — записать именно. И когда заемщик явится, и сверх заемной им суммы вычтя надлежащие проценты, а затем излишние деньги отдать ему без удержания.

Вступаемые в уплату в банковые экспедиции капитальной суммы и процентные деньги за оставлением из процентов в силу состоявшегося манифеста на содержание банковых экспедиций третьей доли. Остальные две доли для доставления в Московский банк для вымена государственных ассигнаций из тех же экспедиций прислать в контору Московского банка для дворянства без замедления. А вступаемых из займа сумм в раздачу уже не производить, и вступаемые суммы стараться в силу правительствующего Сената 1767 г. мая 31 дня указа⁹³⁸ переводить, сколько можно, чрез вексели, отдавая надежным людям с надлежащей по указам предосторожностью. Если ж иногда тех денег переводом чрез вексели доставить будет не можно, в таком случае отправлять с прочей денежной казной подлежащей до Статс-конторы и других мест, не употребляя на провоз оных особливых прогонов.

⁹³⁷ В данном случае имеется в виду доверенное лицо, которому поручено погашение долга.

⁹³⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. 18. № 12900. С. 132–133.

Ежели кто на учрежденный срок должных денег или ежегодно определенных процентов в банковые экспедиции не заплатит, то в таком случае в силу правительствующего Сената 1761 г. октября 25⁹³⁹ и 1765 февраля 25⁹⁴⁰ чисел указов заложенные в банковые экспедиции имения тем экспедициям немедленно у них отписывать. И по отписке отдать в ведомство тех канцелярий, где оные состоят. А канцелярии Конфискации по отписке имений давать знать. А тем канцеляриям с отписных состоящих в ведомстве их имений велеть с живущих во оных крестьян кроме подушных денег и прочих государственных податей вместо столовых, хлебных и прочих припасов в силу вышеписанных же правительствующего Сената указов положить в денежный оброк по нижеследующему: которые крестьяне, будучи за помещиками на пашне, или денежные оброки платили меньше того числа, что с монастырских крестьян положено, с таковых равно собирать против монастырских по два рубли с души. А кои больше того оклада помещикам своим денежного оброка платили — с тех собирать по тому ж, по чему прежде помещикам своим от них платеж был. И те оброчные доходы платить тем крестьянам вместе с подушными деньгами в два срока в губернских, провинциальных и воеводских канцеляриях, не определяя к ним никаких надзирателей; но быть из них же старостам или выборным под присмотром от обид городских командиров. А с мельниц, рыбных ловель, излишней земли по сказке их и свидетельству, отдавая в наем, брать положенные оброки. А буде в тех недвижимых имениях, где есть конские и прочие помещиковые какие заводы, скот, живность и хлеб, яко уже состоящее в казённом ведомстве — оное все надлежащим порядком продать. И впредь таких вступивших в конфискацию по банковым экспедициям недвижимых имений всякие заводы, скот и прочее, яко в казённое ведомство вступившее, в продажу производить при самих тех помещиках, чье то недвижимое, или при поверенных от них; чего

939 Там же. Т. 15. № 11344. С. 801–802.

940 Там же. Т. 17. № 12337. С. 67–68.

ради прежде произведения того в продажу чинить публикации, чтоб они сами, или поверенные от них, явились к тому от публикации в месяц. А ежели в месяц никто не явится, то в продажу производить и без них. А полученные за такие продажи деньги с прочими оброчными денежными доходами отсылать в платеж имеющихся на тех заемщиках долгов с процентами в банковые экспедиции, а оным для доставления Ассигнационному банку присылать в Московский дворянский банк без замедления, наблюдая ж при том, чтоб крестьянам никакого притеснения и разорения от посланных для собирания доходов не было. И сколько тогда того оброка с них собрано будет, то из оных оброчных денег, ежели за теми заемщиками других деревень во владении не осталось, для содержания их давать десятую часть. Когда ж весь тот платеж, что заемщик был должен, и с процентами окончится, тогда те описные их недвижимые имения — им, заемщикам. А по смерти их наследникам отдавать по-прежнему в их владение для того, чтобы оставшие тех фамилий наследники вечно тех имений лишиться не могли.

При просрочке ж платежа капиталов или процентов на заложенные заводы, фабрики и дома — то со оными во всем поступать по состоявшемуся манифесту.

Кто ж будет просить из банковых экспедиций взаймы денег в силу 1754 г. о учреждении государственных дворянских банков указа, а об объявляемом в заклад имении, кое заложить хочет, объявить, что у него оное уже заложено партикулярным людям, и теми взятыми из экспедиции деньгами желает то имение выкупить, то о таковых, освидетельствовав — и ежели они подлинно объявятся, что они одному заложены, а не в разных руках — тогда таким давать взаймы деньги с процентами. Токмо при том накрепко наблюдать, когда ему данными из казны деньгами те имения выкуплены будут, то б тот, у кого те имения заложены были, на своей закладной прием тех денег подписал сам своей рукой в банковской экспедиции при присутствующих. Которую у него приняв в ту банковую экспедицию, и хранить за

печатью. И по приеме той подлинной закладной в экспедицию взяв в платеже на срок на то ж недвижимое имение обязательство и выдачу деньгам учинить. А кои одни имения явятся в двух руках в закладе — таким из экспедиции денег отнюдь не давать.

Ежели ж заемщики из банковых экспедиций пожелают заложенные в те экспедиции свои имения продать другим — в таком случае в силу состоявшегося в 1772 г. мая 14 дня на поднесенном от правительствующего Сената докладе высочайшего Ее Императорского Величества указа закладчикам и покупателям, подавая в экспедиции объявления — первым об уступке, а другим о покупке закладных в экспедиции имений совокупно объявлять. Тогда банковые экспедиции имеют давать знать о написании и совершении купчих в канцелярии — однако ж с тем, чтобы как то проданное имение осталось в казённом закладе до срока или до тех пор, покамест оное действительно выкуплено из экспедиции будет. А сроки покупателям почитать и пересрочки до настоящего платежа заемных денег делать с того времени, с которого первый закладчик занял из банковской экспедиции деньги. По прошествии ж того срока во взыскании долга, если оный заплачен не будет, поступать со обязавшимся вновь покупщиком закладного в банковых экспедициях имения на основании указа 21 октября 1761 г. — отдачей того имения в ведомство Канцелярии конфискации для взыскания сего долга из собираемых с оно-го имения доходов. А с заводами, фабриками и дворами поступать по состоявшемуся ныне манифесту. А буде кто состоящее уже за просрочкой по силе указа 1761 г. в описи имение пожелают продать, и сыщется на то покупатель — тогда о сей перекупке продавцу и покупщику объявлять свои желания в канцеляриях, где отписные имения в ведомстве состоят, с показанием цен, за какую продается закладное имение. А оным канцеляриям, ежели договорная цена такова будет, что из оной казённый долг вычесть будет можно, сообщать в канцелярии о совершении купчих и о исключении имения из-под секвестра, однако ж с тем, чтоб при совершении купчих наперед казённый долг сполна

и с процентами был внесен в Крепостную контору. А из той отдавать в канцелярии, после чего и купчую соверша, отдать, кому по законам следует. А кто из покупателей при первом объявлении пожелает за продавца деньги взнест в канцелярию. Тому не воспрещается. И по приеме оных для написания купчей сообщить уже не яко секвестрованного, но яко свободного имения, и деньги отсылать в банковые экспедиции.

В силу правительствующего Сената указов 1766 мая от 1⁹⁴¹ и 1773 марта от 19⁹⁴² и 1774 годов июля от 24 чисел о доходах собственно принадлежащих до банковых экспедиций, кроме определенных к получению во оные из других сумм, сколько оных в сборе бывает и на что оные употребляются, и затем сколько из них бывает же остатка, полугодовые, а на основании состоявшегося в 1728 г. губернской и воеводской инструкции и изданных после указов, свидетельствуя денежную казну ежемесячно, посылать в Сенат за руками всех присутствующих ведомости, расписывая именно: каких оные сборов, когда в приход вступили, куда в отпуск принадлежат, и точно ли то число налицо состоит, и сколько быть должно. А каким порядком те ведомости посылать — о том в банковые экспедиции дать из здешнего дворянского банка⁹⁴³ формы.

⁹⁴¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. 17. № 12631. С. 669–670.

⁹⁴² Там же. Т. 19. № 13962. С. 738.

⁹⁴³ Имеется в виду Московский Дворянский банк.

**Доклад генерал-прокурора Алексея Борисовича Куракина
императору Павлу I об учреждении Вспомогательного банка для
дворянства, 1797 г.**

Доклад, утвержденный Павлом I в Петербурге 18 декабря 1797 г., предварял расчеты, штат и проект устава Вспомогательного банка для дворянства и стал своего рода концепцией создания этого кредитного учреждения. В нем обосновывается необходимость создания банка и приводятся примеры успешного европейского опыта подобных учреждений. Доклад публикуется по рукописной копии, сохранившейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13 доп. Л. 3 — 7 об.). Пунктуация и орфография в тексте осовременены.

Всепресветлейшему державнейшему великому государю
императору и самодержцу всероссийскому.

От генерала-прокурора князя Куракина всеподданней-
ший доклад.

Обязан, будучи по долгу звания моего неотлогательно пе-
щись, дабы все государственные постановления имели присвоен-
ные им силу и действие и дабы наипаче свято и неукоснительно
исполнялись высочайшие Вашего императорского величества
повеления к пользе вообще государственной и к пользе частной
каждого относящиеся, усугубил я заботливость мою о высокомо-
наршей Вашего величества воле касательно неотлагательного
платежа долгов требователям оных, на дворянских фамилиях
лежащих.

Ощущая истинные пользы от источника такового зако-
на проистекающие, обратил я все мое внимание на изыскание
ближайших средств к точному и самопоспешному одного испол-
нению. Но, соображая вообще и порознь все меры, какие для
должников остались, нахожу оные в крайней нерешительности
и сугубой невозможности ко удовлетворению тех кредиторов.

Ибо хотя дворянство имеет еще в недвижимых имениях капиталы, число долгов их превосходящие, но когда государственные заимодаточные суммы в банке⁹⁴⁴ и ломбардах уже исчерпаны и в частных благонадежных руках важных пособий не обретаются — следственно остается одно токмо гибельное прибежище к алчным ростовщикам и к корыстолюбцам таковых несчастных жертв, уже ожидающим, где найдут заимщики в крайности своей не спасительное избавление, но конечное разорение и невозвратное уничтожение дворянских фамилий.

Ко отвращению такового угрожающего дворянству бедствия при подобных соображениях пришло мне на память важное и спасительное благотворение, оказанное дворянству покойным Фридрихом Вторым⁹⁴⁵, королем прусским, по завоевании Шлезии⁹⁴⁶ открытием вспомогательного банка на исправление состояния их, войной расстроенного.

Хотя нельзя сравнить случаев одного с другим, но чадолюбивое Вашего императорского величества сердце ободряет верно-подданническую мою душу несравненно высшим еще милосердием к преданному народу; и для сего образовал я мысль сию тогдашним примером, в истории заключающемся, подкрепил ее советами и зрелыми рассуждениями с опытными людьми и основал правила Вспомогательному банку для российского дворянства, в настоящих его обстоятельствах необходимому, существованию которого назначая 25 лет, правила его у сего к высочайшему Вашего императорского величества благоусмотрению поднести осмеливаюсь.

Я не распространяюсь здесь подробным описанием всей их существенности, но осмеливаюсь донести, что с учреждением сего банка не токмо избавятся дворянские роды от разорительных долгов, обеспечат потомству свое имение, получают способы к приведению в лучшее состояние хозяйства каждого.

⁹⁴⁴ Имеется в виду Государственный Заемный банк.

⁹⁴⁵ Фридрих II (1712–1786), король Пруссии в 1740–1786 годах.

⁹⁴⁶ Силезские войны между Пруссией и австрийскими Габсбургами велись в 1740–1742 и 1744–1745 годах и завершились присоединением Силезии к Пруссии.

А заимодавцы, быв обеспечены в своих капиталах, и процентами удовлетворяться станут. Но чрез установленные обороты обогатится публика взаимным доверием, падет лихва и корыстолюбие. И самый банк, ежели выдачи положить 100 миллионов [рублей], приобретя важные суммы, в состоянии будет подкрепить государственные доходы 25 миллионами, и Ссудную Воспитательных домов казну 5-ю миллионами рублей. И сверх того до 1 000 000 [рублей] Экономическую государственного Ассигнационного банка казну⁹⁴⁷, что в прилагаемой здесь таблице ясно изображено⁹⁴⁸.

К достижению таковых уважительных последствий никакой помощи от казны Вашего императорского величества просить не буду, кроме заимообразного 200 тысяч рублей на один год из государственного Ассигнационного банка отпуска, которые нужны для покупки дома и первоначальных выдач на жалованье и прочие издержки — ежели бы надобность того востребовала, и прежде возвратить их будет можно.

План такового банка заключается в том, чтоб учредить банковые билеты, которые, основав на залогах недвижимых дворянских имений, в представляемом капитале никакому сомнению не подверженных; и которые между тем, доколе капитал тот не заплатится, приносить с собой будут пять процентов тому, кто оные в руках своих иметь будет. Принявший же из банка таковые билеты заплатит оными свои долги, и, чиня ежегодные взносы малых сумм, не только нечувствительным образом их очистит, но с истечением предположительных 25-и лет получит имение свое, от ига долгов освобожденное.

Банк сей по обширности его оборотов долженствует быть снабден особенным штатом, на который новых сумм не востребуется, но употребляются оные из собственных его приобретений, каковой штат на высокомонаршее усмотрение всеподданнейше здесь представляю.

⁹⁴⁷ Имеется ввиду Экономический фонд Ассигнационного банка, предназначавшийся для покрытия возможных убытков.

⁹⁴⁸ Таблица нами опущена. — А.Б.

**Проект Н.Н. Новосильцова о создании переводного
и учетного банка, 1813 г.**

Документ, представленный на рассмотрение императора Александра I 11 (23) января 1813 г., сохранился в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 893. Л. 1–4) и представляет рукописную копию, составленную на французском языке (с оригинала). Краткое содержание документа опубликовано в многотомном издании «Внешняя политика России XIX и начала XX века»⁹⁴⁹ по книге Г. Пертца, где он был опубликован на французском языке⁹⁵⁰. Публикация выполнена строго по указанному архивному документу, его полный перевод на русский язык (выполнен М.А. Елистратовым) публикуется впервые.

PROJET DE M. DE NOVOSELZOFF

ART.1

Il sera crée pour toute l'étendue de l'Empire une banque générale de commerce dont l'administration centrale sera fixée à Saint Pétersbourg.

ART.2

Cette banque aura des comptoirs particuliers dans les villes de Moscou, Riga etc. auxquels elle délèguera les pouvoirs et les attributions nécessaires.

ART.3

La banque et les comptoirs seront constitués au compte du gouvernement et places sous garantie spéciale et immédiate de l'Etat.

ART.4

Il sera constitué entre le gouvernement et les autres puissances alliées un système fédératif de finance et de commerce dont un des objets sera de substituer au numéraire effectif dans leurs rapports commerciaux un papier valeur d'argent au titre de fin des monnaies

⁹⁴⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1-я. Т. 7. М., 1970. С. 23.
⁹⁵⁰ G.H. Pertz. Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. Bd.3. Berlin 1851. S. 635–638.

respectives. L'Empire de Russie aura pour base les Roubles d'argent au titre de 4 solotnics 21 parties d'argent pur.

ART.5

Un tableau comparatif de la valeur intrinsèque de toutes les espèces de ces puissances déterminera leur rapport au Rouble d'argent.

ART.6

La direction et les opérations de la banque ainsi que les relations avec les Puissances étrangères qui feront parler du système fédératif de commerce seront confiées à une administration composée d'un directeur général etc.

ART.7

La banque émettra des billets de commerce jusqu'à la concurrence du montant, année commune de l'exportation de toutes les denrées de l'Empire de Russie.

ART.8

Les billets de la banque de commerce seront de 50, 100, 200, 300, 500 et 1 000 Roubles valeur numéraire de 4 solotnics 21 parties argent fin de Rouble.

ART.9

Les billets seront divisés en nombre fixe de séries et chaque billet portera avec le chiffre qui désigne la série et le numéro qu'il y occupe.

ART.10

Le nombre des séries et de la quantité des numéros qui composeront chacune, seront rendus publics. Le gouvernement observera les mêmes règles si par la suite l'extension du commerce et l'accroissement de l'exportation exigeraient une addition de nouvelles séries.

ART.11

Les billets de commerce seront exclusivement applicables au paiement des droits de douane. Ils seront en outre reçus dans tout l'Empire sans aucune perte ni diminution de valeur au paiement de toutes lettres de change, lettres d'emprunt, obligation ou dettes stipulées ou monnaies d'or ou d'argent et contractées soit envers le gouvernement, soit envers les particuliers.

ART.12

Tout agio contre les espèces au détriment de ces billets de commerce est strictement et généralement défendu dans tout l'Empire. Chaque contreventions a cette loi sera comme abus et délit tendant à ébranler le crédit public puni par une amande pécuniaire égale au double de la somme su laquelle l'agio sera porte. Le produit de cette amende se divisera en deux parties dont l'une sera au profit du dénonciateur et l'autre au profit des pauvres.

ART.13

Il sera libre a tout particulier de porter à la banque de commerce de l'or et de l'argent soit en barres et lingots soit ouvre et de recevoir en change a son choix soit de l'argent monnaye soit les billets de commerce dans les mêmes proportions d'or et d'argent fin que les objets qu'il y présentera en contiendront.

ART.14

La banque recevra également contre les billets de commerce les monnaies étrangères ainsi que les papiers numéraires des Puissances étrangères appartenantes au système fédératif de commerce dans une proportion fixée au préalable en prenant pour base le tableau comparatif de la valeur intrinsèque des espèces.

ART.15

Une reprocité parfaite sera observée par ces mêmes Puissances a l'égard des billets de commerce de la banque.

ART.16

Pour favoriser le commerce, faciliter les transmissions dans l'étranger et maintenir le crédit la banque se chargera de toutes les opérations de change et de rechange. Elle se chargera de tirer et de remettre à l'étranger pour le compte des particuliers en se couvrant de telle manière qu'elle jugera convenable ; la conséquence elle admettra indirectement soit des assignations de banque au cours soit des billets de commerce valeur numéraire, soit les espèces soit de l'or et de l'argent en barres, lingots et ouvres soit enfin toutes autres valeurs qui pourront garantir ses opérations.

ART. 17

A partir de l'époque ou interviendra la loi qui constituera la banque et les billets de commerce toutes les prohibitions qui ont existé jusqu'alors au sujet de l'importation de plusieurs sortes de marchandise seront levées en faveur de celles qui appartiennent à ces Puissances. En conséquence toutes leurs productions sans aucune exception auront une entre libre et ne seront assujettis qu'à payer les droits de douane fixes par le tarif.

ART.18

La banque aura près d'elle un bureau ou comptoir d'échange ou les billets de commerce valeur numéraire soient échangées contre les assignations de banque au cours et ou les assignations de banque au cours seront échangées également contre les billets de commerce.

Sans aucune rétribution ni la moindre entrave à cet effet chaque jour le cours de l'assignation de banque sera affiche dans le comptoir.

ART.19

La banque aura en outre une chambre d'escompte.

[Перевод:]

ПРОЕКТ ГОСПОДИНА НОВОСИЛЬЦОВА

СТАТЬЯ 1

Для проведения операций на всей территории империи будет создан Главный коммерческий банк, центральное управление которого будет располагаться в Санкт-Петербурге.

СТАТЬЯ 2

Конторы банка, которые будут наделены необходимыми полномочиями, будут располагаться в Москве, Риге и других городах.

СТАТЬЯ 3

Банк и его конторы, находящиеся под непосредственной и особой гарантией государства, будут иметь статус государственных учреждений.

СТАТЬЯ 4

Между правительством и другими союзническими государствами будет образована федеративная финансовая и торговая система, одной из целей которой будет замена в торговых операциях между сторонами наличных денег векселями, стоимость которых должна быть обеспечена соответствующей звонкой монетой в серебре. В Российской империи за основу будут приняты серебряные рубли с содержанием серебра, равным 4 золотникам и 21 доле.

СТАТЬЯ 5

Для определения стоимости различных валют по отношению к серебряному рублю будет использоваться сравнительная таблица их действительной стоимости.

СТАТЬЯ 6

Ответственность за управление, осуществление банковских операций, а также поддержание взаимодействия с иностранными государствами в рамках федеративной торговой системы будет возложена на административный орган в составе генерального директора и т.д.

СТАТЬЯ 7

Банк будет осуществлять эмиссию торговых бон на сумму, покрывающую среднегодовой объем экспорта продовольственных товаров из Российской империи.

СТАТЬЯ 8

Банкноты коммерческого банка будут выпускаться номиналом 50, 100, 200, 300, 500 и 1 000 руб., обеспеченные серебряными рублями с содержанием серебра, равным 4 золотникам и 21 доле.

СТАТЬЯ 9

Банкноты будут выпускаться по определенным сериям с указанием на каждой банкноте серии и присвоенного ей номера.

СТАТЬЯ 10

Количество серий и номеров, входящих в каждую серию, будут официально опубликованы. В случае если увеличение торгового оборота и рост экспортных поставок потребуют новых серий, то правительство будет следовать ранее утвержденным правилам.

Статья 11

Торговые боны будут использоваться исключительно для оплаты таможенных пошлин. Они будут приниматься на всей территории Российской империи без потери или снижения стоимости для расчетов по переводным и простым векселям, обязательствам или долгам, выраженным в золотой или серебряной монете, по платежам с государством или с частными лицами.

Статья 12

Любой лаж при размене наличных денег на торговые боны будет строго запрещен на всей территории империи. Любое нарушение этого закона будет рассматриваться как правонарушение и злоупотребление, наносящее вред кредитной системе и наказываемое денежным штрафом, равным двойному размеру суммы, с которой был получен лаж. Доход от наложения штрафа будет разделен на две части, одна из которых должна быть выдана осведомителю, а другая — на нужды малоимущих.

Статья 13

Любому частному лицу предоставляется свободный выбор разместить в коммерческом банке золото или серебро либо в слитках, либо в брусках и готовых изделиях и получить в обмен на свой выбор либо наличные деньги, либо торговые боны на сумму стоимости золотого и серебряного содержания вклада, положенного в банк.

Статья 14

Банк также будет иметь право приобретать иностранную валюту за торговые боны, а также бумажные деньги иностранных государств, входящих в состав федеративной коммерческой системы, в заранее оговоренной пропорции, в соответствии с установленным курсом валют.

Статья 15

Иностранные державы будут обязаны следить за курсом национальной валюты по отношению к торговым бонам банка.

Статья 16

Для развития торговли, упрощения заграничных переводов и поддержания кредитной системы банк примет на себя все обменные операции. Он будет отвечать за трассирование и за выставление

векселей на иностранные города — в интересах частных лиц, покрывая свои риски приемлемым для него способом. Он будет принимать от контрагентов либо банковские ассигнации по курсу, либо торговые боны по номинальной стоимости, либо звонкую монету, либо золото и серебро в слитках, брусках и изделиях, либо, в конце концов, любые ценные предметы, которые могут гарантировать его операции.

Статья 17

С момента вступления в действие закона о банке и торговых бонах все существующие запреты на импорт различных категорий товаров будут упразднены — за исключением тех, которые установлены [союзническими] государствами. Следовательно, все их товары без каких-либо ограничений будут свободно ввозиться в страну, с взиманием лишь таможенных пошлин согласно действующему тарифу.

Статья 18

В банке будет создано обменное бюро или контора, которые будут отвечать за обмен торговых бон, обеспеченных звонкой монетой, на банковские ассигнации по курсу, а также банковских ассигнаций по курсу на торговые боны.

В связи с этим курс банковских ассигнаций должен быть официально обнародован в конторе.

Статья 19

Одновременно банк будет учитывать векселя.

Список с инструкции, данной от министра финансов полевой променной конторе, учрежденной при главной квартире господина главнокомандующего армиями директору надворному советнику Бороздину⁹⁵¹, 1813 г.

Инструкция регулировала деятельность променной конторы Ассигнационного банка, учрежденной в Калише в 1813 году для оплаты военных поставок и изъятия фальшивых ассигнаций. Копия документа сохранилась в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1409. О. 1. Д. 724. Часть 1-я. Л. 58–61). Публикуется впервые; орфография и пунктуация осовременены.

В рассуждении существующего запрещения на провоз из-за границы в пределы России государственных банковых ассигнаций Его Императорское Величество для облегчения свободного обращения тех ассигнаций в том краю, где войска наши находятся, высочайше повелеть соизволил объявить всем тамошним жителям, что желающие переводить их в Россию могут представлять их во всякое время в одну из учрежденных при армиях променную контору с объявлением, в котором из пограничных городов — в Гродне, Вильне и Риге, или же в Санкт-Петербурге — желают они получить вносимую ими сумму. Контора ж немедленно выдает предъявителю квитанцию по установленной форме в получении оной.

К исполнению сей высокомонаршей воли предписываю Вам:

1-е. Ежели кто из желающих переслать в пределы России государственные ассигнации представит оные в променную контору при объявлении, по форме здесь приложенной, то, немедленно, принять их от него на пересчет и в принятой сумме

⁹⁵¹ Александр Иванович Бороздин (1780–1859), надворный советник. Из дворян, владелец имения в Псковской губернии. С 1808 года — директор Ассигнационного банка. Первого февраля 1813 года назначен директором променной конторы в Калише, при главной квартире главнокомандующего армиями М.И. Кутузова.

выдать квитанцию сообразно форме, при сем имеющейся, с означением в ней казённой палаты того из вышеупомянутых города, в котором внесенную в контору сумму получить намерен.

2-е. Когда при приеме ассигнаций найдутся между ними фальшивые, то их оставлять в конторе и в то же время доносить о том господину главнокомандующему с означением лица, от кого поступили и на какую сумму. За оказавшиеся же настоящие выдать квитанцию.

3-е. При таковом переводе оказывающиеся фальшивые ассигнации ни в каком случае не должны быть платимы настоящими — и потому доставлять их при перечеркивании крестообразно, при номерации в правление государственного Ассигнационного банка, для хранения с подобными им, впредь до общего о них положения, донося и мне о количестве оных, и у кого и сколько их остановлено.

4-е. Из принятых настоящих ассигнаций сто- и пятидесятирублевые отправлять из конторы ко мне, в замене той суммы, какая из палат переводителям будет выдана, а прочие, как то двадцатипяти, десяти- и пятирублевые, которые имеют там свободное обращение, оставлять в конторе на мою диспозицию, для чего открыть им в книге особый счет.

5-е. По выдаче квитанции, на какую палату приноситель пожелает, уведомлять оную о том с первой почтой, с означением месяца, числа, года, под каким номером и на какую сумму та квитанция выдана.

6-е. Во избежание подлога в квитанциях прилагаемую у сего для письма оных бумагу хранить самим Вам, господину директору, секретнейшим образом, не давая понятия о ней даже и служащим в конторе чиновникам, а паче оставлять втайне означенные на оной номера; когда же понадобится изготовить на внесенную сумму квитанцию, то брать один лист по произволению Вашему и поступать с ним, как сказано в первом пункте о выдаче квитанции; и когда усмотрите, что бумаги будет недостаточно — то доносить мне (которую Вы после получите).

7-е. Внесенные для перевода суммы должны быть записаны в книге приходом — а посему прибавлять тут же в статье, что окажется, то есть насколько суммой настоящих и насколько фальшивых ассигнаций; также под каким номером выдана квитанция, — и под сей статьей брать в получении ее от приносителя расписку, которая будет удостоверением ему как в том, на какую сумму получил он из конторы квитанцию, так и в том, сколько осталось в конторе фальшивых ассигнаций, для которых сия расписка послужит очисткой, что не более внесено к ней ассигнаций, как на то число, на какое дана квитанция, и сколько действительно оставлено у ней фальшивых ассигнаций; после чего нужно уже будет приносителям требовать на сии оставленные фальшивые ассигнации особых от конторы расписок.

8-е. Когда понадобится, конторе отправлять от себя ассигнации, оставленные ей по переводам, или вступившие по обмену на основании первой инструкции, то обязаны Вы испрашивать на сие дозволение от господина главнокомандующего; и если таковая пересылка ассигнаций сделана будет через ведомство почтамта — в таком случае, во избежание между казной излишних расчетов отсылать их без платежа страхового сбора.

24 марта 1813 г.

[Примечание:] Таковая ж инструкция дана и директору полевой променной конторы, учрежденной при армии на правом фланге коллежскому советнику барону Унгерну⁹⁵².

952 Карл-Фабиан (Карл Иванович) Унгерн-Штернберг (1762–?), барон, надворный советник. Из остзейских (немецко-прибалтийских) дворян, представитель герцогского мекленбург-шверинского двора. С 1808 г. — директор Ассигнационного банка. Первого февраля 1813 года назначен директором променной конторы банка, находившейся при армии П.В. Чичагова; за труды в этой должности награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

«О банковых установлениях», часть доклада министра финансов Александра Максимовича Княжевича «Соображение о мерах к лучшему устройству банковской и денежной системы», 1859 г.

Доклад, часть которого публикуется ниже, был представлен министром финансов Александром Максимовичем Княжевичем императору Александру II в Царском Селе 20 июня 1859 года. Он был подготовлен членами комиссий по преобразованию казённых банков, в числе которых были директор Особенной канцелярии по кредитной части Юлий Андреевич Гагемейстер (председатель комиссий), будущие министры финансов Михаил Христофорович Рейтерн и Николай Христианович Бунге, а также будущий управляющий Государственным банком Евгений Иванович Ламанский. В докладе был намечен перечень мероприятий по реформированию банковской системы, который в дальнейшем получил воплощение. Экземпляра доклада, оказавшегося у Н.Х. Бунге, его ученик экономист и общественный деятель Дмитрий Иванович Пихно использовал в работе над своей магистерской диссертацией, посвященной операциям Государственного банка (в опубликованном отдельной книгой тексте диссертации помещены обширные цитаты из этого доклада)⁹⁵³.

Публикуемая часть доклада, озаглавленная авторами «О банковых установлениях», публикуется по рукописному экземпляру из собрания Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 329. Л. 41 — 46 об.). Пунктуация и орфография в тексте осовременены.

Система наших банковых установлений основывается на ложных началах. Банки принимают вклады, которые могут быть востребованы от них во всякое время по воле вкладчиков. Между тем один только Коммерческий банк раздает часть вверенных ему капиталов (до 32 млн руб.) в ссуды на краткие сроки (менее года); прочие же вклады (свыше 950 млн руб.) розданы

⁹⁵³ Пихно Д.И. Коммерческие операции Государственного банка. Киев, 1876. С. 5–7.

Каренс С.И.
30-го июня 1859 г.

Соображение о мерах к
лучшему устройству банко-
вой и денежной системы.

Банковская часть. Система наших Банковских
установлений основывается на
следующих началах:

Банки принимаются вклати, ко-
торые могут быть употребле-
ны отъ нихъ во всякое время,
по воле вкладчиковъ. Между убо
быми только Коммерческий Банкъ
раздѣляетъ часть сбереженныхъ имъ
капиталовъ (до 32^{мил.} милліонныхъ
руб.) въ ссуды на краткіе сро-
ки (мѣсяцы года); прочіе же вкл-
ды (свыше 950 милліонныхъ руб.)

в долговременные ссуды на сроки от 15 до 56 лет с постепенным возвратом весьма малыми частями⁹⁵⁴.

Как банки обязаны платить вкладчикам не только проценты на капитал, но и проценты на проценты (т[о] е[сть] сложные проценты), то при этой системе необходимо изыскивать средства к безостановочному помещению в новые обороты (и опять на долгие сроки) всех поступающих в кассы сумм — дабы не прерывать на них постоянного течения процентов.

Из этих условий само собой происходит, что (как с одной стороны — накопление вкладов, так с другой — расширение ссуд) ставит банки в одинаково затруднительное положение. Если в кассах накапливаются значительные суммы и тем упрочивается возможность возврата вкладов, то банки не выручают процентов для вкладчиков и терпят значительные убытки. Если же, напротив, банки роздали все вверенные им капиталы в ссуды, то кассы их остаются без денег и не в состоянии удовлетворить вкладчиков.

В прежнее время банки могли продолжать свое существование при слабом развитии промышленности в государстве и поддерживались постоянно искусственными мерами, которые отдаляли лишь на будущее время опасность положения банков и связанного с ними государственного кредита.

Ссуды их возрастали преимущественно посредством займов [у] Казначейства, а масса вкладов продолжала увеличиваться — особенно в последнее время — от выпуска кредитных билетов на усиление банковых касс и на непроизводительные расходы Казначейства.

С увеличением же вкладов и ссуд увеличивались только размеры обязательств банков перед вкладчиками, а степень исполнимости этих обязательств постепенно уменьшалась.

Такое положение банков, зависящее не от каких-либо случайных обстоятельств, но от самого свойства принятой системы,

⁹⁵⁴ Хотя приказам и сохранным казнам предоставлены некоторые операции краткосрочные, но они составляют по своим размерам самое ничтожное исключение. — *Примеч. авторов доклада.*

в свою очередь, весьма вредно для развития народной промышленности, ибо новые промышленные предприятия угрожают банкам усиленным востребованием вкладов — а потому правительство находится постоянно в тягостной необходимости: или жертвовать интересами кредитной нашей системы, или задерживать экономическое развитие государства.

В последние три года устройство многих акционерных компаний, и особенно Главного общества железных дорог, вызванное явной и всеми сознаваемой необходимостью, не могло не возбудить рано или поздно значительного требования вкладов из банковых установлений. Явление это действительно обнаружилось во всей силе после понижения в 1857 году банковых процентов.

С августа означенного года началось уменьшение общей суммы вкладов во всех государственных банках. Возрастая постепенно в усиливающейся прогрессии, оно весьма быстро истощило наличность касс. Перевес востребований против взносов достиг в течение 22 месяцев до 143 млн рублей, так что наличность банковых касс, составлявшая в июне 1857 года свыше 150 млн рублей, понизилась к 1-му июня 1859 года до 20-ти миллионов и с каждым днем уменьшается более и более. Эта цифра наличности касс далеко не достаточна для текущих оборотов всех банков — а в частности, некоторые кассы, особенно в столицах, где востребования случаются внезапно и в значительных суммах, истощены почти совершенно, так что Министерство финансов обратилось уже в настоящих затруднениях к запасному и последнему ресурсу.

Положение это должно с каждым днем становиться более критическим, ибо в банках остается еще свыше 700 млн рублей частных вкладов, которые могут подлежать востребованию, не считая даже разных общественных сумм. Извлечение вкладов остановиться не может, ибо многие промышленные предприятия уже начались, и собранные ими капиталы лежат пока в банках до употребления, которое должно наступить в весьма неотдаленный

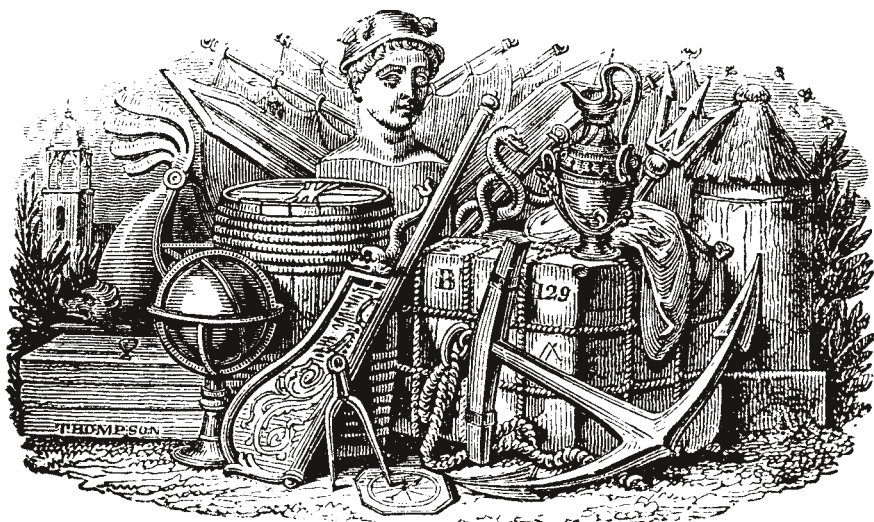
срок. Так, например, в настоящее время имеется уже в виду скорое востребование до 50 млн рублей компанейских капиталов, да сверх того может быть еще призыв новых капиталов (*appel de fond*) в компаниях, которым уже разрешен выпуск акций.

В этих обстоятельствах несостоятельность банков сделалась очевидной, и кризис для них положительно наступил. Паллиативные меры теперь недостаточны, потому что причины кризиса не скоропреходящие, но вытекают из самых оснований банковских операций, которые за прежнее время уже не могут быть изменены. Для поддержания банковских касс правительство выпустило с 1840 до 1853 года кредитных билетов до 60 млн рублей — но это средство усиливало на весьма короткое время наличность банков, а не упрочивало, как показывает опыт, их состоятельности. Выпуск кредитных билетов бросал в обращение новую массу денег, которые затем снова поступали в банки в виде вкладов и, опять переходя в ссуды на долгие сроки, усиливали лишь прежнее затруднительное положение.

Несостоятельность, неминуемо угрожающая банкам, подвергает внутренний и внешний кредит государства крайне опасному положению.

Для отвращения этой страшной по своим последствиям катастрофы нужно коренное преобразование всей системы, которая сама в себе таит корень зла и безвыходное положение.

В этих видах надлежало бы принять целый ряд мер, дабы привести: во 1[-х], к правильному отверждению огромного текущего долга (*dette flottante*), тяготеющего над банками, и [во] 2[-х], к новому устройству банков на более рациональных основаниях. К этим результатам необходимо идти, хотя постепенно, но безостановочно, хотя без насилия частных интересов, но и без лишних жертвований для казны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава I. Истоки коммерческого кредита	16
Кредит в Древней Руси и в Московском государстве.	
Купеческие и торговые ссуды	18
Кредитные операции русских монастырей	34
Вексельное обращение и попытки организации государственного кредита в первой половине XVIII века	50
Глава II. Первые казённые банки	64
«Банковые конторы для дворянства»	66
Коммерческие портовые банки	90
Медный банк	112
Глава III. Ассигнационный банк	130
Начало деятельности	132
Променные конторы	162
Проект преобразований и его судьба	176
План М.М. Сперанского	208
Русская армия и ассигнации	222
Денежная реформа Е.Ф. Канкрин и ликвидация Ассигнационного банка	244
Глава IV. Учреждения ипотечного кредита	262
Вспомогательный банк для дворянства	264
Заемный банк	282
Банковские операции сохранных казен воспитательных домов и приказов общественного призрения	316

Глава V. Банковский коммерческий кредит	344
Коммерческий банк	346
Альтернативный коммерческий кредит	410
Вместо заключения	434
Приложения	441
Статистические материалы	442
Структура казённых банков	450
Руководители казённых банков	454
Документы	477

Александр Бугров
КАЗЁННЫЕ БАНКИ в РОССИИ. 1754–1860

Подписано в печать 05.04.2017
Формат 70 × 100 / 16
Печать офсетная
Тираж 800 экз.

